

— А.К.ЛЕНИВОВ

ГАЛЕРЕЯ
КАЗАЧЬИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Часть 1

А.К.Ленивов.

ГАЛЛЕРЕЯ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Историческое исследование.

Издание
Казачье-Американского Народного Союза
Нью-Йорк, Н.И., С.Ш.А.
1968 год.

А.К.Ленивов.

ОТ АВТОРА.

С опубликованием настоящего моего труда в печати, считаю своим долгом принести мою искреннюю благодарность лицам, оказывавшим мне большую помощь в розыске необходимых мне книг, пособий и т.п., как равно и полезными советами:

1/Др.Проф.Ф.Бальботу, 2/Инж.Ф.Г.Бигдаю, 3/Др.Г.И.Дронову,
4/Инж.Г.Л.Еременко, 5/Есаулу Н.Н.Каледину, 6/Инж.С.К.Медведеву,
7/Др.Проф.И.Г.Томилову, 8/Др.Проф.Э.Цейгеру.

Отдельно приношу мою личную благодарность И.У.Качалинскому, поддержавшему материально издание настоящего труда.

А.К.Ленивов.

БИОГРАФИЯ АВТОРА.

Сотник Александр Константинович Ленивов, природный казак хутора Сулиновско-Кундрюческого, станицы Новочеркасской, Черкасского Округа, Всевеликого Войска Донского, родился 8 августа 1902 года в г.Новочеркасске.

Отец его, ген.майор К.А.Ленивов, кадровый казачий офицер, участник русско-японской войны 1904-1905 г.г.; участник Первой мировой войны 1914-1917 г.г.; участник казачьей оборонительной войны от русских коммунистов в 1917-1920 г.г. Тяжело раненый, военный инвалид, умер в эмиграции в Турции, в ноябре 1922 года.

Мать его, природная казачка хутора Котельникова, станицы Верхне-Курмоярской, 2-го Донского Округа, ВВДонского, дочь ген.майора М.Н.Никольского, который был схвачен в г.Софии/Болгария/ в 1945 году, наступавшими войсками русской коммунистической армии и вывезен в СССР. Здесь он был заключен в Лефортовскую тюрьму, под Москвой, где и был повешен одновременно с казачьими генералами: П.Н.и С.Н.Красновыми, Т.И.Домановым, германским генералом Хельмутом фон-Панвицем и др. Лидия Михайловна Ленивова/мать А.К.Л./умерла в Турции, в апреле 1958 года, где она жила в эмиграции.

А.К.Ленивов получил образование в Войсковой имени Атамана Платова классической гимназии, Атаманском военном училище и Брненском Университете/Чехословакия/.

С ранних лет А.К.Ленивов имел склонность к изучению Казачьей истории, где первыми наставниками его были: Митрофан Петрович Богаевский-преподаватель истории и географии в гимназии и полк. ген.штаба В.В.Короченцев. Состоя все время в ученическом "Историческом кружке Войсковой гимназии", А.К.Ленивов будучи еще учеником 4-го класса, делал доклады на темы из Казачьей истории. Каждое лето в 1911-1916 г.г., он бывал с ученическими экскурсиями гимназии, по историческим местам Дона, как: Азов, Таганрог, Ростов на Дону, станица Старочеркасская, хутор Недвиговский, древний греческий город Танаис, станица Елизаветинская, Хозарская крепость Саркел/станица Цымлянская/, древнее Готское поселение-казачий хутор Рыгин, станицы Каменской. На реке Волге, знаменитые Жегулевы горы, посад Дубовка и др.

Во время казачье-оборонительной войны от русских коммунистов в 1917-1920 г.г., А.К.Ленивов был в первом отряде Чернецовских партизан, будучи награжденным "Чернецовским Крестом 1917-1918 г.г." №36, участник Степного Похода с 12.2 по 5.5.1918 года. Награжден "Степным Крестом" №402, служил во втором партизанском отряде имени полк. В.М.Чернецова/Партизанский Корпус ген. М.Ф.Семилетова/, служил в 1-м Донском партизанском имени полк. В.М.Чернецова полку/Сводно-Партизанская дивизия, в составе 2-го Донского Корпуса ген. Коновалова/. В Крымский период, в 1920 году: в

Донском юнкерском полку и Атаманском военном училище. Был на острове Лемносе в 1921 году.

В эмиграции ст. Ленивов занимался все время казачьей общественно-политической работой до 1940 года вкл., избирался неоднократно хуторским и станичным Атаманом студенческих и просто казачьих организаций, много работал в Донском Войсковом Историческом Архиве в Праге Чешской, где был близко знаком с казачьими генералами историками И.Ф.Быкадоровым и Т.И.Стариковым. Во Франции в 1931-1941 г.г., трижды избирался Окружным Атаманом Вольных Казаков во Франции.

22 июня 1941 года, в день объявления войны Германией для СССР, А.К.Ленивов пошел добровольцем в германскую армию, выехав из Франции в Германию, и от июля 1942 года был в казачьих отрядах германской армии, а от 2.8.1942 года по 10.12.1944 года вкл. находился в боях на Восточном фронте. С начала января и по 28 мая 1945 года, служил в Отдельном Казачьем Корпусе Походного Атамана Казачьих Войск ген.Т.И.Доманова, в Северной Италии и в Австрии.

29 мая 1945 года был насильственно выдан англичанами из-под Лиенца в СССР, где пробыл с 12 июля 1945 года по 1.12.1958 года, в лагерях военнопленных в Зап.Сибири. Далее, решением ОСО /Особое Собрание/ был осужден к высшей мере наказания-расстрелу, с заменой 25 годами заключения в ИТЛ/исправительно трудовые лагеря/, обвиняясь по статье 58, §4, как "пособник мировой буржуазии", Уголовного Кодекса РСФСР. Всего в заключении находился 12 лет и два года на "спец-поселении"/Зап.Сибирь, Казахстан-Средняя Азия, Мордовская АССР/. Из заключения был освобожден на основании общей амнистии 1956 года, для участников Второй мировой войны. В Свободный Мир прибыл в январе 1959 года и проживает постоянно в Западной Германии.

Во время участия в войнах, был три раза ранен и один раз контужен, имеет казачьи и германские боевые награды.

А.К.Ленивов является Делегатом VII Верховного Казачьего Круга КНОДа за Рубежом и постоянным сотрудником журнала "Казачья Жизнь", в продолжении последних восьми с лишним лет.

А.К.Ленивов принадлежит к старинному казачьему роду Ленивовых на Дону, предки которого были уже известны во время войны Донских казаков с турками за Азов, в период 1637-1642 г.г./известный казачий разведчик Петр Ленивов/, согласно исторических актов того времени. Громким в Казачьей истории является "Дело сотника Семена Матвеевича Ленивова, Начальника Казачьего Повытья в Войсковом городе Черкасске", в 1800 году, подвергнутого казни на Лобном месте, в Старочеркасском городке, по приказу российского императора Павла 1-го.

В период 1926-1945 г.г. и 1959-1968 г.г., А.К.Ленивов сотрудничал в казачьих журналах и газетах: "Казачий Сполох", "Путь Казачества", "Вольное Казачество", "Ковыльные Волны", "За Казачье Имя", "Казачья Воля", "Казак", "Казачье Единство", "На Заре", "Казачий Вестник", "Казачья Земля", "Казачий Журнал", "Казачья Жизнь" и др. Всего ст.Ленивовым написано и опубликовано в печати около 300 исторических очерков и исследований по Казачьей истории, некоторые переведены на иностранные языки:

1/А.К.Ленивов: "Исторические места на Дону"./Исторический очерк/. Жур. "Вольное Казачество" №68, Прага Чешская, 10.11.1930.

2/А.К.Ленивов: "Азовское Казачье Войско"./Исторический очерк/. Жур. "Вольное Казачество" №72, Прага Чешская, 10.1.1931.

3/А.К.Ленивов: "Историческая справка о Калмыцком, Башкирском, Енисейском и Красноярском Казачьих Войсках, возникших в период

1917-1920 г.г. Там же, №74.

4/А.К. Ленивов: "Хронологический указатель событий Степного Похода. 12.2 по 5.5.1918 года". Там же, №75.

5/А.К. Ленивов: "Персидский бунт Черноморских казаков". /Исторический очерк/. Там же, №79.

6/А.К. Ленивов: "Задунайская Сечь". /Исторический очерк/. Там же, №82.

7/А.К. Ленивов: "Этапы развития самостоятельности на Дону в 1917-1918 г.г. и Основные Законы Всевеликого Войска Донского". /Исторический очерк/. Там же, №83.

8/А.К. Ленивов: "Аграханские казаки". /Исторический очерк/. Там же, №84-85.

9/А.К. Ленивов: "Исторические судьбы Казачества". /Исторический очерк/. Там же, №88-91.

10/А.К. Ленивов: "Атаман Ермак Тимофеевич". /Исторический очерк/. Там же, №92-93.

11/А.К. Ленивов: "Казачье печатное слово за границей/1919-1931 г.г./". /Историко-библиографический очерк/. Там же, №94.

12/А.К. Ленивов: "Организация вооруженных сил Отряда Вольных Донских казаков и большевиков в Степном Походе/12.2. по 5.5.1918 год/". Там же, №99.

13/А.К. Ленивов: "К истории образования Калмыцкого Казачьего Войска в 1917 году". /Историческая справка/. Там же, №106.

14/А.К. Ленивов: "Великое Войско Кубанское". /Исторический очерк/. Там же, №110-112.

15/А.К. Ленивов: "Яицкие казаки". /Исторический очерк/. Там же, №113-114.

16/А.К. Ленивов: "Первые казачьи самостоятники". /Исторический очерк/. Там же, №118.

17/А.К. Ленивов: "Взаимоотношения Походного Атамана и командования Добровольческой армии". /К 15-летней годовщине Степного Похода/. Там же, №124.

18/А.К. Ленивов: "Терское Войско". /Исторический очерк/. Там же, №128-129.

19/А.К. Ленивов: "Донские калмыки". /Исторический очерк/. Там же, №130.

20/А.К. Ленивов: "Знаменитый мореплыватель казак Семен Дежнев". /Исторический очерк/. Там же, №132-133.

21/А.К. Ленивов: "Енисейские казаки". /Исторический очерк/. Там же, №142.

22/А.К. Ленивов: "Материалы по истории Степного Похода. Отход партизан за реку Дон". Там же, №153.

23/А.К. Ленивов: "Материалы по истории Степного Похода. Стоянка Отряда Вольных Донских казаков в станице Великокняжеской". Там же, №161.

24/А.К. Ленивов: "Расстрел Войскового Круга Яицкого Войска в 1766 году". /Исторический очерк/. Там же, №167.

25/А.К. Ленивов: "Донской историк Евлампий Котельников". Там же, №168.

26/А.К. Ленивов: "К выборам Атамана". /Историческая справка о казачьем происхождении графа М.Н. Граббе, бывшего Наказного Атамана Донского Войска/. Там же, №171.

27/А.К. Ленивов: "Кровавые события в Яицком Войске в 1772 году". /Исторический очерк/. Там же, №172.

28/А.К. Ленивов: "Донской Музей и Донской Архив". /Исторический очерк/. Там же, №173.

29/А.К. Ленивов: "Расправа с Уральскими казаками в 1874-1883 г.г.". /Исторический очерк/. Там же, №176.

- 30/А.К.Ленивов: "Наказный Атаман ген.М.Н.Граббе" ./Исторический очерк/. Там же, №185.
- 31/А.К.Ленивов: "Чумная эпидемия в станице Ветлянинской/Астр. К.В./ в 1878-1879 годах". Там же, №187.
- 32/А.К.Ленивов: "Недавнее прошлое" ./Исторический очерк о расказаченных казаках Ставрополя и Черноморской губернии/. Там же, №196.
- 33/А.К.Ленивов: "Казачьи отцы и дети" ./Исторический очерк/. Там же, №200.
- 34/А.К.Ленивов: "Черноморские партизаны в бою у станции Заповедная, 26 января 1918 года" ./Исторический очерк/. Там же, №214.
- 35/А.К.Ленивов: "Астраханский Войсковой Атаман ген.И.А.Бирюков и председатель Уральского Войскового Правительства Г.М.Фомичев" ./Исторический очерк/. Там же, №217.
- 36/А.К.Ленивов: "Азов" ./К 2375-летнему юбилею со дня его основания/. Там же, №221.
- 37/А.К.Ленивов: "Борьба за Азов" ./Исторический очерк/. Там же, №223.
- 38/А.К.Ленивов: "Казачья нефть" ./Исторический очерк/. Там же, №№243-244.
- 39/А.К.Ленивов: "Казачьи минеральные источники и климатолечебные станции" ./Исторический очерк/. Там же, №№251-252.
- 40/А.К.Ленивов: "Казачье коневодство и коннозаводство" ./Исторический очерк/. Там же, №№254-255.
- 41/А.К.Ленивов: "Богатства Казачьих Земель. Фауна-птицы и звери" ./Исторический очерк/. Там же, №257.
- 42/А.К.Ленивов: "Богатства Казачьих Земель. Горные ископаемые". Там же, №258.
- 43/А.К.Ленивов: "Богатства Казачьих Земель. Виноградарство и виноделие". Там же, №260.
- 44/А.К.Ленивов: "Богатства Казачьих Земель. Казачья Ривьера". Там же, №262.
- 45/А.К.Ленивов: "Соляные месторождения" ./Богатства Казачьих Земель-исторический очерк/. Там же, №263.
- 46/А.К.Ленивов: "Богатства Казачьих Земель. Животноводство". Там же, №№264-265.
- 47/А.К.Ленивов: "Богатства Казачьих Земель. Лекарственные и технические растения". Там же, №266-267.
- 48/А.К.Ленивов: "Богатства Казачьих Земель. Угольные месторождения". Там же, №270.
- 49/А.К.Ленивов: "Назаровские дни" ./Исторический очерк/. "Казачий журнал" №6. Париж. 1930 год.
- 50/А.К.Ленивов: "Донской казак И.В.Турчанинов/Турчин/, Американский национальный герой" ./Историческое исследование/. Журнал "Казачья Жизнь" №118, Провиденс, Р.А., С.Ш.А.
- 51/А.К.Ленивов: "Донская Конституция 1918 года" ./Историческая справка/. Там же, №123.
- 52/А.К.Ленивов: "Ростовское восстание русских коммунистов 26 ноября-2 декабря 1917 года" ./Исторический очерк/. Там же, №125.
- 53/А.К.Ленивов: "Кубанская Конституция 1918 года" ./Историческая справка/. Там же, №125.
- 54/А.К.Ленивов: "Терская Конституция 1919 года" ./Историческая справка/. Там же, №127.
- 55/А.К.Ленивов: "Конституция Казачьего Союзного Государства Дона, Кубани и Терека в 1920 году" ./Историческая справка/. Там же, №№128-129.

- 56/А.К.Ленинов: "Конституция-Декларация Донского Войска 1942 года"./Историческая справка/.Там же,№130.
- 57/А.К.Ленинов: "Ответ Г.Чеботареву на статью"Казакия"и Лев Добрянский".Там же:№№№132-135,137,140-142.
- 58/А.К.Ленинов: "Казачий писатель С.И.Гусев-Оренбургский". Там же,№132.
- 59/А.К.Ленинов: "Казачий писатель А.А.Леонов".Там же,№133.
- 60/А.К.Ленинов: "Казачий писатель Александр Васильевич Туроверов".Там же,№134.
- 61/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели Ф.Д.Крюков и А.Г.Попов". Там же,№135.
- 62/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели И.И.Краснов и И.И.Железнов". Там же,№136.
- 63/А.К.Ленинов: "Временный Донской Войсковой Атаман войсковой старшина Е.А.Волошинов".Там же,№137.
- 64/А.К.Ленинов: "Казачий писатель К.Н.Калачев".Там же,№137.
- 65/А.К.Ленинов: "Казачий писатель Е.Котельников".Там же,№138.
- 66/А.К.Ленинов: "Казачий писатель Я.Г.Кухаренко".Там же,№139.
- 67/А.К.Ленинов: "Казачий писатель С.В.Болдырев".Там же,№140.
- 68/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели Н.И.Краснов и А.А.Карасев". Там же,№141.
- 69/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели Я.И.Ребров и И.И.Дмитренко". Там же,№142.
- 70/А.К.Ленинов: "Казачий писатель И.Ф.Быкадоров".Там же,№143.
- 71/А.К.Ленинов: "Донской писатель Роман Петрович Кумов".Там же,№144.
- 72/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели И.А.Бирюков и М.И.Греков". Там же,№145.
- 73/А.К.Ленинов: "Мнение иностранца о казаках".Там же,№№145-146
- 74/А.К.Ленинов: "Казачий писатель Х.И.Попов".Там же,№146.
- 75/А.К.Ленинов: "Казачий писатель П.Ф.Крюков".Там же,№147.
- 76/А.К.Ленинов: "Казачий писатель М.А.Караулов".Там же,№148.
- 77/А.К.Ленинов: "Казачий писатель П.Н.Краснов:".Там же,№150.
- 78/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели А.Н.Краснов и И.А.Родионов". Там же,№151.
- 79/А.К.Ленинов: "Казачий писатель Ф.А.Щербина".Там же,№152.
- 80/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели А.С.Платов,С.Г.Сватиков и И.С.Сиротинин".Там же,№154.
- 81/А.К.Ленинов: "Казачий писатель И.С.Поляков".Там же,№155.
- 82/А.К.Ленинов: "Казачий писатель А.Е.Пивень".Там же,№156.
- 83/А.К.Ленинов: "Казачий историк ген.И.Н.Коноводов".Там же, №157.
- 84/А.К.Ленинов: "Донской Войсковой Атаман ген.от кавалерии граф М.И.Платов"./Историческое исследование/.Там же,№158.
- 85/А.К.Ленинов: "Поход Донских казаков на Индию в 1801 году"./Историческое исследование/.Там же,№159.
- 86/А.К.Ленинов: "Казачий писатель А.В.Попов".Там же,№159.
- 87/А.К.Ленинов: "Донской казак Атаман Степан Тимофеевич Разин"./Исторический очерк/.Там же,№160.
- 88/А.К.Ленинов: "Казачий писатель В.С.Толстов".Там же,№160.
- 89/А.К.Ленинов: "Донской казак Е.И.Пугачев"./Исторический очерк/.Там же,№161.
- 90/А.К.Ленинов: "Казачьи писатели Г.И.Плахов и К.Н.Калачев". Там же,№161.
- 91/А.К.Ленинов: "Донской Войсковой Собор в Новочеркасске"./Исторический очерк/.Там же,№162.
- 92/А.К.Ленинов: "Восстание Донских казаков против российского

- правительства в 1792-1793 г.г."/Исторический очерк/.Журнал "Казачья Жизнь"№162.Провиденс,Р.А.,США.Август 1966 год.
- 93/А.К.Ленивов:"Казачий писатель К.К.Поляков".Там же,№162.
- 94/А.К.Ленивов:"Донские казаки и турки в борьбе за Азов"./Исторический очерк/.Там же,№163.
- 95/А.К.Ленивов:"Казачий писатель А.П.Хорошкин".Там же,№163.
- 96/А.К.Ленивов:"Казачьи Святыни"/Историческое исследование/. Там же,№164.
- 97/А.К.Ленивов:"Казачий писатель Г.Н.Потанин".Там же,№164.
- 98/А.К.Ленивов:"Поход Донских казаков на Индию в 1801 году"./Дополнение к историческому исследованию,см.жур.№159/.Там же, №165.
- 99/А.К.Ленивов:"Казачий писатель И.М.Назаров".Там же,№165.
- 100/А.К.Ленивов:"Казачьи писатели С.Н.Номикосов и А.П.Квитка".Там же,№166.
- 101/А.К.Ленивов:"Казнь лейб-гвардии Казачьего полка полковников Евграфа и Петра Грузиновых,в Войсковом городе Черкасске на Дону в 1800 году./Историческое исследование/.Там же,№166-168.
- 102/А.К.Ленивов:"Песни Чернецовских партизан"/Исторический очерк/.Там же,№168.
- 103/Вера Петровна и Александр Константинович Ленивовы:"Славной памяти Донского генерала Коноводова".Там же,№168.
- 104/А.К.Ленивов:"Казачьи писатели:Г.Е.Скалозуб и А.И.Крылов". Там же,№168.
- 105/А.К.Ленивов:"Степной Поход/12.2.по 5.5.1918 года/.Бой на Курячьей балке".Там же,№168.
- 106/А.К.Ленивов:"Казачьи писатели:А.П.Попов,М.С.Себряков и А.И.Косоротов".Там же,№169.
- 107/А.К.Ленивов:"К истории развития народного образования в Казачьих Войсках в XVII-XX столетиях"/Исторический очерк/. Там же,№170.
- 108/А.К.Ленивов:"Казачьи писатели.В.В.Богачев,П.П.Короленко, Л.В.Македонов,А.М.Греков,И.Г.Акулин и К.Г.Греков".Там же,№170.
- 109/А.К.Ленивов:"Донской казак Александр Землянухин"/Исторический очерк/.Там же,№171.
- 110/А.К.Ленивов:"К 22-й годовщине"Казачьего Лиенца".В Грацкой тюрьме"/Исторический очерк/.Там же,№172.
- 111/А.К.Ленивов:"Конный рейд сотника В.Д.Гамалия к берегам р.р.Тигра и Евфрата./Исторический очерк/.Там же,№172.
- 112/А.К.Ленивов:"Казачий писатель Я.П.Бакланов".Там же,№172-174.
- 113/А.К.Ленивов:"Мы не воры,не плуты,не разбойнички,мы,Уральские казаки,рыболовщички"/Исторический очерк/.Там же,№173.
- 114/А.К.Ленивов:"Подавление Донскими казаками русского коммунистического восстания в Петрограде 3-5 июля 1917 года"./Исторический очерк/.Там же,№174.
- 115/А.К.Ленивов:"1917-1967 г.г.Историческая мемориальная записка пятидесяти последних лет Казачьей истории новейшего времени и существования Закона 86-90"О поработенных Нациях"/с включением КАЗАКИИ/,принятого единогласно Конгрессом и Сенатом США в 1959 году".Там же,№174-175.
- 116/А.К.Ленивов:"Боевое напряжение казачьих вооруженных сил и военные подвиги казаков в эпоху Первой мировой войны 1914-1917 г.г."Там же,№176-184 и печается далее.
- 117/А.К.Ленивов:"Казачий писатель А.К.Денисов".Там же,№176-177.

- 118/А.К.Ленивов: "Бессмертный казачий герой Козьма Крючков". /Историческое исследование/. Там же, №№176-178.
- 119/А.К.Ленивов: "Казачий писатель М.И.Гаврилов". Там же, №178.
- 120/А.К.Ленивов: "Казачьи писатели: В.В.Добрынин и П.П.Короленко". Там же, №179.
- 121/А.К.Ленивов: "Знаменитый казачий партизан эпохи 1917-1918 годов, полковник Василий Михайлович Чернецов". /Историческая биография/. Там же, №№179-182.
- 122/А.К.Ленивов: "Казачий писатель Н.Н.Туроверов". Там же, №180
- 123/А.К.Ленивов: "Казачий писатель Н.Н.Евсеев". Там же, №181.
- 124/А.К.Ленивов: "Казачий историк В.Д.Сухоруков". /Историческое исследование/. Там же, №№182-183.
- 125/А.К.Ленивов: "Казачьи писатели: И.Т.Кострюков и Н.В.Альникин". Там же, №182.

126/А.К.Ленивов: "Летопись бытия, славы, величия и печали Казачьего Народа". /Историческое исследование. Опыт изучения полной казачьей библиографии/. Там же, №№145-157, №№159-184 и печатается далее.

127/А.К.Ленивов: "Казачий песенный фольклор". /Историческое исследование/. Там же, №№152-157, №№159-182 и печатается далее.

В виду того, что перечисление всех исторических трудов ст. Ленивова, занимает большое число страниц, отметим, что остальные исторические очерки и исследования, как равно и публицистические статьи с историческим содержанием, в общем числе до 300 отдельных монографий, были напечатаны в период 1926-1945 г.г. и 1959-1968 г.г., во всех вышеотмеченных казачьих журналах, газетах и сборниках, вышедших за границей.

Отдельно были изданы два больших капитальных труда:

1/А.К.Ленивов: "Материалы по Казачьей Истории". /Исторические исследования/, 229 страниц, 1 портрет и 11 исторических фотостатов. Издание Казачье-Американского Народного Союза. Нью-Йорк, Н.Й., С.Ш.А. 1967 год.

2/А.К.Ленивов: "Галерея Казачьих Писателей". /Исторические исследования/. 354 страниц, 28 фото-портретов. Издание Казачье-Американского Народного Союза. Нью-Йорк, Н.Й., С.Ш.А. 1968 год.

В этом труде помещены, кроме уже напечатанных 68 исторических исследований-очерков о 68 казачьих писателях, напечатаны новые более 130 исторических исследований о казачьих писателях еще не появлявшихся в печати.

Заканчивая биографический обзор жизненного пути казачьего историка А.К.Ленивова, остается отметить, что все написанные им исторические труды, будучи изданными отдельными книгами, составили бы 12 томов, каждый от 300 до 400 страниц, имея обоснованием многие сотни исторических документаций и трудов многочисленных историков, ученых и писателей эпох XV-XX столетий.

г.Трентон, Н.Дж.
С.Ш.А.

Н.Н.Каледин.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

КАЗАЧЬЯ ЛИТЕРАТУРА.

Разбирая детально вопрос истории развития казачьей литературы не только в настоящем, но и в прошлом времени, видим, что в развитии казачьей художественной литературы сыграло важнейшую роль казачье устное поэтическое народное творчество, иначе говоря, казачий песенный фольклор. Последний является, вне всякого сомнения, наиболее важной составной частью казачьей национальной культуры.

В силу установившихся вековых традиций в казачьей среде, казачья устная народная поэзия была всегда питающим ресурсом, создававшейся казачьей литературы. Подобно, уже в начале XIX столетия, стало намечаться и далее уже развиваться и совершенствоваться единство двух казачьих традиций, именно: народно-поэтической и литературной. В конце концов, развитие и утверждение этих положений, способствовали интенсивно созданию определенной закономерности, нахождению благоприятствующих условий, как и вообще выявлению надлежащих факторов, призванных жизнью сыграть решающую роль в формировании и развитии казачьей литературы.

Разбирая критически переходящие моменты развития и совершенствования казачьей литературы, можно сделать вывод, что казачьи исторические песни, конечно, представляют собой один из наиболее значительных разделов казачьей народной поэзии. Казачьи исторические песни складывались во времени в определенном историческом процессе, выявившись, как казачьи народные песни, образовавшие законченную поэтическую традицию. Вот, отсюда и ведут истоки зачатков казачьей литературной поэзии.

Но, исследуя вопрос о историческом содержании казачьих исторических песен, следует признать, что такое содержание не просто только тема, имеющая в каждом определенном случае, определяющий идейно-эстетический элемент и принцип. В подавляющем большинстве случаев, предмет казачьих исторических песен, является политическая история Казачьего Народа.

В итоге суждения о принципе художественно-исторической эстетичности казачьего песенного фольклора, по циклу казачьих исторических песен, надо принять в расчет, что последние возникали в казачьей среде, не как произведения прошлого времени, а исключительно, как отражение современной переживаемой эпохи казачьей истории.

Сделав подобные предпосылки, можно делать отсюда и известные заключительные выводы, что до известной поры, до определенного времени, казачье устное народное творчество представляло собой, т. наз. устную литературу, которая дошла в полной сохранности до наших дней.

Но коль скоро казаки, в общей своей массе, стали познавать культуру, в силу своего постоянного участия в различных войнах, не только на востоке, но и на западе, среди казаков началось массовое движение в сторону познания и восприятия культуры, в одном из главнейших проявлений—создании и развитии народного просвещения в казачьей среде.

Каков же был культурный уровень казачьей массы, казачьего общества в его целом, скажем, сто с лишним лет тому назад? Необходимые ответы дает детальное изучение казачьей истории.

"Улицы не освещаются. По добровольной подписке устроено 100 фонарей, которые не зажигаются. На содержание улиц и площадей

внимания не обращается", говорится в официальном отчете Ростовской на Дону городской управы за 1863 год.

Не иначе обстояло дело и в Донской столице г.Новочеркасске, в том же 1863 году, ибо станичный сбор казаков Новочеркасской станицы вынес чрезвычайное постановление: "Скрыть вновь построенную жел.дорогу и удалить ее от города Новочеркаска, так как она стесняет город Новочеркасск, мешает проезду к реке Аксай, затрудняет выгон скота на пастбища."

Кто же был виноват в подобной культурной отсталости казачьей массы? Только-ли одни казаки, которых русское общество того времени, считало невежами в культурном отношении.

И надо Правде Казачьей смотреть смело в глаза и говорить подлинную историческую правду. Известно, что одним из мерил культуры, является грамотность людей. К началу XIX столетия, грамотность казаков была редким явлением.

В Уральском Казачьем Войске, казаки учились грамоте лишь от раскольниковых начетчиков, но и в Донском Войске дело с грамотностью стояло не на особенно большой высоте. Документы того времени говорят: "В Черкасске у дьячка Осипа Пахомова учились азбуке 4 мальчика и 2 девочки, Часослову-9 мальчиков, Псалтырю-4 мальчика, у казачьей дочери Лукерьи Пышкиной обучались азбуке, Часовнику и Псалтырю 12 мальчиков и 2 девочки, у пономаря Никодая Попова "часовников" 7, "азбуков"-2."

Кто был виноват в том, что первое учебное заведение на Дону: Главное народное училище, было открыто в Войсковом городе Черкасске, лишь в 1790 году? Через 14 лет, лишь по инициативе малограмотного Войскового Атамана М.И.Платова, и притом же, на базе существования уставов для гимназий и училищ, последовало открытие Войсковой мужской классической гимназии, в Донской столице г.Новочеркасске, как Окружных и приходских училищ в Окружных станицах, вообще в Казачьих Войсках. На Дону в 1805 году, в этих Окружных и приходских училищах обучалось 462 учеников/мальчиков и девочек/.

Яснее ясного, что при таком положении, в казачьей массе не могло быть даже и речи о культивизации казачьей художественной литературы, ибо грамотных людей полностью, можно было "посчитать по пальцам".

Дабы современные казаки могли полностью усвоить истоки зачатков казачьей литературы, я должен сделать ссылки на автобиографические данные прославленных казачьих военачальников и одних из первых, во времени, известных казачьих писателей:

1/"Сын Петра Денисовича Денисова-Федор Петрович Денисов, впоследствии был генералом от кавалерии и заслужил графское достоинство. Почему описывая Денисову фамилию, считаю долгом упомянуть и о нем, под именем графа Денисова. Он был воспитан родителем в станице Пятиизбянской и научен несколько грамоте, как то: читать Часовник и Псалтырь и писать сообразно сказанному учению, что тогда полагалось за вышнее учение, особо ежели, кто мог петь в церкви Божией на клиросе и читать Апостол, но ему внушали, что он должен отличаться храбростью и военными действиями. На восемнадцатом году, он женился, после того был записан в число отличных казаков и причислен в Атаманский полк, как отличный полк"./"Записки Донского Атамана Денисова. 1763-1841 г.г."

"Русская Старина"./Ежемесячное историческое издание/. Том 10/.
Чрезвычайный интерес для нас-современных казаков, представляет из,яснение прославленного казачьего боевого генерала и одного из первых, во времени, казачьих писателей Андрияна Карпови-

ча Денисова, когда он пишет о самом себе, в следующих словах:

"Я родился, как в начале истории сей видно, в Пятиизбянской станице в 1763 году. По седьмому году, был перевезен в Нижнюю Чирскую станицу, в которой с родителями моими/его отец генерал-майор Донского Войска Карп Петрович Денисов, кавалер ордена Св. Анны 1-й степени и родной брат графа Федора Карповича Денисова, о котором шла речь выше, прим. наше/и остался навсегда. Меня еще в прежней станице начали учить азбуке, после Часовнику и Псалтырю: но не выуча сего последнего, а посему писать еще и не начинал, как на двенадцатом году, отцом моим, по случаю с полком похода, взят был в Петербург. Малый успех в моем учении, не знаю к чему приписать, но помню, что в это время жизни моей, страдал близ четырех годов сильною лихорадкой и долго не имел полного здоровья.

Мы выступили в поход с Дона осенью и захватили часть зимы: холода были жестокие, но мне велено было ехать на лошади верхом, и я до С. Петербурга на сем экипаже достиг. Следуя к С. Петербургу, начал в полковой канцелярии учиться писать под смотрением благоразумного офицера, что ныне генерал-майор Черевков. По прибытии в С. Петербург, по нескольким месяцах, был отдан в Невский монастырь, к учителю/который в семинарии учил не помню чему/, чтобы он обучал меня немецкому языку и по российски: у которого в доме я пробыл небольшое время, был взят и отдан в пансион, бывший на Садовой улице, в доме г. Турчанинова, к учителю Иосифу Жоли, где я пробыл, как могу припомнить, с небольшим год. По вспыльчивости характера учителя и по совету приятелей моего отца, переведен в такой же пансион, находящийся на Петербургской стороне, к содержателю оного господину Масону, где я также с год или несколько более учился. И весьма благодарным остаюсь сему почтенному наставнику: его мудрые внушения остались в моей памяти вечно. Тут я много успел в арифметике и пройдя кубы и квадраты, просил у родителя моего позволения начать геометрию, на что сказал мой отец, как он не знает сей науки, то спросит приятелей своих. После сего, я вскоре был взят из пансиона и остался при отце моем, научась несколько французскому языку и не более, как переводил вакабулы, главные части географии, вкратце Священную историю, умел изрядно читать и писать по русски, а по французски не более, как писать с копировки, и читать не умея... я был уже произведен в чин поручика, за который князя Потемкина благодарил письмом по французски, мною самим писанным.

Родитель мой взяв меня из пансиона, не переставал иметь попечение о моем образовании, не отлучая меня с глаз своих и наблюдал, дабы я занимался всегда чтением книг и писанием. Но к несчастью, не знавши наук и не имея собственной библиотеки, находил книги через офицеров своих, по городу С. Петербургу, с командами стоявших: а сии, меньше того разумея достоинство книг, присылали мне большею частью романы, наполненные негодными прелестями, которые тем охотнее читал я. Но хорошая жизнь отца моего, с благородною строгостию и истинное Богопочитание, были весьма полезны мне и веселили сердце мое сии правила столь крепко, что оные остались всегда законом моим... Я всегда должен был появляться с моим отцом к его начальникам и во дворце, и очень редко в театре: других же собраний я вовсе не видел".

2/В своем автобиографическом очерке, прославленный казачий военный герой генерал-лейтенант Я. П. Бакланов, ставший также известным казачьим писателем, рисует свое раннее детство в следующих словах: "Я родился в 1809 году от бедных родителей и был

единственным сыном. Отец мой поступил на службу казаком, дослужился до чина полковника: он находился постоянно в полку, поэтому не мог заботиться о моем воспитании. Мать женщина простая, без средств, мало думала об обучении меня грамоте, но родная моя бабушка в один прекрасный день объявила мне, что я должен поступить учиться грамоте к Кудиновне, грамотной старухе, принимавшей детей к себе в школу.

У нее года два, по церковной азбучке, зубрил аз-ангел-ангельский-архангел-архангельский, от нея переведен был к приходскому пономарю, учил наизусть Часовник, затем переведен к дьячку, где проходил Псалтырь".

Природные дарования Я. П. Бакланова начали развиваться у него в раннем возрасте, что проявилось в том, что он овладел грамотностью полностью и считался очень образованным человеком в казачьей среде, на что указывает сам: "В 1816 году, отец в чине есаула, возвратился из Отечественной войны, а в 1817 году был наряжен в полк Горбикова: взял меня с собой.

По прибытии на место служения, я был поручен для дальнейшей науки грамоте сотенному писарю: через год перешел к полковому писарю.

С 1823 по 1825 год, жил в доме, занимался хозяйством, пахал землю, косил сено и пас домашних животных, а о грамоте моей не было и речи. Отец, сам мало грамотный, не считал нужным проверить мои знания, а был убежден, что сын пройдя такие знаменитые заведения, под руководством вышесказанных знатоков, был даже читать и писать. На деле же выходило иначе, я не мог подписать своей фамилии, а книги читал с величайшим трудом, что вышло оттого, что мои наставники-писаря мало занимались мною, а у меня не было охоты к учению и я по целым ночам вертелся в казармах, среди казаков и с жадностью слушал рассказы об отвагах наших предков по Азовскому и Черному морях, об Азовском Сиденьи, и о разных эпизодах в последующие войны новыми поколениями оказанных, и под гармонию нередко засыпал сладким сном.

В 1825 году, отец в полку Попова, был командирован в Крым: взял меня с собой, с зачислением в комплект полка. Будучи произведен в урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотне, следовало мне при утреннем рапорте писать рапорты и подписывать их, но я не мог исполнить ни того, ни другого. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца.

По прибытии в Крым, он первым долгом считал отправиться в город Феодосию, где было уездное училище, и бывшему смотрителю этого заведения Федору Филипповичу Бурдунову, отдал меня пообучаться за условленную цену. Благодаря этому честнейшему человеку, в продолжение года бытности у него, прошел я всю премудрость, которой обучают в уездном училище и был первым из учеников: быть может я бы долго пробыл у Бурдунова, но мать оставшаяся дома одна, в письмах своих настоятельно требовала, чтобы отец мой приехал в отпуск со мной и женил бы меня.

Отец исполнил ее просьбу, а вместе с женьбой прекратилось мое дальнейшее ученье". /Я. П. Бакланов: "Моя боевая жизнь"/. "Записки Войска Донского генерала-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, написанные его собственною рукою"/. "Русская Старина". /Ежемесячное историческое издание/. Том 3, стр. 1-2. С. Петербург. 1871 год/.

Что же представляло собой полученное образование Я. П. Баклановым, невольно напрашивается вопрос? Окончив уездное училище, получил образование равное курсу прогимназий/в каковые были

преобразованы впоследствии эти уездные училища, иначе говоря — четыре класса гимназий того времени. Полученное Я. П. Баклановым образование открыло перед ним дорогу в жизни и он получил возможность стать казачьим офицером.

Не говоря много по поводу состояния казачьего народного просвещения и грамотности на переломе XVIII и XIX столетий, вполне будет уместным и логичным сделать вывод, что при отсутствии вполне грамотных людей в казачьей массе, не могло быть никакой речи о совершенствовании и развитии казачьей художественной литературы в полном смысле этого понятия.

Приведенные выше исторические примеры отсутствия должной культурности среди казаков даже половины XIX столетия, не говоря уже о примерах с казачьими писателями генералами А. К. Денисовым и Я. П. Баклановым, свидетельствовали однако отрицательно отнюдь не в сторону казаков, а наоборот в сторону русского правительства, задерживавшего искусственно насаждение и развитие культурности в казачьей массе того времени.

Вполне естественно, что в то время не могло быть вообще никакой речи о появлении и выдвигании не только плеяды, но даже и единичных представителей в виде казачьих литераторов.

Как следствие, и как результат известной руссифицирующей политики российской имперской власти, пропитанной централизаторскими устремлениями, пытались было создавать "Казачью литературу", т. наз. казакофильские элементы из среды русских литераторов, историков, ученых и др.

В момент времени, когда Казачья литература входила всего лишь в стадию своего зачаточного начала развития... но далеко еще не совершенствования, казаками стали весьма сильно интересоваться многие выдающиеся русские поэты, писатели, историки и даже... политики, строившие свои планы в отношении казаков.

Казачье письменное слово отсутствовало, Казачьей литературы не было, казачьи писатели, поэты, литераторы, если и были в ту пору, то считались единицами.

Казачье народное творчество искажалось, подвергалось утрировке, казачья кантовка народных песен подменялась и в уста казаков вкладывались чужие слова, творимые людьми, ничего общего не имевшие с казаками, но преследовавшими всего только достижение поставленных ими политических устремлений в общеимперском отношении:

"Нам смерть не может быть страшна;
Свое дело мы совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно в мире жили..."

Указанное четырехстишие принадлежит общеизвестной и в наше время казачьей песне: "Ревела буря, гром гремел...", которая, однако, является отнюдь не старинной казачьей народной песней, а литературным творчеством известного русского поэта-декабриста Рыльева/стихотворение "Ермак"/, создавшего т. наз. "казачьи думы".

Выступая русским казакофильствующим поэтом, К. Ф. Рылеев был не один, в создании своеобразной "Казачьей литературы".

О Доне и Донских казаках писали в своих поэтических трудах российские поэты Г. Р. Державин и В. А. Жуковский, которые особенно прославляли Донских героев 1812 года: Платова, Орлова, Денисова.

"Блеще средь полей широких,
Вот он льётся! Здравствуй, Дон!

От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон...",
писал знаменитый российский поэт А.С.Пушкин, посвящая казакам свои многочисленные стихотворения, некоторые из них стали казачьими песнями.

Не отставал от Пушкина и другой известный российский поэт М.Ю.Лермонтов, посвящая свои стихи казакам.

Русский поэт-декабрист К.Ф.Рылеев, в своем казакофильстве, но с русским централизмом, не был одинок в своем литературном творчестве, ибо ему помогал деятельно и другой видный поэт-декабрист Якубович. Более того, рядом с К.Ф.Рылеевым, стояли и другие видные декабристы-казакофилы, как Александр Бестужев, барон В.И.Штейнгель, А.О.Корнилович и др.

И, вот, в эту пору развития т. наз. казакофильства среди русских литераторов, историков, некоторых ученых и некоторых военных /Пестель и др./, стала действительно создаваться подлинная казачья литература.

Если в конце XVIII столетия, на казачьем горизонте появился первый, во времени, казачий "пиита" /поэт/ Антон Головатый, не совсем еще развившийся в своем казачьем поэтическом творчестве, то уже в декабре 1824 года, ярким светочем засияло имя знаменитого казачьего историка, офицера лейб-гвардии Казачьего полка, сотника В.Д.Сухорукова, собственно первого и подлинного основоположника казачьей художественной литературы.

В декабре 1824 года, В.Д.Сухоруков совместно с А.О.Корниловичем /видный декабрист, гвардейский офицер/ издали "карманную книжку для любителей отечественного", под общей редакцией последнего:

А.Корнилович: "Русская Старина". Санкт-Петербург. 1824 год.

Отдел 1.

А.Корнилович: "Нравы русских при Петре". /Монография/.

Отдел 2.

В.Д.Сухоруков: "Общежитие Донских казаков в XVIII и XIX столетиях". /Монография/.

Приложение.

В.Д.Сухоруков: "Пять песен Донских национальных положены на музыку".

Несколько позже, известная русская поэтесса графиня Растопчина, проезжавшая через территорию Дона, написала экспромтом в станице Аксайской, свое общеизвестное стихотворение: "К Дону", которое будучи напечатанным в столичной прессе, вызвало с одной стороны массу кривотолков, а с другой стороны взрыв патриотического восторга в русских рядах.

К ДОНУ.

Ты-ль это Дон? Какой ничтожный,
Как мелок, как спокоен ты!
О, сколь ошибочны и ложны
Рассказы шумные молвы!
Тебя-ли, Дон, не величали
Преданья, песни прежних дней,
Тебе-ль отцы не повторяли

Приветы дедовских речей?
И что-ж теперь?.. Ты в ложе узком
Безжизненным болотом спишь;
Ты не бешуешь, не кипишь,
Ты дряхл, ты хил... ты, в царстве русском,
Цветущем жизнью молодой,
Противусмыслен, Дон седой!
Увы, не то же ли бывает
Меж человеческих сынов?
Не так-ли слава с облаков
На недостойных ниспадает?
Толкует свет, толпа кричит,
Гремит хвалой в ушах любимца,
А на поэта-нелюбимца
Главой кивает и хулит.
А ты, непризнанный, забытый,
Недосказавшийся певец, -
Твой лавр созреет знаменитый:
Потомство правдою своей
Воздаст тебе обильно!
Подумай: славен Дон безсильный, -
А не воспеты меж степей
Текут Урал и Енисей.

Не долго пришлось ждать графине Растопчиной ответа со стороны Дона, в защиту которого выступил знаменитый казачий поэт и блестящий казачий литератор В. Д. Сухоруков, написавший свое знаменитое стихотворение: "ОТВЕТ ДОНА":

О Т В Е Т Д О Н А .

За что, скажите, нет привета
Мне от прекрасного поэта?
Чем заслужил я злой укор?
За что, негодованья полный,
Он на мои седые волны
Нанес несправедливый позор?
Тогда как я меж берегами
Зеркальный ток кристальных вод
Без шума, бурь и непогод
Ковром развешивал пред вами, -
И так послушен, кроток, тих
Ваш утлый челн катил на них -
Меня вы славить не хотите!
Я дряхл и хил, вы говорите:
Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья
И вечность - летопись моя:
Я современник мирозданья!
И недвижим я с этих пор
Как говорит мне ваш укор!
О, как я вольно разливался
И часто грозно я шумел
Бессмертной славой русских дел
И, как они, не истощался!
Не я-ль ярмо татарских сил
В своих волнах похоронил
И Русь святую возвеличил?

И безнадежно ограничил
Черкесской вольности разгул?
И вашу родину, и вас
Спасал не я-ли столько раз?
Я вам не нравлюсь. Не за то-ли,
Что не даю моих я вод
На произвол мятежной воли,
Ветров и буйных непогод,
Что глубину мою, стремнины
Я позволяю преплывать
И вольные мои равнины
Ладьям ничтожным измерять?
Пускай... Быть может для народа
Ношу я блага на волнах, -
За что же мне моей свободой
Лишать нужду надежд и благ?
Величьем, милостью гордиться
Я не хочу промеж степей,
Как ваш Урал и Енисей
Волной ничтожною струиться...
Вы говорите: грязен я, -
Но вы видали-ль как об, ята
Бывает искрами заката
Моя алмазная струя?
Не грязен я, а кроток, тих:
Лишиться жаль лучей златых.
Но вы, графиня... О, теперь
Для вас я буду лютый зверь.
Я вам отмщу за поруганье,
Когда презрев грозу, мятеж,
Для вас я тишину нарушу.
Хребет мой грозно вознесу
И поэтическую душу
Я мыслью робкой/?/ потрясу.
О, как свирепо я завою
Прохладною моей волною.
Шипящей, острой, как змея,
Вас обовью злодейски я
И... нет, не бойтесь, графиня,
Я мщенья не питаю к вам
И вновь кристальной равниной
Велю упасть моим волнам...
Я понесу без бурь, смятений,
К родной стране ваш милый гений,
А с ним мечты Кавказских гор
И ваше нежное создание.
Я упою ваш слух и взор
Отрадою воспоминанья,
И в тишине прекрасных дум
Наверное ваш светлый ум
Мое величие сознает -
И ваша дивная рука
Тогда роскошно увенчает
Седые волны старика!

Положив начало казачьей художественной литературы, как равно и детальному изучению Казачьей Истории, В. Д. Сухоруков стал од-

ним из общепризнанных столпов Казачьей национальной культуры.

Время шло, а казачья литература начинала развиваться медленным и даже очень замедленным темпом.

Стыдно порой говорить жуткую правду, но обстоятельства заставляют сказать казакам современным многое из того, что таит в своих тайниках Казачья История и что теперь знают очень немногие казаки и казачки. А почему? Потому, что доступ во все Казачьи Архивы и различные официальные собрания тех или иных документов, давался всегда с большим трудом, в частности для исследователей казаков, т.к. не в интересах российской имперской власти было предавать гласности все недочеты, ошибки, а порой и просто злой умысел в отношении казаков, зафиксированные в этой исторической документации, запрятанной в Архивы, "под семью замками".

Достаточно будет отметить, что к началу второй половины XIX столетия, на Дону НЕ БЫЛО НИ ОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ И НИ ОДНОГО КНИЖНОГО МАГАЗИНА.

Не требуется никаких комментариев в этом отношении, чтобы уяснить себе полностью, что, конечно, казачья литература не могла развиваться в казачьей массе, в то время.

Пишучи предисловие, я отнюдь не претендую на славословие казачьей литературы, но имею своей прямой и неотложной задачей восстановить и установить ход зарождения, развития и совершенствования казачьей литературы во всех ее проявлениях и, конечно, со всеми сопутствующими обстоятельствами, как благоприятного, так и неблагоприятного значения.

Исходя из этого, современным казакам и казачкам будет вполне легко понять и уяснить горечь одного из видных казачьих литераторов середины XIX столетия, который писал: "К стыду нашему..., в Новочеркасске, у нас нет ни одной книжной лавки. Купить книгу решительно негде!".

Дабы уяснить полностью весь описываемый трагизм казачьих писателей того времени, остается указать, что первая публичная библиотека на Дону, была открыта в Донской столице г. Новочеркасске, лишь в 1859 году.

И что же оказалось с этим начинанием? Оказывается, что эта публичная библиотека в Новочеркасске, была открыта не с целью развития просвещения, а в целях коммерческих, для получения барышей. Учредителем этой библиотеки было: "Общество Донских торговых казаков"/иначе говоря-купцов/, которое и закупило в Петербурге и Москве 483 тома "разных новейших сочинений", которые после доставки их в Новочеркасск, были помещены в специальном помещении, имевшем шкафы и мебель для посетителей. Предполагалось, что книгами из библиотеки будет пользоваться "вся городская публика". Однако, на деле получилось совсем иное. Для большинства Новочеркасских старожиллов плата за пользование книгами, оказалась слишком высокой и недоступной, а с другой стороны сказывалась полная неграмотность большинства "городской публики" Новочеркаска.

Трагизм положения для развития казачьей литературы в то время, заключался в том, что первое среднее учебное мужское заведение, как Войсковая классическая гимназия была открыта в Новочеркасске в 1804 году, т.е. на всей территории Дона. А первое среднее учебное женское заведение, как Донской Мариинский институт, было открыто лишь в 1853 году.

Современные казаки и казачки, читатели настоящего труда, поймут и оценят все трагическое состояние казачьей литературы в середине еще прошлого XIX столетия, точнее в 60-х годах, когда

в учебных заведениях ВВДонского обучались всего около 2.000 казачьих детей, в 37 средних и низших учебных заведениях, при наличии на огромной территории Дона, с 2.400 населенных пунктов, было три библиотеки/Новочеркасск и Окружные станицы: Нижне-Чирская и Усть-Медведицкая/и две небольших книжных лавки/Новочеркасск и Ростов на Дону/.

Лишь в 1876 году в Новочеркасске, по инициативе Донских литераторов было создано "Общество распространения полезных книг", которое открыло свои многочисленные филиалы во многих казачьих станицах и хуторах.

Дабы современные казаки и казачки поняли, осознали и оценили весь смысл создания, развития и совершенствования казачьей литературы во всех ее проявлениях, они должны знать о следующих сокрушительных данных, которые сохранялись в казачьих архивах, став лишь теперь достоянием гласности, а именно: к 1879 году, было зарегистрировано официальными статистиками, что на Дону обучалось всего только 12.5% мальчиков и 2.9% девочек школьного возраста. Следствие из указанного также было весьма разительным, ибо Донское Войско по числу учащихся занимало предпоследнее место и по числу школ последнее место, между всеми т. наз. иррегулярными Войсками, в составе российской империи.

Это было на Дону, а потому невольно напрашивается вопрос, а что же было в других Казачьих Войсках, в то время?

В качестве ответа, приведем историческое изыскание известного казачьего писателя, инженера-доктора Н.Н. Пенинского, как то:

"...Путь административного создания таких условий, при которых искусственно тормозится выделение интеллигенции и при котором общий интеллектуальный уровень значительно снижается. В этом случае какому-то народу уменьшают количество и качество школ, либо запрещают вообще среднее и высшее образование, как это было у нас, казаков, которым до 1875 года, было запрещено учиться в высших учебных заведениях/кроме военных/и занимать административные, гражданские и другие служебные должности, кроме как внутри Казачьих Войск.

Для иллюстрации полезно привести ходатайство Кубанских казаков об открытии за их счет гимназии в станице Баталпашинской. Это ходатайство с 1892 года по 1905 год обошло множество правительственных инстанций и добравшись до самого царя, было отклонено. Характерны некоторые резолюции на этом ходатайстве:

а/ "Согласен, гимназия вредна. Казачья интеллигенция сплошь неверующая, к чему ее насаждать?" /Обер-Прокурор Святейшего Синода/.

б/ "Казаки-военное сословие, им-гимназия не нужна, удивляюсь ходатайству!" /Министр Народного Просвещения, 1903 год/.

в/ "Открытие гимназии-начало разложения казаков, как Войскового сословия: оканчивая гимназию, казаки будут поступать в Университеты, с появлением студенчества в казачьей среде начнется революционная пропаганда, критика правительства, требование Конституции. Гимназия нужна кучке крикунов-интеллигентов, чтобы бороться с правительством. Казакам гимназия не нужна, в крайнем случае можно открыть низшую ремесленную школу" /Товарищ Директора Департамента Полиции. 1904 год/.

г/ На Кубани дворян немного, казачество нужно нам, как воинская сила: для дворян хватает средних учебных заведений. В виду некомплекта казачьих офицеров, правильнее открыть в Екатеринодаре военное училище или кадетский корпус" /Предводитель дворянства Кубани, Терека и Ставропольской губернии/.

д/"Не понимаю,зачем казакам-гимназия?..Не лучше-ли вместо ненужной гимназии-манеж?"/Резолюция императора Николая 2-го 30.11.1905 год/."

Сказав о двух главных Казачьих Войсках:Донском и Кубанском, не приходится уже говорить о том,как обстояло дело с казачьим народным просвещением в описываемое время,в других Казачьих Войсках и кто тому был виновником?

Но,время шло и время брало свое медленно,но упорно нараста-ли повсюду культурные силы в казачьей среде и могущественным темпом начали тянуться казаки к получению образования.Повсюду стала увеличиваться сеть всякого рода учебных заведений и школ в Казачьих Краях,стала развиваться казачья журналистика, повсюду начали издаваться казацьи газеты и журналы,стали появ-ляться даже ученые с мировым именем из казачьей среды,начали рождаться казацьи поэты и писатели,где многие получили порой не только местное признание,не только обрели т.наз.всероссий-скую известность,но и прославились своим именем на весь мир, прославляя одновременно вообще и славное имя казаков.

Все необходимые данные о том,как развивалась в последовате-льном порядке казачья литература во всех ее проявлениях,совре-менные казаки-читатели обретут и познают из чтения настоя-щего труда:"ГАЛЛЕРЕЯ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ".

Справедливости ради надлежит указать,что еще в конце XIX столетия была сделана попытка описать,в какой-то степени,каза-чьих литераторов.Однако,тогда было взято на учет всего лишь около двадцати Донцов поэтов и писателей,не более.Возобновля-лось сие начинание и в Первую мировую войну,также в очень ог-раниченной форме и размерах.Делались также попытки собрать воедино все фотопортреты казачьих писателей-литераторов,но и здесь все ограничилось весьма скромными достижениями.

О том,что в настоящем труде не отводится места т.наз."совет-ским казачьим писателям",то потому,что настоящий труд создает ГАЛЛЕРЕЮ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ в подлинном казачьем их естестве, иначе говоря,создававших свои литературные творения о казаках и о казачьем,но не о псевдо-казачьем.Дано место лишь двум-трем казачьим писателям,которые начинали свою литературную деятель-ность задолго до т.наз."Октябрьской русско-коммунистической революции",и получили уже литературную известность в царское время.

В своем изложении,этот труд покажет всему миру,что представ-ляют собой казаки в культурном отношении,на что они способны в своей интеллектуальной деятельности и какой вклад они также способны делать в сокровищницу Мировой культуры и литературы.

Там,где казаки выделяются,вошло уже давно в обыкновение,за-малчивать их деятельность,подвиги и достижения,безразлично на каком-угодно практическом поле деятельности и"растворять"каза-ков в общей массе"русских".За примерами ходить не далеко,наде-вают казачью национальную одежду за границей,кому только не лень и на подмостках выступают под личиной подлинных казаков.

ГАЛЛЕРЕЯ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ,представляет всему Миру подлин-ную КАЗАЧЬЮ ЛИТЕРАТУРУ во всех ее проявлениях,на основе пол-ной и непреложной исторической документации.

ОТДЕЛ 1.

КАЗАЧЬИ ПОЭТЫ.

1/НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЬНИКИН.

В расцвете своей литературной деятельности, что относится к 20-40 годам текущего XX столетия, Н.В.Альникин достиг большого успеха, развиваясь совершенно в литературном отношении.

В чем заключается смысл его весьма своеобразной поэзии, ответ дает сам казачий поэт, в предисловии к первому сборнику своих стихотворений, указывая, что основным началом его лирики служили:

"Юношеские рифмованные грезы-мотыльки на Родине; грустные казачьи думы и песни о станицах на чужбине - то полные надежд и юного задора, то на краю тоски и безнадежности.

Многие из них были опубликованы, в 1920 г., в мелитопольском казачьем "Сполохе"; в 1921-22 годах, в "Казачьем Слове" и "Казачьих Думах", в Софии; другие, потом, в студенческих изданиях в Париже и в Праге. А многие, просто, окончившие свою судьбу в редакционных мусорных корзинках.

Этот сборник избранных "рифмованных кончиков", написанных "тогда" и "там" - а не здесь и по-памяти, - сделан без всякой литературной претензии, но исключительно, как "сувенир", для друзей и соратников, которые еще не забыли Дона и его станиц, которые помнят еще наши грустные беженские лагеря, наши первые шаги в чужих краях.

Воспоминания - от школьной скамьи, от родимой Цымлы, от берегов Дона и Кубани, от высот Кавказа, от равнин Сев.Таврии и Крыма, - до "сидения" в лагерях Константинополя и Лемноса, до закованных барачников в Болгарии; - до Франции, нашей второй родины, до амфитеатров Сорбонны, где мы воспрянули духом; - до окончательной оседлости моей в равнинах и горах Марокко."

Одно из ранних стихотворений Н.В.Альника "На Дону", написанное им в Окружной станице Константиновской/1-го Донского Округа/, в 1915 году, когда казачьему поэту было только 17 лет, свидетельствует наглядно о его несомненном поэтическом даровании и таланте:

НА ДОНУ.

Люблю природу осени дождливой -
Нависший над землею серый небосклон,
Дерестье вид уныло-сиротливый,
Паденье листьев с них и жалобный их стон.

Любля я темноту осенней ночи,
Ее гнетущий мрак без края, без конца,
И за окном ее, как бархат, очи,
И неразгаданность и грусть ее лица.

Люблю в своем я уголку укромном
Просиживать за книгой ночи напролет,
Когда по стеклам странником бездомным
Стучится ветер жалобно и слезы льет.

Проходят длинной вереницей думы;
В моей каморке - свет, уютно и тепло...
А ветер просится в окно угрюмый,
Глядит заплаканное осени чело.

Люблю я в ночи темные глухие
По опустевшим улицам бродить один.
Природа осени - моя стихия.
Свободен с нею я, как гордый властелин!

Очень своеобразная лирика Н.В.Альникина, может характеризоваться в известные периоды его жизни, как поэзия разлада, внушающая казачьему поэту глубокую тоску и, как следствие глубоко-скорбные стихотворения. Ярким обобщающим примером служит его более позднее стихотворение, написанное им в 1916 году, в Окружной станице Нижне-Чирской/2-го Донского Округа/:

БОЖЕ СИЛЬНЫЙ!

Боже сильный! Дай мне веру,
Я неверием страдаю.
От сомнений злых не в меру,
Я, бессильный, изнываю...

Укроти мои мученья,
Боже Правый и Великий...
Твоему долготерпенью
Нет конца, Святыи Владыко!

Боже Вечный! Гнет сомнений
На душе лежит, как камень...
Укроти огонь мучений,
Погаси страданий пламень.

Рок мой злой и неизбежный,
Усмири Святыи Ты словом
И покой мой безмятежный,
Осени Своим Покровом.

Дай мне мир, отдохновенье,
Счастье дай, всего Податель!..
Не оставь мое моление,
Просвети меня Создатель!

Н.В.Альникин достиг большого успеха в развитии своего литературного творчества по мере того, как развивалась его индивидуальная поэзия. Однако, этот, вне всякого сомнения, выдающийся казачий поэт, не мог завершить совершенно свой литературный цикл, виной чего были жизненные невзгоды, о чем говорится в его биографии.

Н.В.Альникин родился в хуторе Карнаухове, станицы Цымлянской, 2-го Донского Округа, Донского Войска, в ноябре месяце 1898 года. Окончив реальное училище на Дону, осенью 1917 года поступил студентом в Донской политехнический институт, на горный факультет.

Будучи участником войны против русских коммунистов в 1917-1920 годах, в составе Донской Казачьей Армии, в рядах Донской казачьей студенческой боевой дружины, а потом более двух лет в Калединовском казачьем конном полку, как вольноопределяющийся 1-го разряда.

Уйдя в ноябре 1920 года в эмиграцию, Н.В.Альникин первонача-

льно попал в Турцию, побывал на острове Лемносе, потом Болгария и окончательно осел во Франции, где физически работал и одновременно учился в Парижском Университете/Сорбонна/и позже в Нанси, также в Университете, по отделу прикладной геологии. Получив диплом горного инженера, Н.В.Альникин переехал из Франции в Африку, в Марокко в 1929 году, где поступил на службу в качестве горного инженера, занимая разновременно ответственные служебные положения в рудничной и геологической промышленности.

В первый период своей эмигрантской жизни, примерно до начала 1927 года, Н.В.Альникин усиленно занимался литературным трудом, печатая свои многочисленные стихотворения во многих казачьих эмигрантских журналах: "Казачий Сполох", "Казачьи Думы", "Казачье Слово", "Казачий Путь", "Родимый Край" и др. Иногда он печатал свои произведения под псевдонимом "Борис Незлобин".

К глубокому сожалению, жизненные условия не дали возможности Н.В.Альнику отдалиться полностью любимому делу-творчеству в казачьей поэзии.

Тем не менее, были изданы типографски два сборника его стихотворений, давших ему полное признание, как даровитого и талантливого казачьего поэта:

1/Николай Альникин/Борис Незлобин/:"Рифмованные Кончики"/Казачьи Думы-Песни о Родине 1915-1927 годов./На Дону.В горах Кавказа.В Крыму и в Сев.Таврии.В лагерях под Константинополем.На Лемносе.В Болгарии.В Париже.В Марокко/.95 страниц. Париж, Франция.1960 год.

2/Н.В.Альникин/Борис Незлобин/:"Сполох"/Печальная, но славная эпопея Донского Казачества 1917-20-х годов./Написана в марте 1922 г.в гор.Софии/."Рифмованные Кончики"/Продолжение/. 82 страницы.Париж, Франция.1961 год.

Последнее время, произведения Н.В.Альникина печатаются в казачьих эмигрантских журналах:"Казачья Жизнь"и"Родимый Край".

Критический обзор стихотворений казачьего поэта Н.В.Альникина, имеет своим прямым выводом, что в последних представлено полностью: насыщенность, преимущественно, казачьей исторической тематики, сила звучной поэзии, стройность стихосложения и, конечно, признание полной и несомненной одаренности казачьего поэта, каким является перед современниками Н.В.Альникин, дают ему полное право находиться в первых рядах казачьих поэтов, какими так богата современная казачья литература.

ДАВНО, ДАВНО...

Давно, давно мне снились, бывало,
Ласкающие сны...

Сама судьба мне счастье посылала
Из сказочной страны.

Но в снах я видел только призрак счастья
И большего все ждал.

О близких днях житейского ненастья
Я не подозревал...

И стала жизнь жестока и сурова,
Всё скомкала вокруг.

Уж сны волшебные не снятся снова,
И счастья замер звук...

И лишь теперь, когда в удел мне муки
Достались одни,
Я понял, что само давалось в руки
Мне счастье в те дни.

Что был в тех снах, волшебных и прекрасных,
Ключ счастья моего.
Но я всё ждал, — и в поисках напрасных
Я потерял его.

И вот теперь, в изгнании, одинокий,
Я сны опять зову,
Душой несусь в заветный край далекий,
За эту синеву!..

Но снов всё нет... И дни, унынья полны,
Проходят чередой,
Да ветер злой, вздымая в море волны,
Бушует над водой.

И жизнь становится еще серее,
Нет света впереди...
Но я всё жду: вернитесь сны скорее
И, счастье, приди!

Остров Лемнос.

3 мая 1921 года.

Не менее колоритным является его замечательные поэтические
стансы, где трагедией одиночества, совершенным разладом
личной жизнью, выявляется весь последний период в
творчестве поэта.

МОРЕ СИНЕЕ — СИНЕЕ.

Море синее-синее, хмурое, море сердитое...
Без конца, без границ...
Море дымкой тумана безбрежного серью...
Море с тысячью лиц...

Далеко-далеко растянулась равнина без...
Облака в вышине...
Это ты, моя жизнь, одинокая, многомятежная...
Улыбаешься мне!

Это ты, моя жизнь, что на свете всего мне...
В этом море живешь!
На её бесконечно-лазурно-синем море...
Только ты мне лазурные песни поешь!

Казабланка.

20 мая 1927 г.

Имя талантливого казачьего поэта Н.В.Альникина, получившее
признание со стороны казаков — его современников.

2/ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БЕЛОГОРЦЕВ.

Современный казачий поэт В.В.Белогорцев, является природным казаком станицы Ардонской, Терского Казачьего Войска, рожден 28 ноября 1894 года. Семи лет он начал учиться в станичном двух-классном училище. С окончанием последнего, его отец, по совету смотрителя училища, подал письменное прошение в Областное Правление Терского Казачьего Войска, прося о зачислении его сына на Войсковую стипендию, для учения в одном из средних учебных заведений на Северном Кавказе. Эта просьба была удовлетворена и будущий казачий поэт В.В.Белогорцев, был определен в мужскую классическую гимназию в г.Ставрополе-Кавказском, как Войсковой стипендиат.

Окончив успешно гимназию, В.В.Белогорцев поступил в том же 1913 году, вольноопределяющимся в 1-й Сунженско-Владикавказский казачий полк, Терского Казачьего Войска, находившийся тогда в городе Тавризе, Персия.

С возникновением Первой мировой войны в июле 1914 года, В.В.Белогорцев продолжал свою службу в том же полку, на Турецком фронте в Закавказьи и в пределах Турции, участвуя во всех боях. В начале 1915 года, он был командирован в Горийскую школу прапорщиков Кавказского фронта, откуда вышел офицером летом 1915 года.

Прибыв на Терек, в распоряжение Атамана Сунженского Отдела, В.В.Белогорцев был направлен в 1-й Волжский казачий полк/2-я Сводно-Казачья конная дивизия/, находившийся на Юго-Западном фронте. Состоя в рядах этого полка в продолжение всей войны, он был два раза ранен и последовательно произведен за боевые отличия в чины, от хорунжего до есаула вкл.

В революцию 1917 года, В.В.Белогорцев был избран депутатом от 1-го Волжского казачьего полка на Армейский С,езд частей 11-й армии, и явился одним из главных организаторов Казачьего С,езда Юго-Западного фронта, совместно с под,есаулом Черемшанским/Лейб-гвардии Казачий полк/и другим Донским под,есаулом Шумилиным. Когда был созван Казачий С,езд, есаул В.В.Белогорцев был избран секретарем Правления Совета Союза казаков Особой армии/два гвардейских и гренадерский корпуса/и 11-й армии.

В войну казаков с русскими коммунистами/1917-1920 г.г./, В.В.Белогорцев находился всё время в составе Терского Казачьего войска, где был произведен в чин полковника.

С уходом, в конце 1920 года в эмиграцию, В.В.Белогорцев первые два года жил в Болгарии, откуда перебрался в Швейцарию, где учился в Лозанском Университете и кроме того занимался изучением фабричной промышленности. Там же окончил художественную школу и получил диплом художника. В 1928 году уехал из Швейцарии в Австралию, где обосновавшись окончательно, открыл фабрику шоколадного производства и искусственных минеральных вод. Занимаясь кроме того, общественной деятельностью, как казак-националист, В.В.Белогорцев много времени посвящал и посвящает родной Казачьей литературе, написав много замечательных стихотворений и поэм.

Ниже, приводим некоторые из них:

ТОСКА КАЗАКА.

Где пенится Черное море вдали,
Где волны зловещие валами вздымаясь шумят,
Там горы жемчужные раскинувшись белою цепью
Спокойно по берегу моря лежат!
Здесь воды на солнце огнями играют
И берегом гневного моря бегут -
И ветры по скалам свободно гуляют...
А скрывшиеся в лесах от врагов
Казачи, тоскливые песни поют
И вольность свою вспоминают!
К северу дальше - за ними,
За этой жемчужною нитью сверкающих гор,
Казачий наш Край, Отчизна Родная,
Степь и широкий могучий простор...
Там дедов могилы родные
И гуннов и скифов,
Проходивших когда-то весь Край огнём и мечём.
...Века, как дремлют курганы седые,
До верху покрывшись густым ковылем.
Но не дрогнув эти курганы немые,
Грозно нахмурясь молчат -
И тайну о прошлых минувших годах,
О схватках кровавых - хранят!
И... часто порывистый ветер
Волной пробегаёт по ним,
Низко тогда серебристый ковыль наклоняет,
И песню поёт то одним, то другим,
О славном их прошлом вещает!..
Там, в сумраке тени, птица ночная,
Взмахнувши широким тяжёлым крылом,
С вершины кургана, как призрак слетая,
К подножью другого садится...
И ветер траву колыхая, поёт и поёт о былом!

.....
На чужбине, в изгнаньи, тоскуя безмерно, страдаю
И Кавказ дорогой, со станицей родной,
Что скрыто там далеко, за морями,
Я - в мечтаньях своих, как во сне, вспоминаю...

Талантливый казачий поэт В.В.Белогорцев, имеет свой собственный и, надо отметить, своеобразный стиль, резко отличающийся от обычного поэтического стиля. Эта весьма характерная, для него, особенность, с еще большей четкостью отличает поэтическое творчество В.В.Белогорцева, почему порой его поэтические произведения оставляют неизгладимое чувство на слушателей, врезываясь четко в память.

КРАЙ ДАЛЕКИЙ.

Пусть будут прекрасны моря и горы,
Пусть манят волшебной красой,
Но ничто не утешит изгнанника взоры -
О Крае Родном он тоскует душой!

В нём чувство затихло, в нём сердце томится
И рвётся за Черное море - туда, далеко,
Где пенится Терек, сверкая на солнце, струится,
Где степи раскинулись так широко!..

Пустые печальные станицы родные,
Умолкли под вражьей рукой.
И смотрят нахмурясь курганы седые
И грезят о прошлом в тиши гробовой...

Умчалась сынов их орлиная стая,
Исчезла Земля Казаков в туманной дали,
И осенью птицы страну покидая,
Тепло и отраду с собой унесли.

Казачью Вольность свою не отдали,
Ни - Терека, Дона, Кубани, родные сыны.
Горькую участь изгнанья приняли,
Но верой в победу остались полны!

Край яркого солнца, Отчизна Родная,
Увидишь-ли снова своих ты сынов?
Вернётся-ль с чужбины орлиная стая
К себе, в Степь Родную, из дальних краёв?

Когда читаешь стихотворения В.В.Белогорцева, конечно, не возникает никакого сомнения в том, что стихи писаны казаком-поэтом, пронизанным казачьим естеством, следуя образному выражению: "с ног до головы". В конечном итоге, лирика ст. Белогорцева, отдает не только задухновенностью, не только овладевает мечтами и думами казаков и казачек читателей, но являет также примеры отличного стихосложения, где весьма оригинальной является постановка рифмы в ее фонетическом созвучии, что подчас не всегда удается делать вообще поэтам.

ДВА РУЧЕЙКА.

В далёких долинах родного Кавказа,
Где солнце волшебным так блещет,
Где горы жемчужные и воздух в лазури,
И деревья листья и нежная травка,
В свежем дыхании ветра трепещет...
Там, в море лучей золотых,
Дышет жизнью невидимый маленький атом,
Там леса и поля и луга,
Все ликуют, приветствуя солнце,
А воздух пылает и дышет одним ароматом!

..... КАЗБЕК и ЭЛЬБРУС

Высоко, два исполина - КАЗБЕК и ЭЛЬБРУС
В шапках белых светятся,
В лучах южного солнца, стражи Казбека
Снегом сверкают, искрятся
И блещут светом топаза...
Родившись на высшей Казбека вершине,
Два чистых, подобно хрусталу, ручья -
Слились совместно в роскошной Дарг-Коха долине,
И полные неги и ласки слова, друг другу шептали они!
И ведали тайны и всем говорили
О счастье всеобщем, о радостях светлых и мире,

Что там, высоко, в вершинах Казбека царили...
.....
К несчастью они, где мало так были,
Почти мимоходом все эти места проходили!..

НА ЧУЖБИНЕ.

Красоты чужбины не радуют нас
И тоскующий взор казака не прельщают!..
В ком сердце для КАЗАКИИ вьется
И туда, где по Тереку ветер сердитый гуляет,
Помыслом своим далеко оно рвется...
Где казак-богатырь бывало порой,
Отдыхал после схватки ночной
И где ветер теперь не поёт, но скорее рыдает
И где гордо в белую тогу одевшись,
Казбек над великим хребтом, шапкой белой своей
Из камней драгоценных, весь на солнце сверкает!..
Сердце рвется туда, где пенится Терек вдали,
Где он зловеще шумит во все дни непогоды;
Туда оно рвется, где стонут,
Где пьют казаки чашу полной невзгоды...

Погасла на небе заря и
Темная ночь наступила.
Долго дрались казаки,
Но жизнь мало чему научила!
Теперь же затаив злобу,
И как бы смирившись под красным ярмом,
Кубань, Терек и Дон
Уж песней больше не поют все втроём,
Безмолвно лишь стонут
И чашу страданий все гложут...

Ну, станичники! Так, что же?
Ведь пришла пора -
Вам всем проснуться тоже...
Чем от красных умирать,
То не лучше было б,
Всем вам головы поднять
И в борьбе за Край Родной,
Грудью мощной постоять?..

.....
Ветер, быстрый ветер,
На мгновенье стой!..
Захвати призыв ты мой
И на крыльях быстрых,
Отнеси с собой...
Там, где за морями,
Казаков - наш Край Родной!..

З В Е З Д А .

Всё более сгущался над землею
Осенней ночи черный мрак.
Над лесным хребтом и казаков станицей
Свинцовые стлались туманы...
Гнездились по ущельям мрачным,
По впадинам, по щелям скал, ложились,
Легко скользили по дворам, по белым хатам,
А то, как дым клубились
И вниз текли по горным скатам...
Кругом стихия бушевала,
В скалах жутко ветер выл
И где огромной силы буря,
Листы с чинар срывала
И красный враг повсюду был!..
.....
Ползли по небу зловеще тучи,
Порывистый хриплый ветер
В клочья рвал их - все,
Порой сбивая их в кучи!
И крупные капли дождя,
Срывала с них страшная сила,
Кругом же бой всё кипел...
По всем горам и долинам,
На смерть рубились казаки,
И кровь лилась и смерть царила!..

Творя свои стихотворения, где выражено так много любви ко всему казачьему, казачий поэт В.В.Белогорцев, не является чуждым и прозаики, где умея владеть своим пером и облакая мысли в четко отточенные фразы, создает также хорошие стихотворения в прозе, как и различного рода статьи на казачьи темы.

Казачий поэт В.В.Белогорцев, состоит постоянным сотрудником в казачьем национальном журнале "Казачья Жизнь"/США/, в течении последних лет.

3/МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ВОЛКОВА.

Знаменитый казачий писатель ген. П. Н. Краснов, явился, во времени, своего рода пророком, когда в одном из своих литературных произведений, писал следующее: "... Кто мог тогда думать, что в кабинете командира 4-й сотни, на тахте в углу, наблюдая за нашим спором, лежит будущая незаурядная поэтесса, певец казачьей доблести и неизбежного горя!..." /П. Н. Краснов: "На рубеже Китая" /Воспоминания/. Глава 36. Париж. 1935 год/.

Эти слова относятся непосредственно к получившей в наше время большую литературную известность казачьей поэтессе Марии Вячеславовне Волковой.

Вошедшая в историю казачьей литературы, казачья поэтесса М. В. Волкова и подлинно обладает большой силы литературным талантом, который признан всеми современными литературными критиками, всей читающей публикой и в частности казаками. Чудные стихотворения М. В. Волковой, чаруют слух слушателей, вызывают восторг совершенством последних, во всех отношениях, как поэтических произведений и служат во времени нерукотворным памятником для одаренной и талантливой поэтессы.

Отдавая должное ее совершенному поэтическому таланту, надлежит отметить, что вообще вся лирика М. В. Волковой представляется **примечательной и показательной, так ярко и красочно отраженной в ее многочисленных и высоко художественных стихотворениях, с критической точки зрения.**

СТРАНА ОТЦОВ.

Разве можно забвенью предать
Эту даль, эту ширь, эту гладь,
Окаймленные лишь небесами,
Оттого, что туда нет пути,
Оттого, что душе доцвести
Суждено за чужими стенами?

Разве можно не видеть во сне,
Как бредешь по родной целине,
Ни косы не знававшей, ни плуга,
Где ковыль, что в былинах воспет,
Оковал с незапамятных лет
Тело степи блестящей кольчугой?

Часто даже среди белого дня
Вдруг почудится топот коня,
Свист лихого, как ветер, намета,
Чья то песня до слуха дойдет,
Чей то облик в глазах промелькнет
И взгрустнется, и станет работа...

Позабыв, что попало в тупик,
Сердце слышит, как шепчет тальник
Про иное житье по старинке,
Как в озерной хрустальной тиши,
Чуть дрожа, шелестят камыши
И, кручинясь, вздыхают кувшинки...

Читая эти строки, можно и должно оттенять, что грустной думой овеяна лирика этого стихотворения. Муза казачьей поэтессы настроена сосредоточенно-мрачно, создавая драматическую коллизию

в душе ее.

Изучая литературное творчество М.В.Волковой в его об,ектив-ном целом,приходится очень часто наблюдать грусть и печаль в ее лирике,где гармонично переплетаются восприятия и ощущения красоты.

НЕ СТРАШНО ТО...

Не страшно то,что нет продленья срокам,
Но страшно знать,что в нас - источник зла.
Спешим,горим и будто ненароком
Чужую жизнь попутно жжем до тла.

Рвем без нужды,без ненависти губим,
На крик души бредем едва-едва
И часто тем,кого сильнее любим,
Мы говорим жестокие слова.

Неумолим закон судьбы железный:
Пощады нет ни телу,ни уму,
О,если бы дойти до края бездны,
Не причинив страданья никому!

Лирика М.В.Волковой,носит характер индивидуальной поэзии, почему последняя представляет в своем лице ярко выраженного поэта-индивидуалиста.В поисках новых форм и искания созвучных слов,вполне вырабатывается поэтический облик казачьей поэте-сы М.В.Волковой.

Ч А Р К А .

Былое-дороже на склоне дней,
А верное сердце - еще верней!
Судьба непреклонна,судьба слепа,
Домой заросла,заросла тропа!
Свое вспоминая в чужом краю,
Я в каждую песню тоски долью.
Тоска хмельнее,крепче вина,
Казачья чарка - полным полна.

Один из казачьих поэтов,очарованный приводимым кратким сти-хотворением,писал свое резюме,что оно "тройной крепости".И под-линно,совершенствуясь в своем поэтическом творчестве,М.В.Вол-кова постепенно освобождаясь от всех поэтических условностей, развивалась и совершенствовалась,как поэт-индивидуалист.Все вместе взятое способствовало большому развитию техники стихос-ложения,исканию новых поэтических форм,а главное образованию своей собственной лирической мысли.

В ЧУЖИХ КРАЯХ.

Сколько лет протекло
С той поры,как ушли мы оттуда!
Сколько всех на пути -
Дорогих одиноких могил!..
Мы молились тепло,
Мы молились и верили в чудо:
Но покоя найти
Нам до времени Бог не судил!

О родных очагах,
О до гла разоренных станицах,
Вспоминает душа -
Ей предел не положен нигде...
И летит на крылах,
Как на волю попавшая птица,
К берегам Иртыша,
Побывать в опустелом гнезде.

Не заставит никто
Разлюбить, что нам мило и свято,
Позабыть наш уклад,
Наши песни родные забыть.

И обычай простой -
Всюду крепко стоять брат за брата -
Каждый горд, каждый рад
До конца своих дней сохранить.

В сердце будет и впредь
Вера в правду гореть негасимо,
Хоть надежды не раз
Разметались, как пепел сухой!
Надо ждать и терпеть:
Ведь не зря же - казаки мы!
Но придет и для нас
Жизнь иная - опять за чертой...

Про несчастный наш Край
И про нас в Судной Книге известно:
Каждый вздох, каждый стон,
Залетает в Господень чертог!
А Святой Николай,
Казаков покровитель небесный,
Молит Бога, чтоб Он
Сократил испытаниям срок!

Надрыв души, стенания, печаль и тоска без, исходная, сквозит порой, в некоторых стихотворениях поэтессы, создавая полный образ ее эстетического целого.

В ярко индивидуальной окраске и самостоятельной поэтической постановке разворачивается высоко художественное творчество М.В. Волковой, как казачьей поэтессы, дарящей казачьей литературе ряд высоко-ценных поэтических произведений.

Нельзя не заметить того обстоятельства, что элегия обозначает собой очень большой отдел в творчестве казачьей поэтессы М.В. Волковой. Но элегия ее, представляет собой лишь определенный вид специфической лирической поэзии ее, причем эта элегия не теряется, ибо не является подражательной кому-либо, а представляет собой собственное творение.

Н А С Л Е Д И Е .

Скажи о чем, - не вспомнилась ли степь, -
Что так задумался, печально лоб нахмуря?..
Благослови века, что выковали крепь
Души казачьей, зарожженной в бурях!

Помят ковыль...Кровавые следы...
И бездны лет несется скрежет боя...
Зипунных рыцарей несметные ряды
Давным давно сомкнулись под землею...
Казак служил на древних рубежах
Своей стране за совесть, но без страху.
Казачьей шашки страшен был размах
И турку, и татарину, и ляху.
За родом род для вечности вставал:
Удел бойца был каждому назначен.
Дымилась степь...Сносил девятый вал
С откосов жизни вольницы казачьей...
И вот теперь на рубежах иных
Оплакиваешь ты былую волю.
Не будь в тебе кровь прадедов твоих -
Как перенес бы такую долю?
Все далеко - и прошлое, и степь,
Но ты - все ты! Твоя душа, что птица.
Благослови ж века, что выковали крепь
Того исконного, чему не надломиться!..

Казачья литература имеет в своей поэзии очень большое число даровитых и талантливых казачьих поэтов, которые отвечая всем требованиям поэтической эстетики, подняли на большую высоту славное имя казачьих литераторов-поэтов. В сонме последних, светит яркой звездой имя блестящей казачьей поэтессы М.В.Волковой, написавшей ряд бесподобных стихотворений.

ЕРМАК-ПОКОРИТЕЛЬ.

Всю ночь не спал и крепко думал думу,
Он стал другим, себя он перерос:
Под внешней неприступностью угрюмой
Неведомое новое зажглось!
Не так давно искатель приключений,
Не так давно "разбойник" удалой,
Он из низов на высшие ступени
Поднялся здесь - правитель и герой!..
Он прожил век в погоне за добычей,
А ныне в нем - лишь доблесть и закон.
Душе дано спокойное величие,
Уму дано проникнуть в даль времен...
Тоска-печаль припала к изголовью,
Глаза горят, бессильные уснуть.
Проходит все..., но подвиг вписан кровью,
И труд трех лет другим откроет путь!
Смыты все былые "злодеянья",
Он может жить свободно, не таясь:
Среди князьков, к нему ползущих с данью,
По царской воле он - Сибирский князь.

Всю ночь шатры свирепо треплет буря,
На ветхий холст струями льется дождь -
В одном из них, крутую бровь нахмуря,
Глядит во тьму забытый всеми вождь.

Среди врагов, в глухой стране затерян,
Подмоги ждет и не дождется он!
Забот не счесть, и каждый шаг неверен,
И смерть в степи грозит со всех сторон.

Коль смерть, так смерть: она - сестра победам,
Воитель с ней в боях - плечом в плечо!
Сомкнулся круг..., но час еще неведом
И мужество казацье горячо...

Что жизнь дала? - Улыбки были скупы...
Ни близких нет, ни милых сердцу мест...
И жаль, так жаль, что вот нельзя нащупать
Под панцирем нательный медный крест!

Что жизнь дала? Набеги и скитанья,
Походы, власть, бунты в своих рядах
И, как венец, последнее познанье
Тщеть всего, клонящее во прах...

Что мог свершить, свершил он, Бог - свидетель!
С ним только горсть сподвижников - не рать;
Но весть о нем прослышится на свете,
Исполнен долг... и можно умирать!

Тянулась ночь... Выл ветер неустанно...
Взрывался гром, шум битвы превосходя...
А враг кругом подтягивался к стану,
И Рок уже подстерегал вождя!..

Описывая стихотворения казацьей поэтессы М.В. Волковой, представляемые в данном изложении, необходимо надо сказать несколько слов о типичном жанре таких поэтических произведений.

Прежде всего, общеизвестно наличие отчетливых следов этих произведений, как экспонатов казацьей художественной литературы, в тесной связи с казацьим песенным фольклором, нерукотворным творчеством казацьих народных масс,

Отдавая должное поэтичности образов, как и самого изложения в стихотворении: "Ермак-покоритель", творения М.В. Волковой, надо признать бесспорное влияние казацьей фольклорной эстетики на эстетику приводимого поэтического произведения. Но, подлинная заслуга казацьей поэтессы М.В. Волковой заключается в том, что прилагая свою Музу к делу создания поразительных образов казацьего поэтического творчества, она может считаться по праву и одним из основоположников казацьей художественной литературы. Как никто, она/М.В. Волкова/, отчетливо и ясно чувствует разницу между природой своего художественного проявления в поэтической градации и природой исторической художественной традиции, представляемой в казацьем песенном фольклоре.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ.

Закрыв глаза, я вижу их
В угрюмых шрамах боевых,
Таких могучих и суровых...
Их поступь звонко тяжела,
На лбу забота залегла,
Но ищет взгляд просторов новых..
Силен и верен взмах руки,
Прямые плечи широки,
Скупы слова, улыбки редки.
Вояки с ног до головы -
Они все были таковы,
Во тьме исчезнувшие предки.
За доблесть дел, за горечь ран
Им песни не слагал баян:
Их славный путь прошел украдкой.
Лишь в старой записи порой,
Про подвиг чей нибудь лихой
Расскажут сдержанно и кратко...
Манил восток!.. Сияли льды...
Влекли звериные следы
В тайге загадочно-дремучей...
В засадах ждал раскосый враг,
Но шли они - за шагом шаг -
Ничем неотвратимой тучей
С равнин родного Иртыша
Все дальше-дальше, не спеша.
По диким странам, без дороги
Несли победу казаки,
И выросли городки,
И мрачно щерились остроги.
В забытых малых крепостцах,
Преодолевши женский страх,
Казачки век свой коротали...
Глубоко прятали печаль,
Мужей напутствовали в даль
И не дождавшись, умирали!
У них была прямая цель:
Искать неведомых земель,
Терпеть тоску полярной ночи.
Блуждать, где не был человек,
И к берегам Сибирских рек
Влачить дощанники и кочи.
Застывших мамонтов стада
Они встречали иногда
В печальном неживом просторе.
И колыхало смельчаков
Средь грозно наплывавших льдов,
Студеное седое море...
Чутьем весенних птичьих стай
Нашли они Даурский край,
Где виноград обнялся с дубом.
И шелк Амурских соболой
В подарок слали для царей
С тысячелетним "рыбьим зубом".

Был туг и медлен ход веков,
И вот руками казаков
Разрушен заговор природы.
И груди нетронутой земли,
Что тишь с безлюдьем берегли,
Одели ласковые всходы.
Давно покорны дикари,
Везде, куда ни посмотри,
Все тонет в сытости и мире.
И медный православный звон
Гудит-летит со всех сторон,
По русской ставшей Сибири.
Прекрасна юная страна,
Глядит в грядущее она,
Но сказ времен о ней неведом.
Ее узнать и впрямь и вкось
Лишь в трех столетьях удалось
Моим неутомимым дедам.
Они стреляли, хмурия бровь,
В несчетных стычках лили кровь,
Они рождались, чтоб бороться.
И в строгой ревности своей
Обогатили трон царей
Безвестные землепроходцы.

Это бесподобное стихотворение по силе своей экспрессии, стилю, рифме, созвучию, синхронизации мысли, внутреннему содержанию, смыслу и исполнению, вне всякого сомнения, является наилучшим поэтическим произведением М.В. Волковой. Трудом, помыслами и талантливостью подобных казачьих поэтов, как М.В. Волкова, казачья литература и в частности, отдел последней-казачья поэзия, подняты на большую высоту.

Казачья поэтесса Мария Вячеславовна Волкова, природная казачка Сибирского Казачьего Войска, станицы Атаманской, 2-го Военного Отдела, родилась 2 октября 1902 года, в Устькаменогорске. Ее отец, казачий ген. В.И. Волков, прославленный казачий боевой офицер, стяжавший себе громкую боевую славу в составе Сибирской отдельной казачьей конной бригады на Кавказском фронте, в боях против турок в 1914-1917 годах. Вновь его имя прогремело в войну Сибирских казаков против русских коммунистов в 1918 году. Это он-Волков, будучи во главе своего казачьего партизанского отряда, арестовал в полном составе т. наз. "Российскую Директорию", состоявшую из социалистов революционеров/ген. Болдырев, Авксентьев, Чайковский, Зензинов/в мае 1918 года, в гор. Омске, Войсковом центре Сибирских казаков и привел к власти адмирала Колчака.

Детство, отрочество и начало юности казачьей поэтессы М.В. Волковой прошли почти полностью при 1-м Сибирском казачьем Атамана Ермака Тимофеевича полка, стоявшего постоянно на русско-китайской границе, у подножья величественного горного хребта Тянь-Шаня, где служил ее отец, как казачий офицер. Этому периоду времени, М.В. Волкова посвятила свои замечательные автобиографические воспоминания/в прозе/, столь красочно написанные ею и напечатанные полностью в труде:

"Сибирский Казак. Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского Казачьего Войска. 1582-1932 г.г." /К 350-летию/. Под редакцией полк. Е.П. Березовского и полк. Грызова. Т. 1. Харбин-Манджурия. 1932.

Силой трагических обстоятельств, М.В. Волкова оказалась в 1920 году оторванной от своего родного Сибирского Казачьего Войска и путь на чужбину в эмиграцию, шел по этапам: Сибирь, Литва, Германия.

Находясь в эмиграции с 1920 года, казачья поэтесса М.В. Волкова сотрудничая во многих эмигрантских изданиях, написала много замечательных стихотворений на казачьи темы, преисполненные большой любви к Казачьему Народу. К глубокому сожалению, сильная подорванность здоровья, заставила поэтессу М.В. Волкову почти прекратить свою поэтическую деятельность, примерно в 1960-1961 годах, о чем остается лишь сильно пожалеть.

Знакомя казаков с талантливой красочной лирикой казачьей поэтессы М.В. Волковой, нужно отметить, что одновременно были изданы в печати два отдельных сборника ее стихотворений, написанных в 1922-1944 годах.

1/М.В. Волкова: "Песни Родины". 98 страниц. Издание полк. Е.П. Березовского/Войсковое Правительство Сибирского Казачьего Войска/. Харбин - Манджурия. 1936 год.

2/М.В. Волкова: "Стихи". Издание "Кружка казаков-литераторов". Париж-Франция. 1944 год. 60 страниц/48 стихотворений/.

Все остальные многочисленные ее стихотворения, написанные в период времени 1945-1960 г.г., разбросаны в печати, в различных казачьих и общеэмигрантских журналах, газетах и альманахах, и не собраны вместе.

Резюмируя в отношении общего обзора поэтического творчества М.В. Волковой, проживающей теперь в Западной Германии, необходимо считаю воспроизвести ее великолепные стихи:

"...Не кружева,
Не камни драгоценные,
Не редкие тепличные цветы -
Слова, слова...
Совсем обыкновенные,
Но сильные геройством простоты!.."

Эти прекрасные стихи, поэтесса М.В. Волкова записала в своем чудесном стихотворении: "Мастерство", и они то, как раз, наиболее приложимы в оценке вообще всего ее литературного творчества.

4/НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОБЬЕВ.

К числу казачьих поэтов нового поколения, выделившихся на чужбине в эмиграции, принадлежит природный Донской казак, станицы Новочеркасской, Черкасского Округа, Н.Н. Воробьев, родившийся в 1908 году, в г. Новочеркасске.

Окончив Донской кадетский корпус в эмиграции, далее получил высшее образование и последние 17 лет занимается педагогической деятельностью, состоя профессором Института иностранных языков, Министерства Обороны США, проживая постоянно в Калифорнии.

Кроме того, отдавая известную дань общественной деятельности и занимаясь историческими исследованиями в области Казачьей Истории, Н.Н. Воробьев является выделяющимся казачьим писателем-поэтом, начавшим усиленно заниматься литературной деятельностью в последнее десятилетие.

Печатаясь в казачьей и обще-эмигрантской прессе, Н.Н. Воробьев написал до настоящего времени много различных стихотворений, статей и очерков, преимущественно на казачьи темы.

Большим успехом пользуется серия его периодических стихотворений-шаржей сатирического характера, выпускаемых под заглавием: "Международное политическое обозрение" или "Театральное обозрение"/печатающиеся на страницах эмигрантских газет/, издаваемых в США. В целях ознакомления казаков и казачек читателей, представляем в качестве показательного образца, одно из таких стихотворений-шаржей:

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

/Вместо фельетона/.

Бурлит ключем, кипит страна,
Толкует днями и ночами
Без передышки о Вьетнаме.
Немытых "битников" волна,
В порыве "доблестной отваги",
Бумажные поднявши стяги,
В осаде держит Белый Дом.
Я разбираюсь, но с трудом,
А по-сему скажите - чей?
Чей перст ведет бородачей?
В Вьетнаме строчат пулеметы,
Идут ряды морской пехоты:
А здесь нечесанный босьяк,
В азарте свой же топчет флаг...
Не лучше ль, чем возиться с ни-
Лечить их средствами иными, ми,
Из этих ненавистных мест,
В Москву им оплатить проезд?

Когтистой лапой шевеля,
Британский лев ворчит лениво...
Не нами ли густая грива,
Подстрижена под два нуля?
Не мы ль Суец Насеру дали,
Надув доверчивого льва?
Он верит нам теперь едва ли,
А если верит - то едва.

А что ж друзья, уснули что ль?
Воротит нос от нас де Голь...
Кичится, бонопартит он,
К советам ездит на поклон!
Ему б подумать над вопросом,
В итоге-не остаться с носом!
Без друга, одному в пути,
На "вивляфрансе" не уйти.

А что ж под боком? Кастаньеты,
Фанданго, танго и банан.
Глядят советские ракеты
На Вашингтон, чрез океан!
За тупость нам урок расплаты...
А что поделаешь? Зане -
Не гладьте Кастро по спине,
А-чик! и в миг его в кастраты!..
А дальше к югу, где пампас,
Слилася с небом ширь степная,
Что там? И там, увы я знаю -
Не жалуют, не любят нас.
Хотите - кратко подытожу?
Там метко бьют плевками в рожу,
И, как в Китае и Руси -
Там: "Янки-но!", а "Кастро - си!"

А в общем, как там не крути,
Кому же с нами по пути?
Где ж наша славная элита?
Герр Кизингер, да Хирохито,
Да Франко в блеске мишуры,
Да рота папской пехтуры.

Мораль сей басни такова:
Не для прически прихотливой,
Не для футбольного порыва,
Дана нам Богом голова!..
Свобода ж... Вырвана свобода
На острие стальных мечей,
Для всех, для целого народа,
Не для одних бородачей...
Мораль: всему — свои границы,
И уж пора бы научиться,
Болтая столько языком,
Свободу — защищать штыком.

Я вспоминаю дни иные,
В которых сам не разберусь —
Когда вертилась Россия,
Когда распутнилась Русь...
Переэстетовав до одури,
Мы довертелись все до —
Того, что обрелись на Одере,
В Париже, Праге и в Бордо.
Да, стих споткнулся! Важно ль это?
Когда Россию вихрь унес
И где-то венчики из роз
Узрел туманный взор поэта!
Мы опыт тяжких лихолетий,
В дорожной принесли суме.
Он прост! Его поймут и дети,
И каждый, кто в своем уме.
В конце обзора ставлю "вале",
Как у Онегина... Иду!
И поглядим мы — что же дале,
Нам в этом суждено году!..

1967 год.

Меткость суждений, "акробатичность" выводов, острота сатирической мысли и несомненно достигающая цели, быть может, несколько утрированная сатира, в сочетании с прекрасным стихотворным слогом, дают признание Н.Н. Воробьеву, в умении владеть пером и создавать на бумаге отличные стихи.

Однако, сказанное служит лишь прологом к более тщательному анализу и обзору творцов поэтического творчества, где в ряде стихотворений, конечно, непререкаемым шедевром его, служит большая историческая поэма "Кондратий Булавин", написанная в стихотворной форме на 168 страницах.

Читая это большое поэтическое произведение, где в известной степени и последовательности, соблюдается почти абсолютная риторичность исторического содержания, можно порой лишь не соглашаться с некоторыми выводами, делаемыми автором. Но, это в сущности является вопросом второстепенного свойства, когда на лицо выявляется поэтическое начало и притом весьма недюжинного характера. В последнем, нельзя никак отказать Н.Н. Воробьеву, а наоборот, следует лишь признать столь яркий талант, который смотрит на нас, при чтении его пышущих эстетичностью, "божественным порывом" и силой очарования строф поэмы. Возвышаясь до степени признания всего прекрасного, как продукта творческой думы поэта — в данном случае, необходимо уточнить и уяснить, что все самые отвлеченные понятия, как и глубокие душевные эмоции казачьего поэта ст. Н.Н. Воробьева, нашли в полной мере и степени пластическое выражение и гармоническое отражение, в созданной им большой казачьей исторической поэме: "Кондратий Булавин".

Говоря о последней с точки зрения библиографической, отмечаем, что этот труд вышел из печати в следующем издании:

Н.Н. Воробьев: "Кондратий Булавин". Историческая поэма. 178 страниц. Издание Б.В. Чарковского. Напечатано в типографии И. Башкирцева. Монтерей, Калифорния, США. 1965 год.

Начиная читать поэму: "Кондратий Булавин", мы сразу же видим, что уже сам пролог к ней, показывает, что стихи написаны крупным поэтом.

П Р О Л О Г .

Синее над Черкасском небо Божие,
Зноен и палящ июльский день.
Дремлет дуб, и у его подножия
Атаманский прикорнул курень.

В нём судьбою-мачехою сдавленный,
Словно дуб под натиском лавин,
Щерит зубы белые затравленный
Волк степной - Кондратий Булавин.

Меряет курень шагами твёрдыми,
Взгляд шныряет в слюдяной просвет
И на север шлёт губами гордыми
От казачьей вольницы ответ.

А в степях размётаны полки его...
Сталь догнала, уложила всех.
Это - слободских, да что из Киева,
Да черкасских, да изюмских грех.

Да измена Зерщикова чёрная...
Эх, Ильюшка, вспомнётся и ты
В час, когда тебя путина торная
До последней доведёт черты!

Ряд за рядом, линия за линией
Уложила, налетев гроза,
И сверлят Азова небо синее
Мертвецов потухшие глаза.

Залегли на чердаке махальные,
Коршуном прочёсывают степь, -
В мареве горят станицы дальние,
Лижет небо огненная цепь.

Влево - Дон лазурный лентой стелется,
Заслонились ерики кугой -
Ровно в играх улыбку девица
Прикрывает от стыда.

Крылья ноне подсекли Кондратьевы:
Сабель-то - всего десятков с пять.
Враг силён! Теперь не обыграть его,
И к Азову не пробиться вспять.

Не дробить тебе б, Кондратий, силушки,
Не нестись за Атаманством вскачь!
Приведёт тебя к сырой могилушке
Атаманский кованый пернач!..

Будто ржа ест горькая кручинушка
Сердце удалого казака
И глядит он с грустью на кровинушку,
На Микитушку, свою сына.

Степь вздохнула, вздрогнула от боли,
Пыль взвихрили тысячи подков...
Расставаться Матери - легко ли
С самым неуёмным из сынов?

Степь вздохнула - скоро опояшут,
Туго стянут, не дадут вздохнуть,
И пришлец рукою смелой вспашет
Плугом взрежет девственную грудь.

Ближе, ближе. Раздаётся внятно
Зычный крик: "Бери живьём сарынь!"
И с коней соскальзывают пятна
В чернобыль и горькую полынь.

И в станице - по базам, баштанам,
И от куреня до куреня,
Вперебежку к дому Атамана
Подползают, саблями гремя.

И ползком затягивают тесное,
Неразмычное куют кольцо...
Знаменье творит Кондратий крестное,
Неподвижно белое лицо.

Сбиты петли топором тяжёлые,
Рухнули ворота, грохоча...
Пули тесно завели весёлую,
Каплет кровь с Кондратьева плеча.

Под ударами лома гнутся двери,
Все уже отрезаны пути -
Не спасется загнанному зверю,
От собачьей своры - не уйти!

И под шашек свист и вой проклятий,
Тяжких ран превозмогая боль,
Твёрдою рукою к виску Кондратий
Приложил измирскую пистоль.

Дым рассеялся. Так, избежавши сдачи,
Ныне чист земных забот и вин,
Зашагал к ответу сын казачий,
Божий раб - Кондратий Булавин.

Наша казачья народная поэзия знает, имея в себе особую лирико-эпическую песню с бытовым сюжетом, которая называется балладой, а по казачьему образному выражению - сказом. Подходя к критическому рассмотрению этой поэмы Н.Н. Воробьева, надо признать большой поэтический талант автора. И его начинание творить казачью народную балладу-сказ, весьма обильно насыщенную казачьи образными словами, можно лишь одобрять и приветствовать.

Важным фактом есть то, что Н.Н. Воробьев использовал для своей исторической поэмы "Кондратий Булавин" сюжет из Казачьей Истории. Более того, в этом исторически поэтическом произведении казачьего поэта Н.Н. Воробьева, заметно большое стремление передать полностью дух казачьей народной поэзии, народных казачьих преданий.

Разбирая эту поэму всецело в рамках академического порядка, остается отметить полную синхронизацию стихотворного сложения, умение владеть рифмой, как и специфическую стройность в развитии фабулы самой поэмы, что конечно надо признать за проявление свойственного Н.Н. Воробьеву, его личного литературного стиля. В конце концов, в порядке критического суждения, остается отметить, что Н.Н. Воробьев, вполне сформировавшийся и законченный казачий поэт, и при том подающий большие надежды в развитии его таланта.

5/МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГАВРИЛОВ.

Большой казачий поэт М.И.Гаврилов, природный казак хутора Майорского, станицы Нагавской, 2-го Донского Округа, Донского Войска, родился в 1919 году. Его отец, Иван Кузьмич Гаврилов, находясь все время в 1918-1920 годах, в рядах Донской Армии, сражаясь против русских коммунистов, вынужден был уйти в эмиграцию в 1920 году, где первоначально жил в Болгарии. Семья же его: жена и трое детей, в числе которых был и будущий казачий поэт М.И.Гаврилов, принуждена была владеть тяжелое существование, находясь на поработанном Дону. Тщательно скрывая свое казачье происхождение, мать его принуждена была часто менять свое местожительство, дабы избежать преследования со стороны пришлых и местных оккупантов русских коммунистов.

Проходя тяжелую школу жизни, казачий поэт М.И.Гаврилов, начал свое первоначальное учение в начальном училище жел.дор.поселка при ж.д.станции Котельниково/юрт станицы Верхне-Курмоярской/. Не приходится говорить и о том, что постоянной мечтой всей семьи Гавриловых было сильное желание и стремление соединиться с отцом и мужем И.К.Гавриловым, находившимся в эмиграции.

И просто чудом казалось осуществление этих желаний в действительности, когда благодаря совпадению различных благоприятных обстоятельств, вся семья Гавриловых/мать и трое детей/, сумела с группой греков, бежать в начале 1925 года, на пароходе с Черноморского побережья в Грецию, откуда в скорости переехали в Болгарию к отцу и мужу.

Учась в эмигрантской русской гимназии в Софии/столица Болгарии/, М.И.Гаврилов в 1929 году переехал с родителями во Францию, где они и остались жить в небольшом городке Монбаре, расположенном на жел.дороге между г.г.Парижем и Дижоном.

Много было затрачено энергии и трудов, как его родным отцом, так и другими казаками, чтобы дать возможность М.И.Гаврилову поступить учиться в Парижскую эмигрантскую русскую гимназию. Здесь проявилась в полной мере вся импульсивность незаурядной натуры М.И.Гаврилова, сказавшаяся в том, что он получив отказ в получении стипендии Американского благотворительного Комитета, в своем юном возрасте принужден был работать тяжелым физическим трудом в Монбарском металлургическом заводе, где работали также его отец и много казаков. Последние оказывали большую материальную помощь будущему казачьему поэту М.И.Гаврилову, для продолжения учения в гимназии в Париже, в зимний период времени.

Так жил, трудился, учился и подрастал М.И.Гаврилов, проявляя свои большие способности, став первым учеником в своем классе, что и повлияло в конце концов на получение им американской стипендии. Однако, закончив гимназию, М.И.Гаврилов не мог далее учиться за отсутствием средств. Женившись и имея свою семью, переехал жить в г.Труа/Западная Франция/и там работая в фабрике, в исключительно тяжелых условиях, и находя время для своего казачьего поэтического творчества, на протяжении многих лет, стал одним из наиболее крупных казачьих поэтов в эмиграции.

В конце 1964 года, в издании "Казачье-Американского Народного Союза" в США, была издана ротаторно, об, емистая книга/202 стр./ стихотворений М.И.Гаврилова, под названием: "ДУМЫ КАЗАКА". Кроме того, надо отметить, что М.И.Гаврилов очень продуктивен в своей творческой работе, как поэт-литератор, печатая постоянно свои многочисленные стихотворения/исключительно на казачьи темы/,

в различных эмигрантских печатных изданиях.

Бесконечная любовь М.И.Гаврилова к казакам, ко всему Казачьему Народу, к Тихому Дону, его родной колыбели, к широким привольным степям, к казачьим хуторам и станицам, к седым курганам, свидетелям многовековой казачьей жизни, славы и скорби, к песчаным кучугурам, казачьим лазоревым цветам, к казачьему народному песенному фольклору, к почитанию памяти казачьих национальных героев, дают возможность создавать массу разнообразных поэтических образов и мотивов для его недюжинного поэтического творчества, снискавшего большую литературную известность и признание критики в отношении казачьего поэта М.И.Гаврилова.

НЕ ЗАБЫВАЙ! .

Пожар, что горел там, еще не потух,
Нам русского рабства не нужно.
На дерзость ведет нас Казачий наш дух,
С ним мы пойдем вдаль послушно.

За степи, за реки, за наши поля,
За нашу священную Волю!
Боролись мы годы и ждем мы не зря,
Что снова вернемся мы в Поле.

Борись! Только это осталось нам,
Пусть Дух никогда не погаснет,
Придет это время, начнется и там,
Что нам давно сделалось ясно...

Мы, Волю и счастье сплетем за одно,
Мы зло навсегда уничтожим
И то, что там было, когда-то давно,
Нам новое строить поможет!

Лирика стихотворного сложения казачьего поэта М.И.Гаврилова достигает своего полного совершенства, когда он поэтизирует полную гамму казачьих исторических событий, ушедших в Лету, сопоставляя таковые с страдной долей, выпавшей в судьбе современных казаков. Наростающая душевная боль поэта, отдается гулким эхом в его экзальтированном сознании, отражаясь в действительности звенящими строфами талантливых стихов, творимых искусной рукой подлинного мастера-поэта.

ДИКОЕ ПОЛЕ.

Поле, поле, ты, Дикое Поле,
Поросло ты буйною травой:
О потерянной Казачьей Воле,
Думу думает простор степной.
Пролетала буря непогодой,
Пала, пала северная ночь!
В темноте Казачьему Народу,
Стало жить совсем не в мочь...
И куда душа ты отлетела,
Что не радуется людей покой!..
Степь вся разом, будто омертвела,
Жалко плачет чибис над рекой.

Позабыты все пути-дороги,
Где ходили раньше казаки:
Притупилась память понемногу,
Пожелтели белые пески...
Встаньте тени Вольных Атаманов,
Казакам пришлось жить тяжело.
Сколько их среди родных курганов,
Во степи костями полегло?
И во мгле кровавого тумана,
Не видать в ночи ярких костров,
Не услышать шумный гомон стана,
Не услышать песни казаков...
Во степи, оскалив зубы нагло,
Ходит смерть хозяйкою всегда.
Жизнь былая сгинула, зачахла,
Убегают тусклые года.
Эх! Же жизнь, ты, Вольная Казачья,
Кто тебя на рабство променял?..
Кто не знал, как горько люди плачут,
Чтобы встал и все бы увидел!..
Слава всем пожертвовавшим жизнью,
За Свободу и за Край Родной.
Пусть же тем, кто продали Отчизну,
Не найти нигде себе покой!..
Далеки синеющие дали,
По траве бежит вдаль ветерок.
Что ж? Иль мы не казаками стали,
Или ждем, когда наступит срок?
Ой!.. Степана дух ты непокорный,
Мука тяжкая Булавина.
Знаем мы, что только может вольной,
Быть всегда Родимая Страна!
Нам не нужно у других учиться,
Как Родимый Край свой защищать.
Наши предки завещали биться
И других примеров не сыскать...
Нас ведет вперед былая слава,
Миллионов жертв нам не забыть!
Неотъемлемое наше право -
На своей Земле свободно жить.
Гей! Нам больше никуда не скрыться,
Разорвем судьбы проклятый круг:
В Диком Поле снова возродится,
Как и встарь Казачий Вольный Дух...

Звучность каждого стиха, законченность стилистической отработки такового, в сочетании с согласованностью ритма поэтической лирики, при абсолютной заполненности содержания творимого, определяют подлинную эстетичность поэзии казачьего подлинного поэта М.И. Гаврилова. Нет слов для выражения того, что можно видеть в таланте последнего, где вне всякого сомнения искра Божия, сопутствующая прирожденному поэту, ставит его в первую шеренгу казачьих поэтов вообще.

В лице М.И. Гаврилова выражен ярко не только поэт-мыслитель, но безусловно и поэт-художник, неразрывно связанный с первым. В приводимом ниже его стихотворении, своего рода лирической поэме, казачий поэт М.И. Гаврилов проявил не только силу и бо-

гатство образов и выражений, но дает кроме того еще и глубокий символизм их, делая гармоническое сопоставление картин природы с казачьей психологией.

ЗИМНИЕ НОЧИ.

Ночи, ночи, вы-темные ночи,
Заболела от дум голова.
Не сомкнутся усталые очи,
Для чего все пустые слова?

Слышно ветер гудит за стеноб,
В зимнем холоде стынет земля:
Мчатся мысли несвязно толпою,
На душе беспросветная мгла.

Время как-то прошло, пролетело
И в груди сердце глухо стучит.
Ах! Зачем нам судьба повелела,
На чужбине свою жизнь прожить...

По родному, степному простору,
Жутко пала везде тишина.
По казачьему тяжкому горю,
Изнывает в бессильи душа!

Рассказать разве кто-нибудь сможет,
Весь Казачий мучительный путь.
Потерять, что всего нам дороже,
Что назад никогда не вернуть...

Эх! Покинуло нас наше счастье,
Затуманилась ясная даль:
В мировом беспросветном ненастьи,
Мрак на души обманом упал!

Бесконечны вы зимние ночи,
Как пугает людей ваш покой;
Мгла с землей расставаться не хочет,
Солнце ноет и бьется тоской.

Перед рассветом седые туманы,
Покрывают землю всегда.
Открываются старые раны
И на холоде стынет вода.

Боже, Боже! На этом нам свете,
Много в жизни пришлось пострадать.
За чужие ошибки ответить,
И в надежде зари новой ждать!

Но не будет-же ночь вечно длиться,
Чует сердце - рассвет недалек!
Небо снова огнем загорится,
Новым светом осветит восток.

Солнце ярко для всех засияет,
Навсегда от лучей сгинет тень.
И Казачья Земля вся узнает,
Что пришел снова радостный день!

В лирике М.И. Гаврилова, его поэтическая Муза обретает и достигает необыкновенной художественной силы, сочетаясь полно и

тесно, как в ярких и выразительных красках его поэзии, так и в исключительной музыкальности тонов гармонии. Как яркий и характерный образец многообразного дарования и поэтического творчества казачьего поэта М.И.Гаврилова, является в данном случае его замечательное стихотворение, как то:

НЕСБЫТОЧНОЕ.

Над лесом заснувшим играет луна,
Серебряным светом рисует она.
Над лесом упала на ночь тишина
И тени блуждают забытого сна.

Затих шумный ветер, он спит у реки,
Где стыннут в тумане вода и пески,
Где тени рождаются, где тени бегут
И в лес друг за дружкой неслышно плывут.

Спит ветер! Дымится туманом река,
Назавтра дорога лежит далека
И призрак за призраком смутно встает,
В лесу ночь проводит и что-то там ждет.

Прошедшую жизнь вспоминают они,
Когда еще снились счастливые сны.
Они только снились, но быстро ушли
И счастье земное с собой унесли...

А в жизни была и тоска, и печаль,
И было кого-то безумно так жаль.
Кого-то...кого-то старался искать
И мимо пройдя, ты не смог угадать.

Казачья литература обретя казачьего поэта М.И.Гаврилова, вправе гордиться последним, как подлинным казачьим национальным поэтом, творящим свои превосходные поэтические произведения лишь на основе казачьей тематики.

6/АНТОН АНДРЕЕВИЧ ГОЛОВАТЫЙ.

В Казацъей истории широко известны два Головатых, а именно: 1/Войсковой Судья Запорожской Сечи Павел Головатый, захваченный русскими войсками при разрушении Запорожской Сечи 5 августа 1775 года и находившийся потом в заключении в Сибири, и там же умерший, и 2/Войсковой Писарь Запорожской Сечи Антон Головатый, а потом третий по счету Кошевой Атаман Черноморского Казацъе-го Войска на Кубани.

Настоящее указание имеет своей целью предупредить наших читателей, что казацъей исторической личностью был не только Павел Головатый, которому иногда некоторыми неосведомленными бытописателями, придается общая историческая роль/взамен личности Антона Головатого/и значение в Казацъей истории, что является грубейшей исторической ошибкой и даже иногда искажает историческую достоверность.

Говоря о Антоне Головатом, надо отметить, что он родился в 1732 году, на терренах теперешней Украины, в семье казацъею старшины Андрея Головатого, но где именно, история не сохранила точных исторических данных. Получив законченное образование в Киеве, в одной из школ Киевского Братства, он отправился оттуда в Запорожскую Сечь в 1757 году. Обосновавшись в Кущевском курене, Антон Андреевич Головатый обращал на себя буквально всеобщее внимание старых січовіків, изумляя последних не только своей личной отвагой и храбростью, но еще и исключительной смысленностью и грамотностью. И в результате всего этого, уже в 1764 году, Антон Головатый исполнял должность Войскового Писаря Запорожской Сечи, имея только 32 года.

В последние годы перед разрушением Запорожской Сечи/1775/, он почти ежегодно выбирался на должность Атамана Кущевского куреня. В самый же год гибели Запорожской Сечи, он был в Петербурге, куда Запорожцы отправили специальную делегацию во главе с Сидором Билым, добиваться защиты своих казацъих прав перед императрицей Екатериной 2-й.

В 1787 году, "Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, Всемилоостивейшей Государыни, генерал-фельдмаршал, Главнокомандующий армиями российскими, действующими на Юге, флотами на Черном, Азовском, Каспийском и Средиземном морях и всей легкой конницею регулярно и нерегулярною, сенатор, Государственной Военной Коллегии Президент, Екатеринославской, Таврической и Харьковской генерал-губернатор, Ея Величества генерал-адъютант, войск Генерал-Инспектор, Действительный Камергер, лейб-гвардии Преображенского полку подполковник, корпуса кавалергардов, полку Кирасирского своего имени, Санкт-Петербургского драгунского и Екатеринославского шеф, мастерской оружейной палаты Верховный начальник и орденов Российских Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Военного Святого Великомученика и победоносца Георгия, Святого равноапостольного князя Владимира первых степеней, Королевских Польских Белого Орла и Святого Станислава, Прусского Черного Орла, Датского Слона, Шведского Серафимов и Великокняжеского Гольштинского Св. Анны, кавалер, граф Григорий Потемкин-Таврический, Священные Римские Империи князь, Великий Гетман Императорских Казацких Войск, бывший "Запорожский казак Кущевского куреня Грицько Нечоса"/Потемкин фаворит Екатерины 2/ получивший в дар от последней 200.000 десятин, бывших земель Запорожской Сечи/после ее разрушения русскими войсками/, учитывая значение и полез-

ность Запорожских казаков, в связи с началом новой очередной русско-турецкой войны в 1787 году, бросил вызов Запорожским казакам, которые еще оставались в пределах Российской империи, пытаясь создавать из них особые пикинерные полки для российской армии. Однако, из этого начинания Потемкина, ничего не вышло, ибо Запорожцы не пошли на эту "ловушку".

В конечном результате, Екатерининскому фавориту Потемкину, ничего не оставалось делать, как согласиться с предложением Антона Головатого, собрать воедино всех бывших Запорожских казаков, из числа оставшихся в России и создать из них прежнюю Запорожскую Сечь.

Действительно, Антону Головатому и Захарии Чепиге удалось собрать в наикратчайший час несколько тысяч Запорожцев и образовать из них особое Казачье Войско, получившее официальное название: "Войско Верных Казаков". Впоследствии, эти казаки, по велению Екатерины 2, были поселены на землях между реками Днестром и Бугом, став называться: "Войско Верных Казаков Черноморских".

В это время, т.е. в 1787-1794 годах, Антон Головатый командовал первоначально одним казачьим конным полком, а потом получив чин бригадира, прославился своими военными подвигами в сражениях против турок. Во время штурма турецкой крепости Измаила, Антон Головатый командовал казачьей гребной флотилией. Позже, при взятии казаками острова Березани/недалеко от Очакова/, Антон Головатый явился с докладом к Потемкину, рапортуя о взятии казаками Березани, и увидев Георгиевский крест на груди Екатерининского фаворита, запел внезапно полным голосом: "Кресту Твоему, поклоняемся Владыко!". Пораженный выходкой Антона Головатого, Потемкин снял с своей груди белый крест ордена Св. Георгия Великомученика и Победоносца и приколот его на кафтан Антона Головатого, тем самым проявляя недвусмысленный намек на возобновление новых симпатий к Запорожским казакам с своей стороны.

Перейдя на мирное положение, "Войско Верных Казаков Черноморских", имевшее свою столицу в местечке Слободзее, избрало Антона Головатого Войсковым Судьей.

Стоя во главе особой делегации Черноморских казаков, отправленной Войсковой Радой в Петербург, хлопотать перед императрицей Екатериной 2, о переселение Черноморских казаков на Таманский полуостров, Антон Головатый проявил здесь себя впервые, как общепризнанный казачий "пиита"/поэт/.

Поднося Войсковую хлеб-соль Екатерине 2, в знак вынужденной благодарности казаков за "Высочайшую Грамоту, жалованную Черноморскому Казачьему Войску 30 июня 1792 года, на вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию со всей землей/Таманский полуостров, прим. наше/, лежащей на правой стороне реки Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому реду, так чтобы с одной стороны река Кубань, а с другой же Азовское море до Ейского городка, служили границей Войсковой Земли", Антон Головатый произнес ответную благодарственную речь от имени возглавляемой им казачьей делегации, обращенную к императрице Екатерине 2, заканчивая речь своими сочиненными словами, где наиболее колоритным было само окончание этих "виршей"/стихов/:

"Мати наша Катарина, вража баба,
Будь здорова, як корова,
Щедровита, як земля,
Плодовита, як свиня!.."

Фурор от декламации Антоном Головатым стихов собственного сочинения перед императрицей Екатериной 2-й, в дворцовом зале, был неописуем. Екатерина 2 не зная, как себя держать в данном случае и исходя от злобы и обиды, спросила по французски, рядом с ней стоявшего Государственного Канцлера графа Безбородко, украинца по происхождению, являются ли вполне литературными слова "виршей"/стихов/, произнесенные Антоном Головатым? Не задумываясь, Безбородко ответил императрице, что на языке Запорожцев, все произнесенное от начала и до конца, вполне отвечает своему назначению, почему литературность стихотворного стиля соблюдена полностью и нет никаких оснований подозревать в чем либо предосудительное.

Начавшийся было инцидент, был замят и все закончилось благополучно для Антона Головатого.

15 июля 1793 года, Войсковой Судья Антон Головатый, находясь во главе последней партии Черноморских казаков и тяжелого казачьего транспорта, оставил слободу Слободзею и выступил с реки Днестра походным порядком, вдоль морского побережья, в направлении на Таманский полуостров.

В 1794 году Антоном Головатым был разработан и написан: "Порядок Общей Пользы", который включал в себе организованные мероприятия в отношении управления переселившимися Черноморскими казаками на Тамань "с окрестностями", как и казачьего землепользования и вообще вопросов расселения казаков на Кубани.

Один из современных казачьих писателей, сам прямой потомок Запорожских казаков, природный Кубанский казак/Черноморец/ген. штаба ген.м.П.И.Кокунько, занимаясь рассмотрением вопроса о преемственности Черноморских казаков от Запорожской Сечи, писал:

"...Мы имеем иногда скверную привычку выискивать темные стороны наших прошлых деятелей и не обращая внимания на ту обстановку, среди которой им пришлось действовать, пятнать их, забывая при том, что это были все таки люди, а значит и не чуждые ошибок. Так и с Головатым: ставят ему в вину, что он делал, да не доделал. Бывшее Запорожье восстановил, да не постарался восстановить, бывшее при нем народоправство; о Раде он позабыл и нигде, ни при каких обстоятельствах не вспоминал о ней!".

"...Рада...народоправство...да ведь это и было то "неистовое правительство", которое упоминается в царском указе, как основная причина уничтожения Запорожской Сечи. Это означало бы начинать борьбу с непреодолимой силой и похоронить окончательно последний отпрыск некогда славного казачества, начать борьбу, не находя поддержки в тех, интересы которых, казалось бы, совпадали с интересами сохранения Запорожья.

Ставить в вину Антону Головатому то, что работая для Войска, он не забывал себя, тоже нужно с осознанностью. Быть может, честолюбие было ему присуще, как и всякому общественному деятелю, но в некоторых случаях, он и предпочитал личный интерес общественному, но не нужно забывать, что в то время громадное значение и успех имел тот, кто был силен, кто имел значение в сферах, где ему приходилось работать. Головатый это сознавал прекрасно и поэтому не пренебрегал средствами для приобретения своего собственного значения, что конечно не всякий понимал. Но важно то, что во всех случаях, на всяком месте, он никогда не забывал интересы Войска и жертвовал ими только в крайних и необходимых случаях, чтобы в будущем времени вернее достичь, может быть, большего.

Несомненно, что в этот ранний период его деятельности, находились недовольные его поведением, обманувшиеся в своих ожиданиях и получении всех тех вольностей, которые были утеряны с уничтожением Запорожской Сечи, но это указывает на их непонимание истинного положения дел, на непонимание шагов, предпринимаемых Головатым, обяснять которые было тогда не в интересах дела, тем более, что он не искал популярности, а занят был тем, чтобы закрепить уже достигнутое им... Многим это казалось мало, но тем не менее Головатый все ж пользовался большим авторитетом, как сверху, так и снизу. Его уважали и даже побаивались. Все ответственные поручения, требующие ума, энергии и иногда изворотливости, возлагались на Головатого. Строго говоря, Антон Головатый был истинным создателем Запорожского Казачества. Ему принадлежала, как инициатива этого дела, так и осуществление его. Забыть Головатого было бы большим грехом." /П.И.Кокунько: "Наше прошлое". Журнал "Вольное Казачество" №66, стр. 8-9. 10.10.1930. Прага-Чешская/.

В 1796 году два полка Черноморских казаков участвовали в Персидском походе, состоя под командой бригадира Антона Головатого. Со смертью Кошевого Атамана Черноморского Казачьего Войска Захария Чепиги, казаки избрали новым Кошевым Атаманом Антона Головатого, находившегося в Персидском походе. Однако, Антон Головатый приняв этот пост, пробыл Кошевым Атаманом всего две недели, умерши 29 января 1797 года, в возрасте 65 лет, ровно через две недели после смерти Захария Чепиги.

Антон Головатый написал много популярных песен Черноморских казаков, какие были собраны в двух рукописных сборниках, дошедших до нашего времени.

Память о Антоне Головатом была увековечена в истории Кубанского Казачьего Войска, где он был наименован шефом одного из первоочередных казачьих полков, т.е. 1-й Уманский казачий бригадира Антона Головатого полк.

Прилагаемый фотостат портрета Антона Головатого во весь рост, приписывается известному художнику XVIII-XIX столетий, М.И.Иванову/1748-1823/. Холст, масло, размер 197.5 на 97.5 см.

7/ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ ГОНЧАРОВ.

Блестящий по форме содержания, замечательный по облику стихотворного стиля, великолепный по эстетичности стихосложения, подававший столь большие надежды, как многообещающий казачий поэт и очень рано вычеркнутый судьбою из списков жизни, имея в момент смерти всего 22 года, молодой Донской казак инженер кандидат Ю.Ф.Гончаров творил и писал очень образные и колоритные стихотворения.

ДЫМИТ АРОМАТАМИ ВЕЧЕР.

Дымит ароматами вечер
В разбитые пасти окон,
В далеких зеленых заречьях -
Прощальный, закатный огонь.
Собираются темные тучи,
По улицам дремная тишь:
И месяц всплывает беззвучно
Над серым безмолвием крыш...
Безлюдье! Синеются лужи,
Уснул... или вымер народ.
Хорунжий, убитый хорунжий -
У ветхих подгнувших ворот...
Прощальным багрянцем залиты
Молчат обгоревшие пни.
Убитый,
Убитый,
Убитый,
Кусает сухие репья!..
...Господнего лика сверканье
Увидев, упал навсегда,
Лицо раздробивши о камни,
Приникнув к Господним следам.
А конники - дальше промчались...
А пули-вперед понеслись,
Туманя песчаные дали,
Сверля синеглавою высь...
...Заря отпылает на стеклах.
Вороны слетятся на снесь!
Будь проклят,
Будь проклят,
Будь проклят -
В овинец замуравивший смерть.
...Слетаются мраки быстрее -
Приемлят посмертный поклон.
На рваной рубахе белеет,
Измятый белеет погон...
Застывшей чернеется кровью
Летящей вороны крыло.
Безмолвье...
Безмолвье...
Безмолвье -
Над старой уснувшей землей.

28.7.1928.
Брно - Моравия.

22 марта 1929 года умер 22 лет, молодой и очень талантливый казачий поэт Ю.Ф.Гончаров, природный Донской казак, станицы Каменской, Донецкого Округа, Донского Войска. Закончив Донской кадетский корпус на чужбине, Ю.Ф.Гончаров переехал из Югославии в Чехо-Словакию в 1925 году и поступил в Политехнический институт в г.Брно/Брюнн/. Здесь начала развиваться его плодотворная поэтическая деятельность, он стал сотрудничать в многочисленных казачьих эмигрантских журналах, помещая свои замечательные стихотворения, имевшие большой успех у читателей и почитателей его поэтического таланта.

Работая упорно по оформлению своих произведений, автор достиг известного совершенства, что было отмечено весьма благожелательно современной литературной критикой, предсказывавшей ему блестящую будущность, но, неожиданная смерть вырвала этого замечательного казачьего поэта из рядов жизни, прервав его поэтическую деятельность, почти в самом начале ее.

В 1928 году, была издана первая и последняя большая литературная работа его:

Ю.Ф.Гончаров: "Книга стихов". 59 страниц. Прага-Чешская. 1928 г.

Один известный литературный критик того времени, давая критическую оценку книге Ю.Ф.Гончарова, написал пространный критический очерк, который приводится в выдержках, как оценка вообще всей литературной деятельности казачьего поэта Ю.Ф.Гончарова.

"...Первое стихотворение в "Книге стихов" Юрия Гончарова о "золотом волшебном кубке", где "горит хрустальный иней беззаботного веселья"/стр.11/, позволяло бы ожидать, что и дальнейшие песни поэта, будут такими же радостными, что все его творчество будет золотым веселокипящим кубком.

Но уже дальнейшие стихотворения колеблют эти ожидания. Еще несколько страниц и мы совсем от них отказываемся.

Да, в поэзии Гончарова мало обещанного им веселья! Вообще у него немного светлых песен.

Счастливым исключением кажутся в сборнике такие стихотворения, как первое или как "Синий щит", с его радостной стремительностью/стр.14/.

Смелый призыв к древней воле -

Три сверкающих луча!

В черно-синем узком поле -

Три скрещенных пернача!..

Даже те некоторые стихотворения Гончарова, где просыпаны крупицы радостного, часто кажутся более хмурыми, чем светлыми, более холодными, чем теплыми.

Снег рассыпан сетью тонкой,

Да в следах под хрусткой коркой,

Затаясь вода лежит.

Ночь темна, да яркий светл

Огонек во мгле. -

Говорит поэт о ночной дороге/стр.12/, но почему то уходя от этого стихотворения, больше помнишь следующие его строки:

Ночь глуха и небо черно.

Голый лес гудит покорно!

Только ветер мчит проворно -

По сухим местам шуршит -

Ветер чащу сторожит.

Поэт видит "весенние дымы"/стр.41/, но "за пряжею зимних мятелей":

Смотри вперед: за пряжею мятелей
Весенние дымы взметнулись к небесам!
Иные голоса в полуньи прогремели.
Велели людям жить - зеленеть лесам!..

В этом весеннем стихотворении зимы столько же, сколько весны,
если не больше:

И ты, и я, - мы хрусткие снежинки,
За крыльями зимы промчались туда,
Где ночи - как хрусталь, и дни - как пламень жидкий,
Где в снежной синеве зыбятся города...
Мы видели во льдах узорные окошки
В глубины капищ северных богов!
Мы излетали все завьюженные стежки,
Овеянные сном и песнями богов.

Не меньше места отводит поэт зиме и прощанию с весной/стр.
50/. Заревое, весеннее:

Что мне спокт весной зареявшие звуки?
Чей затаю, как снег, сверкнувший взгляд?
И целовать кому трепещущие руки,
Я буду на заре у каменных оград?..

заслоняется мертвенным зимним:

Я ухожу. Пока! В морозные пещеры.
Послав прощальный знак верхушкам синих гор...
Застыть в метельной мгле, в лохмотьях снежно-белых,
Раскинув по снегам остекляневший взор
И, омертвев в жилье холодных ураганов,
Задумываюсь о днях, летящих в смене лет...

Проводивши весну, поэт не принимает лета, - пройдя мимо тепла,
солнца, уходит в зимние "морозные пещеры". Весенний взгляд женщи-
ны, сверкнет ему льдистостью снега/"чей затаю, как снег сверкнув-
ший взгляд?"/. Характерно это пристрастие поэта к зиме, к ее
холоду, снегу.

Радость встречи с любимой как-то невольюно ущемляется бледным
солнцем "чертой садов угрюмых", тем, что для нее осенний вечер
"в саван синий сад оденет"/стр. 43/.

Замыкайте берлоги хмурые,
Заходите в чужие дворы,
Выходите на площади шумные,
Беззаботные школяры!..

Быть может, тут/стр. 48/ сверкнет весельем?.. Нет:

... Старый мир наш давно заплесневел.
Бог не любит наши пиры...
Веселите ж прохожих песнями,
Удалые друзья, школяры!..

Даже веселье "Гаудеамуса"/старинная традиционная общестуден-
ческая песня на латинском языке, прим. наше/-/стр. 27-28/:

-Выше, друзья, полнозвучный стакан!
Хмельные головы - выше!..
Каждая балка - привольный нам стан,
Звездное небо - нам крыша!..

не так уж радостно у поэта:

Тусклы зеркала в табачном дыму.
В комнатах вечер мглился!
Между столами, склоняясь ко сну,
Бритые дремлют лица.
Шелестом слов зачарован камин...
Речи не слышно пылкой...

Вот усмехаясь, поднялся один,
Звякнул о стол бутылкой.

Сумрачна, хмура лирика Гончарова:

Взгляд унылый прячут очи;
Сны - давно темны и грубы/стр.13/.

...Не сын, лишь хмурый раб я Бога/стр.23/.

Долго ль чувствовать бесплодный,
Окаянный сумрак дней?

Горечь любви, предчувствие близкой смерти, тоска по родине,
вот главные мотивы лирики Гончарова; вот почему грустна она...

Не грусти; что сердце милой

Не тебя - другого ждет...

Не грусти, что разлюбила, -

Завтра новая придет -

хочет поэт успокоить "неумолчный сердца стук..." /стр.16/.

Ему "зимней ночью вспоминается обманувший смех девичий" /стр.21/:

Темной ночью осенней
Снится - шелест платья.

Ночи чуткие мгновенья,

Слов мерцающих заклятья,

Нежных губ прикосновенья...-

и ранят душу" и тревожат все больше "эти" отголоски забытого..."
стр.13 :

Следя полет веков, предав свой мир безмолвью,

За огни в ее изменчивых зрачках,

За огни, что - для меня и - для других,

За тоску, что принесла издалека

И смеясь мне подарила в скорбный миг...-

Что в стихотворениях Гончарова, слышится предчувствие близкой смерти, уже заметил поэт Константин Поляков/"Книга стихов", стр.8/.

Замечание это, относящееся к стихотворениям последних месяцев жизни Гончарова/начиная с середины 1928 года/, может быть распространено на весь период его поэтического творчества /см."Книга стихов"/.

Мы уже слышали от поэта: "...видно, мало жить, осталось мне на свете..." /стр.13/.

В другом месте/стр.15/, он обращается к времени, все приближающему его смерть:

Ты-время-мне плесни еще десяток капель,

В пустеющий мой ковш, прилей огня и света...

В "хмельном плясе, в пеньи диком" ему "панихидный слышен звон!..." /стр.39/.

Он сам хотел бы умереть:

Долго ль чувствовать бесплодный,

Окаянный сумрак дней?/стр.25/.

Или:

Пусть - сильнее угрюмится вечер.

Мне бы тоже... скорее уснуть./стр.29/.

Иногда ему даже весело думать о недалекой смерти:

Где бы мне того могильщика сыскать,

Что придет мою могилу зарывать,

Где бы нам с ним по душам говорить,

Как бы трубочку с ним вместе покурить?..

Как бы мне с ним провести морозный вечер,

Посмеяться о последней нашей встрече?../стр.51/.
Ему близки вообще мысли о смерти:

...Может быть в час полночных снов...

В тенях полустертых,
Я пойму - значение слов...

И молчанье мертвых.../стр.17/.

Для большей полноты характеристики поэтического творчества Гончарова, следует сказать о сказачном, фантастическом в его стихотворениях, этом отзвуке золотого детства поэта:

В чаще, неумолчно, где ручей журчит,
Над кострами колдунья тихо ворожит.

Пляшут феи вокруг волшебного огня,
Серебристыми чуть крыльями звеня!

Золотые искры в стороны летят,

Платья светлые бесшумно шелестят.../стр.22/

А вот -

Через вербы сумрачно скрючась,
Мчитя вихрем Баба-Яга.

.....
Сумрак спит над водою...

Спины горбя, молятся пни.

Хлещет ведьма тучи метлою.

По над гнилушками пляшут огни.../стр.24/и т.д.

Отдельно хочется сказать о казачьем элементе в поэтическом творчестве Гончарова, о строках, зарисовывающих отношение поэта к его родине.

Поэт искренне и горячо любил свою Казачью, свою "серебрянно-ковильную Землю". Это он сказал: "Себе самому служить мелко и нет удовлетворения...одно только и осталась вера в Казачество, служение Ему!.." /"Книга стихов", стр.5/.

Выброшенный в эмиграцию, поэт не забывает о своей далекой родине. Ему только кажется, что забыл ее:

Позабыл...наверно, навсегда я -

Аромат родных, пахучих трав...

Я забыл реки зеленые извивы,

Где взвилась Донца хрустальная петля;

Умерли мне чародейные мотивы

И серебрянно-ковильная Земля.../стр.37/.

Поэт тоскует по родине. Тем более тягостна ему разлука с ней, что у него нет надежды увидеть ее когда-нибудь.

...Разродимая моя сторонка,

Ой да не увижу больше я тебя... -

Эта казачья песня, как отмечает поэт Константин Поляков/"Книга стихов", стр.8/, была любимой песней покойного казачьего поэта Гончарова. Тоскуя, поэт спрашивает:

Долго ль чувствовать бесплодный

Окаянный сумрак дней?

.....
Знать, что в Край степной навеки

Мне заказаны пути,

Что не я один, бездомный,

В тьмах блуждаю без дорог?../стр.25/.

В другом месте/стр.27/, поэт хочет уверить себя, что и в скитании на чужбине ему хорошо:

Все нам Вселенная - радостный дом!

Всюду - родня нам найдется!..

Но тут же, принимая чужбину, поэт восклицает:

Слава степям и реке вековой!
Ерикам, музгам, заполям!..
Слава - держащим пернач золотой!

Как золотой пернач, так же дорсг ему и синий щит. Вот прекрасные строки о о нем: /стр.14/

Смелый призыв к древней воле -
Три сверкающих луча!
В черно-синем узком поле -
Три скрещенных пернача!..

.....
Кто слагает гимн хвалебный
И о древнем, кто грустит -
Тверже в руки щит победный,
Черно-синий узкий щит...

Ему не страшна смерть за родину:

...патрон влагая новый
В дымовом кругу,
Позавидую сурово
Павшему врагу /стр.35/.

Пусть еще свежими раны, - он хочет новой брани, хочет видеть свой родной Дон опять восставшим:

За родимые могилы
Встань мятежный Дон /стр.35/

Не страшно ему убить и родного отца, если "он-с чужими да с погаными":

Может быть, обнимусь с ним за беседу,
Может-шашкой стальной стебану через плечо!.. /стр.37/

Поэт с теми,

Кто смеется - смерти в очи,
Кто - за горсть родной земли,
Бросит жизнь в жертву ночи,
Чтоб сказанья вновь цвели... /стр.14/

Таков Гончаров - казачий поэт в своем поэтическом творчестве, и т.д. /Атеф: "Ю.Ф.Гончаров, как поэт". Журнал "Вольное Казачество" №76, стр.13-17. Прага-Чешская. 10 марта 1931 года/.

В заключение остается отметить, что безумно жаль было потерять так безвременно умершего очень талантливого и многообещающего в своем развитии поэтического творчества для казачьей литературы, выдающегося казачьего поэта Ю.Ф.Гончарова.

8/ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ДОНСКОВ.

Много поэтического дарования, переходящего в несомненную талантливость, можно видеть в стихотворениях казачьего поэта Н. Донскова.

НА ПИКЕТЕ.

Всюду в битвах ты мчался со славой бранной,
О клинок твой тупилась Дамасская сталь.
Ты маячил дозором над дымкой туманной,
Охраняя бессменно курганную даль!

Над тобой времена шли невзгодой осенней,
Заметая к тебе исторический след.
Песня славы затихла с волной белопенной,
Замер пафос недавней борьбы и побед...

Но сноровка твоя прошла мудрость столетий:
В бурю - бурный порыв, в тишь - размеренный шаг!
Много лет твои думы стоят на пикете,
Много лет твои чувства сидят в камышах!..

Не пылится под звонким копытом дорога,
Буйным бегом не тешит степь вольный казак.
Но, как ветры степные заслышат тревогу,
Загорится огнем давней славы маяк...

РЫЦАРЯМ ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ.

Вас было три в годину смуты
Три рыцаря Донской Земли.
За Дон все пали смертью лютой,
Когда он думы скрыл свои,
Когда над бездной безвременья
Стал Вольный Атаман один,
Когда сполохом в поколенья
Послал свой выстрел Каледин!
С бессмертной доблестью во взоре,
За честь, за жизнь родной Земли,
Назаров в смертном приговоре
Врагу скомандовал сам: "Пли!"
Отвергнув клич с Кремлевской башни,
Без черных дум, без громких слов,
В Казачью Летопись бесстрашно
Вписал легенду Чернецов...
Вас было три на грозном фоне
Три рыцаря Донской Земли.
В простор бессмертья мчат вас кони,
Вам славу шепчут ковыли.
Четвертый взял у павших знамя
И в степь привольную умчал.
Взмахнет седой орел крылами,
"По коням" - скажет - "час настал!"
И быль недавняя, как прежде,
Вздыбит степного скакуна.
Теперь же светлою надеждой
Живут в нас ваши имена!

ТРАУРНЫЙ ГИМН В ДЕНЬ ПОКРОВА.

Вы пали со славой бессмертной в битве,
Над вами стяг вольности наш водружен.
Просторы родные возносят молитвы,
Молитвенно шепчется Батюшка-Дон! и т.д.

ТИХИЙ ДОН.

В твоих слезах мои есть слезы,
В твоих стенаниях — мой стон,
Мои утраченные грезы
С тобой, отец плененный Дон...
Дроби волной насилья скалы,
Я твой первоначальный храм,
Твои заветные начала
Из дней былого воссоздам!
К твоей нетлеющей святыне
Потомков взоры прикую,
Духовных сил твоих твердыни
И укреплю, и воспую.
Твою немеркнущую славу
Я разолью в простор времен
И с нею вдаль пойду по праву,
Как верный сын твой, Тихий Дон.

ГОРИ МАЯК, ОГНЕМ ПРИВЕТА.

Гори маяк, огнем привета
Сквозь непроглядных далей мрак;
Как отблеск радужного света,
Душой принял тебя казак.
Пространства нет для думы вольной;
Для чувства нет мерила времен!
Кольнуло в сердце... слышу волны,
Блеснул струей Тихий Дон.
Пусть искры в огневом порыве
Влетят до мировых вершин
И гаснут в чудном переливе,
Нам осветивши путь один.
Зовешь на пир иль подвиг бранный,
Туда направь ты светоч свой,
Туда, где годы неустанно
Стоит бессменный часовой.

Д О Н .

Край мой родимый, в бездонной кручине,
В скорби безмерной надолго ль застыл?
Иль никогда над тобою отныне
Сокол степной не расправит уж крыл?
Кровь твоя пролита, тело распято,
Кажется, дух твой к кресту пригвожден,
Кажется, нет тебе к жизни возврата,
Летопись вырвет листы твои, Дон!

О чем ты расскажешь, курган мне могильный!
О буйных далекого прошлого днях?
О славе, что здесь протекала обильно,
О битвенных громах, тревожных огнях?
Расскажешь о том, что давно позабыто,
Что былью седой, как ковыль поросло,
Что дымкой столетий надежно покрыто,
Что время с собой навсегда унесло?
Мне дороги сказы далекого мифа
И слава, рожденная давним мечом,
Быть может, близки мне стремления скифа,
Я рад тебя слушать, но речь не о том.
Хотел бы с твоей отдаленной вершины
Взглянуть я на дали Донской старины,
Услышать от ветра степного былины,
Как песне, внимать звуку вольной волны.
Увидеть нежданно столб дыма тревожный,
Разжечь моим жаром призывный костер,
Разбить, что так долго порвать невозможно,
Поднять буйным кличем застывший простор.

ДОНСКАЯ ВОЛНА.

Подернулась мутью стремнина Донская,
Струи отряхнулись от долгого сна,
И гребни седые в просторы метая,
Пошла урагану навстречу волна.
Над степью широкой, над степью бескрайней
Гроза разразилась бранным огнем,
И в отблеске молний стоит на кургане,
Кто даль попирает вековую конем.
Из пепла встаешь ты, отец наш родимый,
Всю кровь твою высушил красный полон,
На жертвенных камнях тебя возродим мы,
На жизнь и на смерть, батюшка - Дон!
Сыны твои держат клинки наготове,
Их думушка волею вольной полна.
Так пенься же славой и в звуке, и в слове
Былое неси нам Донская волна!..

...Могучие скалы седого Урала
Над царством Сибирским возносят мой трон.
По всей по Руси моя слава промчала,
Ее отдаю тебе, батюшка-Дон.
Нет, царственным блеском Сибирской короны
Придонского сокола не ослепишь!
Милей мне струи искрометные Дона
И волны его не заменит Иртыш!..

/"Ермак-покоритель Сибири"-драматизированная поэма для театра,

...Вольное братство тернистой тропкою
К славе всемирной, не горбясь, пошло
И, как орел, перед силой любою
Не опустило покорно крыло.
Кто не поймет все величие стремлений,
Этого века побеждающий дух?

Кто из потомков не склонит колени,
К прошлому Дона останется глух?

/ "Азовское Сидение" - драматизированная поэма для театра /.
Резюмируя талантливое поэтическое творчество казачьего поэта П.Н.Донскова, остается подчеркнуть блестящую лирику его поэтических произведений.

ОБЩЕКАЗАЧИЙ ГИМН.

Полыхают пожаром казачьи станицы,
Ветер пепел несет по родимым полям.
Есть, за что нам с кровавой коммуной биться,
Есть, чем будет порадовать родину нам.
Подымаются волны Кубани и Дона,
Терек гневную пену бросает вослед.
Подымаются снова казачьи знамена
Для великих дерзаний, для новых побед.
В бой, Кубанцы и Терцы, Казачество Дона,
Гимн свободы опять нами будет пропет
И победную песню земли возрожденной
Понесут наши стяги для новых побед.

Представленные стихотворения свидетельствуют наглядно и убедительно, что творец их, П.Н.Донсков - есть несомненный мастер художественного слова, создавая новые хорошие поэтические произведения для казачьей поэзии.

Красиво сложенные рифмы плавного стихосложения, идущие размеренным темпом, представляют в красивом, четко-образном стиле стихи, в которых звучит проповедь казачьего подвига.

Все, что требуется литературной критикой от поэта, в смысле репрезентации его поэтических произведений на суд общественной критики, Донсков дал и надо говорить точно, представил свою поэзию в полном величии и блеске. Говорить о недостатках в его поэтическом творении, не приходится. Если и имеются из, яны, с точки зрения литературной критики, то они столь ничтожны, что о них не приходится и говорить.

Казачий поэт П.Н.Донсков, является природным казаком станицы Екатерининской, Донецкого Округа, Донского Войска, родился в 1898 году.

Эмигрант 1942 года. П.Н.Донсков написал большой труд о участии казаков Дона, Кубани и Терека в вооруженной борьбе против русских коммунистов в 1941-1945 г.г., который был издан в печати, как: "Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне". Том 1-й, 319 страниц. Издательство имени Походного Атамана Павлова. Нью-Йорк. 1960 год.

... Долго идем мы тропю нехоженой
С Дикого Поля до наших времен.
Сколько удалых голов там положено,
Знает один только батюшка - Дон.

Все, что промчалось по степи широкой,
Там клокотало, бурлило века,
Врезалось в облик и душу глубоко,
Вылилось в сердце и кровь казака.

Быль ты далекая, быль ты Донская,
Не поглотят тебя волны времен.
Степь породила, как мать нас родная,
Крылья свободы дал Тихий наш Дон.
Наша любовь — океан беспредельный,
Каждой волны в нем коснулась рука,
В день нашей славы и в час наш смертельный
Дон наш родной на устах казака...
/Из поэмы "Тихий Дон"/.

Там же, казачий поэт П.Н. Донсков, говорит в следующих словах о казачьей духовной культуре, в прекрасных и стройно звучащих словах:

...Сквозь дальний мрак столетий бранных,
Хотел бы мыслью я скользнуть,
К истоку дней твоих туманных
Устами жадными прильнуть...

Играй же, Дон, волной кристальной
Пусть звонче плеск седой волны,
Мы, твой народ многострадальный,
Твоею радостью полны.

9/НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЕВСЕЕВ.

Владея прекрасно своим пером, современный казачий поэт Н.Н. Евсеев, может быть лишь благодарным своей Музе, которая снисходя на него и вдохновляя к творению новых поэтических произведений, дает ему возможность создавать прекрасные стихотворения, обогащающие казачью поэзию.

НЕ ДУМАТЬ, НЕ ДУМАТЬ О БЛИЗКОМ.

Не думать, не думать о близком,
А вспомнить о милом былом.
Ему поклониться, и низко,
За радость, сиявшую в нем.

Моя ты Земля дорогая,
Родная Донская Земля,
С любовью тебя вспоминая,
Целую просторы, поля.

Лощины и балки степные,
Пруды и сурчины сурков,
И медные лица родные
Табунщиков и пастухов.

Я знаю, что их не увижу.
Распахана вся целина,
Но я рассказал здесь Парижу,
Как снится родная страна!

Июль, 1964 год.

В Казачьей литературе оставлен очень большой след поэтическим творчеством, богатого свойства и содержания, казачьим поэтом Н.Н. Евсеевым. Говоря о последнем, необходимо сказать, что Евсеев не является новичком или мимолетным диллетантом в области развития и совершенствования казачьей поэзии, составляю-

щей собой цикл в Казачьей литературе. Разбирая критически все поэтические произведения его, видим, что перед нами предстает подлинный поэт, которому чужда наносная утрировка сегодняшних дней в стилистическом отношении.

Исходя из последнего, вполне легко и радостно можно читать богатые стихи казачьего поэта Н.Н. Евсеева.

О ДИКОМ ПОЛЕ.

Осталось немного дожить в этой жизни,
Остались гаданья и черный провал,
Но нет у меня никакой укоризны,
Что срок нам положенный мал.

Был я с самого детства счастливым ребенком,
Любил безудержно простор луговой,
И ухо ловило восторг жеребенка
И ветра шептанья с травой.

Забуть ли подростку ночевки степные,
Где запах загона милее духов,
И вздохи быков, почему-то родные,
Как вздохи из толщи веков.

Родным остается Великое Поле.
О нем подарил нам рассказ Геродот -
О скифских прекрасных влекущих привольях,
Где Дарий спасал свой живот.

Как скифы в степях на него наступали,
Как травами персы легли,
Где так же синели манящие дали
Неведомой персам земли.

О Дикое Поле - страна золотая,
Политая кровью Казачья Земля,
Живу я в Европе, тебя вспоминая,
Бурьянная радость моя!

Ноябрь, 1962 год.

Казачий поэт Н.Н. Евсеев, природный казак хутора Уваркинского, станицы Михайловской, Хоперского Округа, Донского Войска, родился в 1891 году. Окончил юридический факультет Московского Университета в 1915 году. Во время войны 1914-1917 г.г., окончил Петроградское Михайловское артиллерийское училище, в 1916 году.

Кроме участия в войне 1914-1917 г.г., Н.Н. Евсеев участвовал в казачьей оборонительной войне против русско-коммунистической банды, навалившейся на Казачьи Земли в 1917-1920 годах.

Находясь на Чужбине в эмиграции от конца 1920 года, Н.Н. Евсеев проживает постоянно во Франции, принимая участие в общественно-политической работе казаков. Но имя Н.Н. Евсеева стало общеизвестным, получив общепризнанную литературную известность, благодаря его талантливости незаурядного поэта.

Х О П Е Р.

Девиз Евсеевой.

В берегах своих красивый,
Дона брат - Хопер течёт
И волной неторопливой
Песню древнюю поет.

На косах его семьею
Кулички живут, свистят,
А над тихой водою
Чайки реют и кричат.

За Хопром луга, просторы,
Зеркала больших озер,
Лес, бугры и косогоры
Синевой ласкают взор.

Апрель, 1928 год.

Читая стихи Н.Н.Евсеева, поражаешься их музыкальностью. Четко и ясно видно, что поэт любит родной Хопер, знает его прекрасно, как свое родное место, а потому стиль своеобразный его стиха, отличается изысканной музыкальностью и даже певучестью, когда Евсеев грезит Музой своей о родимом Хопре:

Я КРЕПКО ПОМНЮ РАССТАВАНЬЕ

Я крепко помню расставанье
С Хопром в тяжелый горький год.
Песка прибрежного шуршанье
И тихий плеск Хоперских вод...

Сияло солнце золотое,
Мы отходили на рыссях:
Гнались за нами пули роем,
Их пулемет стоял в дубках!

Осенний день был строг и ясен,
Кричал над ериком бекас.
И как всегда, был луг прекрасен
Сияньем вод - спокойных глаз.

Но не ПРОЩАЙ, а ДО СВИДАНИЯ,
Стучало сердце над седлом,
И здесь на роздыхе скитанья,
Строкой летает над Хопром.

Июнь, 1938 год.

Казачья натура Н.Н.Евсеева рвется наружу, рвется с бурной силой, когда он пишет стихи о своем родном казачьем, когда он прорывается весь в казачьем естестве, отбрасывая в сторону всякую наносность.

ТЫ РОДИМОЕ СЧАСТЬЕ КАЗАЧЬЕ.

Ты-родимое счастье казачье -
Вековой разливанный простор,
Дудаки, где дозором маячат,
Охраняя бурьянный ковер.

Ты-гурты, табуны и отары,
Хлебороба живительный труд.
Ты-закатные в небе пожары,
Стародавний казачий уют.

Ты-казачья нетленная слава
И казачья в столетях любовь.
Ты-отвага, победная лава
И дождями пролитая кровь.

Февраль, 1943 год.

Лирика, поэтичность фавулы, созвучность, фонетика, ритм сканди-

рования, сопутствующие элементы прирожденной поэзии Н.Н.Евсеева.

Господи, пошли воды напиться
На Донской Земле, в родных Хопрах,
И родным могилам поклониться
В пыльных травах, в серых полыньках.

Приведи меня в поля без края,
В займище за Доном и Хопром,
Чтобы я мог молиться умирая
И просить о Царствии Твоем. Июнь, 1951 год.

Риторичность исторического содержания, сочетается полностью с певучестью и музыкальностью стихосложения Н.Н.Евсеева, создавая ему признание, как несомненно талантливому казачьему поэту.

Одним из лучших поэтических произведений казачьего поэта Н.Н.Евсеева, является его замечательная историческая поэма "Кондрат Булавин", которая блещет чеканностью стихотворного слога, эстетичностью содержания и полной стилистической отработкой.

КОНДРАТ БУЛАВИН.

Портрет-гравюра предомноу:
Казак с пистолью в курене
Широкоплечий, с бородою,
В старинном темном чекмене.

То Булавин - гроза Кондратий -
Герой прославленный Донской,
Отдавший жизнь за малых братьев,
За Край любимый и родной.

Был Дон свободным. Управлялся
Своим законом сотни лет
И никому не подчинялся
И знал, что с Дона выдачи нет.

Россией правил Петр Великий
На дыбу вздернувший народ,
Великий царь и царь двуликий,
Самодержавный царь свобод.

Народ несчастный и забитый
Бежал от рабства и плетей,
К реке свободной и открытой,
Всех принимавший, как детей.

Был Дон любимой и могучей
Страной свободных казаков
И не искал удела лучше
Бежавший раб от батоков.

Порядок Петр в стране меняет:
Бежавших на Дон возвращать.
Он князя с войском посылает
С наказом вольных покарать.

Князь Долгорукий был жестокий
И своенравный человек.
Приехал он на Дон широкий,
Чтоб кончить свой недолгий век.

Он сразу дерзко на майдане
Кричит на вольных казаков,
И чувт казаки заране,
Что будет кончен князь без слов.

Князь ловит, вешает и порет
И беглецов и казаков,
Но вот нашелся, кто поспорит
За честь и вольности отцов.

То Булавин - герой Азова
Восстал с ватагой казаков.
Была стрельцов судьба суровой
И жребий князя был таков.

Кондрат упал ночной грозой
Как Божья кара за народ.
Об этом славном страшном бое
Хопер - река еще поет.

Солдат рубили беспощадно.
Их тысяча костью легла.
К ним смерть влетела гостьей
И их крылом своим мела. жадной

Князь фехтовальщик был умелый.
Князь имел с ним счет большой
И князь упал, как колос спелый,
Платя по счету головой.

Лукьян Максимов изменяет
С Булавиным быть до конца
И войско быстро набирает
За "императора-отца".

Войска Кондрата колебались.
К Лукьяну ночью перешли,
И лишь немногие остались
Стоять за честь Родной Земли.

Так за удачей неудачу
Пришлось Кондрату испытать,
Но Атаман лихой не плачет -
Один раз в жизни умирать.

Кондрат уходит в Запорожье
И ждет весною казаков.
Они явились в бездорожье,
Когда Кондрат уж был готов.

Идти сражаться за свободу,
За обуздание бояр,
За то, чтоб темного народа
Не продавали, как товар.

Разбил Кондрат у Лесоватки
Черкаска верные полки,
В междоусобной дикой схватке,
У мелкой медленной реки.

Победа славная Кондрата
Звала к восставшим казаков,
И Дон, волнением об, ятый,
Спешил на Булавиный зов.

Некрасов шел с семью полками,
Татары двигались ордой
С литаврами и бунчуками,
Под свист и азиатский вой.

Кондрат с войсками под Черкасском. Казанкин битву оставляет,
Начался штурм и смертный бой. Убийца в страхе сам не свой
Жизнь показалась страшной сказ- И с казаками отступает
Дрались родные меж собой. кой- Наметом в степь, домой, домой.

Черкасск был взят; войска Конд- Кондрат не спит и сам не знает,
Гуляют, пляшут и поют, рата Как подползла к нему тоска.
Но не один оплакал брата, Она так сердце разрывает
Что пал сраженный им в бою. У Атамана - казака.

А степь все так же пахнет сеном И вот намет он дикий слышит,
И тот же свист родных сурков. И чрез минуту под окном,
Там сотни лет нет перемены, Казачий конь с запалом дышет -
Она поет сердцам без слов. Казак измученный на нем.

Старшин казнили за измену, Кондрат к нему: "ты от Азова?"
Средь них Максимов и Петров. Казак хрипит: "пришел конец".
Они расстались с миром бранным, Ему с трудом дается слово:
Заветам изменив отцов. "Спасайся, Атаман - отец.

Майдан собрался, и Кондрату
Пернач от Войска был вручен.
Освободил он Дон от ката
И по заслугам награжден.

В Черкасске тихо, мирно, вольно,
Но зреет заговор в сердцах
Старшин завистливых. Им больно:
Кондрат со славой на глазах.

И заговорщики попались.
Пенять им только на судьбу.
Не многие в живых остались
И тайную вели борьбу.

Кондрат решил идти к Азову -
Открыть для Войска к морю дверь,
Одна лишь мысль к нему сурова -
Не избежать больших потерь.

Хохлач повел своих гультаев,
Казанкин конных казаков,
А жены, матери вздыхают -
Страшит неведомый Азов.

Начался бой. Пехота рьяно
С полками царскими дралась,
От крови люди были пьяны.
Победа будто бы далась.

Но не далась она Кондрату.
Казанкин Хохлача убил
И кровью доблестного брата
Бояр победу оплатил.

Соратника в горячем споре
Убил он, злобясь на него.
О горькое казацье горе,
О самовластья торжество!

"Хохлач убит!" - ряды смешались.
Гультаи сделались толпой.
На них Азовцы с гиком мчались
И был проигран этот бой.

Казанкин битву оставляет,
Убийца в страхе сам не свой
И с казаками отступает
Наметом в степь, домой, домой.

Кондрат не спит и сам не знает,
Как подползла к нему тоска.
Она так сердце разрывает
У Атамана - казака.

И вот намет он дикий слышит,
И чрез минуту под окном,
Казачий конь с запалом дышет -
Казак измученный на нем.

Кондрат к нему: "ты от Азова?"
Казак хрипит: "пришел конец".
Ему с трудом дается слово:
"Спасайся, Атаман - отец.

Идет Казанкин с казаками,
Грозится смертью он тебе".
Глаза Кондрата мечут пламя.
"Не сдамся никогда судьбе".

Кондрат во двор, но миг утерян, Царь с головой ушел в заботу,
Он слышит выстрелы и вой. Как успокоить всех Донцов.
Себе и под угрозой верен, Он на Дон шлет за ротой роту.
Кондрат вступает в смертный бой. Гроза идет со всех концов.

Одна надежда на мушкеты, Станицу ночью окружают,
Ему их дочка подает, Берут несчастных казаков.
Но сила ломит. Песня спета, Им руки вяжут, избивают.
И час последний настает. Приходит явь страшнее снов.

"Прощай, Галина, голос Божий Плоты плывут. На них, качаясь,
Меня зовет. Путь недалек". Безмолвно казаки висят,
Кондрат отходит и без дрожи И вороны зловонной стаей
Кончает пулею в висок. Над ними каркая, летят.

Кинжал отточенный Галина Прошло столетье! Дон цветущий
Вонзает смело в грудь свою, Открытым сердцем казнь простил,
И кончен путь ее недлинный, Но память о погибших лучших,
Над нею Ангелы поют. В душе навеки сохранил.

Июнь, 1957 год.

НОВОЧЕРКАССКУ.

Над городом темные тучи,
На лицах смятенье и страх.
Мой город любимый и лучший,
Тебя покидают в слезах.

Вокзал и гудки паровозов
И дымы над ними висят,
Как адские черные розы
Своей чернотой говорят...

О нашей бессрочной разлуке,
О нашей надежде в слезах,
О нашей непонятой муке,
Восне, наяву и в стихах.

О город мой непоколебимый,
Тебе эти строки - тебе.
Хранят пусть тебя Серафимы
В Казачьей превратной судьбе!

23 декабря 1967 года
Париж-Франция.

До сего времени, помимо отдельных стихотворений казачьего поэта Н.Н. Евсеева, напечатанных в многочисленных зарубежных казачьих и общеэмигрантских журналах, сборниках и альманахах, отдельно были изданы в печати следующие два специальных тома его поэтических произведений:

- 1/Н.Н. Евсеев: "Дикое Поле". /Стихи/. 268 страниц. "Родимый Край". Париж, Франция. 1963 год.
- 2/Н.Н. Евсеев: "Крылатый Шум". /Стихи/. 237 страниц. "Родимый Край". Париж, Франция. 1965 год.

10/ТАИСИЯ БАЖЕНОВА.

Казацья поэтесса Таисия Баженова, является природной казачкой Сибирского Казацкого Войска, родилась 10 мая 1900 года, в городе Зайсане, на русско-китайской границе/Шарасумэ/. Дочь офицера 3-го Сибирского казацкого полка.

Раннее детство ее прошло в пограничных городах: Усть-Каменогорске, Зайсане, укреплении Бахтах и Алтайских станицах Сибирских казаков. До мая 1912 года, Т. Баженова училась в Усть-Каменогорской женской прогимназии, а с переездом в г. Джаркент, она продолжала заниматься с частными учителями, поступив далее в женскую гимназию, которую окончила в 1917 году.

Семнадцати лет от роду, Таисия Баженова написала свое первое стихотворение: "Как землю снег покрыл зимой...", которое было напечатано в газете: "Заря". Последующие ее стихотворения на казачьи темы, печатались в газетах: "Сибирский казак" и "Иртыш"/Омск/.

В 1920 году, стихотворения Таисии Баженовой были напечатаны в газетах: "Свет", "Русский Голос", "Заря"/Харбин/. Кроме того, тогда же были напечатаны ее поэмы: "Харбинка" и "В 1919 году", как и рассказы: "Леночка" и "Серьга".

С переездом с Дальнего Востока в США, казацья поэтесса Таисия Баженова, напечатала ряд стихотворений и рассказ: "Лагерь на Аблакетке", в юбилейном 1-м томе: "Сибирский Казак"/под редакцией полк. Е. П. Березовского. Харбин-Манджурия. 1932 год/. Работая далее в США, как поэтесса и репортер в эмигрантских газетах, Таисия Баженова напечатала в последних ряд своих стихотворений и большой очерк: "Засахаренные фрукты". В 1942 году, в большом литературном сборнике "Ковчег"/под редакцией В. Мансветова/, где были напечатаны литературные произведения известных писателей: И. Бунина, М. Алданова и др., было напечатано также стихотворение Таисии Баженовой: "Я знаю, что умру, как умер ты".

С 1935 года, когда умерла ее мать, казацья поэтесса, в принципе, перестала писать стихотворения и в настоящее время, отойдя от литературной деятельности, пишет для себя очерки-воспоминания о Сибири и Манджурии, где протекли ее ранние годы.

Знакомя казаков и читателей с лирикой казацкой поэтессы Таисии Баженовой, приводим несколько ее стихотворений:

ДЕВИЧЬИ СНЫ.

У меня есть рыцарь, стройный рыцарь,
С голубыми, ясными глазами.
Есть у каждой девушки свой рыцарь,
Что ей снится майскими ночами!

Рыцарь мой в броне, блестящих латах,
Взгляд его, как меч врага пронзает,
А алмаз на шлеме в кудреватых
Перьях радугю отливает...

И на рукаве его повыше,
Шарф мой алый развевает ветер
И на нем девиз шелками вышит:
"Верю, что любовь сильнее смерти!"

Что превыше родины и чести,
О которых силою полны молитвы,
Что сильней любви к своей невесте,
Шарф которой ободряет в битве.

А...проснусь - и сяду к "Ремингтону",
Переписывать проекты и доклады...
Ровно в три скажу по телефону,
Что пойду домой, я - тоже садом!

У него - панама, галстук яркий
И костюм с американской складкой.
Улыбнется: "Здравствуйте, как жарко!",
Угостит случайной шоколадкой.

Если сон мой ярче от сравненья,
Если вся душа полна излома,
Он обидится и скажет с нетерпеньем:
"Вы скучнее всех моих знакомых..."

Харбин-Манджурия.

1924 год.

СВЯТОЙ КЛЮЧ.

Будет сниться нам мохнатый
И шумящий в зное бор;
К Иртышу - песчаные скаты,
Богомолок идущих хор...

У ограды шиповник эльнй,
Под телегой - старики.
За оградой, в часовне малой,
Над толпою - огоньки!

У лотков - пирожки с калачами,
Бабы с квасом, в бешмете киргиз;
А в беседке рядом с цветами,
Сидят в белых платьях и смотрят вниз.

Бродят нищие и слепые,
С светлой радостью на лице,
И у всех желанья простые -
О безгрешном земном их конце...

Две монашенки с грудой иконок
И колечек, сидят в уголку:
У молоденькой профиль так тонок
И лицо в золотистом пушку.

И от солнечных ярких пятен,
И от свежести в тополях;
Голос бабы румяной приятен
И лукавство в карих глазах.

В часовне служат молебны
За больных, за живых.
Под часовней источник целебный,
Вытекающий из под пихт.

Пахнут жимолость и шиповник,
Свежесть легка - от ручья.
И горит пред иконой паломника
Святая из воска свеча...

Будут сниться и мне в С.Ш.А.,
Где под окнами ходит трамвай,
Калачи с узелком и редиской,
Иртыш, Святой Ключ и Алтай.

И спускаясь в фабрике, в лифте,
С десятого этажа,
Я вспомню и солнце, и пихты,
И кривой обломок ножа.

И станет ясным до боли -
По горячим пескам босой,
Смертный грех свой на богомолье
Понести такой же весной!..

Харбин-Манджурия.
1925 год.

ИННЕ ВСТРЕЧИ.

Я знаю, я умру, как умер ты!..
И будет кто-то вызывать черты
И голос памятью, чудесно обостренной,
Навек возвышенной, навек влюбленной...

Пусть это ложное: ты был иным,
Но горечь от обид твоих, как дым.
И все простив, я цепко берегу
И слов твоих печаль, и ласку губ...

Уж невозможно ни коснуться вдруг
Земным прикосновением рук,
Ни рассказать мучительно теперь,
Чем для меня твоя явилась смерть?

Ты вновь уйдешь, надолго, может быть,
И в новой встрече я могу забыть
И голос твой, и смущенные черты,
И то, что я живу, но умер ты!..

Порою кажется, что ты живешь в стране,
В которой пустота, откуда вести нет.
И только в час больной,
Приходишь на свидание со мной...

С.Ш.А.-1934 г.

КАЛИФОРНИЯ.

Вот на этих рыхлых берегах
Были видны корабли Кабрильо.
Черный крест на вздутых парусах,
Паруса, как мощной птицы крылья.

В утренней, еще туманной мгле -
Мысль индейцев первая - о чуде.
Отползли в вигвамы по земле,
Рассказать о кораблях и людях...

И прижав испуганных детей,
Индианки видели со страхом
Из-за красных с зеленью ветвей -
Рыцарей, матросов и монахов!

Хуниперра Сэрра здесь бродил,
Вдавливая листья каблуками.
Колокол над миссией звонил
И гудели звуки над полями...

Губернатор - доблестный солдат,
Объезжал глухие гарнизоны:
На плацу он принимал парады
И с балкона улыбались донны.

А однажды было это так:
В синем небе русский флаг над "Джюно",
Блеск мундиров, эполет и шпаг,
Чайки белые на теплых дюнах.

И лукавый взгляд Косепсион,
Вальсирующей с Резановым на бале...
Ах, и мне приснился тот же сон,
Что когда то бабушки видели!..

С.Ш.А.-1935 год.

Поэтический талант казачьей поэтессы Таисии Баженовой имеет большую силу, большое разнообразие в стилистической отделке и шлифовке внешних форм творимых стихотворений, чарующей звучности стихосложения, женственной "внутренностью" содержания и конечно свойственной ей особой лиричностью...

Рожденная в степных даях, Таисия Баженова проникнутая стремлением творить собственную поэзию, создала не мало замечательных стихотворений, признанных литературными критиками, почему жаль и весьма жаль, что так рано в своей жизни, она отошла от литературного творчества, обуреваемая горестями жизни на чужбине.

Увековеченная в истории Казачьей литературы, казачья поэтесса Таисия Баженова не останется незамеченной в дали чередующихся времен, войдя в сонм блестящих своим поэтическим талантом многочисленных казачьих поэтесс нашего XX столетия.

Примечание: Данные о казачьей поэтессе Таисии Баженовой поступили уже в процессе печатания настоящего труда, почему и не могли быть помещены в порядке алфавита.

11/ВАЛЕНТИНА ЗИМИНА.

Создавая ГАЛЛЕРЕЮ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ, совершенно невозможно оставлять в забвении многочисленные стихотворения, написанные талантливой казачьей поэтессой Валентиной Зиминой, природной Донской казачкой, вышедшей на чужбину в эмиграцию, в 1943 году. Создав целый ряд весьма замечательных стихотворений, одновременно печатавшихся в различных казачьих эмигрантских журналах в 40-50 годах настоящего XX столетия, Валентина Зимина лишена была возможности издать в печати отдельный том своих поэтических произведений, а последние суть весьма большой квалификации, следуя отзывам литературных критиков.

МОЕМУ СЫНУ.

Над тобой колыбельные песни не пели
И не слышал ты сказок о замках хрустальных: -
Твою мать увезли под гуденье метели
И под звон переборов кандальных.

Падал хлопьями снег, покрывая дорогу,
А на ней - след последний проклятых колес...
Твое детское сердце сжималось тревогой
И туманились светлые глазки от слез!

Ты прижался у настезь растворенной двери,
Чей то старческий голос бессильно рыдал.
"Почему плачет дед?" - ты подумал: - потери.
Ты тогда, мой родимый, еще не сознал!.."

"Ведь уехала мама в красивой машине
И сказала, что скоро вернется опять; -
Странно только, что прятала руки за спину,
Что сына не могла на прощанье обнять!".

Да, родной, - не могла, - ей оковы мешали; -
Она смехом старалась их звон заглушить, -
Чтобы детской души не коснулись печали,
Чтоб и дальше ты смог верой детскою жить!.."

Было пусто вокруг, незнакомо и ново,
Свет огарка не мог побороть темноты.
"Разве плачет казак?" - внук промолвил сурово, -
"Ты ж казак, значит, плакать не должен и ты!".

"Ты забыл, как всегда меня мама учила?
А теперь плачешь сам?" - "Нет, не буду, родной,
Только горе бывает порой не по силам,
Даже нам с закаленной боями душой!.."

Дни летели, как быстрые снежные хлопья.
Те же люди, под вечер, в таком же авто,
Увезли старика и с улыбкой холопьем -
"Покатаем!", - сказали. Их не знает никто...

Что с мальчонкой?.. Тогда он стоял на морозе:
Крик немого отчаянья в детских глазах!
Говорили, что где-то в далеком колхозе,
Он в тоске и труде непосильном зачах.

Где сейчас ты, чужой, незнакомый, родимый?
Если жив, вспоминаешь ли деда и мать?
Иль, быть может, забыл?.. Даже самое имя,
Палачи постарались у жертвы отнять!..

О С Е Н Ь .

Дни стали короче...
Прощальной улыбкою лета,
Пестреются астры
На фоне пустынных аллей!..

В опаловой дымке заката,
Разящим стилетом
Врезаются в небо шпиди
Уцелевших церквей.

Вокруг тишина,
И далекого моря прибоем
Усталого города шум
Повисает на ветках города. -

Над ними, по летнему
Небо еще голубое,
Но в ветра порывах
Зимы уже слышен напев!..

М О Р Е .

Ты видал в часы прибоа, как друг с дружкой волны споря,
Набегают на крутые глыбы серого гранита,
Но, разбитые, отпрянув, мчатся снова на просторе,
Словно жемчугом убранны, - пеной белою покрыты.

Подожди еще мгновенье - и у оного утеса волны
Вновь улягутся спокойно, утомясь в безумном беге,
И опять - вражда забыта и опять любовью полны,
Скалы серые ласкают, прижимаясь в страстной неге.

Так и сердце наше часто - в дни невзгод багрятся кровью,
Позабыв о всепрощеньи, жадной мести пламенеет, -
Но зажили раны сердца, - бьется вновь оно любовью,
С новой силой полно веры, снова рой надежд лелеет!..

Гармоничность стихосложения казачьей поэтессы Валентины Зиминой, представляемая в цитируемых ее стихотворениях, отдает исключительностью эстетики самого слога, сопровождаясь законченным и совершенным ритмом, скандированием, образностью мысли, точностью стиля, выдержанностью поэтической формы, законченностью и полнотой самого содержания, требующихся от вполне законченного и сформировавшегося поэта. Как шедевр неоспоримой талантливости в поэтическом отношении, представляются ее "Две Саги", получившие большую литературную известность:

Д В Е С А Г И .

Памяти казакам-мученикам, по-
гибшим в Австрии.

1.

Сагу первую дальней страны, где растут хризантемы
И опалом море сверкает в минуты заката,
Где цветущая дерева ветка - народа эмблема,
Мне рассказывал старец с пергаментным ликом когда-то:

"Налетели враги на отчизну, как коршунов стая,
На пути предавая огню и мечу все живое,
Много пало в неравном бою храбрецов - самураев,
Но не сдался на милость врагов император Дахоэ.

Отступил он с бойцами последними к берегу моря...
Ветер злобно в ущельях ревел! Поднималась буря!..
Здесь достигнут он был, и при блеске сверкающих молний,
Разыгралась ужасная битва при Данна на Уре.

До последнего пала в бою императора свита...
Прижимая в объятии прощальном любимого сына,
Он, в тяжелой броне, благородною кровью залитой,
Прыгнул вниз со скалы Данн на Уре в морскую пучину.

Говорят, будто в миг успокоились грозные волны,
А деревья склонились над павшими, словно в молитве,
Осыпая цветами тела их. И ужаса полны,
Побежали враги, побежденные мертвыми в битве!

Каждый год в эту ночь, отражаются в волнах залива,
Фонари разукрашенных джонок, и в общем молчаньи,
Седовласый хойчи/х/ поет и играет на биве,
Повторяя потомкам веков отзвучавших преданье...".
/Хойчи - японский народный певец, биве - род гитары, прим. наше/.

2.

Не седой стариной мне навеяна сага другая,
Пыль веков не скопилась на хартии этой кровавой!
Мне поведал ее офицер молодой, умирая...
Когда солнце спускалось за мутной полоскою Дравы:

Много лет уж прошло, как народ мой распятый врагами,
Изнывает, напрасно на милость судьбы уповая.
Там, где песня веселая раньше неслась над полями, -
Поселилась седая тоска да кручина лихая!..

Опустели, как вымерли, шумные наши стеницы,
Поутру табуны не проносятся с радостным гиком...
Над пустым куренем дым кизечный давно не клубится, -
Только тучи ворон оживляют окрестности криком!

А в далекой Сибири, под вой заунывный нордоста,
Гибнут наши сыны, надрывая последние силы,
В ссылке!.. Ели мохнатые, словно кресты на погосте,
А под ними, покрытые саваном снега, могилы...

Сколько их?.. Не сочтешь! - Имена их, Ты, Господи, веси!..
Не поют панихиды по ним и псалтырь не читают,
В годовщину их смерти, венков им никто не повесит, -
Только матери где-то надрывно о детях рыдают!..

Вдруг блеснула надежда во тьме: на Горыныча-змея
Лютый тигр наскочил, разрывать начал когтями!
И молился народ, еще радости верить не смея,
О победе над змеем/а с тигром мы справимся сами!/.

Своих лучших сынов, что скрывались еще по чащобам,
Выслал он на борьбу!.. Но судьба не сулила победы,
Змей лукавством подмогу купил!.. И, собравши худобу,
Вышли тысячи в путь, покидая наследие дедов.

Вышли с верой в душе, что на свете имеются страны,
Где царит милосердье, где рабства и пыток не знают!..
Там поймут, не осудят, что бросив родные курганы,
На чужбину ушли они, душу и тело спасая.

"За железным завесом" давно уже ходили рассказы,
О правителях мудрых, о жизни, законах прекрасных!
И на долгом пути, в души их не закралось ни разу,
Даже тени сомненья... Поверили, только напрасно!..

В третий раз и в последний, судьба обманула их снова:
Где порукой казались понятия долга и чести!
Было так уже позорно нарушено данное слово!..
/"За железный завес", зная, проникли неверные вести!/.

Эти "рыцари чести", с коварством поистине редким,
Обласкали несчастных, защиту свою обещая.
Ночь прошла... На заре окружили их лагерь танкетки,
А за ними, Горыныча псов раз, яренная стая.

Они знали, что ждет их! Пощады они не искали...
У кого? Разве дрогнет рука палача в состраданьи?..
Или сердце сожмется от этой бездонной печали,
Перед жутким концом, после долгих, бесплодных скитаний!..

Купол неба был чист... Налетал ветерок шаловливый...
Недалекий лесок весь пронизан был солнца лучами...
Жить!.. Стряхнуть этот ужас!.. Уйти... И в последнем порыве,
Они ринулись в бой, навалившись на танки телами.

Но не равен он был, безоруженных отбросили быстро...
Затрепал пулемет и защелкали зубы моторов...
И упали они, как сухие осенние листья,
После бури, пронесшейся над умирающим бором, порыве.

Пулеметная лента прикончила тысячи жизней,
Стариков, и младенцев, и женщин, кося без разбора!
Их виной, была только любовь к угнетенной отчизне,
Их проступком - желанье уйти от цепей и позора!..

Не седой стариной мне навеяла сага другая,
Не воспет гуслеями кровавый конец у Римини,
Платлинг, Лиенц, забыты!.. Лишь ветер степей пролетая,
В мир несет стон замученных в этой проклятой долине.

Но, быть может, свершится когда-нибудь Божье чудо,
И на этих скрижалях, начертанных жертвенной кровью,
Новой жизни начало положено внуками будет,
В память дедов скрепленное истинной братской любовью!..

О поэтическом творчестве казачьей поэтессы Валентины Зиминной
сказано все, что надо было сказать, в добавление к представлен-
ным к ее замечательным стихотворениям.

11/ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЗОЛОТАРЕВ.

К числу забытых казачьих писателей надлежит причислить выдающегося Донского казака XIX столетия, полк. И. Я. Золотарева, родившегося в 1802 году, в Черкасском городке на Дону, будучи единственным сыном войскового старшины Донского Войска Якова Григорьевича Золотарева.

Подготовившись, И. Я. Золотарев поступает в качестве штатного студента в Харьковский Университет в 1816 году, который окончил в 1821 году со степенью кандидата. Получая Войсковую стипендию от Донского Войска, И. Я. Золотарев от 1822 года был оставлен при Харьковском Университете, для продолжения своего высшего образования, получив одновременно право преподавать риторику для студентов.

В следующем 1823 году, И. Я. Золотарев был уполномочен ректором Харьковского Университета на право преподавания еще логики и психологии студентам первых двух курсов.

Уже в ранние студенческие годы, И. Я. Золотарев начал проявлять большую склонность к увлечению литературой, в особенности, когда стал принимать самое деятельное участие в Библейской секте, возникшей в Харькове и членом которой он состоял.

Первые литературные произведения И. Я. Золотарева начали появляться в печати того времени, в 1819 году, за которыми последовали и другие его труды:

- 1/И. Я. Золотарев: "К луне". Поэма. "Университетский Вестник". Том 4. Харьков. 1819 год.
- 2/И. Я. Золотарев: "О пользе учения истины Священного Писания". Брошюра. 48 стр. Университ. типог. Харьков. 1821 год.
- 3/И. Я. Золотарев: "Даниловка". Поэма. "Университетский Вестник". Том 8. Харьков. 1825 год.
- 4/И. Я. Золотарев: "К другу". Стихотворение. Там же, Том 4. 1826 г.
- 5/И. Я. Золотарев: "Вечерняя звезда". Стихотворение. Том 5. Там же. Харьков. 1826 год.
- 6/И. Я. Золотарев: "Весенняя песнь". Поэма. Журнал "Благонаравие". Книга 3-4, стр. 99-100. Москва. 1826 год.
- 7/И. Я. Золотарев: "Любимый пир". Стихотворение. Там же, Книга 35, стр. 102. Москва. 1826 год.
- 8/И. Я. Золотарев: "К". Поэма. Газета "Московский Телеграф" №7, стр. 124-125. Москва. 1826 год.
- 9/И. Я. Золотарев: "Вечер на море". Поэма. Там же, №16, стр. 60-61, Москва. 1826 год.

Тогда же, в 1826 году, И. Я. Золотарев минуя Совет профессоров Харьковского Университета, подал личное прошение на имя Попечителя Харьковского Учебного Округа генерала Королева, прося последнего о назначении его, на должность лектора при Университетской кафедре исторических наук, в качестве адъюнкта по русской словесности. Однако, прошение И. Я. Золотарева оставалось временно без ответа ректора Университета и лишь в 1829 году, он был утвержден в должности адъюнкта по русскому языку и словесности, читая до того времени студентам лишь лекции по поэзии.

В 1829 году Золотаревым был закончен перевод целого ряда сочинений Шатобриана на русский язык, что и было издано отдельным сборником, с приложением его большого стихотворения "Осень".

Тогда же, в 1829 году, была напечатана отдельной брошюрой речь, произнесенная И. Я. Золотаревым, на торжественном акте Харьковского Университета:

- 10/И. Я. Золотарев: "О важности и необходимости занятий в оте-

чественной литературе". Брошура. 17 страниц. Университетская типография. Харьков. 1829 год.

Однако, И.Я. Золотареву не было суждено оставаться долгое время на научной работе в Харьковском Университете, ибо Войсковое начальство/на Дону/предъявило на него свои права, в силу учения И.Я. Золотарева в Харьковском Университете, на счет Донского Войска/Войсковая стипендия/.

Будучи отозванным из Харькова на Дон в 1830 году, И.Я. Золотарев был зачислен офицером в комплект штата Донских казачьих полков, где дослужившись до чина полковника, был определен в 1841 году на должность директора Войсковой мужской классической гимназии в Новочеркасске.

И.Я. Золотарев умер в 1860 году, 58 лет и был похоронен на городском кладбище в Новочеркасске.

Увековечение памяти казачьего поэта И.Я. Золотарева, является важным в том отношении, что он был, в подлинном смысле слова, одним из первых казачьих поэтов, ибо писал преимущественно стихотворения, поэмы и оды.

13/ВАДИМ ИЗМАЙЛОВ.

Отличный по своему стихосложению, весьма своеобразный по стилю последнего, отшлифованный и вполне законченный в своей литературной разработке казачий поэт Вадим Измайлов, дал Казачьей литературе целый ряд блестящих по своей поэтической форме стихотворений и исторических поэм, создавших ему литературное имя.

О Т Ч Е Г О ?

Я не ведал завидной той доли -
Зреть простор родных мне степей,
Хуторов и станиц... Оттого-ли,
Всем знакомые, чужды мне боли
Здесь, среди тяжких изгнанием всем дней?

Я не видел широкого Дона...
Что доступно другим - не могу,
Ощувивши всю тяжесть урона,
Воскресить пред собой его лоно
И ковыль на отлогом берегу...

Не могу я, исполнен печали
И любовью горячей об,ят,
Проскользнуть сердцу милые дэли,
Вспомнить дни, что давно миновали,
Унеся пережитого ряд...

Отчего же тогда в дни разлуки
С этим прекрасным былым -
Хоть мне чужды страданья и муки -
Столь отрадны стихов этих звуки
И внимаю я с радостью им?

Отчего же тогда эти строки
Так печалью своей хороши?
И кто бросит за то мне упреки?..
.....
Не знаком ты мне, Край мой далекий,
Но столь близкий стремленьям души!

x x

Край родной полюбил я заочно,
Из рассказов чужих и из слез,
Но, спросите меня вы нарочно:
Что люблю я так сильно? - я точно
Не отвечу на этот вопрос.

Не отвечу, в душе безмятежной,
Не тая всем родную печаль, -
Ведь люблю я любовь нежной,
Только призраки степи безбрежной,
Незнакомую, темную даль!..

Но пускай мне капризами рока
Суждено, необычно любя
То, что так незнакомо, далеко
И тайком, на мгновение ока,
Край родной, не взглянуть на тебя...

Пусть не стынет в тиши полуночной,
У меня от страдания кровь...
Что люблю я, не знаю я точно -
Край родной полюбил я заочно,
Но моя безгранична любовь...

В приведенных стихотворениях, казачьим поэтом Вадимом Измайловым высказывается горечь и печаль, что ему не пришлось никогда жить на родимом Тихом Дону, не видеть очарование степных просторов и далей, не изведать всей прелести осязания и познания Отчизны Казачьей его. Родившись за пределами Дона и попав в юношеском возрасте в эмиграцию, совместно с своим отцом, боевым Донским казачьим офицером, потомком старинной казачьей фамилии, молодой Донской казак Вадим Измайлов получил среднее и высшее образование в Югославии, став дипломированным инженером. К 1936 году оформившись, как казачий поэт, умеющий в совершенстве владеть своим пером, Вадим Измайлов обогатил Казачью литературу целым рядом своих превосходных поэтических произведений.

ВСЕ НЕ ТО!..

Есть мгновенья в сей жизни - беспечно
Забываются горе, печаль...
И звенит/не с шампанским, конечно/,
Полных чарок поддельный хрусталь.
Оживленные слышутся речи,
Смех, улыбки не сходят с лиц;
Люди празднуют радости, встречи -
Нет хмельному веселью границ...
Звук песней разливается складно,
С звоном вторящих гласу гитар;
На душе и легко и отрадно,
В голове чуть скопляется пар...

Чудотворное действие хмеля: -
Ни печали, ни мук, ни забот...
Вдруг, нежданно, в разгаре веселья,
Что-то больно так в сердце кольнет,
Отодвинет стакан, будто с ядом
В нём хмельное вино налито,
Вспомнит хутор с разросшимся садом
И прошепчет себе: всё не то!..

х хх

Отчего так длинна эта темная ночь,
Эти тучи так грозно нависли?
Отчего отогнать не стараюсь я прочь
Думы мрачные, мрачные мысли?

Или так тяжело, тяжело согреша,
Я хочу, чтоб сама пожелала б,
Грех страданья своим искупая, душа,
Услыхать звуки собственных жалоб.

Чтоб и больно и грустно мне стало бы вдруг,
Чтобы жизнь в эти скорбные миги,
Не была бы приятный мечтами досуг,
Но невольница ржавой вериги.

Чтоб ничто не могло разуверить меня,
Что настанет конец этой ночи
И сиянью роскошному дню,
С облегченьем открою я очи.

А потом... А потом, в сей мучительный миг,
Среди горьких речей укоризны,
Вспомнить вдруг, что ведь я не столетний старик,
Вспомнить Край отдаленной Отчизны.

Вновь упиться сей жизнью, ликуя душой,
Как обет несдержавший расстрига, -
Жить в надежде и вере прекрасной мечтой
О грядущем падении ига!..

Лирика казачьего поэта Вадима Измайлова сильна своей насыщенностью, столь резко выделяющейся в стихотворных рифмах, давая чувство к восприятию творимого поэтом...

Не менее, если не более силен казачий поэт Вадим Измайлов, когда он начинает заниматься поэтическим творчеством, утверждая в жизни бытование произведений казачьего народного творчества, беря в качестве основы-казачий песенный фольклор! Как большой казачий поэт, Вадим Измайлов вносит в свое поэтическое творчество и дает что-то новое свежее для Казачьей литературы...

СТЕНЬКА РАЗИН.

/Поэма в двух частях/.

Уже долго томный вдохновитель
 Не посещал мою обитель.
 Я занемог, я загрустил,
 Как пред грядущим часом казни,
 Жил, полон трепетной боязни,
 Лишенный чувства, лишенный сил.
 Покой души моей мятежной,
 Знакомой с бурей страстей,
 Был утомителен для ней.
 Сегодня ж, чуя страсти нежной
 Прилив в груди, пою я вновь
 Вражду, ненависть и любовь.

Часть 1-я.

Глухая ночь покровом темным
 Об, емлет землю. Из-за туч,
 На мир взирая взглядом скромным,
 Луна бросает бледный луч,
 Кругом все тихо. Сном об, яты,
 Безмолвны с мраком в окнах хаты.
 Не слышно ржания коней,
 Ни лая испуганной собаки.
 Кругом всё дремлет; нет огней,
 Все спит в спокойствии и мраке.
 Лишь там, где речки полоса
 В, тьме блестит, в избе прибрежной
 Г, рит огонь и голоса
 Звучат средь ночи безмятежной:
 "Давно пора! Довольно с нас
 Нужд и лишений... Что не даром
 Звучит угрозой наш глас,
 Нам надо показать боярам.
 Они теснят нас и народ,
 Они творят нам муки долги;
 Побить бояр и воевод,
 Поутопить сих гадов в Волге!
 Спросите беглых, кто из них,
 Был раб покорный им и тих,
 Служил им, в сердце не лелеяв
 Кровавой мзды на сих злодеев?
 Мы голод терпим, нужды... Нет,
 Так дале быть не может, хлебом
 Богат в избытке белый свет,
 Всего в обильи есть под небом.
 Иль мы не люди? Звери что-ль?
 Иль не ровня собой боярам?
 Чем хуже мы? Тем, что мы-голь,
 А что не ихний - пузо шаром,
 Да морда шире колеса,
 Да вид начальный, полный спеси,
 Которой низки небеса,
 Да что троих нас больше в весе?

Но, ничего - осинам в мочь
 С ветвях снести и столько груза
 И будут все они не прочь
 В последний миг лишиться пуза!
 Ужо им будет, пусть они
 Теперь уведают, что пачий
 Судов всех вольный суд казачий.
 Пусть не возлюбят крепко дни,
 Когда в довольствии и лести
 Текла их жизнь, а черный люд
 Не знал цены за тяжкий труд
 И голодал вокруг их поместий.
 Все уничтожим, погреба
 Разроем, поотыщем клады
 И господин в ногах раба
 Напрасно взмолится пощады.
 И никому не будет ей -
 Всех, всех от мала до велика:
 Жен, стариков, грудных детей
 Сотрем во прах с земного лика.
 Чтоб не осталось от них
 Вновь на разводку вражьем гне-
 Потопим, вырежем, других здем;
 На сук подтянем ближе к звездам
 Зачем нам их неправду несть?
 Нам, вольным, не по сердцу лести.
 Иль человек казак инакий -
 Есть руки, ноги тоже есть,
 Так чем он не такой, как всякий?
 Иль людям на земле не дан
 От Бога жить удел всем равный?
 Лишь был бы ты не басурман,
 А то живи, коль православный.
 Пора понять нам их обман,
 Их речи лживы и нелепы,
 Мы дале быть не можем слепы;
 Кто не со мной, тот трус и льсте
 Давно по ним уж плачут склепы
 И близок, близок их конец!"
 В кругу внимающих гуляк,
 Так говорил один и мощной
 Рукою, сжатою в кулак, ный.
 Грозил кому-то в мрак полнощ-

 Понять не трудно бы и так,
 Но, чтобы был рассказ мой связан
 Отметить надо: тот казак,
 Что говорил, был Стенька Разин.
 Смел, предприимчив, он теперь
 Не говорит уже, а рыщет
 По Волге, как голодный зверь
 И жертвы зорким оком ищет.

Уже не мало снёс голов
Боярам он и, что не даром
Потратил столько грозных слов:
Он показал под Черным Яром.
Яик на очередь - к нему, ной,
Запасшись в Волге влагой прес-
Он держит путь с нуждой совмест-
Погрابتь и пробыть зиму. ной
Зима кончается, но узки
Уж Стеньке Волги берега.
И он, оставив берег русский,
Спешит на нового врага.
Богатство Персии издавна
Ему мешают спать. Бояр,
Конечно, бить весьма забавно,
Но там их ценный ждёт товар...

Он был не очень мило встречен
У персиан, но этим он,
Казалось, мало был смущен,
За то уж был безчеловечен
С своими жертвами. Без слов,
Картинней вам про участь Тарки,
Расскажут трупы без голов,
Угли да черные огарки.
Судьба такая же ждала
Весь до Баку персидский берег,
Всё было выжжено до тла,
Всё поубито. Сколько серег,
Запастий, злата, серебра,
Шелку, другой роскошной ткани,
Ковров и разного добра,
Уж собралось в пловучем стане!
Пора б делить добычу, в тень
Уж понабралось мало, нешто?
Но Стенька Разин через день
Вдруг появляется у Решта,
Готов обрушиться, как град,
Но увидав в огромной массе
В нём персиан, он во свояси
Продолжил путь на Ферабат.
Делами Стеньки не взволнован,
/Молва еще не донесла
Ему о Разине/, что скован
В плену казачьем у весла
Их не один собрат, не ведал
Беспечный Ферабат, а то-б,
Наверно, так смиренно, не дал
Себя отправить к предкам в гроб.
Пять дней велась торговля чинно,
Ходил, глядел казачий вождь
И вдруг нагрнул беспричинно;
Нежданый, как в Сахаре дождь.
Напрасно жители от страха
Взывали к милости Аллаха,
Напрасно, не помог Аллах;
Весь город и хоромы шаха

Сожглись, а ветер развеял прах.

Так ни один, из всех набегов
Казачьих на персидский берег,
Не разгромил персидских берегов
Как Стенька Разин! Целый век
Из уст в уста худая память
Передавалась о нём;
Он, как никто, сумел обрaмить
Её там смертью и огнем.

Всю зиму план ковал о мщеньи
В нетерпеливой злобе шах,
Под говор общих поощрений.
Меж тем, на острове в шатрах,
Одеждой теплою и хмелем -
Спокойно одолев мятелям,
Весны, как растает снег,
Ждал Стенька Разин. А с апрелем
Разграбил и восточный берег.

Как я сказал уже, не празднен
Был шах. На острове Свинном,
В то время не дремал и Разин
И стражу выставил кругом,
Дабы предвидеть всякий случай.
И вот ему, в один из дней,
Донес казак с прибрежной кручи
Про близость чьих-то кораблей.
Мамеда-Хан с Шабалдой/сыном/ -
Все семь десятков их. Глазам
Казалось: берег острым клином
Они разрежут пополам.
Как остров, массою плавучей,
Шли корабли их без конца,
Который был и встречен тучей
Казачьей брани и свинца.

Спустя немного, с ломкой страш-
Враги сошлись меж собой,
На кораблях и рукопашный
Ожесточенный грянул бой.
Лязг стали, выстрелы, проклятья
Слились в общий гул. Ножи
И сабли выломав, в об, ятья
Кидались люди. Как ужи,
Сплетясь, кусались не хуже
Любых зартавленных зверей.
Скользили по кровавой луже
И в воду падали. И в ней
Не прекращали даже оба,
В взаимной пребывать борьбе,
Пока бездонная утроба
Не поглощала их в себе.

Часть 2-я.

Кто за глаза другого тычет
Хулой, топя недруга в грязь,
Нередко, злобою смирясь,
Пред ним, как раб, его величит.
Куда девалась, право, злость?
Спешит ему помочь при встрече
Снять иль одеть пальто на плечи
И говорит: желанный гость,
Как я был рад вас ныне видеть
И вы должны мне дать обет
Вновь заглянуть, когда обидеть
Меня у вас желанья нет...

Так, присмирив, с бессильной зло-
Речами лести платя дань,
Встречала Стеньку Астрахань.
Почет и честь такому гостю,
Прибывшему из дальних вод!
О землю бьет челом народ,
Являя в этом чувство дружбы,
А из Москвы, по долгу службы,
Монарх ему прощенье шлет.
И внемля сим любезным гласам
И просьба пушки сдать с запасом
Боченков пороху, в ответ,
Им все же молвит Стенька: "Нет,
Я не могу отдать вам пушек,
Хотя и был бы очень рад;
Но, как отец в толпу ребят,
Вдруг возвратиться без игрушек?
Ну, посудите сами; - вот
У вас самих есть тоже дети..."
И страх вселяли в воевод
Слова заботливые эти.

Пришла зима, и если встарь,
Как ныне, чтился календарь,
То новый год был встречен пышно.
О Стеньке стало меньше слышно,
Не был взволнован Московский
В таком затишьи понемногу, царь.
Минул февраль. Растаял снег,
Саням испортивший дорогу.
Разлились воды бурных рек,
Кой-где заливши лес прибрежный.
И оживал с природой нежной,
Под теплым солнцем человек.

Что ж наш герой? Что ж Стенька?
В ножны ужели свой вложивши меч,
Он мыслит: дни прошли тревожны,
И днем и ночью стеречь
Готов награбленное злато, -
Он усмирив свой дикий пыл,
Вражду к неправдам супостата

И клятвы тайные забыл?
Ужели сей бесстрашный воин,
Был звоном денег успокоен
И царским милостным письмом? -
Он был прощенья не достоин,
Но не нуждался также в нем.

Тут новым именем украсим
Поэму нашу мы. На Дон
Вдруг прибыл некий муж Герасим -
Посол Московский и шпион.
Он должен был монарху точных
Вестей о Разине принести:
В каких деяньях непорочных
Себя изволит он здесь вести?
В противном, хвалясь царской
Об этом дать ему понять, мочью,
И распустил-ли Стенька рать,
Удостовериться воочию.
Но был бы грустный принесен
Ответ царю послом, когда бы
Избитый, брошен Стенькой в Дон,
Не утонул, как камень он,
Но плавать мог, проворней жабы.
Сурово Разиным казнен
Так был посол. С своим владыкой
Негодовали москвичи
И снова с злобою великой,
С Москвою Дон скрестил мечи.

О, Стеньки мнимая затея,
Жизнь в мирный обратить досуг, -
Какой смешной ты стала вдруг,
Когда рождалась и зрея,
Росла великая идея
Разжать об, ятя алчных рук,
Что с силой новой пламенея,
На наши времена продлясь,
Сердца измученные лечит,
В нее метает злоба грязь -
Она с презреньем ей перечит.
Был вызов брошен. В этот миг
Ты, породивший сей замысел,
Непостижимо был велик,
Ты над собой себя возвысил.
И пусть неправды злой язык,
Твой прах хулою не тревожит;
Кто чтит тебя, пред тем не может
Он исказить твой светлый лик.
Не в силах одолеть удара,
Сплоченных Разиным сердец,
Царицын, Астрахань, Самара,
Саратов - пали. Наконец,
Началось то, за что так долго
Клеймо вора ты, Стенька, нес.

О, сколько, сколько в Каспий, Волга
Ты унесла крови и слез!
Но, что подчас судьбы зловредней,
Бывает в жизни сей земной?
Ты под Симбирск пришел дать бой
Свой роковой и свой последний.
Свершилось! С раненой главой,
Влача простреленную ногу,
Бежал ты, Стенька; видно, рок
Хотел, что-б ложную тревогу
Больной ты подавить не мог...
Зажили раны понемногу!
О возвращении на Дон,
Стал Разин думать; неудачей
Он не был всех надежд лишен,
В победу крепко верил он -
Был силен дух его казачий.
Но, что-ж? Увы! Со всех сторон
Его встречают злые взгляды,
Недругом стал вчерашний друг
И чувством гибельным прохлады
Пред ним повеяло вокруг.

Поэзия Вадима Измайлова поражает своей многосторонностью, безмерной широтой исторических интересов, поразительным богатством образов, сюжетов и ассоциаций, взятых им из Казачьей истории, в преломлении казачьего народного творчества, как казачий песенный фольклор. И надо сказать, что его поэзии имеется в наличии обращение казачьего поэта-мастера к неподражаемым мотивам и образам казачьего фольклора, делая попытку анализа эстетической природы последнего.

Вадим Измайлов, быть может, сам того не ведая, внес совершенно новые приемы в дело освоения казачьего народного творчества. Внося эти приемы, он несомненно способствовал обогащению общего творческого метода Казачьей литературы, в частности казачьей поэзии. Никто другой, как Вадим Измайлов, творя свои исторические поэмы, установил художественное взаимодействие, иначе говоря, все многообразие связей казачьего фольклора с Казачьей литературой.

Заслуживает внимание, в поэтическом творчестве Вадима Измайлова и его известный дар сарказма, давший ему большую литературную известность в его многочисленных эпиграммах.

КЛЕВЕТНИКАМ КАЗАЧЕСТВА.

Я не хотел, чтобы эти строки,
Рождали горькие упреки,
Негодование и гнев,
Достойных старых, желчных дев,
Морали скучные уроки,
Иль полный ненависти взгляд,
Не в меру нос задравшей пешке,
Ни в снисходительной насмешке,
Под равнодушьем скрытый яд.
Нет, не того совсем хотела б
Моя душа! А впрочем, пусть...
Чувств неподдельных скорбь и грусть,
Предсмертный стон и звуки жалоб,
Проклятья, слезы и могил
С землей сравненных вид убогий,
У вас не вызовут тревоги
И укрощенья жадных сил.

О, ты, беспечный столь в берлоге,
Великий северный медведь, -
Вокруг тебя блуждают тени
И ждут, томясь, чтоб посмотреть
На мзду грядущих поколений...

Был долог, долог твой покой,
И с юга тяжких войн невзгода,
Тебя сместила за спиной
Порабощенного народа.

И что ж за это? - он слышал
Лишь хор торжественных похвал,
Да лицемерья глас лукавый.
И ты, сей льстивый филантроп,
Себя чужой венчая славой,
Могильный рыл ему подкоп.
Вот благодарность, вот награда -
То беспредельная, то вновь,
Вдруг, охладевшая любовь.
Нет, нам любви такой не надо -
Лжив ваших од похвальный звук.
В час роковой, друзья и братья,
У вас медвежье об, ятья,
Медвежья польза от услуг.

И пусть предметом вашей злобы,
Все мы являемся пока,
Пускай даем вам повод, чтобы
На нас вы зрели свысока,
Но, знайте, умники, что гордо
Лишь в битве знамя надо несть,
А кверху вздернутая морда -
Являет глупость, а не честь!

Обобщая критическое суждение о литературном творчестве казачьего поэта Вадима Измайлова, остается конкретизировать, что в его лице является большой казачий литератор, след от поэтических произведений которого никогда не затеряется в анналах Казачьей литературы.

Вадим Измайлов был постоянным сотрудником журналов: "Вольное Казачество", "За Казачье Имя"/Белград/, "Казачья Лава"/Прага, Чехо-Словакия/и др.

14/КОСМА НИКОЛАЕВИЧ КАЛАЧЕВ.

Незаурядным казачьим поэтом, является военный врач/по образованию/Косма Николаевич Калачев, природный казак станицы Нижне-Озерной, Оренбургского Казачьего Войска.

Стараниями и радением его крестника, доктора Н.М.Рябухина, сохранены для казачьего потомства, не только полная биография К.Н.Калачева, но и целый ряд стихотворений, написанных последним и делающих весьма ценный вклад в сокровищницу Казачьей литературы.

"Косма Николаевич Калачев родился в 1830 году и умер в 1915 году, закончив свои дни в раскольниковом скиту, за год до смерти, покинув свой дом в станице, где он прожил пятьдесят лет.

Поэт, философ, оригинал и выдающийся апологет героической роли Казачества в русской истории, он славился по всему Войску своим гостеприимством и чудачеством. Проделав молодым врачом с казаками Черняевские и Скобелевские походы в Туркестан, он получив наследство, сравнительно рано вышел в отставку и жил в огромном доме с богатой библиотекой и большим садом, дом высился на горном берегу реки Урала, с широким видом на Зауральские леса и необъятные киргизские степи, синевшие за ними. На его именины 1 июля, в этот дом с, ежалося все Войсковое и Окружное начальство, и рассказы моего отца, как очевидца всех причуд и забав Космы Николаевича, были полны всегда для меня захватывающего интереса. Я, разумеется, помню его лишь стариком около 70 лет, но всё еще бодрым и полным энергии. В эти годы, он обыкновенно проводил всё лето, с ранней весны до поздней осени, на острове, посреди большого лесного озера, в 15-20 верстах от станицы. Там он занимался рыбной ловлей, чтением философских книг и писал "Историю Яицкого Казачества". /Не знаю судьбы последней/ и т.д. /Врач Н.М.Рябухин: "Письмо в редакцию". "Общеказачий Журнал" №5, стр.64. Январь.1948 год.С.Ш.А./.

Стихотворения казачьего поэта К.Н.Калачева, являются настолько содержательными и красочными в своей были казачьей, как и в совершенстве поэтического дарования этого отменного казачьего литератора, что держатся в казачьем сознании и в наши дни. Однако, многие казаки и казачки, распевая казачьи песни, не знают, что автором их является Косма Николаевич Калачев.

П У Ш К А Р Ь .

Утром рано весной, на редут крепостной,
Раз поднялся пушкарь по седелый.
Он над крепостью стоит, он на крепость глядит,
Сквозь печальные волны тумана!

Вот взмахнул белый плат у высоких палат
Удальца молодца-Атамана.
И с веселым лицом, осеняся крестом,
Он над пушкой медной склонился.

Пламя брызнуло струей, дым разнесся волной
И над крепостью гул прокатился...
Слышь, ребята палят, видно близь супостат,
Не в поход-ли идти нас собирают?

Или дикий ордынец, неверный киргиз,
На кровавый бой нас вызывает?
Как Сибирский буран, прискакал Атаман,
А за ним есаулы лихие.

Он на сером коне, карабин на спине,
В тороках пистолеты двойные.
Он коня осадил, черный ус закрутил,
И сказал нам: "Здорово, ребята!.."

Как на эту орду, я вас сам поведу,
А за мною пойдут есаулы!
Вслед за мною пойдут есаулы,
У степных дикарей жечь аулы...

У нас кони лихие, у нас шашки острые,
Наши ружья далеко стреляют.
И назад вас верну, жаль оставить жену,
С голубыми, как небо глазами...

Если ж лечь суждено, знать, судьбой не дано
Возвратиться к любимой мне с вами!

К А З А К И .

За Уралом, за рекой, казаки гуляют,
И стрелой калёной за реку пушают.

Казаки не простаки - вольные ребята,
У всех на шапках тумаки, все живут богато!

Они ночью мало спят - в поле раз, ездят,
Всё добычу стерегут, свищут - не зевают.

Их товарищ - темна ночь, шашка - лиходейка,
Пропадем мы ни за грош, наша жизнь - копейка!..

Помимо многих стихотворений, К.Н.Калачев написал несколько героических поэм, среди которых литературные критики признали лучшими большую поэму: "Ермак" и поэтическое сказание-балладу: "Кенсара"/о киргизском Хане Кенсаре или Кенисаре/. Поэма: "Ермак", была напечатана типографски в Оренбурге в 1889 году и является в наше время библиографической редкостью. Имея очень интересное содержание, эта поэма считается, по праву, наиболее блестящим поэтическим произведением казачьего поэта К.Н.Калачева.

Огромной силы поэтический талант К.Н.Калачева, нашел свое отражение и в поэтическом сказании-балладе: "Кенсара", которое было также отмечено современной ему литературной критикой, как выдающееся произведение К.Н.Калачева:

К Е Н С А Р А .

По раздолью степей, мчится вихря быстрей,
На лихом скакуне, бей в тяжелой броне.
Мчится по степи он, как из лука стрела,
Конь под ним запылён, им три дня не поён!

За плечами его, не видать ничего:
Ни колчана, ни стрел, лишь свободно висел
У бедра джитаган, да близь сердца - лежал,
В бриллиантах кинжал...

А в большом турсуке, прикрепленном к луке,
И кумыс и джайран.

А в погоню за ним пронесли, как дым,
Два лихих казака!..

"Стой, гяура держи, крепче куй и вяжи,
По рукам, по ногам, зададим по делам!"
Казакий воин вскричал и пришпорив коня,
Беглеца настигал на зыбучем песке.

"Я умру здесь один, как мой сын Ибрагим,
Но не сдамся вам в плен, как был взят мой гарем.
Будь тверда, Хабыба, и в плену докажи,
Что твой муж Кенсара, был могуч, но пора...

И кинжал его в миг, в грудь глубоко проник,
Только гул по броне отозвался и стих,
Бей навеки затих, и ничуть не стенья,
Повалился с коня... Но, не всё решено!

Он одною ногой попал в стремя
И испуганный конь, как пернатой стрелой,
Полетел... и измученный пал,
Близь Черной Горы!..

А в ночной тишине, при блестящей луне,
Их шакал навестил, выпил кровь, растерзал...
Кости их растащил! Да поутру орел
Довершил: додолбил, доклевал...

Так не стало бойца, Кенсары удалца,
Только ветер степной, пробегая порой,
Над костями прожужжит, да киргиз молодой,
Как стрела пролетит и в урочный свой час,
Совершит там намаз...

Умерши в преклонном возрасте - 85 лет, казакий поэт К.Н. Калачев, написал много стихов, которые были напечатаны в казацкой периодической печати, того времени, но к глубокому сожалению, никогда не были собраны воедино.

Правда, почитателями памяти этого выдающегося казацкого поэта К.Н. Калачева, были сделаны попытки издать отдельный том его поэтических произведений, которые не увенчались успехом, из-за наступивших бурных событий 1917-1920 годов, в истории Оренбургского Казацкого Войска.

15/ПЕТР ПАВЛОВИЧ КАЛМЫКОВ.

С подавлением Донскими казаками русско-коммунистического восстания 3-5 июля 1917 года в Петрограде, Совет Союза Казачьих Войск, там же, решил издать специальный номер газеты "Вольность Казачья", посвященный павшим Донским казакам от рук русско-коммунистических банд в Петрограде. Согласно принятого решения, весь чистый сбор от продажи этого номера, выпущенного в количестве 300.000 экземпляров, обратить на оказание помощи семьям убитых казаков. В целях обеспечения успеха продажи газеты, по предложению Совета Союза Казачьих Войск, командиры 1, 4 и 14 Донских казачьих полков и 6-й лейб-гвардии Донской казачьей запасной батареи, командировали большие наряды казаков в полной форме, при шашках, для продажи газеты на улицах Петрограда. Успех продажи казаками этой газеты, превзошел все ожидания.

В этом номере газеты, было напечатано множество статей, как: Амфитеатрова, Куприна, ген. Михневича/проф. Николаевской Академии Генерального Штаба/, ген. штаба полковников: А.И. Дутова и А.Ф. Гущина, полк. Полковникова и многих других. Красной нитью через все статьи проходила скорбь по павшим казакам, негодование русскими коммунистами и выражение недовольства Временного Правительства, попустительствовавшего коммунистам.

"Гвоздем" этого специального номера газеты "Вольность Казачья", было замечательное стихотворение сотника П.П. Калмыкова/Донской казак/, помощника редактора газеты, полное беспредельной любви к казакам, к Казачьей истории, славе и доблести, и полное немое укора бесдарным вершителям страны-Временному Правительству:

КАЗАЧИЙ ЧУБ.

Казачий чуб, казачий чуб!
Густой, всклокоченный, кудрявый,
Куда под звон военных труб,
Ты не ходил за бранной славой?

Какие берега морей,
Какие горы, степи, дали,
Тебя красу богатырей,
Еще ни разу не видали?

Твоя широкая душа,
Не зная грани и предела,
За берегами Иртыша,
За Ермаком ходила смело.

Была далекая пора,
Когда влекомый буйным зовом,
Под многогрудое ура,
Ты гордо веял над Азовом.

И твой протяжный звонкий гик,
Твой гордый голос исполина,
При хладном блеске острых пик,
Слышали улицы Берлина.

И твой полет степной стези
И твой лампас алей калины,
Когда-то видели вблизи,
Балкан цветущие долины.

И не один, а много раз,
Во дни кровавые расплаты,
Тебя палил Кавказ,
Студили холодом Карпаты.

В степях, в горах твои следы,
Где буйны ветры злостно веют, -
И где, свидетели беды,
Казачьи кости не белеют?

Куда тебя не заносили,
Злой рок по прихоти холодной,
Каких полей не оросил
Своей ты кровью благородной?

Рожденный к бранному труду,
Ты лил по рыцарски, как воду,
Свою казачью руду,
За честь, за славу, за свободу.

И вот за доблесть на посту,
Тебе последняя награда:
На окровавленном мосту,
На хладных стогнах Петрограда.

Судьба три года берегла
Тебя в бою, в огне окопа,
Чтоб был убит из-за угла,
Рукой наемного холопа.

И с помертвевших, бледных губ,
Не шлешь ни стопа, ни угрозы.
В пыли, в крови казачий чуб,
А на глазах немые слезы.

И у подножья Царских врат,
Во имя славы и покоя,
Прости убийцам, милый брат,
Своею щедрою душою.

И унеся под звуки труб,
Под звон Архангеловой меди,
Свой гордый чуб, казачий чуб,
К последней праведной победе.

Имя казачьего поэта, сотника П. П. Калмыкова, автора отмеченного стихотворения, вошло в Казачью историю, совместно с его поэтическими произведениями.

16/ВАЛЕНТИНА И НАТАЛЬЯ КАРГАЛЬСКИЕ.

"Красная кавалерия истекает кровью в неравных боях, конский состав уменьшился вдвое и приходит в полную негодность. Только безотлагательные экстренные меры могут спасти положение!" - исторически передавал по радио в Москву сам Буденный, командарм, т. наз., 1-й Конной армии, от 20 января 1920 года.

В то время, на фронте Донской казачьей армии, разыгрывались бои страшного напряжения, когда казачьи боевые части разбивали, в ожесточенных кровопролитных сражениях, все отчаянные попытки 1-й Конной, 8, 9 и 10 русско-коммунистических армий форсировать реки Дон и Маныч.

Тогда же, от 20 января 1920 года, в фронтовой казачьей газете, издававшейся Штабом Донской Казачьей Армии, было напечатано следующее замечательное стихотворение:

МОГИЛА АТАМАНА КАЛЕДИНА.

Есть на кладбище Дона могила,
Окруженная тайной былин...
В ней живёт сокровенная сила,
В ней зарыт Атаман Каледин!

Его прах под крестом отдыхает,
Но не спится душе удалой:
По степям она с войском гуляет
И зовёт на решительный бой.

Гей! Донские орлы боевые!..
Поклянитесь мне в ваших сердцах,
Что вернете вы степи родные,
Успокоите бессонный мой прах.

Обещайте вы мне - Атаману -
Заклинаю вас смертью своей -
Убереечь от меча "басурмана"
Красоту христианских церквей.

Обещайте, что игом позора
Не позволите Дон запятнать,
Что орлиного смелого взора,
Не придется к земле опускать

Есть на кладбище Дона могила,
По ночам она светом горит:
То с Казачеством тайною силой,
Атаман Каледин говорит...

В день его благородной кончины,
Крестным знаменем грудь осеня,
Со словами великой помины,
Помолись всеказацка семья.

Да простит ему Бог Вседержитель,
Самовольный греховный конец,
Да введет во Святую обитель
И наденет терновый венец.

Не преклоним знамена Донские!
Мы ворвемся во вражеский стан,
Возродим мы Казацьи Святыни,
Спи спокойно Донской Атаман!

На скрижалях священных закона,
Мы запишем твой клич боевой:
Греза светлая Тихого Дона,
Да лелеет твой мирный покой.

Это замечательное стихотворение, не только по своему казачьему патриотическому содержанию и пафосу, но еще и по совершенной, с технической стороны, стихотворной рифме, так и по признаку несомненной поэтической талантливости автора, имело двойную подпись: БЕНТ АНАТ/В. Каргальская/.

Стихотворение "Могила Атамана Каледина", стало общепризнанной казачьей песней, в Донских казачьих боевых полках и пелась на мотив старой казачьей песни: "Ой, да ты подуй, подуй ветер низовый."

Говоря о личности этой чудной казачьей поэтессы, необходимо отметить, что она природная Донская казачка Валентина Косоротова, родилась в Новочеркасске в 1900 году, дочь казачьего офицера. Окончила в Новочеркасске женскую гимназию в 1917 году и вскоре вышла замуж, став впредь именоваться по фамилии мужа - Каргальской.

Ее литературные дарования появились уже в девичьем возрасте, когда она стала писать свои первые стихотворения. В полной силе, ее литературный талант стал развиваться и совершенствоваться в эмиграции, считая от конца 1920 года. Как было с большинством эмигрантов, такой же оказалась судьба казачьей поэтессы В. Каргальской, оказавшейся в конце Второй мировой войны, в 1945 году в Австрии, откуда позже переехала с семьей в Аргентину.

Разновременно печатаясь под фамилиями: Валентина Косоротова и Валентина Каргальская, она написала много стихотворений, помещенных в разных печатных органах зарубежья.

К глубокому сожалению, ей не удалось издать в печати сборник своих стихотворений. Отдавая должное ее таланту поэта, помещаем два стихотворения, свидетельствующие о ее поэтической одаренности:

Г О Л Г О Ф А .

Красно звучат Евангелия строфы,
Под их напев течет двадцатый век,
И на Кресте темнеющей Голгофы,
Все распят всенародно человек!
Его кончину предвещают муки...
Вся жизнь его - гонения полна.
Для добрых дел - завязанные руки,
Для истины - закрытые уста!
Так кем же впрямь наполнена вся эта,
"Землею" нареченная планета,
Скользкая в небесной высоте,
Где высшее духовное творенье -
Одно в веках имеет положение,
Возвышенное место на Кресте!

Е Л К А .

Христианский мир Рождество прославляет Христа,
Восхищенные дети поют вокруг елки нарядной
И невольная мысль посещает Святые Места,
Озаренные светом звезды, только мудрым понятной!

И из года в год, в эту чистую зимнюю ночь,
Под трезвон колокольный, поющий хвалу без умолка,
Позабыв вражду, отгоняя печальное прочь,
Поднимается к небу земли, как зажженная елка.

Велика земля, в изобилии взращает она,
Это вечно зеленое дерево снова и снова...
Елка сил полна потому, что вещать должна
Величайшую радость земную: Рожденье Христа!

В 1925 году, у казачьей поэтессы Валентины Кургальской родилась дочь Наталия. Воспитанная своей матерью, Наталия Кургальская пошла по ее стопам и стала писать талантливые стихотворения, обращая на себя внимание.

М О Л И Т В А .

Ты, Господи, велик в Твоем твореньи,
Ты, Царь небес, и моря, и земли,
Ты миру Свет, Ты - скорбных утешенье,
Всесильный Бог, мольбам моим внемли!..
Не осуди, не презри, но помилуй,
Рабу Твою, по благодати Твоей
И скорбный мир, влекомый темной силой,
Ты, яко благ, спаси и пожалей!
И обнови в нас сердце, ум и волю,
Безверье наше в веру обрати,
О, помоги в смиреньи нашу долю
Перенести на жизненном пути!..
Распятый и Воскресший по Писанью,
Христе Иисусе, грешный мир спаси!..

Е Л К А .

Отчего и зимою и летом она -
В изумрудный хитон свой одета;
Отчего она вечно свежа и стройна,
Как красавица в пору расцвета?
Отчего она радость с собою несет,
В светлый праздник Рожденья Христова,
И нарядная каждый является год,
К нам она в утешение снова?
Елка - древо Предвечного Бога Христа,
Символ жизни духовной, блаженной.
Оттого она юна, прекрасна, чиста -
О бессмертья вещает Вселенной!

17/АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ КАРПОВ.

...Утро, солнышко сияет,
Сотня в поле выезжает:
Хоть всю сотню обскачи,
Всюду в ней бородачи.
Лишь я один их осрамил
Свою бороду обрил!..

Это шутовское стихотворение, широко известно среди Уральских казаков, периода времени, предшествовавшего Первой мировой войне 1914-1917 г.г., написано выдающимся Уральским казаком войск. старш. А.Б.Карповым.

А.Б.Карпов, кадровый офицер, окончивший казачью сотню юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, служил офицером 1-го Уральского казачьего полка.

Имея широкий кругозор, А.Б.Карпов продолжал и далее заниматься своим самообразованием, отдавая много времени чтению книг, преимущественно на казачьи темы.

От 1904 года, А.Б.Карпов начал деятельно сотрудничать не только в местной казачьей печати Уральска, но стал печатать свои статьи и очерки в Петербургских военных журналах: "Вестник русской конницы", "Разведчик" и др. Обратив на себя большое внимание казачьих верхов, А.Б.Карпов расширил свой круг занятий и стал писать многочисленные стихотворения, имевшие большой успех в казачьей среде. В результате его многолетней поэтической деятельности, им были написаны стихотворения, первоначально печатавшиеся в местной казачьей прессе в Уральске, а так же и в некоторых русских литературных журналах и сборниках.

В 1910 году был издан полный сборник его стихотворений:

1/А.Б.Карпов: "Избранные стихотворения", 112 страниц. Типография Областная. Уральск. 1910 год.

Выход сборника стихотворений А.Б.Карпова, был приветствуем не только почитателями его таланта, но даже и столичными литературными критиками, где А.Н.Колосов, писал в "Санкт-Петербургских Ведомостях": "Мы привыкли видеть и лицезреть в частности Уральских казаков всегда во всеоружии, верхом на коне или же на т. наз. багреньи, на реке Урале... Но, читать и познавать Уральского казака в качестве одаренного, талантливого поэта, это уже для нас - новинка и надо сказать правду, весьма и весьма большая новинка! Заканчивая свой краткий отзыв о несомненно талантливом литературном творчестве казачьего офицера А.Б.Карпова, можно лишь с грустью признаваться... до чего мы мало знаем казаков и в частности Уральских казаков, смутьяны, староверы, бородачи, где-то живут на границе Азии... и вдруг казачий поэт!.."

Но, без всякого сомнения, талантливый и одаренный казачий офицер А.Б.Карпов, получил еще известность и как казачий историк, много поработавший над историей своего родного Уральского Казачьего Войска. Написанные им труды в этой области, были также признаны широко казачьей общественностью.

В 1912 году был издан исторический труд А.Б.Карпова, на средства Войскового Хозяйственного Правления Уральского Казачьего Войска:

2/А.Б.Карпов: "Уральцы". Исторический очерк. Часть 1. "Яицкое Войско". /От образования Войска до переписи полковника Захарова. 1550-1725 годы/. 1014 стр., 10 листов рисунков. Тираж 500 экз. Тип. Войсковая. Уральск. 1912 год.

Предположенный к изданию его новый сборник стихотворений в 1914 году, так и не был выпущен, в связи с войной 1914-1917 г.г., а затем революция и война русских коммунистов с Казачьим Народом в 1917-1920 г.г.

18/НИКОЛАЙ КЕЛИН.

Звучный слог, отличная рифма, блестящий стиль, законченность содержания, отточенность мысли, прекрасное стихосложение, замечательная лирика, суть элементы поэтического творчества казачьего поэта Н.Келина.

К У Р Г А Н .

Я выйду с тобой на дорогу,
В широкую лунную степь -
Там тихо, как в горнице Бога,
И хочется песню пропеть...
.....
Так слушай! То было когда-то...
Гремели над Доном мечи,
Палаш на Московские латы,
Стуча опускался в ночи!
Вон видишь? - За сизым туманом
Синеет высокий курган,
Должно-быть сражен басурманом,
В нем спит удалой Атаман.
Не сгнили казачие кости,
Не тронут убор боевой...
Коль на Дон незваные гости
Придут и завяжется бой,
Курган распадётся на части,
Раздвинется, вздрогнёт и в нём
Почуя беду и напасти,
Засветятся очи огнём.
И вздрогнут далёкие сини,
И свист по полям полетит -
В простор, в помертвевшие стыни,
В степной, азиатский зенит.
И в даях пойдут переливы,
По балкам закружится лист -
То кони чрез топи и нивы,
Летят на разбойничий свист
И рвутся и вьются и скачут -
Пригнулись к земле ковыли,
То сил легионы казачьих,
Встают из родимой земли...
И вдруг из кургана восстанет
Степная гроза - Атаман:
И трепет во вражеском стане,
И крики в рядах северян!

АТАМАН-ПЕЧАЛЬ.

О чем ты думал, Атаман?
О ком твоя душа болела?
Когда с степей ушел туман
И ночь в глаза твои глядела...

Был тяжек, безысходен час
Последнего с тобой разлада,
И ты решил за Дон и нас...
И ты поверил - так вот надо:

Нажать курок, порвать с землей,
Окончить жизнь на благо внуков...
И вот теперь, как часовой,
Стоит в сердцах с тобой разлука.

С тех пор прошло не мало лет,
Но ты, как совесть перед нами;
И не один Донской поэт
Тобой болеть не перестанет.

О, Атаман - печаль, прости,
И малодушье и измену...
Мы твердо помним красный смех,
Мы для тебя готовим смену.

О, Атаман - печаль, прости,
Я знаю - тяжек час разлуки,
Тебя достойные расти
В Донской Земле, начали внуки.

Родная персть, тебя-ль забыть,
В чужбинах дни купая в тине...
Летят года, а жизнь горит,
Как гроздь красные калины.

Тебя изрыли сошники
Твоих орудий и окопы,
Когда к тебе большевики
В гудящем шуме били тропы.

И горсть восторженных и злых,
Напору толп подставив груди,
Хранили Дон от полчищ их,
Хрипя в дыму, моля о чуде.

И затаив свой алчный дух,
Весь мир замолк, тая надежды,
Что нас раздавят в прах и пух,
Что Русь сама себя зарежет.

Но мы не сдались, мы ушли
Копить под чуждым небом силы,
За счастье брошенной земли,
Мы будем биться до могилы.

Из обзора приведенных стихотворений казачьего поэта Н.Келина, следует, что язык и тон его стихотворений сильно отличается от языка других казачьих поэтов. Довольно часто он прибегает к употреблению в рифмах мало употребительных слов, что придает особый колорит его стихосложению. Он выработал свой, своеобраз-

ный поэтический язык, которым он дорожил. В этом и скрывается известная красочность его стихотворений.

Силу, значительность ритма Н.Келин осознает, как сильное оружие поэта и потому совершает полностью оформление ритмической выразительности и музыкальной формы своих стихотворений. В общем же, необходимо отметить, что в поэтическом творчестве Н.Келина имеются некоторые мотивы, пока что в порядке намечания, не получившие полного, подлинного выражения.

Но, суммируя все выводы, сделанные в критическом обзоре его творчества, следует признать, что он — подлинный казачий поэт, который имеет ярко выраженное лицо аборигена индивидуальной поэзии.

Казачий поэт Н.Келин, уроженец Дона, коренной иногородний, окончивший Пражский Университет в конце 20-х годов настоящего столетия. Написал много стихотворений, напечатанных разновременно во многих казачьих эмигрантских журналах и литературных сборниках. Кроме того, были изданы отдельно, два сборника его стихотворений:

- 1/Н.Келин: "Стихи". Сборник. 78 стр. Прага-Чешская. 1933 год.
- 2/Н.Келин: "Стихи". Сборник. 93 стр. Тип. Франца Худомеля. Гостивар-Чехо-Словакия. Литературная Казачья Семья. 1939 год.

19/ИВАН ЛЬВОВИЧ КОРАЛЕНКО.

Казачий поэт-стилист И.Л.Коваленко, получивший еще при своей жизни, общепризнанную большую литературную известность, как под своим именем, так и под литературным псевдонимом "Скубани", родился в 1898 году, в станице Расшеватской, Лабинского Отдела, Кубанского Казачьего Войска. Отец его заслуженный казачий вахмистр, бывший станичным Атаманом.

И.Л.Коваленко окончил Ставропольскую учительскую семинарию в 1916 году, поступив далее в школу прапорщиков Казачьих Войск в Екатеринодаре/позже переименованную в Софиевское казачье военное училище/.

В бурную эпоху войны казаков против русских коммунистов, И.Л.Коваленко служил офицером во 2-м Лабинском казачьем полку, достигнув чина есаула за боевые отличия.

Уйдя с Кубанской Казачьей Армией в ноябре 1920 года из Крыма в эмиграцию, на остров Лемнос/Греция/, уехал оттуда в августе 1921 года в Константинополь-Турция и оттуда в Румынию, где и жил постоянно.

Находясь в Бессарабии/Румыния/, И.Л.Коваленко учительствовал в местных школах/городские училища 4-х классного состава/. От 1930 года И.Л.Коваленко начал печатать свои стихотворения в журнале "Вольное Казачество". Эти стихотворения создали ему большое литературное имя, но остается пожалеть о том, что своевременно не были изданы все его многочисленные поэтические произведения, которые обнаруживают в лице И.Л.Коваленко незаурядный и прирожденный талант большого поэта, муза которого творила замечательные по своей одаренности, стилю и значимости стихотворения.

И.Л.Коваленко умер от туберкулеза легких 24 августа 1943 года, в Бессарабии/Румыния/.

Этот замечательный казачий поэт И.Л.Коваленко умер 45 лет, оставив казачьему потомству массу своих неподражаемых стихов, которые должны быть, когда-нибудь, собраны, систематизированы и

изданы в форме отдельного большого тома его избранных стихотворений, поэм и сказов. Отдавая дань безвременно почившему большому казачьему поэту И. Л. Коваленко, остается представить ряд его поэтических произведений, дабы казаки имели представление, какие таланты имеются на фоне Казачьей литературы.

Как-бы, предчувствуя свой недалекий смертный конец, казачий поэт И. Л. Коваленко предвозвещал заранее о том, выражая свое духовное завещание казачьим потомкам:

...Что сделал я?.. В ком луч надежды
Зажег хоть раз мой грустный стих?
Чьи осушил от слез он вежды?
Чью душу облегчил на миг?
И что в наследие потомку
Оставляю я?— Мою клюку
Да эмигрантскую котомку —
Всё, чем владел я на веку...
А, впрочем, был и я богаче:
В моей груди хранились месть,
К тиранам Родины Казачьей,
Любовь к Свободе, Долг и Честь!
Но этот сердца клад незримый,
Эту жемчужину ценных нивь,
К ногам КАЗАЧИИ РОДИМОЙ,
Я завещаю положить!..

Весьма красочны своим содержанием, вообще все поэтические произведения И. Л. Коваленко, подлинно совершенного казачьего поэта, мастерски владеющего техникой стихосложения, синхронизацией выражаемой творческой мысли, созвучностью рифмы, надлежащим поэтическим стилем и нужной, необходимой по моменту, выражаемой гаммы соответствующих настроений.

ОТЧИЗНА МИЛАЯ МОЯ.

И у меня была, когда-то,
Отчизна милая моя,
Где я любил впервые свято,
Где скрылась юности заря...

И надо мною расцветали
Очарования цветы,
А в сердце трепетно мелькали
Огни надежды и мечты!

Была пора, когда весною,
Лишь защебечут соловьи,
Певал со страстью молодою
Я песни смелые мои!

Теперь мечты судьба разбила,
Украдал чары светлых грез,
А счастье жизни утопила,
В потоке выплаканных слез.

В порыве варварски-жестоком,
Распяли Родину враги:
А я в изгнании далеком,
Влачу мучительные дни.

Казачий поэт И. Л. Коваленко принадлежит, в своей поэзии, к ряду тех казачьих поэтов, которые были одарены мечтой служить исключительно казачьей поэзии, основывая свои чувства и мысли на прекрасном, возвышенном и вечном, что давала и дает им Казачья История. Служа Казачьему Народу, И. Л. Коваленко отдавал весь свой большой талант поэта исключительно казакам.

НОВЫЙ ГОД.

Ночь повисла над страной,
Чуть видна станица.
Снег пушистой бирюзой,
В сумраке искрится.

Тихо!.. Разве чуткий пес
Изредка залает,
Да почувствовав мороз,
Филин зарыдает.

Спит казак тяжелым сном,
Горем убаюкан.
На лице его худом,
Притаилась мука!

В тишину несется бред:
- Ну, как, - спросит внука,
Славный, вольный, смелый дед,
- Дрейфишь политрука? -

Что скажу ему в ответ?
Дед, казак геройский,
Не менял родной бешмет,
На кафтан Московский!..

Ширь степей не забывал
Нехристям в угоду,
И, коль надо, умирал
За свою свободу.

Что отвечу?.. - Эй, проснись,
Брат мой униженный,
Богу-Спасу помолись
Со свечей зажженной...

Слышишь легкие шаги
За окном убогим?
Видишь-падают враги
Пред судьбою строгим!..

Глянь с надеждою вперед,
С радостью во взоре, -
То стучится Новый Год
В царственном уборе.

Он возмездие сулит
И конец невзгодам,
Край Казачий озарит
Солнечным восходом!

С ним придет, как херувим,
В мир любовь Святая,
И исчезнет, словно дым,
Ненависть людская.

Декабрь 1933 год.

Исключительная звучность стихов, последовательность и развитие самой фабулы стиха, художественное своеобразие, специфический жанр, углубленность связи поэзии с жизнью, представляют собой отличительные черты богатейшей поэтической образности казачьего поэта И. Л. Коваленко.

В его поэтическом творчестве чувствуется явственно существо органической связи поэта с жизнью, с казачьим народным творчеством и подлинной казачьей народной эстетикой. Всё вместе взятое, представляет И. Л. Коваленко, как казачьего поэта с большой творческой индивидуальностью, умевшего и способного решать проблемы художественного мастерства, в области казачьей литературной поэзии.

К А З А К У .

Мне не нужны рукоплесканья -
Я похвалы не жду, о нет, -
Меня влекут воспоминанья
О вольных днях минувших лет!
Хочу я песней удалю,
В судьбой истерзанной груди,
Как запаляющей искрою,
Зажечь потухшие огни...
С любовью, верю горячей,
Хочу былое воскресить!
И в жизни горестной казачьей,
Печаль изгнанья заглушить...
Казак, взглянув на эти строки,
Перенесется в Край Родной,
И вздох отчаяния глубокий
Подавит смелю мечтой.
Была пора и будет снова, -
Взглянет Всевышний Царь на нас,
К пенатам брошенного крова
Мы возвратимся... близок час!
Не вечен ужас ржавой цепи
И власть кровавых упырей:
Не навсегда замолкли степи
С чудесной песней косарей!..
Собьет казак стальные звенья,
Придушит зверя-палача.
Зажжется в сердце пламя мщенья,
Как исполинская свеча!
Расправив согнутые плечи,
Надев запыленный чекмень,
Врага сразит он в жаркой сече
И сгинет ночь, настанет день...
Уж вижу я - в дали туманной,
Отбросив рабства кандалы,
Навстречу воле долгожданной
Взметнулись храбрые орлы!
Не унывай-же, брат, напрасно,

Надежды светлой не гони, -
Для нашей родины прекрасной,
Придут торжественные дни!..

...О если-б хоть на миг морщины
Исчезли с бледного чела,
И радость, вместо злой кручины,
В душе твоей приют нашла.
И если-б тихую улыбкой,
Твой образ мрачный засиял, -
Я б не хотел ни славы зыбкой,
Ни света мелочных похвал!..

. При исследовании тематики поэтического творчества И.Л.Коваленко, нельзя не обратить надлежащего внимания на красивое и полное внутренней силы стихотворение его о Кубанской Земле, где он поэтизирует последнюю. Здесь рядом с сильными и художественными чувствами поэта, заметен известный пафос, приподнятость нервов, быть может даже излишек торжественности и беспокойной поэзии. Но, именно, в указываемых эмоциональных переживаниях казачьего поэта И.Л.Коваленко и заключается вся любящая душа его ко всему казачьему, вся подлинная сила и оригинальность его поэтического творчества, полная захватывающего интереса.

БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ РОДИМАЯ ЗЕМЛЯ.

Благословенна будь Родимая Земля -
Свидетельница бед и наслаждений бурных, -
Где некогда, блестя, тянулись поля,
Колеблясь морем волн, как небеса лазурных!..

По тем полям не раз красавцы на конях,
Ходили на врага полками боевыми!
В тесьмой Кавказскою расшитых чекменях,
В папахах на бекрень и с шашками кривыми!

Как мать, любила ты джигитов удалых,
Звала к себе орлов, походом утомленных,
И пробуждая мысль о доблестях былых,
Мечту баюкала на веках полусонных...

Кормилица-земля! От пушечной стрельбы
В ту пору, грудь твоя со стоном не дрожала,
И пестунов твоих, не вынесших борьбы,
Орда стервятников со злобой не терзала.

Хранимая от зол Всевышнею рукой,
В течение веков не зная недородов,
Обогащая всех пшеницей и мукой,
Бездонной житницей слыла ты у народов...

Не прерываясь, стояли шум и гам
У элеваторов, ломящихся от грузов,
И к Черноморским и Азовским берегам,
Влекло расчетливых британцев и французов!..

...Но время то прошло, как не было его,
Заполнил тебя злодей из "три эс-эра", -
Затихло всё, в портах не грузят ничего,
Не видно там мосье, ни мистера, ни сэра.

Забыли все Тебя, мой оскорбленный Край! .
/Не вспоминаются времен минувших блага/
Им чужды ужасы и воплощенный "рай",
Под сенью мрачной багрянцевого флага...

Где-же вы теперь, друзья Казачества? Не вы-ль
Во дни веселия с ним радость разделяли,
И по полям златым запыленный ковыль,
Беспечные, смеясь, безжалостно топтали?

Все отказались... Все!.. Один казак-изгой
Не разлюбил долин и гор крутого ската.
И горячо стремясь туда больной душой,
С чужбины-мачехи, клеймит проклятьем ката.

...Благословенна будь Кубанская Земля!
Придет спаситель твой в блестящем ореоле
И сбросив тяжкий гнет Московского Кремля,
Он возродит тебя к величию и воле!..

Октябрь 1933 год.

Надломленность истосковавшейся казачьей души, слышится в строфах многочисленных стихотворений И.Л.Коваленко, говорящих столь много о горестях и душевных страданиях казаков-эмигрантов, на далекой чужбине.

ДОВОЛЬНО КОЛЕБАНИЙ.

Лабинцы, храбрые, за мною!
Весна пришла с её красой -
Поля, покрытые травой,
На солнце светятся росой.

Довольно спячки зарубежной -
Лаба зовет своих сынов
К восстановленью славы прежней,
В борьбе за вольности дедов.

Мы ненавидим мрак темницы,
Не нам рабами умирать -
Нам суждено теперь страницы
Иной истории начать!

Туда на юг, к родным курганам -
Могилам милой старины,
Помчимся вихрем-ураганом,
Гоня тиранов из страны...

Скорей-же в горы, в лес дремучий,
На берег красочной Лабы -
Мы налетим грозовой тучей
И вырвем волю у судьбы...

Идем! Довольно колебаний,
Сомненье в сердце пусть умрет -
Нас на истерзанной Кубани,
Давно народ-страдалец ждет!..

Не имея страха перед окружающей повседневной действительностью, казачий поэт И.Л.Коваленко думая о своих идеалах, пел ряд песен, насыщенных неподдельной любовью к Казачьей Родине, желая послужить родным казакам, страдать их страданиями, содействовать

и способствовать наступлению лучших для казаков дней.

ПЕСНЯ КУБАНЦЕВ.

Дети вольные одной
Матери Кубани,
Мы стоим сплошной стеной
У родимой грани.

Мирно с миром жаждем жить
В вере православной,
Цель отчизны нашей — быть
Среди равных равной...

Но коль кто в стремленьи злом
Посягнет на Волю, —
Пронесется клич, как гром,
По родному полю.

Из станиц и хуторов,
Будто тигров стая,
Выйдет Войско казаков
На защиту Края.

На седых отрогах гор
И в долине влажной,
Встретит яростный отпор
Супостат отважный...

Мы — воинственный народ,
Нам бои — забава,
С давних пор, из рода в род
Нас венчает слава.

Славься вечно, Вольный Край —
Родина Святая!
Нескончаемо мерцай
Слава вековая!

Лейся песня кобзарей
О красе преданий
И делах богатырей,
Доблестной Кубани!..

Творя красивые стихи и вкладывая в их содержание всю свою думу, И.Л.Коваленко не ведая о том, создавал сам себе нерукотворный памятник, увековечивая свое имя в сознании и мыслях надходящих поколений. Делая известное сравнение, в данном случае, остается лишь привести знаменитое стихотворение — четверостишие, найденное в посмертных бумагах знаменитого датского писателя Генриха Ибсена:

Я миру дать хочу две-три красивых песни,
Два — три ласкающих аккорда,
Чтоб в час агонии звучало мне: воскресни! —
Со всех сторон торжественно и гордо.

Зная силу своей поэтической лиры, казачий поэт И.Л.Коваленко, писал свои пророческие стихи, утверждавшие всю неизбежность его большого имени, как казачьего поэта, создавшего совершенные во всех отношениях стихотворения, служащие украшением Казачьей литературы.

П О Э Т .

Я не сказочный принц, не потомок князей,
Но чертог мой прекраснее царских палат!
В нём живут сонмы светлых, могучих идей,
И волшебные Музы парят...

В нём владыка лишь я, и никто под луной
Не шагнёт через тайны его!
Никому не дано любоваться игрой
Бриллиантов венца моего!..

Я всемогущ, когда восседаю на трон,
И в руках моих лира звучит,
Над Вселенной несётся божественный звон
О любви и прощеньи обид!..

Рассержусь, - великий с позором падёт,
Добродетельный станет смешным...
Захочу, - и толпа свой кумир разобьет,
Преклоняся перед Богом моим!

Всё во власти моей...я сильнее царей,
Я - зовущий живительный свет.
Храм - чертог мой поднялся над чувством людей..
В величавой красе - я поэт!..

Говоря полностью о силе поэтического творчества казачьего поэта И.Л.Коваленко, необходимо указать, что его поэма: "Абрек", одно из самых больших его произведений, столь же разнообразно и оригинально, как и вообще все его стихотворения.

А Б Р Е К .

Глава VII.

...И началась месть Никиты,
Он стал страшилищем станиц:
Врагов их полчища побиты,
Но злобе не было границ.

За честь поруганного Края,
За слёзы жён и матерей,
Огнём противника сметая,
Идёт Никита-Прометей!..

Он верит в час освобожденья,
Заветным будущим живёт,
Всегда без страха и сомненья,
Смеясь над смертью, в бой идёт...

За ним могучие ватаги,
Родной страны богатырей,
И реют Воли светлой флаги
Над ширью красочной степей.

И как пред грозною лавиной
В смертельном страхе всё дрожит:
Так перед мстительным Щербиной
Толпа насильников бежит!..

И вот сбылись мечты народа -
Из Края выгнали врага,
Опять Кубани чудной воды
Спокойно блещут в берега.

Казак свободный снова в поле
Плужницей режет борозду,
И наслаждаясь своей волей
Забыл про горе и нужду...

Давно казаченьки летают.
Далеко где-то, как орлы,
И мир к свободе призывают,
Уничтожая кандалы.

Повсюду виден всадник бравый,
Гудит навстречу перезвон!
Украшен путь цветами славы,
И вдруг... Исчезло всё, как сон..

Погасли пламенные очи,
Не встанут рыцари на бой,
И снова мрак кровавой ночи,
Повис над Родиной Святой.

Но час придёт - венок победы
Могилы храбрых обовьёт,
И гордо скажут внукам деда,
Что слава рыцарей живёт!..

Казачья правда лик подымет,
Воспрянет братство и любовь,
Порвутся цепи-рабство сгинет
И перестанет литься кровь.

Исчезнет чуждая опека,
Вернётся право казака.
Штандарт священный человека,
Поднимет вольная рука!

Утихнет горе, плач народный
Уймёт прекрасная пора!
И вступим мы на путь свободный
Бессмертной славы и добра!

Приведенная глава поэмы "Абрек", показывает не только талантливость И.Л.Коваленко, как поэта. В этой поэме отражена полностью жизнь двух казачьих поколений первой четверти нашего XX века. В самом деле, что ни строка, казачий поэт скорбит за гибнущих своих собратьев казаков, где несмотря на столь печальную историческую действительность, И.Л.Коваленко отбрасывая в сторону жестокость настоящего времени, глубоко верит, что:

Утихнет горе, плач народный
Уймёт прекрасная пора!
И вступим мы на путь свободный,
Бессмертной славы и добра!

Обследуя критически поэму "Абрек", надо констатировать, что казачье национальное чувство, так глубоко довлеющее казачьим поэтом И.Л.Коваленко, входит составным органическим элементом в его творческий метод подлинного художника-поэта и мастера пера. Всё вместе взятое, наложило печать не только на специфическое своеобразие языка и литературного стиля И.Л.Коваленко, но затронуло и многие иные стороны поэтической натуры. В конце концов, эстетика поэтической формы поэмы "Абрек", представляет собой полностью наглядное демонстрирование идейной зрелости, жизненного и творческого опыта И.Л.Коваленко, как вполне законченного и сформировавшегося казачьего поэта, чуждого условных предразсудков, как схоластика мысли и подлинного поэтического творчества.

В результате тщательного анализа поэмы "Абрек", шедевра талантливого казачьего поэта, возможно определить и уяснить происходящее сложное взаимодействие между историческим мемуаристом И.Л.Коваленко и им-же, выступающим уже в роли подлинного автора-художника, пишущего полные огня и гармонии поэтические строфы в поэме "Абрек".

Конкретизируя в общем целом поэму "Абрек" и изучая ее идейно-художественный смысл в отношении к казачьему народному творчеству, можно и должно сделать строгий и заключительный вывод, что в ней звучит решительная проповедь КАЗАЧЬЕГО ПОДВИГА, о чем пел и думал выдающийся казачий поэт И.Л.Коваленко-Скубани.

20/ИВАН АНТОНОВИЧ КОРЫБУТ ВИШНЕВЕЦКИЙ

Я ЛЮБИЛ ПЕТЬ КРАСИВЫЕ ПЕСНИ.

Я любил петь красивые песни
Для добрых, гордых и злых,
И желал людям целого мира,
Чтобы не слушали песен плохих...

Я хотел своей песней прославить
Всю народную мудрость и жар,
И я только желаю всем людям
Иметь каждому счастье и дар!

Я своею чарующей песней,
Разбудить хотел души от сна
И воспеть еще новые песни,
Чтобы нас не томила тоска.

Люди гордые знать не желают,
Что добро можно песней творить,
Что прекрасная песня научит,
Как должны люди счастливо жить.

Как я рад буду ранней весной
С новой песней людей встречать,
И мелодией своею лиричной
Их усталые души ласкать...

Но злые и гордые люди,
Не могут тех песен любить,
Когда песнь трудового поэта,
Иногда может их озлобить.

Но если звуки моей нежной песни,
Не могли разбудить их к любви,
То я все-ж без злобы и печали,
Буду другом во все дни.

Я устал от тоски и печали,
Ибо голос мой стал увядать,
Но я все же любимую песней,
Буду всех, как могу развлекать!

4.8.1958.С.Ш.А.

ПРИВІТ ТОБІ КУБАНЬ БАГАТА.

Привіт Тобі, Кубань багата,
З країв далеких ми шлемо,
Чи приймеш нас, як Рідна Мати,
Коли до Тебе прийдемо?

Щоб серце Твоє не томилось
Печаллю довгою й тугою,
Щоб сльози Твої не ронились,
Щоб Ти жила в повнім спокою.

Вже роки довгі проминули,
Коли від Тебе ми пішли,
Можливо й діти нас забули,
Не знають, чи ще ми живі.

Тебе забути ми не можемо -
Твої сини, як Рідну Мати,
За Тебе ми життя положимо,
Готові все Тобі віддати!

Як довго нам ще тут бути,
Без Тебе вік свій доживати,
Невже прийдеться у розлуці,
Душею цілий вік страждати?

Летять наші думи й бажання,
До Тебе, Край наш дорогий,
Де нам світила зоря рання,
Де промінь грів степ золотий.

Злетім до Тебе, Кубань мила,
Де Ти зросла, де Ти цвіла,
Де Ти пестила і нас любила,
Рідненька Мать наша Земля!

Буйні вітри там над ланами,
Руйнують Край, як бурьян став,
Якими ж він вийде шляхами,
Хтоб путь йому з тернів казав?

Но все ж, до Тебе ми з любов'ю,
Привіт свій щирий надішлем,
Поборимось з гіркою долею,
До Тебе колись прийдем!..

НЕ ИЩЕТ ПОЭТ СЕБЕ СЛАВЫ.

Не ищет поэт себе славы,
Рождён он для жизни другой;
Он хочет, чтоб люди поняли,
Что мир без свободы - немой!

Жестокіе люди желали б,
Дух творчий поэта убить
И в цепи его заковали б,
Чтобы речи свободной лишить...

Ведь гордые в славе несутся,
Напрасно стесняют людей,
Придёт ещё время, уймутся,
Когда у них не станет друзей.

Поэта хоть свяжут цепями,
Чтобы снова в ярме он ходил,
Но убить его духа, тираны
Не в силах, чтоб он не творил!

Не страшны поэту угрозы,
Его мысли нельзя притеснять,
Он может увянуть, как розы,
Чем свободную жизнь терять...

Лишь рабы тирании покорны,
Им не дано свободу познать,
Они служат подобно животным,
Тяжело им свободу создать.

Цветок, оживаемый солнцем,
Растёт средь лесной темноты,
Так и дух не умрёт песнотворца,
За решёткой тюремной стены!

Ведь будут еще литься слёзы
И не раз сам заплачет поэт,
А бедных исполнятся грёзы
И вновь воссияет им свет.

Как уйдут от нас снежные тучи,
Тогда снова поля расцветут
И плоды, что созреют получим -
Они оплатят полезный наш труд.

Как рано светает весной,
Птичьи песни звенят под окном,
Их песни солодят порою,
Кто страдает душою больной.

Красиво цветёт всё весной,
Благоденствует с радостью мир,
А поэт своей песней родной,
Воспоёт, что нам Бог сотворил!

Он песней своею прекрасной
Очарует, как прелесть весны,
А чтобы не было грусти напрасно,
Воспоёт он о царстве любви.

Ведь песня поэта, как запах
Цветочка, что в поле цветёт,
Его аромат утром рано
Ветерком по степи разнесёт.

Когда рожь заколышет на нивах,
С какой радостью люди все жнут,
Их песни несутся на жнивах,
Раздаваясь над степью плывут.

Тогда очень красивую песню -
Прекрасно споёт поэт вновь,
На воле, в любом для всех месте,
Где не будет железных оков.

Будет петь он чудесные песни,
Когда явится в дни новых жатв,
Он вызовет с хат-хижин тесных -
Рабов, чтобы им Божий свет увидеть.

Так внимлим же мы песне поэта,
Когда вновь он песню споёт
И прелестною песней своею,
От судьбы нас лихой отведёт!..

ПОРА ВОЗВРАТИТЬСЯ К БОГУ

На трясущейся часто земле,
Возникает много пожаров,
Люди гибнут часто в огне,
Задыхаясь в дыму от угара.

На войне погибают солдаты,
Люди гибнут от бомб тоже зря
И в беде этой все виноваты,
Просветит нас всех Божья зря!

Из Лаоса, Китая и Вьетнама,
Слышен гул перелётных ракет,
Полететь они могут над нами,
Нам теперь нужен Божий совет.

Сатана, как мы видим вокруг,
Торжествует под выстрелы залпов,
Он пленил уже многих, как друг,
Им воздвиг много тюрем и замков.

От такой суеты, мы теряем умы,
Когда слышим ночную тревогу,
О, скорей, протрезвились бы мы,
Возвратились бы истинно к Богу!

Умолить, чтобы пламя оружие сожгло,
Переделать его в серпы и орала
И чтоб новое время пришло,
Когда люди свободно б дышали.

О, какая бы радость была,
Обновился бы мир весь любовью,
Прославляли бы Бога всегда
И не знали б войны и разбоя!..

Блестящий поэт, превосходно владеющий пером, знающий в совершенстве технику стихосложения, автор многочисленных стихотворений и поэм, как равно и писатель-прозаик, казачий поэт Иван Антонович Кобыбут-Вишневецкий, является природным казаком Кубанского Казачьего Войска, ведя свой старинный казачий род от знаменитого Запорожского Байдя, князя Вишневецкого Димитрия, имя которого гремело в 40-60 годах XVI столетия.

И.А.Кобыбут-Вишневецкий родился в 1892 году в г.Екатеринода-ре, где получил среднее образование. Окончив далее военное училище, он будучи кадровым офицером, участвовал в Первой мировой войне 1914-1917 годов и в войне казаков против русских коммунистов в 1917-1920 годах.

Находясь в эмиграции, казачий поэт И.А.Кобыбут-Вишневецкий был постоянным сотрудником в ряде казачьих эмигрантских журналов, как то:

"Казачий Исторический Сборник", "Кубанский Край", "Казачья Жизнь" и др., помещая там свои многочисленные стихотворения и статьи на казачьи темы.

21/ЛЮДМИЛА КОСТИНА.

Н А В О Л Ю .

Снимите с меня золотые оковы,
Возьмите звенящую цепь
И дайте взамен мне коня вороного,
Пусть на волю летать.

Я "Вихрь" дам имя коню вороному...
Взовьётся мой конь и заржёт,
Как вихрь он помчится к родимому Дону,
Далёко меня унесёт...

Далёко останутся горные цепи,
Покроет их белый туман:
Вдали развернутся привольные степи,
Покажется старый курган.

Заплещутся волны широкого Дона,
Послышится клекот орла,
И я здесь только в этом покое
Сдержу вороного коня.

Окину я взором картину родную,
Вздохну полной грудью легко,
На землю склоняюсь, в первый раз отдохну я,
От душных громад далеко.

А после я буду по степи носиться
И с ветром в лавитки играть.
Мой "Вихрь" взовьётся, начнёт горячиться,
Копытами травы топтать.

Ночь подойдёт... Утомившись игрою,
Я и мой друг притаимся в тиши,
Слушать предания дедушки-Дона -
О прошлом седой старины.

Снимите с меня золотые оковы,
Пусть на волю скорей!
О, дайте мне, дайте коня вороного -
Простора зелёных степей!..

В этом стихотворении видно и чувствуется явно, что казачья поэтесса Людмила Костина умеет мастерски владеть своим пером, дабы выразить свои мысли и думы, обладая к тому же высоким чувством народности. Имея глубокое знание понимания казачьей народной поэзии, она доказывает своим творчеством склад и образ мышления казаков, где поэзия встречается с народным творчеством, ибо образ коня является одним из любимых сюжетов казачьего песенного фольклора.

Осваивая поэзией прирождённое казачье народное творчество, она совершенствует своё поэтическое мастерство, раскрывая "казачью душу" в стихотворных строфах, и делает она это умело и вдохновенно. В данном случае, её мысли и чувства, как казачьей поэтессы, слиты всецело с жизнью и духовным миром казаков.

ЛЮБЛЮ Я ДОН!

Люблю я Дон, прозрачный и глубокий,
Где дремлет под волной седая старина,
Простор зелёный, сказочно-далёкий,
Посмотришь вдаль и нет - ему конца!
Люблю казачьи мирные станицы,
Люблю самих героев-казаков,
Подобных вольным легкокрылым птицам,
Которым путь всегда везде готов.
Люблю казачек смуглых, синеоких,
С горячим сердцем, с смелой душой, -
Среди степей привольных и широких,
Они не терпят власти над собой.
Люблю я Дон, когда ночной порою,
Чуть слышно плещет темная волна...
Он дремлет чуть!.. Он грезит про былое,
Могуч, прекрасен, тих в своём покое...
О, Тихий Дон, как я люблю тебя!

Большой внутренней силы представляется это стихотворение, где чередующиеся строфы легко усваиваются и понимаются, какой техникой владеет поэтесса. Полная гармонизация в созвучии, насыщенность поэтического содержания и очарования, синхронизация направляющей мысли поэтессы, в сопоставлении с рисуемой аллегорией, представляющей отображение актуальной действительности.

РОЮТСЯ МЫСЛИ.

Роятся мысли в кругу заколдованном,
В сердце мучительно жадок ответ...
Хочется к солнцу, да крылья поломаны,
Хочется счастья, которого нет!..
Старое мертво, потеряно новое,
Душу какая-то муть залила...
Так дайте же мне кубок, страданьем окованный,
Выпить бы сразу всю горечь до дна!

Душа казачьей поэтессы страдает, мысль не находит ответа, почему поэтическое находит исход... льются полные горечи и страдального укора стихи, которым никак нельзя отказать в мастерстве изложения.

ТОСКА ОЖИДАНИЯ.

Вечер... Прячутся в сумраке контуры темные,
Заростающий двор неприветлив и пуст,
А вокруг тишина ароматная, сонная...
И на сердце какая-то странная грусть,
Где-то плачет рояль и аккорды печальные,
Напевая мечту затухших дней,
Мне рисуют черты незабвенные, дальние,
Среди серых узоров вечерних теней.
Плачут звуки и будят природу уснувшую,
И вокруг шелестит едва слышно листва,
Плачет сердце... И хочется счастья минувшего,
Снова яркого счастья и грёз без конца!..

Женственность казачьей поэтессы Людмилы Костиной, порождает целую гамму иллюзорных волнений, мечтаний и мыслей, которые подчиняясь талантливости поэтической Музы, осеняющей её, дают в стихотворных строфах чудесный станс и проявление её поэтического дарования, на грани несомненной талантливости.

ПОСЛЕ БАЛА.

Пришла и бросила увядшие гвоздики -
Теперь ненужный скомканный букет...
Уже роняя по стенам полублики,
Сквозь щели ставень брезжущий рассвет.
Пустые комнаты насмешливо молчали
И что-то прятали ревнивые углы,
И в ранней тишине так чётко отмечали
Свои шаги квадратные часы.
В потоках света модные мотивы,
И много фраз, и много, много лиц,
И где-то там, в душе, невольные извивы,
И близость дерзких колющих ресниц...
До боли сжала дрогнувшие руки.
Как странно всё... и в голове туман...
И чьих то слов непонятые звуки!..
Везде обман... тревога и обман,
Ещё пылают плечи от об, ятий,
Дрожит нервно жемчуг на груди,
И как то ново шипром пахнет платье,
И в волосах пестреет конфетти.
Простит ли тот невольную измену -
Неверный штрих разлуки и тоски?
Молчат угрюмо замкнутые стены
И горек вздох подавленной души...
В отливах зеркала неясны очертанья,
И бледны пятна утренней зари...
А на столе, забыто умирая,
Сильнее пахнут тонкие цветы!..

В каждом стихотворении поэтессы чувствуется мощь её дарования, где последнее совершенствуется с каждым проявлением её поэтического творчества.

ВСТРЕЧИ СЛУЧАЙНЫЕ

Снова мне слышатся стройные речи,
Снова куда то стремятся мечты...
Странные встречи, случайные встречи,
Сколько в них яркой, живой красоты!
Полночь... Склоняются бледные лица,
Душно в вагоне, стекло дребезжит,
Ночь словно чёрная жуткая птица,
С поездом рядом бесшумно летит...
В сумраке тусклом так ласкаво, нежно,
Близко так светятся чьи то глаза;
Тени дрожащие бродят небрежно
Вскользь по чертам молодого лица.
Мне он знаком этот спутник случайный,
Я его видела где то давно...
Там он бродил молчаливый, печальный,

Близко, и так далеко, далеко.
Здесь он другой, снова радостно-юный,
Здесь он, смеясь, говорит без конца,
Жизненных прихотей вихорь безумный
Смело вплетает в живые слова.
Утро настало... Мечты потонули,
Где-то забылись, как детский рассказ...
Только вдали на прощанье блеснули
Краткие искры загадочных глаз...
Где он теперь? Его стройные речи
Слышатся мне среди ночной тишины.
Странные встречи, случайные встречи,
Сколько в них живой красоты!..

Лирика Людмилы Костиной отдает экспансивностью, но блещет острой передачей вдохновенных рифм, дающих образец отличного стихотворного стиля.

СНЕЖНЫЕ ИСКРЫ.

Мне кажется, что я сегодня влюблена,
Как девочка в красивую игрушку.
Хочу заснуть, но гонит сон луна
И давят плечи грубые подушки!
А за окном искрится белый, белый снег,
И на стекле мороз плетёт узоры...
Мне хочется любить! Ну разве это грех,
Поверить ласке пламенного взора?
Мне кажется, что я сегодня влюблена
В какую то несбыточную сказку,
Где в жутких чудесах царит моя мечта,
И ждёт любви покинутая ласка...
Там бродит кто-то с лютней золотой,
Такой изящный, стройный и красивый...
Там тихо шепчутся над дремлющей рекой
Полузабытые стареющие ивы.
Там чей-то голос пел в безмолвии ночном
О белой лилии, сломавшейся с зарёю,
О белой женщине, мечтающей о нём,
Каком-то призрачном, блуждающем герое...
Пусть блещет белый снег, в душе моей - весна!
В ней май цветёт, в ней гимн слагают птицы...
И я, как девочка, сегодня влюблена,
В густые, длинные, пушистые ресницы!..

Читая дивные стихотворения казачьей поэтессы Людмилы Костиной, приходится поражаться её большому таланту. Правда, в её поэзии мало можно найти веселия, ибо в лирике её всё более страдных и грустных мотивов. Но важным фактором в её лирике, является её полная самостоятельность, как в выборе ритма и сложения стихов, так и в многообразии различных поэтических сюжетов. Более того, Людмила Костина стремится создавать свой собственный жанр стихосложения, далеко отличный от подражания кому бы то ни было. Всё вместе взятое, даёт полное право критикам рассматривать все элегические, лирические и жанровые стихотворения, как проявление её собственной интеграции, её собственного наития и помысла, в чём собственно и зиждется мощь проявления несомненного поэтического дарования.

Казачья поэтесса Людмила Костина, природная Донская казачка станицы Новочеркасской, родилась в 1901 году в Новочеркасске, где окончила Марининскую женскую гимназию в 1919 году. Выйдя замуж за казацкого офицера, она с мужем вышла в эмиграцию, живя в Чехо-Словакии, получив там высшее образование.

Чувствуя влечение к литературе, Людмила Костина стала постоянной сотрудницей казачьих эмигрантских журналов в Праге Чешской, как: "Вольное Казачество", "Путь Казачества", "Казачий Путь", "Казачий Сполох" и др. Сотрудничая много лет, Людмила Костина напечатала около ста сорока стихотворений, дающих ей право считаться одним из лучших казачьих поэтов.

22/ПЕТР ФЕДОРОВИЧ КРЮКОВ.

На Тихом Дону издавна водился старинный присказ, что "яблоко недалеко от яблони завсегда падает". И эти слова, как наиболее применимы к двум талантливым Донским писателям: отцу - Федору Дмитриевичу Крюкову /прозаика/ и сыну - Петру Федоровичу Крюкову /поэзия/, природных казаков станицы Глазуновской, Усть-Медведицкого Округа, Донского Войска.

Несомненное влияние его отца Ф.Д.Крюкова, сказалось во всем на сыне его П.Ф.Крюкове, родившемся в 1901 году. Подростая в среде станичных казаков и руководствуясь советами своего отца, П.Ф.Крюков стал обнаруживать свои литературные дарования в раннем возрасте. Учась в Усть-Медведицком реальном училище, П.Ф.Крюков там и начал писать свои ранние стихотворения.

В окончательной степени, творческий талант П.Ф.Крюкова развивался и совершенствовался во время его учения в Болгарии, в эмигрантской гимназии, в 1921-1925 годах, в г.Шумене. Здесь, Крюков почти всегда избирался председателем гимназического литературного кружка, одновременно будучи и редактором гимназического литературного журнала.

С переездом во Францию, П.Ф.Крюков работал рабочим на сельскохозяйственных работах более двадцати лет, он развил свой поэтический талант полностью, о чём свидетельствуют его многочисленные стихотворения, полностью отражающие большой литературный талант П.Ф.Крюкова.

СКАЗ ДОНСКОГО БАЯНА.

Серебристый ковыль поклонися земле,
Не шурши над рекою зелёный камыш...
Песнь казачью родную петъ надобно мне!
Край Родимы! Сказ вольный услышь!

.....
За курганом зорька утром загоралась.
Степь тиха...ни звука! Только пелена
Редкого тумана, к небесам вздымалась.
Чуть восход светает, степь ещё темна,
Опустив поводья скакуну Донскому
И бессильно руки на луке сложив,
По толоке дикой, по степу Донскому,
Едет конник мрачно голову склонив.
Гей! Ты, одинокий конник!..Что за думы
Голову казачью взяли во ясырь?
Или перемётные опустели сумы?
Или ты не любишь степовую ширь?

Или у иноземцев полюбил девицу,
Да, знать, не казачья долюшка-судьба
Привезти с собою в родную станицу?
Или изменила Воле голыдьба?
Что ж, скажи, болезный: ретивое мутит!..
И какие думы голову сверлят?
Иль на Дон Великий Рус веревку сучит?
Брось тоску-кручину, не тужи ты, брат!
"Кабы всех приказных, с Дону нам прогнать:
Кабы всю "святую Русь", пройти с мечём,
Кабы на Дону всех тум перестрелять,
Был бы я весёлым вольным казаком!
Кабы сбить московцев в ихнюю берлогу,
В глубь лесов, в болота, к чёрту на рога:
Кабы нам очистить вольный шлях-дорогу,
Мне на это дело, жизель недорога!
Если суждено мне за Дон погибнуть,
Что ж! Ведь не два раза умирать!..
Верю, что несчастья дни для Дона сгинут,
Буду Дон пред смертью я благословлять...
Разверну харунку я - Казачьей Воли!
А, чтоб смуту сеять по России всей,
Мужикам в награду, посулю я доли:
Русский, чтобы с русским дрался, как шальной.
Не поймут, быть может, мой порыв могучий,
Мую мысль - от рабства отстоять наш Дон...
Старшина то Войска смотрит грозной тучей,
А, Корнеюшка - крёстный... Эх, да что мне он?
Я семью имею, не окинешь взглядом!
Гикну и на клич мой всколыхнутся тьмы!..
И всю "Русь", что хочет быть над Доном паном,
Отшвырну на север, в царство сатаны.
Ишь, как, будто ласка, старшину обходит
Хитрая лисица - старая Москва:
Нынче - Бог единый/вокруг пальца водит/,
Завтра - язык русский и посулов тьма...
Нет! Ни Бог единый, ни язык славянский,
Нам, Донцам, преграды к воле, не чинят,
И над Доном, русским не царить по пански:
Казачи свободу кровью отстоят.
Мне судьба, быть может, на российской плахе
Голову казачью положить во век!
Я погибну, может... Но, минувши время,
Явятся на смену мои сыны,
С Дона и народа смело сбросят бремя!
Слава вам и слава, вольные орлы!
На бок сбив папаху, подобрав поводья,
Гикнув на Донского диво-скакуна,
Конник одинокий полетел в раздолье...
Занялась над Доном новая заря!
.....
Не звени ты над степью, родимый ковыль,
Не шурши над рекою зелёный камыш,
За курганом далёким вздымается пыль,
Вольный гик рвёт безмолвную тишь!

ТРИ ШЛЯХА С ДОНА.
/Поэма/

...Летели вести отовсюду:
Как ночью тёмной огоньки
В степи Придонской загорелись,
На бой вздымались казаки.
Весь Дон Великий всколыхнулся:
Бегут российские полки!
Стяг древней Воли развернулся
И мстят жестоко казаки
За честь свою, казачье имя,
За осквернение их угла.
Ии Дон - Великая Святыня
Им Воля древняя мила!...
В Черкасске Круг Большой соб-
И Дон Державой объявил, рался
Но... Атаман вдруг зашатался
И дело Воли... погубил.
Не смог он, русскими обласкан,
Одну свою любовь забыть,
Любя свой Дон - свою Отчизну,
Не смог Россию разлюбить.
Блестяще, долго и упорно,
Он Круг Казачий убеждал
Идти за грани! Неохотно
Наказ Круг Армии отдал:
Идти за грани Государства,
Спасать от русских... русаков!
И сонм былой России панства
Толкал на гибель казаков.
С тяжёлым сердцем выступали
И шли на север воевать.
Полки казачьи погибали,
Не смея Кругу изменять.
Полуголодные, босые
И без оружия, чуть не все,
Что день, шли в бой полки лихие,
Громили русских и везде

Стяжали славу... Уж казалось
Войне конец: бежит "сипа",
Но сзади фронта оказалось
Сидела русская толпа:
Былых помещиков, "светлейших",
Простых и "путаных" панов,
Простых "высочеств", "августейших",
Они губили казаков!...
В то время, как на грёнях Дона
Свистели пули, пушек гром
Стонал, оторванный от дома,
Казак на русских шёл с мечём,
В тылу глубоком, в ресторанах
Лилось Цымлянское рекой...
А на станичных всех майданах
Был тихий траурный покой!
В Ростове блещет русских панство:
Погоны, шпоры, гордый вид и взор...
С трудом терпя такое хамство,
Круг слал Кругу лишь укор.
В станицах плач, везут убитых,
На фронте... пенье панихид!
В шантанах, водкою залитых,
России "знать", забывши стыд,
Орала дерзко, грубо, пьяно:
" - Царя нам, Боже, ты верни!"
В чужой земле взялися рьяно
Они порядки ввестъ свои.
Терпели молча эту подлость
В станицах бабы, старики,
Но вековую свою гордость
Блюли ревниво казаки.
Терпенья чаша наполнялась
У горемычных стариков
И рать стальная зашаталась
Донских измученных полков...

/Отрывок из части второй/.

НА СТАРИННЫЙ ЛАД.

То не журушки, да не серые ют:
Понад степью летят да курлыка-
То не сизые все орелики,
В небесах они колекочут!
Не ямень, то всё соколики
В облаках кружат, добычь ищучи.
То не тучушки, тучи хмарные
С неба ясного понадвинулись,
Думы чёрные, думы мрачные
Над головушкой опрокинулись.
Ой, ты, гой, еси, наш Дон Батюшка!
Тяжело тебе во неволюшке,
А и нам то всем, троим чадушкам,

Не легко тебе жить, поминаючи...
Про тебя ли, Дон, наш отец родной;,
Про тебя ли, Степь, наша Матушка,
Знать про вас, что вы во неволюшке
Уврагов, у злых, у антихристов,
Поганинов да безбожников.
Всколыхни болной, Дон наш Батюшка!
Ты снеси, размой супостатов крепь,
Ты смети, разбей цепи тяжкие,
Вызволь вольную себе волюшку,
Волю вольную да казачью...
Созови, сокличь своих чадушков,
Собери чадушков-казаков лихих,

Собери их всех во единый Круг, Свой Присуд беречь по обыкности,
Во одну семью-Всеказачью! Не щадить за них животов своих,
В братстве подлинном, как Христос велел, По старинке жить, на старинный лад,
Меж собою быти вечно равными, На старинный лад рас-пра-пращуров!..
Вечно вольными, по казачьему,

18.9.1962

МОИ ДУМЫ.

Мне на свете кубить уже чудочек Я тебе Степь Казачья родная,
Осталось одному кулюкать: Свою жизнь от души подарил:
Скоро, видно, завянет цветочек, Для тебя Волна, Дона Святая,
Непробудным сном будет он спать. Я боролся и песни творил...
Ничто в свете зараз мне не мило, И зараз на закате прожитья,
Жизнь прожил я во всю ширину: Об одном пожалкую лишь я!..
Лишь одна грусть на сердце зас- Не для нас знать сложились со-
тыла, бытья,
Не придётся мне спать на Дону! Что в неволе-Казачья Земля!
Мне приятно, как было в станице, И под блёск поражающих молний,
На завалинке жизнь доживать. Под громовый тяжёлый раскат,
Мысль крылатая, равная птице, Над тобою, Дон Родимый, Привольный,
Весь простор Дона хочет обнять! Мои песни опять зазвенят!
Верю крепко, что дух мой могу- Вновь проснётся, иль рано, иль
чий, поздно,
И по смерти останется жить: Воля предков Донских казаков:
Грозю и бурною тучей, И сорвёт беспощадно и грозно,
Будет древнюю Волю будить. Цепи рабские русацких оков.

И крылатой, невидимой сенью,
Будет дух мой над Доном летать,
И под запах полыни с сиренью,
Будет тихо от счастья рыдать!..

/Это стихотворение было написано П.Ф.Крюковым, во время его предсмертной болезни в 1963 году/.

СТАНИЦЕ УСТЬ-МЕДВЕДИЦКОЙ.

Тебе, столица Северного Дона,
Издали сыновний шлю привет:
Но вряд-ли кто теперь остался дома,
Чтоб от тебя прислать мне твой ответ!

Всё также-ль Дон струится под ярами
И зыбью шелестит в песках?
И также-ль ты по прежнему, столица,
Издали чарующий имеешь вид?

Быть может, от тебя и камней не осталось,
Когда гроза военная прошла?
Но для меня ты прежнею осталась,
И в сердце у меня ещё не умерла.

Тебе, станица вечно-дорогая,
Я низко шлю издалека поклон!
Сыновнюю любовь к Тебе, здесь сберегая,
Я земно кланяюсь Тебе, Батяня-Дон!

Исключительной силы экспрессия, великолепный слог, замечательный стиль, блестящая рифма стихосложения, поразительная эстетика, риторичность исторического содержания, представляют собой отличительные черты поэтического творчества казачьего поэта П.Ф.Крюкова.

В настоящем изложении приведены всего только несколько стихотворений и один отрывок из большой поэтической поэмы, как образцы художественного творчества казачьего поэта П.Ф.Крюкова. Покойным казачьим поэтом были написаны свыше трехсот стихотворений и пять больших поэм, которые были одновременно напечатаны в различных казачьих эмигрантских журналах: "Вольное Казачество", "Казакия", "Казачье Единство", "Ковыльные Волны", "Дон", "Казачий Литературный Сборник", "Казачий Исторический Сборник" и др.

Помимо отмеченного, П.Ф.Крюков написал много произведений из казачьей жизни, в прозе. Особенное внимание на себя обращает его историко-эпический очерк: "Два ареста" /напечатан этот очерк в журнале "Казачий Исторический Сборник" №№8-10. Париж. 1959-1960 г.г./, в котором П.Ф.Крюков описывает как его отец Федор Дмитриевич Крюков, известный казачий писатель, был арестован как царской "Охранкой", так и русскими коммунистами в 1918 году.

Можно пожелать, чтобы настал тот момент, быть может еще в наши дни, когда бы нашлись казаки, которые бы издали все произведения казачьего поэта П.Ф.Крюкова, отдельной книгой.

Следует отметить, что П.Ф.Крюков, был уже в 1920 году помощником редактора газеты, издававшейся Штабом Отдельного Казачьего Корпуса в Таврии и в Крыму. Позже, уже на чужбине, П.Ф.Крюков был редактором гимназического литературного журнала в Шуменской гимназии, в 1921-1925 годах, в Болгарии. Под конец своей жизни, П.Ф.Крюков редактировал журнал "Казачий Литературный Сборник" в Париже, в 1962-1963 годах.

Часто болея в свои последние годы, П.Ф.Крюков слег окончательно в начале марта 1963 года, в больницу в г. Сан-Африк, Франция. Проболев долгое время, он скончался 7 апреля 1963 года и был похоронен там же, на городском кладбище.

23/БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ КУНДРЮЦКОВ.

Казацья литература вправе гордиться замечательным своим поэтом, каким является Б.А.Кундрюцков, столь рано умершего, ибо ему тогда еще не было полных тридцати лет.

Одним из побуждений автора настоящего исторического исследования: ГАЛЛЕРЕЯ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ, являлось стремление создать и сохранить для Казацкой Истории основные моменты нашей родной Казацкой литературы, которая определяет в своем отображении лишь один из основных элементов нашей Казацкой культуры. Ярким наглядным примером этому является пример с казацким поэтом Б.А.Кундрюцковым. Ведь прошло всего 35 лет от его смерти, срок времени очень незначительный, с точки зрения эпохи, а ныне уже забывается вообще память о нем. Более того, мало кто из современных казаков, представляет себе подлинную сущность его большой литературной славы, которую ему создали написанные им многочисленные литературные произведения.

Современник Б.А.Кундрюцкова, известный казацкий поэт К.К.Поляков, повествуя о литературном творчестве последнего, писал знаменательные строки:

"...Тоска по Родине, вызывающая стремление к борьбе за свободу её, вот главные мотивы творчества современных казацких поэтов.

В ряду их - Б.А.Кундрюцков, память которого мы сегодня чтим, занимал видное место. Он был крепким звеном казацкой литературной цепи, которая с таким трудом куется в этих тяжких условиях жизни, в это бурное и ненастное время для нашего Казацкого Народа.

В его лице, мы понесли невознаградимую потерю. Не так давно ушел от нас Юрий Гончаров, теперь смерть вырвала из наших рядов Б.А.Кундрюцкова. Она в двух местах поразила наш литературный фронт. Но лучшим доказательством нашего уважения к покойным собратьям и нашей признательности им будет то, если мы теснее сомкнем свои ряды дружной дальнейшей работы во имя казацкой свободы.

Борис Александрович Кундрюцков является ярким представителем того течения современного казацкого творчества, о котором я сказал выше. Но и произведения чистой лирики, занимают в его творчестве свое определенное место. Их можно найти в первом периоде его творчества, когда мы с ним впервые познакомились на страницах казацкой печати.

Характерным для творчества покойного, является его об,ективный характер. Не утомляет он читателя своими личными интимными переживаниями. Его творчество об,ективно, оно соответствует настроению многих, совпадает с переживаниями большинства казаков.

Всесторонней пламенной любовью любил поэт родных казаков. Неудержимой силой влекло его к себе прошлое Казацкого Народа. И особенно останавливало внимание Б.А.Кундрюцкова романтическая сторона прошлой жизни Казацкого Народа. Эту последнюю он отразил с исключительной живостью в своем цикле "Голутвенные песни".

Читая их, мы с полным правом можем назвать казацкого поэта Б.А.Кундрюцкова художником крупного масштаба потому, что надо обладать большим дарованием, чтобы с такой яркостью рисовать картины далекого прошлого казаков.

Перед нашими глазами ясно и отчетливо встает романтическое "голутвенное" казачество. Всегда беспокойное, оно постоянно чего то ищет и, поставленное условиями жизни в необходимость постоянной борьбы, проходит свой жизненный путь в непрерывных

битвах с татарскими наездниками или на Волге, с Московскими стрельцами.

Степь раскинулась широко...
Вольной вольнице простор!
Развернулся вдаль далеко
Зеленеющий ковер!..

Эта беспредельная вольная ширь и воспитывала безгранично свободные натуры, полные энергии, которые искали выхода в постоянных набегах и битвах. Но эта беспредельная степь цвела не только цветами, как говорится в казачьей песне, "цвела она и казачьи-ми головами!" И Московские стрельцы, и турецкие янычары, и татарские наездники, стремились взять ее у казаков. Здесь протекала жизнь полная опасностей, когда не верили никаким словам и договорам, полагались лишь на свою саблю и аркан. Тогда и рождался инстинкт настроения, которое поэт Б.А.Кундрюцков выражает следующими словами:

Нам любви ничьей не надо...
Все-неправда, все-обман,
Шашка острая-отрада,
Да узорчатый колчан...

Жизнь полная опасностей, выковала в казачьей среде крепкое чувство товарищества и сознание того, что в обстоятельствах этой жизни, самое ценное и самое надежное есть братское единение. Поэтому ни золото и никакое благополучие жизни и никакие радости, не ценились так высоко, как свобода и ее залог-вольная казачья семья:

Пусть разорвана рубаха,
Пусть я дикий и шальной -
Мне косматая папаха
Лучше девушки любой...

В то далекое время царило примитивное право, всегда порождающее жестокости. Были они с обеих сторон, сплошь и рядом далекие от элементарной человечности. Усваивались они и романтической частью казачества-"голутвенными казаками", тем более, что в разгаре битвы усыплялось чувство гуманности, хмелели люди от крови, а когда проходил угар битвы, то неизменной брагой и разгулом старались умолчать голос сердца. Тогда:

И под свист и под гик ошалелый,
Я в присядку по кругу пройду,
Развернуся рукой загорелой
И папаху на землю швырну...
И потом буду пить до рассвета,
Полуголый лежать в ковыле...

А когда старость тронет сединой казачью голову и рука не так уж крепко начнет сжимать эфес сабли, с презрением отбрасывает казак мысль о возможной естественной смерти. Привыкшая к постоянной бранной жизни, казачья вольница ищет смерти в знакомой боевой стихии. Умереть, нанести последний удар врагу, вот мысль, которая была свойственна казакам того далекого прошлого.

Но у "голутвенного" Атамана-героя "Голутвенных песен", рождается особое могучее желание, особой смерти ищет он:

Пусть схватят в битве, руки свяжут!
Пусть волокут, швырнут в подвал,
Пусть про тебя с проклятьем скажут:
Он, насмехаясь, умирал!..
И под топор, когда ты шею,
Чекмень отбросив, обнажишь,

Ты всем сказать тогда сумеешь,
Как волей дикой дорожишь...

Сильна физическая победа, волнующее чувство торжества порождает. она, но неизмеримо сильнее ее победа духа, вызывающая целый комплекс чувств и ликование и чувство собственного достоинства и торжество над бессильной злобой противника, могущего мучить и убить твое тело, но беспомощного перед силой души.

Так умирали многие, оставив после себя неувядаемую славу, сохранившуюся до наших дней...

И конь, умчась в степь родную,

Седло порвав, уйдет в косяк;

И... может песенку, другую,

В степи сложив, споет казак...

Много песен сложили Казацьи Баяны про этих богатырей казачьего духа и покойный поэт Б.А.Кундрюцков не обошел молчанием витязей этой скрытой веками жизни. Цикл "Голутвенные песни", это цветущий венок на их древнюю могилу". /Константин Поляков: "О творчестве Б.А.Кундрюцкова". Журнал "Вольное Казачество" №126, стр.11-12. Прага-Чешская. 10 апреля 1933 года/.

Говоря о выдающемся литературном творчестве столь одаренного казачьего поэта Б.А.Кундрюцкова, надо подчеркнуть, что вообще во всех его поэтических произведениях, находятся отчетливые следы связи казачьей литературы с казачьим песенным фольклором.

Воздавая должное колоритной и образной поэтичности многих исторических эпизодов из Казачьей истории, воспроизведенных Б.А.Кундрюцковым в его стихотворениях и более того, в поэмах и сказах, надо отметить последние особым образом. Влияние казачьей фольклорной эстетики на эстетику многих поэтических произведений Б.А.Кундрюцкова не только несомненно, но и отдает благотворным образом, что следует из обозрения его поэтических произведений...

ЛАРЬКА ХРЕНОВ.

/Сказ/.

Под Алжирским солнцем, где песок гуляет,
Где гиены ночью воют жутко так,
А араб о звездах сонно распекает,
Шёл там изнуренный, сгорбленный казак!
Шёл на шароварах весь давно порвался,
Сапоги сносились, облысел курпей.
Но во взоре гордом все ж огонь остался -
Непреклонна воля среди печальных дней...
Там, где пальмы низко над водой склонились,
Где источник чистый бьется и журчит,
Где кусты и травы скромно приютились,
Всё прохладой дивной путника манит...
Подошел, напился и разул он ноги
И полез в помятый, вышитый кисет -
В бесконечно-длинной, тягостной дороге,
Неразлучен с трубкой странник много лет...
Трубочка-та черна, в серебре, в оправе,
Даже есть там пятен кровавых узор
И в бою курилась, на честной забаве,
И была подругой с давних, давних пор...
Закурил он трубку с думой невеселой,
Голову склонивши на широку грудь;
В мыслях выплыл снова весь его тяжелый,

Весь опасный, трудный, бесконечный путь...
От Симбирска на Дон, под Азов, к Османам,
Пять друзей в дороге мертвых потерял:
Был когда-то мощным смелым Атаманом,
А теперь скитальцем загнанным стал...
А Османы?.. Вспомнил... приняли посланцев
От Москвы кровавой, что пришли в Царьград.

.....
-К вам пробрался Ларька... может в Курдистане!
Нам нужна казачья эта голова...
Сколько будет весить, на весы мы бросим,
Золото и, даже кинем жемчуга...
Поищите пуще, послужите, просим, -
Мы не знаем злее от него врага...

.....
Переводчик старый зашептал с пашею,
А паша от слов тех облизал уста!..
Шаровары с шёлка сняли и бешмет
И чалму с обритой головы смотали,
И, одевшись, Ларька спрятал пистолет.
И свой лоб и сердце тронувши рукою,
Тех гостей в резные ввел он ворота.
Будем угощать их... запенится брага,
Запоют там стройный/из рабынь/хорал....

.....
А к Босфору тихо побрела ватага
И в Кругу том малом Ларька речь держал:
-Ты, Миусский, с Богом!.. Шесть возьми с собой,
В Польшу проберитесь, а потом и в Сичь...
Ты ж, Никола, брат мой, здесь побудь со мной,
Если жив остался Лазарь Тимофеев?
Если от холопов с Дона убежал?..
Так скажи, чтоб мстил он, не щадя злодеев
И за Стеньку крепко до конца стоял!
Передай Серку, ты, Кошевому, низкий
От меня казачий дружеский поклон -
В путь пойду я завтра, в путь пойду неблизкий,
Но, чтоб тебе верил, как и Ларька, он!..
С Богом... в струг садитесь! - повернулся в город,
А за ним Никола сзади поспешал;
Был Никола строен, был Никола молод,
Смолоду он горе жизни испытал.
За Казачью Волю с братом рвался в битвы,
Разину в Симбирске рану завязал,
Он творил о павших казаках молитвы
И, отца в Азове закопал.....

.....
-Что же мне бояться, размышлял, шагая:
Если надо будет, я за Дон помру,
Коли участь смелых нас постигла злая,
От идеи старой я не отступлю...

.....
Так он шел и думал. Ларька трубку молча
Впереди, нахмурясь; темную тянул,
И была походка Атамана волчья!
У ограды... сильно турка он толкнул,
За чалму, схвативши, приподнял с порога,

По турецки что то у него спросил
И потом - Николе:

.....- Тут всё, слава Богу...

И тихонько в сад он дверцу отворил.
Пояс широченный со слуги сорвали,
Где в кустах и розах скрылася ограда -
Николай остался турка сторожить;
Атаман же Хренов по аллеям сада
Стал безшумной тенью ко дворцу скользить
Обогнул фонтаны, к лестнице подкрался,
Поднялся и двери белые толкнул,
Перед ним с дивана янычар поднялся -
В грудь ему по ручку Ларька нож воткнул,
Через труп хрипящий он проник в покои
И в опочивальню тихую вступил.

.....
На кровати низкой, с бородой седою,
Из Москвы боярин мирно опочил...
Хренов к изголовью подошел и долго,
Не мигая в брови белые глядел -
Вспомнил он Саратов, Астрахань на Волге!..
От кипящей злобы Ларька побледнел...

.....
-Гей... Проснись, боярин!.. Что-й-то ты заспался?
Аль ты думал, будут сон твой сторожить?
Ларька Хренов нынче во дворец забрался
И тебе осталось мало жить...

.....
Рот закрыл свой спящий... дрогнули ресницы,
Будто бы кошмаром полетели сны,
Завертелись в мыслях огненные спицы,
В страхе растерялся... не согнуть спины!..

.....
-Ну, открой-же очи, потешался дальше,
Да послушай речи вольные мои:
Говорить я буду, как казак, без фальши -
И не так, как слуги, холоуи твои...

.....
Глаз один открылся, весь дрожа спросонки,
Скомкал в пальцах тонких кружова простынь,
Не видать ли помощь, нет ли слуг в сторонке?
Где ж?.. Один!.. от страха становился синь.

.....
- Сядь!

.....
Поднялся барин, опустил он ноги...

.....
Хренов затянулся, посмотрел вперед,
Заломило спину от большой дороги.
Горечью давнишней залило вновь рот...
Выпил он водицы и пошел под пальму,
И поплыл былого дикий хоровод -
Снова вспомнил турок, вспомнил спальню!..
Как по ней боярин без порток ползет...
- Пощади родимый... Ты - казак бывалый,
Я, ей-Богу, в этом сам не виноват...
От Москвы лишь послан... Я простой-хожалый,
И теперь, поверь, совсем я жизни сам не рад!

Пощади... Детишки на Москве остались...
Да жена старуха всё больна лежит!..
Денег на... Кошель вот! Всё возьми...

Болтались

Мокрые усища... Бледен весь, дрожит...
Кошелек тяжелый оттолкнул, смеялся,
Шаг вперед и... замер. Сжался на ковре!..
Уж источник тихий-бурный стал поток,
Грохотом и воем он его пробудит,
И волной холодной он коснется ног.
На яву пред Ларькой встанут, как виденье;
-Пощади! Всю жизнь-я, за тебя моляся,
Все обиды вычту на своем царе.
Хочешь - сам устрою заговор, зарежу...
И Москву с шести я запалю углов!..
Эй, казак родимый, я тебя потешу,
Отомщу за павших, за твоих братьев...
Пусть Москва погибнет, для тебя-улада,
Да останусь я ведь коротать свой век...
Прикажи... Боярин сильный - я!..

.....
Не надо,

Замолчи сановный подлый человек.
Не убью, не боюсь, вытри свои слезы,
Ты-Москве, вернувшись, передай слова:
Не всегда богатым-золото и розы,
Не всегда свободным-горе и тюрьма...
Знаю, в поколениях зреет вам отплата,
Знаю, станет вольным и свободным-ЮГ!..
И расшитый контуш победит заплата,
И что страшен будет шум взвихренных вьюг...
Сами вы в подвалы стажите тиранов,
Казачи воспрянут и пойдут в бои -
Пораженья будут... но на тех курганах
Запоют и песни соловьи свои...
И погибнет Царство... Новая держава
На казачьих старых выростет костях
И навеки будет там казачья слава
Пановать в широких без конца степях...

.....
-Передам голубчик... Может быть еще есть!
Доложу боярам без утайки всё...
Все погибнем, знаю... Слово верно еще есть,
Будем запекаться у чертей в огне...

.....
-Всё сказал... теперь же лишь добавлю:
Что для Ларьки нету той еще цепи!..

.....
-И родимый... Целый век свой прогулял,
Смелый ты и храбрый, Бог тебя храни...

.....
Запер двери спальни, где посол унылый
На ковре, не веря сам себе, лежал...
И нахмурив брови, затынулся с силой,
Вспомнил, как в ограде, торопясь, бежал.
Не нашел Николы у ограды темной,
Захватили видно казака в полон,

Кинулись навстречу, но кулак огромный
Раскидал всех турок, выбежал он вон...
Так ушел с Царьграда... К итальянцам скоро
Он приплыл и снова... вот теперь Алжир!..
По Европе с воплем-ей, держите вора,
От Москвы, мотаясь, скачет бригадир...
Да куда там червю за орлом угнаться,
Да куда гиене там на льва напасть -
Ларька стал тихонько про себя смеяться,
На кулак склонился, чтоб проспать влать.

.....
Под Алжирским солнцем пальмы изнывают,
И короны листьев удивленно гнут;
Ветерок горячий кудри развеивает,
Месяцы и годы в вечность все бегут!..
Спит казак удалый... пробужденье будет...
На конях вспененных братья-степняки:
-Ларька Хренов, на Дон!... Кончилось гоненье.
Бьют тебе Свободой старой, казаки!..

Казачий поэт Б.А.Кундрюцков, творя свои неподражаемые литературные произведения, брал в основном сюжеты из Казачьей истории, из казачьих легенд и преданий, создавая канву и художественные узоры для своих стихов. Но не только эти сюжеты, но и все поэмы, сказы, баллады, насквозь проникнуты казачьим духом.

Разрешая задачу создания казачьей народной баллады-сказа, Б.А.Кундрюцков, как опытный мастер-художник литературного слова, развивал в своих балладах-сказах, все бытовые и психологические моменты, придавая всем описываемым им, казачьим историческим событиям, не только жанровую художественную отделку и обрамление, но и чисто психологическую мотивировку. Поэтический интерес казачьего поэта Б.А.Кундрюцкова, проявлявшийся им в отношении создания, развития и усовершенствования казачьей баллады-сказа, в чисто казачьем народном духе, понимании, отображении и величии, связывался самым тесным образом с личным его интересом, постичь не только в частности, но и в общем целом-воззрение Казачьего Народа, в частности.

Д О Н У .

Воспели Дон поэты и певцы,
За ширь бескрайнюю, за голубые волны:
За то, что казаки, бесстрашные Донцы,
Отвагою полны!..
За то, что земли он поил своей водой,
Ростил сады и пашни казаков;
С отеческой любовью святою,
В даль провожал идущий строй полков...
За всё... за всё, что сердцу было мило
И близко так... С чем было тяжело
Расстаться казаку... и не хватило силы
Уйти с реки, где детство протекало...
И многие с оружием погибали
У куреня в бою, чтоб степи отстоять...
И в смертный час уста не уставали
О Доне... о Тебе... с улыбкою шептать...
О, Дон!.. и я пою, в изгнании страдая,
О красоте Твоей и о Твоих сынах...
И знай - мой стих последний, замирая,
Он будет о Тебе и о Твоих степях...

ПТИЦА ГОЛУБАЯ.

Птица голубая чудных снов о Воле,
Птица дум веселых, безшабашных сказов -
Пела - расковалось, как кольцо неволи,
Как восстало племя полоненных Азов...

Как взметнулись в битвах новые знамена,
Сшитые из грубых старых полотнищ;
Как в станицах хмурых поднялись от звона,
Единицы, сотни и десятки тыщ.

Тех, кто истязаны, холод, мор, гоненье
Перенес, замкнувшись много, много лет, -
Кто тушил, нахмурясь, гневное волнение
И поглубже прятал темный пистолет.

Тот, кто ночью гулкой, закалял отвагу,
Укреплялся стойко в бешеной злобе.
Кто на камне твердом отточивши шпагу,
Подтянул подпруги на своём коне.

Тех орлов вся стая бурей ворвалась,
Тех орлов прорезал небо жуткий крик -
И в степях далёких эхо отозвалось
И свистели ветры средь колючих пик.

Принесли свободу голубым просторам...
Голубая птица к Богу понеслась, -
На границах древних - крепкие запоры,
А в степях - кручина песней завилась!..

О ПОСЛЕДНЕМ ЗАКАТЕ.

Я ждал огня последнего заката
Один в степи и пел я песнь свою!..
О том, что жизнь была так мукою богата;
Что радость я совсем не узнаю...
Что миг веселия, утех земных, покоя,
Похож на нищего, что стукнет раз в году
Клюкой назойливой... Спрошу я: - Что такое? -
И к тем дверям совсем не подойду.
Пускай идет бродить по свету -
Будить людей и нервы щекотать, -
Я сам, один, безумием согретый,
В пустынном курене останусь хохотать...
И хмурый день бестыжим своим оком
Заглянет мне в окно, спугнув сырую тьму.
Тогда я затрясусь в предчувствии глубоком -
Что в этот день от жизни я возьму:
Удар ли сабельный коварного злодея,
Иль пригоршню блестящих женских слёз,
Иль за казачество, в бою клинком владея,
Венок из ран сплету, как с алых роз,
И пав с коня, сломаю в балке шею,
Иль палач, дрожа, сдерет худой чекмень...
Не знаю я... Пусть будет так... Не знаю,
Что принесет проклятый новый день...
Иду вперед, вперед в родное поле,
На тот курган, где маревый закат...

Я петь хочу о старой древней Воле,
И грудь мою враги пускай разят!..

ПОСЛАНИЕ ПОЭТА.

Поэт, возьми перо и лист бумаги
И Музу, ты к работе призови -
И опиши всю красоту отваги,
Какой пылают боевые дни...

Под знамя мы стекаемся бесстрашно,
Горит огонь в сердцах у всех бойцов:
И грудь в бой мы ринемся отважно -
Не страшен блеск чужих штыков.

Чем больше нас преследуют гоненья,
Тем вера в жизнь свободную сильнее...
Пусть враг давно пришел наш в иступленье,
Не победить, не покорить ему степей.

Наш воин вновь возьмет вооруженье,
И красный крест там девушки нашют;
И вождь укажет ход сраженья -
В бой все за честь КАЗАКИИ пойдут.

Степной народ пробьет себе дорогу,
Державный шаг, мы слышим этот шаг!..
Моления мы пошлем степному Богу
И задрожав, назад отступит враг...

Под знамя мы идем бесстрашно,
Горит огонь в сердцах у казаков.
Так-грудью, мы кинемся отважно -
Не утратит нас блеск штыков.

Поэтический колорит литературной эстетики поэта Б.А.Кундрюцкова не только отличается известным своеобразием, но и представляет собой явление исключительного значения. Характерным для всего литературного творчества поэта вырисовывается явственно живое и конкретное изображение воспроизводимых им образов, как и вообще простота и характерность самого восприятия последних.

Б.А.Кундрюцков выступая, как казачий поэт, не идет "по проторенной дорожке", но сам ищет новый образный стиль, отыскивая и углубляя эстетику и жанр творимых им поэтических произведений, блестящих звучностью и содержательной музыкальностью в каждой строфе.

Ценным качеством казачьего поэта Б.А.Кундрюцкова является его интуитивная тонкость в поэтическом творчестве, заставляющая его ощущать самую сущность, как и подлинную природу воспроизводимых образов и идей, избегая совершать подделку под казачье народное творчество. Отбрасывая в сторону всякий субъективизм в своих литературных произведениях, Б.А.Кундрюцков создал в своей поэзии своеобразную специфичность содержания, резко оттеняющую образность и художественность содержания его поэзии.

Слагая стихотворную рифму, на основе созданных им методологических основ казачьей поэзии, Б.А.Кундрюцков пробовал свои литературные дарования и на поприще драматургии, где им были написаны несколько пьес, из подлинной казачьей жизни, как то:

1/Б.А.Кундрюцков: "Святки в Родном Краю...под игом". Пьеса в одном акте./Была поставлена на сцене в Белграде в 1930 году/.

2/Б.А.Кундрюцков: "Войсковой старшина Голубов". Пьеса в трех действиях. Белград-Югославия. 1932 год и др.

Став профессиональным казачьим писателем-поэтом, что давало и возможность существования, Б.А.Кундрюцков писал и прозой, и им были написаны несколько романов из казачьей жизни, которые будучи изданными в печати, обратили всеобщее внимание на творчество молодого и многообещающего казачьего писателя. Проза:

3/Б.А.Кундрюцков: "Казак Иван Ильич Гаморкин. Безхитростные заметки о нем кума его Кондрата Евграфовича Кудрявова".

Повесть. 190 стр.-ц. Типогр. Феникс. Белград-Югославия. 1930 год.

4/Б.А.Кундрюцков: "Кожаные люди". Роман в двух частях. 147 стр.

Изд. Святослава. Тип. таже. Белград-Югославия. 1931 год и др.

Говоря о казачьем писателе Б.А.Кундрюцкове, как прозаике, надо подчеркнуть, что не в одних только стихотворениях проявлялся его большой и необыкновенный дар литератора, с таким же искусством и вдохновением Б.А.Кундрюцков писал и в прозе.

Крупный казачий писатель Б.А.Кундрюцков природный казак хутора Власово-Аютинского, станицы Новочеркасской, Черкасского Округа, Донского Войска. Родился он 19 апреля 1903 года в Николаеве, где его отец служил офицером в 7-м Донском казачьем полку. Первоначальное его учение проходило во 2-м Петроградском кадетском корпусе, ибо он не попал своевременно на свободную вакансию в Донском корпусе, и только в 1918 году стал учиться в Донском корпусе, поступив в 4 класс.

В конце 1919 года Б.А.Кундрюцков оставил учение в корпусе и ушел добровольцем на фронт, поступив в полк Донской Казачьей Армии. Будучи больным сыпным тифом, был оставлен в Новороссийске в марте 1920 года, при гибели Донской Армии. Позже, пристав к одному из казачьих конных полков, сформированных русско-коммунистическим командованием для войны против поляков, Б.А.Кундрюцков попал в конце концов на Польский фронт, где ему удалось перебежать на польскую сторону и оказаться в г. Перемышле, далее во Львове и наконец в Румынию, откуда пароходом прибыл в Крым и был зачислен в Донской кадетский корпус в г. Евпатории в 1920 году.

С оставлением Крыма в ноябре 1920 года, Б.А.Кундрюцков попал совместно с корпусом в Югославию, где и окончил корпус. Проучившись семь семестров в Загребском Университете, Б.А.Кундрюцков решил стать профессиональным писателем, почему переехал из Загреба в Белград, целиком отдавшись литературной работе.

Б.А.Кундрюцков печатал свои произведения в различных казачьих эмигрантских журналах: "Вольное Казачество", "Родимый Край", "Казачий Путь", "Путь казачества", "Казачья Лава", "Казак" и др.

15 февраля 1933 года, Б.А.Кундрюцков, будучи тяжело больным, скончался в Белградской больнице и был похоронен на городском кладбище в г. Белграде.

24/ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕНИВОВ.

Донской поэт В.А.Ленивов, природный казак хутора Сулиновско-Кундрюческого, станицы Новочеркасской, Черкасского Округа, Донского Войска. Родился в 1875 году, сын полковника А.Ф.Ленивова. Будучи уроненным своей нянькой на землю в младенческом возрасте, В.А.Ленивов остался на всю жизнь калекой-горбуном, что и предопределило его последующую жизнь, заставив идти по гражданской службе.

В.А.Ленивов окончил Ново-Александрийский сельско-хозяйственный Институт в Польше/оккупированной Россией/ в 1899 году, с дипломом ученого лесоведа.

Возвратившись на Дон, В.А.Ленивов служил в Войсковом плодовом питомнике, а в 1903 году был переведен на службу в Азовско-Донское лесничество/6.000 десятин/, а от мая 1908 года был начальником лесничества.

Большой знаток литературы, В.А.Ленивов начал пробовать свои литературные дарования в 20 лет своей жизни, помещая свои стихотворения на казачьи темы исключительно, в местных газетах и журналах, издававшихся в гордах Новочеркасске и Ростове на Дону. В скором времени, его имя получило широкую литературную известность и популярность, чему во многом способствовало издание двух сборников его стихотворений:

1/В.А.Ленивов: "Степные дали". Сборник Донских стихотворений. 68 страниц. Тип. Я.Г.Сладкова. Новочеркасск. 1909 год.

2/В.А.Ленивов: "Богатыри Тихого Дона". /Ермак, Кондрат Булавин, Матвей Платов, Яков Бакланов и Василий Орлов-Денисов/. Сборник стихотворений. 72 страницы. Тип. та же. Новоч-сск. 1911 год.

В 1908 году В.А.Ленивов занялся вопросом сплочения и создания организации Донских литераторов/поэтов и писателей/, невзирая на многочисленные затруднения со стороны местной администрации. В 1909 году эта организация стала существовать официально, как "Общество Донских литераторов", председателем которой и был избран В.А.Ленивов.

Эта организация Донских поэтов и писателей, отнюдь не являлась мертворожденным детищем, а стала устраивать многочисленные литературные вечера в Новочеркасске, где Донские поэты и писатели читали свои произведения, стараясь знакомить присутствующих с своими последними достижениями на литературном поприще. В конечном результате, "Общество Донских литераторов" приступило к изданию в печати сборников произведений членов Общества. Изыскивая денежные средства на издание сборников путем самообложения членов организации, в 1909 году "Общество Донских литераторов" выпустило свой первый, великолепно оформленный с внешней стороны, сборник:

1/"Донской Литературный Сборник". Том 1, 210 стр. Изд. Т-ва авторов. Новочеркасск. 1909 год. Тираж 1000 экземпляров. 10% от дохода, поступало на открытие Высших Женских Курсов в Ново-ске.

В названном Сборнике, том 1, были напечатаны следующие стихотворения В.А.Ленивова:

1/Средо/"Хотя не изящен быть может мой стих..."/.

2/Светлой памяти профессора П.И.Вейнберга/"Бьем низко Вам челом, учитель наш маститый..."/.

3/Станичные этюды/"Без узды, без пут условных..."/.

4/Станичный барон-Синяя борода./"С края улицы Церковной..."/.

5/Чем хуже-тем лучше./"Чем хуже, тем лучше-развязка скорей..."/.

6/Станица Великокняжеская./"Я порядком из, ездил родную страну..."/.

- 7/Незабвенной О.Я.Югановой./"Я тронут искренним твоим..."/.
- 8/Воскресенье./"На зло судьбе не сдамся я..."/.
- 9/Виденье./"Бессильной попыткой создание твоим..."/.
- 10/Wale./"В сумраке вечера взор устремляя..."/.
- 11/Вешние думы старого холостяка./"Весенний ветер ставни
свет..."/.
- 12/Дух и тело./"Тело к низу духу тянуть..."/.
- 13/Элегия./"Счастливые грёзы весны моей жизни..."/.
- 14/На вечере./"Я был на вечере, в его последней части..."/.
- 15/Запоздалая зима./"Напрасно волшебной весны приближенье..."/.
- 16/Закат солнца на море./"На безбрежном просторе..."/.

Указанный литературный сборник, содержащий многочисленные произведения Донских поэтов и писателей, имел большой успех у читателей и был полностью распродан в короткий срок.

Полученный моральный и материальный успех, способствовал тому, что уже в следующем 1910 году, был выпущен и второй большой сборник:

2/"Донской Литературный Сборник". Том 2; 272 страницы, с иллюстрациями. Два листа портретов Донских поэтов и писателей. Изд. Т-ва авторов. Областная В. Донского типография. Новочеркасск. 1910 год. Тираж 1000 экземпляров. Цена 1 рубль.

В этом сборнике, том 2, были напечатаны следующие стихотворения В.А. Ленинова:

- 17/В пути./"Мчись поезд, мчись! По триста верст отныне..."/.
- 18/Воспоминанье./"Друзья забудем наше горе..."/.
- 19/Два двора./"В одной духовно-нравственной поэме..."/.
- 20/Депутатам Войскового Круга./"Зачем собранье здесь? Зачем
бокалов звон?..."/.
- 21/Кукушка./"Вольная пташка, вещунья народная..."/.
- 22/На кладбище чувств./"Отдавшись весь волне воспоминаний..."/.
- 23/Новогодние думы оптимиста./"Чу!.. В полночный час раздался..."/.
- 24/Новогодние думы пессимиста./"Новый Год и новые страданья..."/.
- 25/Новогодние думы среднего обывателя./"Последний день уходя-
щего года..."/.
- 26/Отголоски войны./"Гремит гроза военной непогоды..."/.
- 27/Перелом./"Прочь инертность и сомненья..."/.
- 28/Разочарование./"Эх, всё тоже, завтра, что и нынче было..."/.
- 29/Смерть Донского казака на чужбине./"Прости Донской при-
вольный Край..."/.
- 30/A vol d'oislau...../"Под крышей высокой, из труб клубы дыма
стремятся..."/.

26 сентября 1912 года, Донской поэт В.А. Ленинов, не выдержав повидимому большого физического напряжения, при его слабом здоровье, скоропостижно умер от разрыва сердца, в возрасте 37 лет. Он был похоронен на местном Городском кладбище в Новочеркасске, при большом стечении почитателей его литературного таланта, причем надгробный памятник на его могиле был сооружен и поставлен по всенародной подписке, организованной "Обществом Донских литераторов", как отдание чести почившему казачьему поэту.

25/АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕОНОВ.

Казацкий поэт-природный Донской казак Алексей Алексеевич Леонов, родился 29 ноября 1815 года в Новочеркасске, в семье казачьего сотника А.И.Леонова, участника войн против Наполеона в 1807-1814 годах.

А.А.Леонов окончил Харьковский Университет, как стипендиат Донского Войска, в 1839 году, со званием действительного студента.

Уже в ранние студенческие годы, А.А.Леонов начал писать свои стихотворения на казачьи темы, чтение которых им в студенческом литературном кружке, производило всегда глубокое впечатление на слушателей.

С окончанием Харьковского Университета, А.А.Леонов должен был возвратиться на Дон для отбывания службы, как Войсковой стипендиат, получив назначение преподавателем в Окружном училище, в станице Нижне-Чирской. Однако, Леонов здесь долго не был, через год добился своего перевода в Новочеркасск, как преподаватель истории в Войсковой мужской классической гимназии.

Перед своим отъездом из станицы Нижне-Чирской, А.А.Леонов написал экспромтом свое стихотворение: "Прощание со станицей":

Прощайте! Мирная станица,
И степь, и вольные луга,
И Дона Тихого берега...

Находясь в Новочеркасске, А.А.Леонов стал заниматься усиленно литературным трудом, отдавая последнему все свое свободное время от службы в гимназии. В этот период времени, им были написаны многочисленные стихотворения, большая часть которых была посвящена Дону, его природе и Донским казакам.

Дабы современные казаки и казачки могли полностью иметь полное представление и суждение о мощи и степени поэтического таланта казачьего поэта XIX столетия А.А.Леонова, настоящим предлагаем ряд его примечательных стихотворений:

КАЗАЧЕНОК

С печи прыгнувши на лавку,
Остругал он пикой палку.
Камышинку оседлав,
С гиком бросился стремглав...

Что не встретит, колет, рубит
Кур, индеек и гусей,
И победу громко трубит,
Гордый храбростью своей...

Мать бежит за ним вдогонку:
"Вот, постой, ты-мне, постой!..
Вот уже задам я гонку,
Вот прийди-ка ты домой!.."

А, Гаврилыч, из окошка
Им любуясь, кричал:
"Ай-да, славно! Ай-да, Прощка,
Смело будешь генерал!.."

СТАРАЯ КАЗАЧКА.

Бабка день и ночь хлопочет
По хозяйству, по делам.
Суется здесь и там,
Успокоиться не хочет...

Бабка пашет и орёт,
И косою сено косит,
И в стоги, и в скирды,
Бабка сеет, бабка жнёт!

Хлеб собирает, молотит,
Бережёт и дом, и двор,
Все на месте, на запор:
Вор придет, так поколотит!..

Раз, не будь я казаком,
Если лгу, она верхом,
Вихрем по полю летала...

Бабка! Где-же твой старик?
Сыновья, где удалые?
Где-же внуки молодые?
Ты-одна, не видно их!..

За Отечество, за Веру,
Служат Дону, служат Богу...
Их последуйте примеру,
Я - вам, детки, говорю!..

Ай - да бабушка Петровна,
Исполать тебе, ура!
Ты хвалы, ей, ей - достойна,
Выпить в честь твою, пора!..

Д О М А .

Он со службы воротился...
Перед церковью Святой,
Слез с коня, перекрестился
И кивнул всем головой!..

Здравствуй, Таня - черноброва!
Здравствуй, дедушка - Тарас!..
Все-ли живы? Все-ли здоровы?
Все-ль попржнему у вас?

Вот и я, к вам воротился,
Тот-же всё, как прежде - я;
Хот порядком износился,
Где-же Дарьюшка моя?

В 50-60 годах прошлого XIX столетия, вся Донская казачья интеллигенция восторгалась стихотворениями А.А. Леонова, которые распространялись по рукам в рукописях. Многие стихотворения были включены в различные литературные хрестоматии, другие же были положены местными композиторами на музыку и стали широко известными казачьими песнями, поющимися и поныне казаками на чужбине, в эмиграции.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ.

За курганом блещут пики,
Пыль несется, кони ржут
И отовсюду слышны крики:
"Вон полки идут домой!"

Подошли... уж близко, близко,
Всколыхнулся ратный строй:
Поклонились Дону низко,
"Здравствуй, наш-Отец Родной!"

А, река кипит и блещет,
И бурливою волной
И вздымается и плещет,
С пеной на берег крутой...

Дарья с криком прибежала...
"Свет, голубчик! Дорогой!..
День и ночь я вспоминала,
Про тебя сердечный мой..."

"Не печалься, друг желанный!
Слава Богу, я здоров.
Только знаешь, все-ль исправно
У тебя-то, без грехов?"

И отдав коня сынишке,
Пику-дочери меньшей,
Он к родимому домишке,
Шёл, обнявшись с женой!..

"Что кормилец ты сердисься,
Али нас ты позабыл,
Али в нас ты не взглядишься,
Али нас ты разлюбил?"

"Не сержусь на вас я дети!"
Шумно Дон проговорил.
"Нет, я рад, что Бог вас-дети,
По здорову воротил..."

"А, без вас, мне-грустно было!
Вспоминалась старина...
Вы пришли-не стало силы,
Слезы брызнули со дна!"

Стихотворения казачьего поэта А.А.Леонова, были изданы в печати в трех различных изданиях:

1/"Стихотворения Алексея Леонова". В Университетской типографии. Харьков. 1839 год. /В данном сборнике были напечатаны все стихотворения А.А.Леонова, написанные им в 1834-1839 годах, прим. наше/.

2/А.А.Леонов: "Современные песни". Новочеркасск. 1855 год.

3/А.А.Леонов: "Полное собрание стихотворений". Издание Я.А.Карнеева. Типография Малахова. Москва. 1882 год.

Появление поэтических произведений А.А.Леонова в печати, было встречено благожелательно не только в казачьей среде, но и просто читающей публикой, в частности литературной критикой, отнесшейся весьма благосклонно к казачьему писателю-литератору.

Знаменитый литературный критик середины XIX столетия В.Г.Белинский, ознакомившись с изданными сборниками поэзии А.А.Леонова, вынес определенное суждение, выразившееся в следующих словах:

"...Стихотворения казачьего поэта А.А.Леонова приятно изумили нас. Вместо обыкновенной в наше время стихотворной галиматии, мы увидели если не художественное, то местами теплое неподдельное чувство, местами прекрасные стихи, обнаруживающие в авторе решительный талант к поэзии. Если Леонов еще очень молодой человек, то из него некогда может развиться примечательное дарование, особенно, если он будет меньше писать, а больше развиваться наукою.

Главным недостатком стихотворений А.А.Леонова, является невыдержанность: иногда в пьесе и стихи хорошие, и чувство есть, а в целом, оно, ни то, ни се, а Бог знает что; иногда прекрасное стихотворение портится дурным стихом, изысканной фразой".

Наиболее удачными стихотворениями А.А.Леонова, Белинский признает: "Калмыцкую свадьбу", "Камышник" и "Две души". В последнем отношении, Белинский сделал признание со следующей оговоркой:

"...если бы вся эта пьеса А.А.Леонова, была выдержана и не отличалась мистическим содержанием!".

Единственный в сущности упрек Белинского в отношении поэта А.А.Леонова, зиждился в том, что "казачий писатель-поэт Леонов утверждает отчаянно-элегический тон разочарования в некоторых своих пьесах..."

Известный театральный критик, той эпохи, Сенковский, сходилсь вполне с Белинским, в своем отзыве о А.А.Леонове, говоря: "Стихи Леонова и в самом деле хороши, местами даже проглядывает чувство, и вообще видно, что Леонов имеет поэтический талант, который заслуживает одобрения. Драматизмом может служить его лучшее стихотворение: "К смерти", в котором Леонов воспевае казачью удачу, Дону и прочее, как и красиво написанные пьесы: "Односумы" и другие.

Помимо отмеченных уже различных стихотворений А.А.Леонова, наиболее известными с художественной стороны, являются следующие стихотворения: "Донская песня", "Отчизна", "Поход", "Воевода", "Расставанье", "Бабушка и внук" и другие.

Кроме поэтических произведений, А.А.Леонов проявил себя и как очень одаренный и талантливый казачий драматург. Им были написаны многие пьесы и различные сцены из казачьей военной и повседневной жизни. К числу наиболее известных его пьес, ставившихся не только на сценах казачьих театров, но и на сценах столичных театров/С.Петербург. Москва/, принадлежат пьесы: "На побывке", "Казачья уха", "Терпи казак-Атаманом будешь".

Кроме отмеченного, А.А.Леонов систематически работал и в об-

ласти изучения истории Донского Войска, используя первоисточники архивных материалов о казаках, на что имел специальное разрешение для обследования всех архивов на Дону. К числу его наиболее ценных исторических работ, относятся следующие:

- 1/А.А.Леонов: "Анекдот о М.И.Платове". Газ. "Донские Войсковые Ведомости" №10, стр.46-47. Новочеркасск. 1854 год.
- 2/А.А.Леонов: "Краткая опись некоторых исторических актов". Там же, №17, 1853 год и №№46 и 49, 1862 год. Новочеркасск.
- 3/А.А.Леонов: "Казаки". Там же, №№26-28. Новочеркасск. 1862 год.
- 4/А.А.Леонов: "Донской Войсковой Круг". Там же, №№26-28. Новочеркасск. Июль 1863 года.
- 5/А.А.Леонов: "Войсковой Круг". 28 стр. Брошура. Новоч-ск. 1867.
- 6/А.А.Леонов: "Донской Атаман Степан Ефремов". 78 стр. Брошура. Новочеркасск. 1874 год.
- 7/А.А.Леонов: "Трехсотлетие завоевания Сибири". "Русский Исторический Архив". С.Петербург. 1875 год.
- 8/А.А.Леонов: "Как поступали в казаки". "Русская Старина". С.Петербург. 1881 год.

В 1855 году А.А.Леонов оставил преподавание в Войсковой мужской классической гимназии в Новочеркасске и перешел на военную службу, где в 1864 году был произведен в чин полковника, выйдя в отставку в 1869 году.

Проживая постоянно в Новочеркасске, А.А.Леонов принимал самое деятельное сотрудничество в местных казачьих газетах: "Донской Справочный Листок", "Донские Войсковые Ведомости" и др., помещая там свои статьи и очерки на исторические темы.

Славный казачий патриот, писатель-поэт А.А.Леонов одновременно был и большим казаком, всегда выступая на защиту престижа казачьего имени:

"Казак-это прежде всего синоним свободы, равенства и братства, а потом уже храбрый воин и наездник!" - утверждал А.А.Леонов на страницах казачьей печати, в газете: "Донские Войсковые Ведомости", носившей характер областного официоза.

Даже те люди, которые не желали признавать А.А.Леонova, как выдающегося казачьего патриота, принуждены были писать на страницах столичной прессы следующие показательные признания:

"...На все явления казачьей жизни, А.А.Леонов отзывался горячо и всей душой. Чуждый фальшивого верования в чужеземные бытовые формы, несвойственные условиям казачьего быта, Леонов горячо ратовал за сохранение тех исторических привилегий, которые были даны историческим путем на Дону и подтверждены царем." /Газета: "Санкт-Петербургские Ведомости", №224. 1870 год/.

Будучи уже в отставке, А.А.Леонов был привлечен в качестве Непременного Члена Комитета для составления проекта о земских учреждениях на Дону, как знаток Казачьей Истории, казаков и их быта.

Полковник А.А.Леонов, выдающийся казачий поэт-писатель, скончался в Новочеркасске 9 мая 1882 года, в возрасте 67 лет и был похоронен на местном городском кладбище.

26/МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ МИНАЕВ.

Казацья поэзия отнюдь не бедна своими казацкими природными талантами, и с течением времени, число последних неизменно возрастает и наша казацья литература обогащается новыми произведениями. На фоне отмеченного, необходимо отметить и казацкого поэта М. П. Минаева

Говоря об этом крупном казацком поэте, написавшем много стихотворений, полных творческой силы, внутреннего огня, звучных по своей фонетичности, великолепных по стилю стихосложения, отменному содержанию, надо уметь их читать, дабы воспринять полностью их интерпретацию, созвучность и лирику.

О, ТЫ, КАЗАЧИЙ КРАЙ РОДИМЫЙ!

О, ты, Казачий Край родимый,
Отчизна-мать - краса моя,
Очаг родной, святой и милый,
Тебя люблю безумно я.

Я раб бесправный на чужбине,
Нигде не нужен, всем чужой,
Мои мечты - к тебе святыня,
К тебе, страдалец дорогой!

Тебя я мысленно лелею,
К тебе я рвуся всей душой,
Болею сердцем и седею,
Тоскую, край мой, за тобой...

Никто тебя мне не заменит,
Нет сил чужбину полюбить,
Мне вся Вселенная поверит,
Что Родину нельзя забыть.

Нельзя, нельзя же Мать Родную
На злую мачеху менять.
Ведь Мать в минуту роковую,
Готова детям жизнь отдать!..

По воле злой судьбы коварной,
Живу под кровлею чужой
И жду минуты той желанной,
Когда я трону в путь благой...

Когда заветная дорога
К тебе проляжет на Восток,
И там у милого порога,
Я слёз своих пролью поток.

О, Боже мой, Творец Вселенной,
Помилуй, сжался надо мной,
Открой мне двери в мой Край смиренный,
Верни Ты мне очаг родной!..

Я ВЕРЮ, ВЕРЮ..

Я верю, верю - час настанет,
Пройдут кровавые года,
Навеки в пропасть сгинет, канет,
Вся кровожадная орда.

Я верю, верю — время грянет,
Когда весь мученик — народ,
Цепями скованный восстанет
И сатанинский сбросит гнет.

Я верю, верю — запылает
Над милой Родиной заря.
Она, святая, засияет,
Свободой, правдою, горя.

Я верю, верю, что вернется
В наш край былая старина,
И песня вольная польется,
Как встарь лилась по нем она...

Я верю, верю — в Воскресенье:
Воскреснет наш страдалец — Край,
И в нем увидит поколенье
Былой казачий, светлый Край!..

НЕ КЛЯНИТЕ КАЗАЧУЮ ДОЛЮ.

Не кляните казачую долю,
Не кляните судьбу казака,
Не кляните чужбину, неволю,
Хоть и жизнь ваша мрачна и горька.

Казаки никогда не роптали
На удары коварной судьбы,
За Народ и свой Край умирали,
Высоко неся знамя борьбы.

Мы, томясь на чужбине далекой,
Не должны ни на что здесь роптать,
А готовиться к битве жестокой,
Терпеливо сигнал ожидать.

Проиграли мы только сражение,
Не проиграна в целом борьба,
Приближается час избавленья
И изменится наша судьба.

Не кляните казачую долю,
Не браните судьбу казака,
А готовьтесь к последнему бою,
Гоковая минута близка!..

С Т Е П Ь .

Гей ты, степь, краса Донская,
Степь бескрайняя моя,
Степь любимая, родная,
Скатерть самобранная.
Гей ты, степь — степей царица,
Степь раздольна, широка,
Завлекла ты, как девица,
Жить на волю казака.
Протянулась ты с востока,
Вплоть до реченки Донца,
И просторна и глубока —
Нет нигде тебе конца.

Обняла, как мать родная,
Весь Казачий Край Донской,
Травкой шелковой лаская,
Волей славишь вековой.
Ежегодно ты весною
Расцветаешь вся, как рай,
Ароматом и красою
Наполняешь милый Край.
И тогда в зеленом платье,
С белой пышной косой,
Всё брррешь в свои об, ятья
И колышешь Дон родной.
Разноцветна и нарядна,
Самотканый ты ковер,
Вся жива и неоглядна, -
Не окинет тебя взор.
Песня жаворонков льется
Над тобою в небесах,
Слава Дону раздаётся,
В птичьих звонких голосах.
Простынею исполинской
Покрываешься зимой,
Грудью нежной материнской,
Согреваешь Край родной.
По тебе стоят курганы -
Вековые сторожа,
Помнят их султаны, ханы,
Знает ни один паша.
Над тобой орлы летают,
В поднебесьи голубом,
Свято чтут и охраняют -
Мать степей свою кругом.
Так красуся, степь родная,
И живи еще века,
Будь ты вечной, золотая,
Колыбелью казака.

З А Ч Т О ?

За что казачество страдает,
Оно горит в огне
И кровью истекает,
О, Боже мой, поведай мне?

За что Казачий Край распятый,
За что к кресту Он пригвожден,
За что поруган, гнѣтом сжатый,
Залит весь кровью, осквернѣн?

За что в Сибирь, за грань Урала,
На север лютый и глухой
И в степи дикого Байкала,
Ссчлают наш Народ родной?

За что Народ там вымирает,
От голода, среди болот,
Никто Его не погребает -
Следов могилы не найдѣт?

За что в подвалах сыростенных,
Казнят тираны казаков
И в печках адских сокровенных,
Жгут кости рыцарей, борцов?..

За что по шахтах в тьме могиль-
Раздетых, босых и больных, ной,
Работой рабской, непосильной,
Терзают казаков родных?

За что и голодом терзают:
Детей и женщин, стариков,
За что же пухнет, вымирает
Народ станиц и хуторов?

За что сироты потеряли
Своих отцов и матерей,
За что по зверски разогнали,
По миру с торбами детей?

За что ночами исчезают
Десятки тысяч казаков,
За что шакалы пожирают
За веру, правду, честь борцов?

За что в колхоз бичём загнали,
Остаток рыцарей степных,
В ярмо коммуны заковали:
Детей, калек, старух больных?

За что невинный люд согнали
С родных отцовских очагов.
Добро нажитое забрали -
Труды столетий казаков?

За что станицы разорили,
Сравнили хутора с землей,
Зачем в них хамов населили -
Людей с коварною душой?

За что же это переносят,
Скажи мне благостный Творец,
За что огнём, мечём, всё косят
И будет ли варварству конец?

За что казачество сгорает
В безбожном, дьявольском горне,
Последней кровью истекает,
О, Боже мой, поведай мне?

Критически разбирая стиль стихосложения казачьего поэта М.П. Минаева, приходится принимать во внимание исключительную экспрессию самого содержания, невольно действующую на психику читателей.

Как следствие из приводимого, самый стиль действия имеет несомненно влияние на рифму, которая становится много красочней в своем жанре. Легкость вибрации ритма, с каковой казачий поэт одевает свою мысль в облик стихотворной поэзии, дает ему право на полное признание умения владеть самой техникой стиха.

Нет надобности находить какие-либо изыскания в поэзии казачьего поэта М.П. Минаева, ибо на лицо перед читателями предстает вполне сформировавшийся и совершенный поэт, который знает свою Музу и умеет находить последнее место в творимых им рифмах.

Природный казак Донского Войска М.П. Минаев, родился 7 ноября 1901 года, в станице Митякинской, Донецкого Округа, Донского Войска. Получил законченное среднее образование в мужской классической гимназии в Окружной станице Каменской, окончив потом Сельско-Хозяйственный Институт в г. Луганске.

Принимал участие в вооруженной борьбе против русских коммунистов в 1917-1920 и 1942-1945 г.г. Принадлежит ко второй казачьей эмиграции XX века 1943 года. Проживая в настоящее время в С.Ш.А., занимается казачьей общественной деятельностью и выделяется как признанный казачий поэт.

27/ИВАН МИХАЙЛОВИЧ НАЗАРОВ.

В МОЕЙ СТРАНЕ.

В моей стране, из края в край, по ней
Несётся смерть на красной колеснице.

Там вечный пир кровавых палачей.
И хищных воронов, без края вереницы...

В моей стране чудовищная мгла,
Как дума черная, впилась в степные дали.

И в них, с кровавою злобою, залегла;
То, месть народа, спит в немой печали.

В моей стране, не зреет виноград,
Пшеница на корню, неубранная гложет.

От материнских слёз, трава по степи сохнет,
И кровно-алые зарницы в ней горят!..

В моей стране убит живой порыв,
Под властью Каинов, всех Каинов злобнее.

Никто не знает там, что завтра будет жив,
Иль будет на столбе, с веревкою на шее!

Не голодаем мы, не знаем Соловков,
Мы не унижены, не в кандалах свобода.

И всё же, сколько тут рабов,
Под властью тех же из мучителей народа.

Что оторвало их от дорогих могил,
И привело к содружеству с врагами?

Кто обманул и сделал их рабами?
Кто продал их и кто их ослепил?..

Ответ один! Ответ лежит в молчаньи
Заснувшей совести и в шкурости затей.

Ответ, в предательстве вождей,
И в жалком мелочном и подлом пресмыканьи.

Опять-ли повторим мы страшную весну?
Пора опомниться, пора умом свободным:

Приблизиться к страданиям народным,
И силою кровных жертв, спасти свою страну.

Но, всё же горд и грозен мой народ,
Нет рабства там, но с силой грозною...

Глядит он в будущность и с твердой верой ждёт,
Что будет день, когда потребует к бою!

А мы, в изгнаньи, что делаем мы тут?
Над нами нет, как смерть, грозящей кары.

В тюрьму китайцы нас толпами не ведут,
Не издеваются у стенок комиссары.

Пора забыть наш таборный разбой,
Пора понять, что все мы братья родовые.

Все станем в ряд перед общею бедой,
Чтоб умереть...иль быть народом!

Не меньшей силой лирического трагизма, преисполнено и другое эпизодическое стихотворение казачьего поэта И.М.Назарова, столь много отражающее скорби и печали:

М О Л И Т В А .

Господи, помилуй!	Не из слёз восстанет,
О себе молчу я:	Не из тихой боли,
Я страдал довольно,	Не из мук страданья,
Пережив свой род!	Но из дикой Воли,
О степях молюсь я,	В дерзости мятежной,
О стране плененной,	Из грозы и страсти
О родном народе...	Богатырских битв!..
Господи!.. Народ	О борьбе молюсь я,
Мой разбит и брошен,	В лете бранной бури,
В плен, тоску и горе:	Мой народ родимый,
Скрыта степь в тумане,	Дрогнет-ли перед кем?
Без просвета ночь.	В рыцарском завете,
Гибнет в ней геройство,	Выковав решенье,
Слава, честь и правда!..	Жить так жить, как люди,
Гибнет вековая,	Умереть, "дак всем"...
Дедовская мощь.	Господи, помилуй!
На Тебя лишь, Боже,	В том моя молитва,
На Твою защиту,	В том моей надежды
На Твою лишь правду,	Лучезарный путь.
Уповаю я:	Если ж..ночь без края,
Веря, что из мрака,	Плен в моей отчизне,
Вновь восстанет в силе,	И народ без Воли,
Родина моя!..	Разорви мне грудь!..

Поэзия И.М.Назарова весьма своеобразна и пожалуй не имеет ничего подобного и равного в совершенствующейся казачьей литературе, текущего XIX столетия. Тоска безисходная, нарастающая душевная боль поэта, усугубляют эпический драматизм всех его лирических выражений. Чувствуется зловещий трагизм во всем стиле его поэтических произведений, воспроизводя всю горечь его дум, мыслей и переживаний, которые этот талантливый казачий поэт переносит на бумагу и делает достоянием читателей, его захватывающих стихотворений.

Великолепно, по своей фабуле и стильному содержанию, его поэтическое произведение, без заглавия:

хх хх

Не то страшит, что ток борьбы опасной,
Нас изотрёт под грозным колесом
И мы погибнем гордо, но напрасно,
Предательски сраженные врагом.
Не то страшит, что ни родимым родом
Не будем поняты, ни поздней молвой,
И порастут, забытые народом,
Могилы наши сорною травой!
Но страшно то, что с вражеским засильем,
Померкнет дух народа моего,
Замолкнет зов, дающий силу крыльям,
Порыв и гнёт уснут в груди его...

И будет он закован красной сталью,
Как раб, глумящихся над правдою владык.
Замолкнет гнев, приниженный печалью,
Из уст не вырвется зовущий к бою крик!..
И будет он, не гордый и могучий,
Каким он был от древности во век.
Как резвый бег коней его летучих,
Как глубина его родимых рек.
Но будет кроток он!.. Ни быль его походов,
Ни слава старая, ни Воля прежних дней,
Не будут возжигать сердца его детей,
И навсегда потухнет средь народов,
Красивая звезда степных богатырей...

Очень большое и незабываемое впечатление остается в памяти, когда читаешь следующее стихотворение, полное трагизма и нарастающего душевного экстаза.

НАРОД МОЙ ПОГИБАЕТ!

Там далеко, за гранью облаков,
Где свет зари кровавой догорает...
Под властью бешеной безумцев и рабов,
Народ мой гордый погибает!
В моей стране, где вольной воли дух,
На диком скакуне носился по курганам,
Умолкла песнь... Огонь костров потух.
Сады в тоске... и Дон увит туманом!
Моя Земля прославлена с веков,
Самоотверженной ее сынов любовью,
Забята, брошена... В рядах ее врагов,
Идут свои, рабы по чувствам и злословью...
В моих степях, по грудам мертвых тел,
Гуляет танк... Гудят самолеты...
Там задыхается в свирепости расстрел
И торжествуют красные тираны...
Так вымирает там не племя и не род,
Но гордый славою и честью боевою,
Степных наездников народ!..
Тот, кто не мог пред красною Москвою
Склонять главы и стать в число рабов...
Он встал, чтоб не отдать врагу родные степи,
С отвагой лил в неравном бое кровь,
Но предан был и был закован в цепи...
С тех пор ослеп для правды мир людской,
И Бог забыл, что есть злодеям кара.
А дни идут... Могильною доской
Закрепощается Придонская Сахара.
Услышит-ли нас Бог?.. Молитва наша в том,
Чтобы не придти "с хоругвями" к возврату,
Не всем бы быть на поле боевом,
И месть свою, и кровью, и огнем,
Вернуть с проклятьем вам и супостату...

Всего было написано и опубликовано в печати казачьим поэтом И.М.Назаровым более 120 стихотворений, воспроизведенных на страницах казачьих эмигрантских журналов, в период времени до 1936 года, которые, конечно, должны быть собраны воедино и когда-то

изданы в печати отдельной книгой.

Тяжелые раздумья и тяжкий душевный гнет терзали дух талантливого поэта И.М.Назарова и... трагический конец-развязка, настал! В ночь с 12 на 13 февраля 1936 года, выстрелом из револьвера, прервал свою жизнь войсковой старшина И.М.Назаров, в г.Кральево-Югославия, где и был похоронен.

Как-бы предчувствуя свою приближающуюся смерть, И.М.Назаров написал свое последнее вещее и полное жутких терзаний наболевшей души стихотворение:

ЧЕРНЫЙ ВОРОН.

Уже кружится черный
Ворон надо мною:
С каждым днем все ниже,
Стелется печаль.
Черные терзанья,
Тяжкие утраты!
Личное, пустое,
Ничего не жаль...
Жаль лишь, что за морем,
В непроглядном море
Ужаса и злобы,
На безумно сладкий,
И последний бой!
Жаль, что там в кладбище,
Меж могил родимых,
Мне могила рядом.

Гибнет мой народ!..
Жаль, что с ним не там я,
Не несу страданий,
Тех же за бесправье,
За террор и гнет.
Жаль, что там бессилен,
Я поднять дерзанья,
Бросить пламя бунта,
В боль души родной!
И позвать лишенных,
Светоча надежды,
В нем не суждена!..
А в глухой чужбине,
Меж чужого люда,
Плакать об отчизне,
Будет тут одна...

Ряд представленных стихотворений И.М.Назарова, показывают, что последний обладал большим поэтическим талантом, почему должен считаться одним из одареннейших казачьих поэтов XX столетия. В сонме последних, составляющих ГАЛЛЕРЕЮ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ, имя казачьего поэта И.М.Назарова, занимает одно из почетных мест.

Войсковой старшина И.М.Назаров родился в 1879 году, в станице Константиновской/тогда называлась ст.Ведерниковская/, 1-го Донского Округа, Донского Войска, в семье народного учителя Михаила Ивановича Назарова. Его старший брат Анатолий/на пять лет старше/, был впоследствии выборным Донским Войсковым Атаманом, который был зверски расстрелян пришлыми русскими коммунистами, после занятия ими Новочеркасска в феврале 1918 года.

Казачий писатель-поэт И.М.Назаров, окончил Донской кадетский корпус и Новочеркасское казачье военное училище, выйдя офицером в один из Донских казачьих полков, с которым и вышел на фронт, в Первую мировую войну 1914-1917 г.г. Спустя несколько месяцев, с ним был несчастный случай, когда упав с лошади, он сильно разбился и был признан негодным к несению строевой службы. С этого времени, в начале 1915 года, началась его служба в качестве офицера-воспитателя в военно-учебных заведениях. К моменту революции в России, в марте 1917 года, И.М.Назаров, будучи в чине есаула, был офицером-воспитателем в Воронежском кадетском корпусе.

Уже в ту пору, он начал проявлять себя в качестве поэта, помещая свои небольшие стихотворения в казачьих газетах и журналах. Однако, эти проявления его литературного творчества, знаменуют собой лишь начальную стадию, окончательно его талант развился в эмиграции, от 1922 года.

Не чуждый прозы, он определил себя много более в поэзии, где

его поэтическое творчество показало недюжинные дарования, как вполне сформировавшегося и развившегося замечательного казачьего писателя-поэта. Его перу принадлежат многочисленные стихотворения, напечатанные в казачьих журналах, издававшихся за границей: "Вольное Казачество", "За Казачье Имя", "Ковыльные Волны" и др

28/ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕСТЕРОВ.

Молодой Кубанский казак станицы Прочноокопской, сотник Г.Н. Нестеров, родился в 1918 году. С приходом германских армий на Кубань летом 1942 года, немедленно стал в ряды казачьих боевых соединений, находившихся в вооруженной борьбе против русских коммунистов. Потом Г.Н. Нестеров был офицером 3-го Кубанского казачьего полка, 1-й Казачьей конной дивизии германского ген. м. Хельмута фон-Панвица, сформированной весной 1943 года, в лагерях около г. Млавы/Польша/.

Здесь сотник Г.Н. Нестеров проявил свои блестящие поэтические способности и написал замечательное стихотворение, которое он положил на ноты и какое было признано боевой песней этой казачьей дивизии:

ПЕРВАЯ КАЗАЧЬЯ...

Во славу Вольного Казачьего Народа,
Ты в страшной буре родилась.
На страх врагам, на зло невздам,
Казачьей первой назвалась!..

Твои лихие командиры,
Сплотили нас стальной стеной.
Как встарь было, полки водили,
Они теперь ведут нас в бой.

Ряды твои не опустеют,
Коль есть Кубань, есть Терек, Дон.
Нет силы той, что нас развеет:
В твоих рядах - наш отчий дом!..

Настанет час, когда с заката,
Мы лавой хлынем на Восток!
Настанет нашей час расплаты,
Когда в руке сверкнет клинок!..

За кровь отцов, за плач народный,
За Край Родной, что весь в огне,
За все страданья и невзгоды,
Тогда отплатим мы вдвойне.

Во славу Вольного Казачьего Народа,
Ты в страшной буре родилась,
На страх врагам, на зло невздам,
Казачьей Первой назвалась!..

29/КОНСТАНТИН ОБРАЗЦОВ.

9 декабря 1917 года, Кубанская Войсковая Рада, заседавшая в помещении бывшего Зимнего театра, в Екатеринодаре, в ходе заседания, поднялась, как один человек и пропела песню, ставшую Кубанским гимном, согласно постановления той же Кубанской Войсковой Рады:

Ты, Кубань, ты-наша Родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная,
Разлилась ты вдоль и вширь.

Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны,
Бьем челом тебе, родимая,
Твои верные сыны.

О тебе, здесь вспоминаючи,
Песни дружно мы поем,
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.

О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя-ль не постоять,
За твою-ли славу старую,
Жизнь свою-ли не отдать!..

О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на неприятеля,
Мы идем на смертный бой.

Мы, как дань тебе покорную
От прославленных знамен,
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон!

Слова и мелодия этой казачьей песни, ставшей согласно постановлению Кубанской Войсковой Рады, Кубанским гимном, написаны природным Кубанским казаком Константином Образцовым, полковым священником 1-го Кавказского казачьего полка, Кубанского Войска, на турецком фронте, в 1915 году.

ЗО/АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ ПИВЕНЬ.

ЧОГО МОЄ СЕРЦЕ НУДЬГУЄ?

Живу я на світі, а й сам я не знаю,
Чого ще бажаю...
Мені вже старому не треба нічого,
Крім хліба святого,
Бо згасли давно всі веселі бажання
Й душі поривання;
Не хочу й людської лукавої слави,
Ні втіхи-забави,
Хіба тільки миру й покою б хотіло
Старє моє тіло,
Щоб тихо, без жалю, як смерть візьме силу,
Лягти у могилу...
Чого ж моє серце покою не чує,
Горить та бунтує?
Воно репетує, воно стогне й плаче,
Що правди не баче,
Що бідні там люди живуть у неволі,
Голодні та голі,
А світ скрізь великий на те не вважає,
Хоч добре все знає;
Бо видно од жиру всі люди попухли,
Та мов би поглухли...
Мовчи ж, моє серце! Чого важко нудиш?
Глухих ти не збудиш!
Он слухай: давно вже заковані люди
Ворушаться всюди,
Лиш треба їм доброї помочі дати,
Кайдани зламати,
Тоді всі добудуть щасливу долю
І вийдуть на волю.

Написав старий Кубанський писар

Олександр Півень.

Это стихотворение было написано незадолго до его смерти. Это стихотворение свидетельствует о полном разочаровании жизнью Кубанского поэта-писателя, отдавшего всю свою долгую жизнь воспеванию породившей его Кубани. И чувствуя приближение смерти, поэт не желал ничего иного, как "...кайдани зламати, тоді всі добудуть щасливу волю!.."

Другое предсмертное стихотворение, посвященное Кубани, говорит ярко о сильных душевных переживаниях автора, горячо любившего Казачью Родину.

ЧИ ЧУЄТЕ, КУБАНЦІ?..

Ой, зійду я у добру, слухную пору
На високу гору,
Та й гукну я відтіль раненько у ранці:
Чи чуєте Кубанці?..
А ну лиш, озвіться на добрім слові:
Чи живі ви, здорові?
Та чи маєте ви всі снагу юнацьку,
Та ще й відвагу козацьку?

Чи добули ви порох у порохівниці,
Та ще й меткі рушніці?
Щоб були усі справні до нашого походу,
Прямісінько до Сходу!
Бо наша Матір-Кубань стогне-гукає,
Дітей до дому скликає.
Бо вся вона зранена, змучена, побита,
Та ганчірками покрита.
Ой, нуте ж, брати мої, нуте, вставайте,
Та добре ви дбайте!
Збирайтесь, лаштуйтеся у далеку дорогу
Рятувати Неньку-небогу.
Чи нагострили ви шашки азіяцькі,
Та кинжали булацькі?
А як ще все у вас гаразд, то і дбайте:
А ну лиш уставайте!
Годі бо нам по всіх усядах тинятись,
Бо треба їй мерщій помочи дати
Добре на ноги стати,
Та й самим собі в Рідній Землі
Щастя-доли придбати!

Биографія Казацького Кобзаря Александра Ефимовича Пивня, представляє очень оригинальное и содержательное описание замечательной жизни большого казацького поета-письменника, каким он был всю свою долгую жизнь. Мать его была тоже природной казацькой, отец ее был священником в станице Кушевской, иерей Даниил Залесский.

А.Е.Пивень родился 18 июня 1872 года на Кубани, в станице Павловской, в семье Казака-Черноморца, псаломщика той же станицы.

Мать его была образованной женщиной, уделяя много времени литературе. Нет ничего удивительного в том, что будучи ребенком, А.Е.Пивень подпал под влияние матери и унаследовал от нее влечение к поэзии и литературе, но злая судьба лишила его матери, когда ему было только семь лет.

Научившись грамоте в своей станице, далее А.Е.П. окончил Екатеринодарское духовное училище. В это время его отец женился вторично и стало так, что А.Е.Пивню не нашлось более места в родной семье из-за недоброжелательства мачехи. Принужденный с ранних лет заботиться сам о себе, А.Е.Пивень осел в Екатеринодаре и стал служить писарем в Кубанском Областном Правлении. К этому периоду жизни его, относится женитьба и рождение первого сына.

Возвратившись обратно в родную станицу, А.Е.Пивень, несмотря на свои 28 лет, приобрел в скором времени большую популярность в казацькой среде, что и окончилось избранием его на должность Станичного Атамана. Проявляя кипучую деятельность, он сделал много полезного для станицы. Им была открыта первая гимназия в станице, создан большой базар, построено много больших кирпичных домов и несколько больших мукомольных мельниц и т.д.

Но деятельность А.Е.Пивня не понравилась некоторым т. наз. "богатеям", которые поведя интригу против него, в конце концов "свалили" его с Станичного Атамана.

Обиженный этими интриганами, он покинул станицу, забрав с собой семью и пошел "на сторону писарьвати". От 1896 по 1917 г.г., он побывал на писарской должности в станицах: Незамаевской, Веселой, Ново-Ивановской, Ново-Рождественской, Ново-Леушковской, Шкуринс-

кой.
 Знакомясь подробно с казачьим бытом, А.Е.Пивень стал прораба-
 тывать собираемый им казачий "сырой" материал и далее стал печататься во многих газетах, сборниках и журналах, чем получил большую литературную известность далеко за пределами Кубани.

О том, какой был творческий талант нового казачьего "письменника" А.Е.Пивня, говорит четко его первое большое произведение: "Козача Рада", поэма в стихах, изданная в печати в 1906 году, в Екатеринодаре и в станице Уманской, отдельной брошюрой в тираже 20.000 экземпляров. Эта поэма была посвящена Кубанской Войсковой Раде, происходившей в 1906 году в Екатеринодаре, для разрешения вопроса о наилучшем разделе земель на Кубани, между Черноморцами и Линецями.

К О З А Ч А Р А Д А .

/3 поеми/
 3 глави 4.

Кубань бистра Робить чисто, Усе підбирає: Що попала, Потаскала, Назад не вертає, По Кубані Зліва плавні Та куші вербиці, А направо Стоять браві, Багаті станиці. Тут іздавна Живуть справно Наші Черноморці: Хлібець сіють, Багатіють Козаки-молодці. Хоч і голий Степ просторий, Ні краси, ні дива, Зато с краю Аж до краю Скрізь багаті жнива. Од Кубані Все степами, Аж до Єї - річки, Сама нива Коло ниви Святої пшенички, Не скрасила Божа сила Укрива снопами,	Краще диву, Як та нива, Козаку й не треба: Хлібець спіє, Колос зріє - Благодать із неба! Не пудами, А ходами Козак зерно возить: Не у жмені, А в кишені Грошенята носить. На що гори, Ліс і море Козакові нужні, Коли в його І без того Не буває нужди, Бо він літом Святим хлібом Що году багатий: Добра вволю Є на дворі І повно у хаті: І без нужди Син для служби Справний і одітий: Прийде время, Ногу в стремя - Сяде та й поїде...
--	--

3 глави 5.

Невеличка Кубань-річка, Як з гір витікає:	Днем і ночью Берег точе І русло міняє,
---	--

Між горами, Між лісами	Чи достали Щастя й слави
Там стоять станиці, Котрі здавна Дуже справно	За батьківські муки? Ні, як видно, Незавидна
Берегли границі: Воювали, Гори брали	Там козацька доля: Є там гори, Ліс і море,
Голову складали: Чи багато ж Наші брати	Та немає поля, Нема долі Козакові,
Там добра достали? Чи хліб сіють, Багатіють	Нема там і щастя: Прийшли злидні Там на три дні,
Їх сини й онуки?	А на вік засіли: Хоче вигнать Козак злидні Та немає мили...

Природний юмор, вроджений талант кобзаря-сказочника, поетичне дарование, блистящее знання жизни Запорожских и Черноморских казаков, способствовали тому, что в лице Александра Ефимовича Пивня, Казачий Народ приобрел подлинного певца казачьей доли и воли.

В 1914 году, А.Е.Пивень-являвшийся большим трезвенником, принимая общественное участие в борьбе с пьянством, написал поэму-сатиру в стихах: "Горілка, як та гарна дівка, хоч кого з ума зведе", которая и была отпечатана в типографии, в количестве 40.000 экземпляров. Несмотря на так большой тираж, это произведение разошлось все в течение одного года: на Кубани, на Дону, на Украине и т.д., сопровождаясь вполне заслуженным успехом.

ГОРІЛКА .

З глави 4.

Всяк горілку любить
Та здоровья губить:
Хто-потроху, хто-багато,
Той у будень, той у свято
Горілочку пье.
Чи дитину хрестять,
Добре горілку чистять:
Чи іде душа до Бога,
Пють, щоб ій легка дорога
Була на той світ.
В храмовій трапезі
Мало хто-тверезі:
А, найпаче, всяке пьяне,
Нахрамується й не встане,
Справді захромів.
Іншій по обіді
Хрома, на обидві:
Хто ж, до черки не ледачий,
Той хіба тільки лежачий
Додому попав...

Огромный литературный успех, сопровождавший выход из печати очередных произведений А.Е.Пивня, создал ему исключительную

популярность не только среди Кубанских казаков, его имя гремело вообще в пределах всей бывшей Российской империи. Его "балачки" и "вірші" производили исключительное впечатление на всю читающую публику и раскупались в десятках тысяч экземпляров.

В 1915 году, Названный Атаман Кубанского Казачьего Войска ген. Бабич обратился с просьбой к А.Е.Пивню, собрать все его произведения/по три экземпляра/и передать в Кубанский Войсковой Исторический музей на сохранение для казачьего потомства.

Такая же просьба поступила и от Екатеринодарской городской библиотеки имени Пушкина.

Колоссальный успех имело произведение: "Охримова хата", сатира на московско-русских коммунистов, где он писал:

Друже мій, брате мій,
Змучений без міри!
Хто ти єсть, де ти єсть,
Держись кріпко віри!
Нехай зло верх взяло
Та з людей сміється,
Нехай знов в світі кров
Неповинна льється,
Вірь і знай: скоро край!..

Выполняя поручение Кубанского Войскового Правительства в 1918 году, А.Е.Пивень написал несколько своих произведений антикоммунистического и религиозного направления, для поднятия казачьего духа на Кубани. В сентябре 1918 года, А.Е.Пивень начал свою поездку по Кубани, длившуюся в течение одного года, когда он посетил около двухсот казачьих станиц. Выступая везде с чтением своих произведений, которые тут же раздавались в печатных листках, казакам и казачкам, А.Е.Пивень призывал казаков к укреплению казачьего единства в борьбе против русских коммунистов, защищая родную Кубань. Успех от его выступлений был огромный.

Уйдя в начале 1920 года в эмиграцию, А.Е.Пивень продолжает писать свои произведения, печатаясь почти во всех печатных органах казачьей эмигрантской прессы, как под своей фамилией, так и под различными псевдонимами: Мартин Забігайло, Ходкевич Сапсай и др.

КОЗАКИ НА КУБАНИ.

Глава 2.

Отак жила, Квітом цвіла Наша Кубань-Мати:	Москаль-салдат, Мов супостат, Пішов брат на брата.	Спершу зломав Та скасував Оту дисципліну.
Ту незгоду, Війну й шкоду Стала забувати.	Кращу долю, Землю й волю Він добути взявся.	Та ворогів, Мов тих братів, Випустив з полону:
Де не взявся Та піднявся Той німець з війною:	Тільки скоро Забув Бога, Розумом стерявся.	Офіцерів Командирів Постріляв, повішав,
Не год, не два Кров, як вода Полилась рікою.	Із німцями, Із турками Кинув воювати,	Розправою Кривавою Свое серце тисив.
А од війни В нашій землі Стала гірша втрата:	Пішов назад, Та все підряд Став він руйнувати.	Не знаю як І наш козак Сперва його слухав.

Після того
Дуже довго
Потилицю чухав:
Не дізнався
Та й попався
Москалям у руки,

Ох, не мало
Всім попало
І лиха і муки!
Зажурились,
Засмутились
Козаки-Кубанці.

Сумували,
Горювали
Ввечері і вранці.
Та потроху,
Слава Богу,
Всі сили зібрали,
Та безбожних
Тих ворогів
Із станиць прогнали...

Глава 3.

Біжить Кубань
Аж у лиман,
А з лиману в море,
Не зна того,
Яке було
У козаків горе.
Біжить Кубань
По берегах,
Як і раніше бігла,
Та й не гада,
Що вже біда
Десь до нас забігла.
Добре послужити,
Що вже заніс
Рогатий біс
Лихую годину:
Пошли, Боже,
Усе гоже
У нашу Країну...
Так гадали
Й розмовляли
Козаки-Кубанці, -

Були певні
Що не вернуть
Назад ті поганці.
Так гадали,
Міркували,
Та снаги не мали,
А старшина
Була дурна
Та ще й генерали
Не хотіли
Для козаків
Добре послужити,
Од ворога
Лиходія
Свій Край боронити.
Та й забрали
Генерали
В свої руки силу:
Рятували
Й боронили
Гроші та Росію...

Ой, багато
Там пролито
Козацької крові,
А ще більше
Лягло трупом
У чистому полі!..
Вовнали
Козаченьки,
Голови складали,
А за кого,
За для чого,
Про те й не питали;
Зрозуміли,
Як побігли
Із Рідного Краю,
Та попали
В чужі землі,
По той бік Дунаю...

- От 1903 по 1919 г.г. були изданы следующие труды А.Е.Пивня:
- 1/Півень Олександр:"Сім кип брехеньок".Торбини сміху людям на копійку!Збірник сміховинок,брехеньок,видумок,приказок,поговорок і де чого іншого з побуту козаків Чорноморського/Кубанського/Війська".Москва.1903 год.Тираж 10.000 екземплярів.Издание и типография Т-ва И.Д.Сытина.48 страниц.Цена 10 коп.
 - 2/Півень Олександр:"Весела бандура".Повний збірник козацьких пісень,а також приспівів до національних танців.150 пісень.Москва.1904 год.Издание и типография Т-ва И.Д.Сытина.160 страниц.Тираж 20.000 экзemplаров.Цена 35 коп.
 - 3/Півень Олександр:"Весела козацька старовина".Москва.1905 год.Изд.и тип.И.Д.Сытина.34 стр.Тираж 10.000 экзempl.Цена 5 коп.
 - 4/Півень Олександр:"Козацькі жарти та сміхи всім людям для втіхи".Збірник козацьких оповідань,пісень,віршів з побуту Кубанських-Чорноморських козаків.Москва.1906 год.Изд.и тип.И.Д.Сытина.47 стр.Тираж 10.000 экзemplаров.Цена 10 коп.
 - 5/Півень Олександр:"Козацька розвага".Збірник пісень,оповідань і т.ін.Москва.1907 год.Изд.и тип.И.Д.Сытина.204 стр.Тир.15.000 экз.Цена 1 руб.30 коп.
 - 6/Півень Олександр:"Чорноморські витребеньки,або три мішки гречаної вовни".Москва.1907 год.Изд.и тип.И.Д.Сытина.48 стр.Тираж 10.000 экзemplаров.
 - 7/Півень Олександр:"Веселим людям на втіху".Збірник оповідань,віршів,брехеньок і т.п.Киев.изд.Т.Х.Губанова.Тип.И.И.Чо-

колова. Тир. 6.000 экз. Цена 20 коп.

8/Півень Олександр: "Торбина сміху та мішок реготу! Оце так книжка". Москва. 1909 год. 45 стр. Изд. и тип. И. Д. Сытина. Тир. 10.000 экз. Цена 40 коп.

9/Півень Олександр: "Сто три брехні: хоч вірь, хоч ні!"/Збірник козацьких брехеньок/і т. п. Киев. Изд. Т. Х. Губанова. Тип. И. И. Чоколова. Цена 20 коп. Тир. 6.000 экз.

10/Півень Олександр: "Дванадцять кип брехні та мішок правди". Збірник веселих українських оповідань, козацьких брехень, жартливих пісень і дечого другого і чудного, всім людям на утіху, для реготу і для сміху. Киев. Изд. и тип. Г. Х. Губанова и И. И. Чоколова. 48 стр. Цена 20 коп. Тир. 60.000 экз. 1909 год.

11/Півень Олександр: "Веселі теревені-вені, усякої всячини по жмені". 42 стр. Цена 10 коп. Тир. 12.000 экз. С. Петербург. 1910 год.

12/Півень Олександр: "Десять кип найкращих козацьких пісень". /Збірник найкращих пісень Кубанських козаків та інших українських пісень/. 183 стр. Тир. 10.000 экз. Изд. Сытина. Москва. 1911 год.

13/Півень Олександр: "Смісь, регочись та за боки берись". 48 стр. Тир. 10.000 экз. Изд. А. Суворина. С. Петербург. 1912 год.

14/Півень Олександр: "Веселі козацькі витребеньки". 48 стр. Тир. 20.000 экз. Изд. и тип. И. Д. Сытина. Москва. 1912 год.

15/Півень Олександр: "Весела нісенітниця". 52 стр. Тир. 40.000 экз. Изд. и тип. А. Суворина. С. Петербург. 1913 год.

16/Півень Олександр: "Ой, не ходи Грицю, та й на вечерниці". Збірник оповідань та козацьких брехень. Тир. 6.000 экз. 48 стр. Изд. С. Коноваловой. С. Петербург. 1913 год. Цена 20 коп.

17/Півень Олександр: "Сміховисько, чудовисько, що розказав старий Онисько". 48 стр. Тир. 6.000 экз. Изд. Г. Х. Губанова. Киев. 1913.

18/Півень Олександр: "Івасик та відьма". Казка для малих дітей з малюнками. 32 стр. Тир. 10.000 экз. Изд. И. Д. Сытина. Москва. 1914.

19/Півень Олександр: "На рідній Кубані". Поэма. Екатеринодар. 1914

20/Півень Олександр: "Лугом іду, коня веду". Казачий песенник. 42 стр. 12.000 экз. Изд. С. Коноваловой. С. Петербург. 1914 год.

21/Півень Олександр: "Різдвяні святки в станиці Павлівській". 52 стр. Тир. 10.000 экз. Изд. Б. Гринченко. Киев. 1914 год. Цена 25 к.

22/Півень Олександр: "Нашім дітям на забаву". Казка. 42 страниці. Издание С. Коноваловой. С. Петербург. 1916 год.

23/Півень Олександр: "Чоловік дуже став розумним". Стихи. Издание Кубанского Войскового Правительства. Екатеринодар. 1918 год.

24/Півень Олександр: "Слава нашим козаченькам". Стихи. Издание Кубанского Войскового Правительства. Екатеринодар. 1918 год и много других произведений.

К 1961 году, покойным А. Е. Пивнем были собраны все его литературные труды, которые он систематизировал и предполагал издать все вместе, в одном издании, под общим названием: "Кубанский Кобзарь", в двух разделах: "На Родине" и "В эмиграции". Отсутствие средств и наступившая смерть его, помешали осуществлению сего начинания. меем полагать, что настанет момент, когда полное собрание сочинений Казачьего Кобзаря Александра Ефимовича Пивня, будет издано полностью в увековечение его славной памяти.

Умер А. Е. Пивень 7 апреля 1962 года, в г. Дармштадте, Западная Германия.

СЛАВА КОЗАЧА НЕ ВМРЕ, НЕ ЗАГИНЕ!

Гей, не дивуйте,
Добрії люди,
Що на Кубані так стало
Що так козача
Слава й удача
Буцим навіки пропала.
Де ж там пропала?
Знов вона встала,
Прямо стоїть-не зігнеться,
Поки за волю
Й за кращу долю
Серце козацьке бьється.
Ні, не пропала
Камінем стала,
Буде й во-віки стояти,
Поки козацтво
Щире юнацтво
Край рідний буде кохати.
Слава козача
Хист - удача
Більше у нас не загине,
А скрізь по миру,
Людам на віру,
Сивим голубоньком лине.
Правда ж козацька
Стала зненацька
Терном густим край дороги:
Віття колuche
Й слово пекуче
Ворогу киди під ноги.
Чуєте, хлопці,
Пани-молодці
І всі козаченьки жваві?
Вірте старому
Діду сідому:
Буде козачество в славі!

Киньте ж журиться,
Гляньте, дивіться,
Що вже не те зараз стало,
Що скрізь юнацтво,
Й шире козацтво
Сміло до гурту скликає:
Добрих та вірних,
Щирих та вільних,
В силу велику збирає,
Серце радіє,
Як все міцніє:
Правда козача і сила
І як ворожу
Силу-сторожу
Глибоко в серце вразила!
Хай з нас кепкують,
Лаяють, глузують
Недруги всі наші злючі,
А ми од того
Глузу дурного
Кріпче зіб'ємся до кучі!
Хай з нас сміються
Та в боки беруться,
Сміх їх дарма не минеться:
Добре ми знаєм,
Лиш дожидаєм,
Хто найпослід засміється.
СМІЙСЯ, ВОРОЖЕ,
БИЙ ТЕБЕ БОЖЕ,
ПРИЙДУТЬ ОСЬ ДНІ ТВОЇ СКРУТНІ,
БО ЯК УДАРЕ
ГРІМ ТОЙ ІЗ ХМАРИ,
ТАК ЗАСМІЄШЬСЯ НА КУТНІ!

Написав старий Кубанський писар ОЛЕКСАНДР ПІВЕНЬ.

В городе Дармштадте, Западная Германия, где покоится прах великого казачьего поэта-писменника А.Е.Пивня, на надгробном камне его могилы выгравирована надпись:

АЛЕКСАНДР Е.ПІВЕНЬ. ПОЭТ. КУБАНСКИЙ КОБЗАРЬ.

31/КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ПОЛЯКОВ.

Казачий поэт К.К.Поляков родился в 1906 году, природный казак станицы Новочеркасской, Черкасского Округа, Донского Войска. Отец его ген.м.К.С.Поляков, командир 9-го Донского казачьего полка мирного времени, потом командир бригады, 1-й Донской казачьей конной дивизии в 1914-1917 г.г. Весной 1918 года, в дни восстания казаков против русских коммунистов, со взятием Новочеркасска в апреле 1918 года, ген.м.К.С.Поляков был первым Командующим Донской казачьей армии.

Сын его К.К.Поляков закончил в эмиграции гимназию в Чехии и далее учился в Брненском политехническом институте.

Весьма одаренный от природы, К.К.Поляков проявил себя на литературном поприще как очень талантливый поэт, чему ярким свидетельством являются приводимые стихотворения:

x x x

Ничего, что ища эти яркие розы,
Мы изранили руки шипами...
Пусть сверкают над нами разящие грозы,
Рождены мы в степи казаками.

Колыбельную нам песню пели бураны:
Сказки нам ковыли нашептали.
Берегли сон наш крепкие седые курганы,
Покоряя безграничные синие дали.

И росли мы, как вольные смелые птицы...
Наши гнезда - степные станицы,
А полет наш могучий - без края,
Ни межи, ни препятствий, не знает!

И стал ведать о нас старый мир...
Бог наш - подвиг, отвага - кумир.
Мы свободны и равенства дети,
Мы их первые знали на свете.

Пусть терниями опутан наш путь...
Н, покуда вздымается грудь
У Донца, у Кубанца и Терца,
У того, кто так любит Яик,
Еще страшен оскал наших пик!..

СПИТЕ ГЕРОИ.

Будто над степью, под самую тучей,
Красные ходят полки:
А под землю покатою могучим,
Сном вечным спят казаки.

Спите, закрывшие очи навеки,
Реки все также текут...
Наши степные лазурные реки,
Солнца палящего ждут!

И под лучами свободу несущими,
Сломают оковы тяжелые льдов.
Волнами сильными, волнами бьющими,
Бросятся в степь из своих берегов...

Пришлые толпы безликие смоят,
С шляхов степных и казачьих юртов.
Землю уставшую чистой напоят,
Влагодй привольных родных берегов!

Спите герои, над Родиной вашей
Скоро не будет уж пут...
Живые, кто любит отчизну степную,
Живые, те пути сорвут.

Спите, навеки закрывшие очи,
Скоро наступит конец этой ночи:
И над святыми могилами вашими,
Неугасимое пламя зажгут!..

СЛОВО ПУЛЕМЕТАМ.

Слово дается пулеметам!
Пусть сегодня они говорят
И своею стальной логикой
Неприятеля разят.

Ораторы! Сойдите с трибуны!..
Скоро о них, мы говорить не будем;
Скоро за нас заговорят
Громовые голоса орудий...

И все это будет за Степь,
За нашу старинную Волю;
За то, чтобы кровь и слезы,
Не лились по Дикому Полю.

Слово дается пулеметам!
Пусть они холодно и строго,
Защищают Казачье Право,
Перед людьми и Богом!..

ПОЭТУ УКРАИНЫ.

/Т.Г.Шевченко/.

Твоя душа, как сад весной, цветет
Любовью к чудной Украине.
Никто и никогда любви той не убьет
К реке широкой, будто небо, синей!..

Твоя душа, как сад весной, цветет...
Порой она зияет черной раной
И пламя мести в ней огнем стихийным бьет,
К жестоким палачам земли твоей тиранам.

За правду много раз кровь обогрела свет.
Свободой правда та зовется;
Ты был и будешь рыцарем ее, поэт,
Пока в груди твоей большое сердце бьется...

И я, степей певец, как Ты, пою
Любви песнь Родине своей далекой;
И жду тот час, когда в святом бою,
Воскреснет Воля средь степи широкой.

Когда душа моя полна тревог до края
И нету слов, чтоб выразить печаль,
О как хочу, хочу я, от тоски сгорая,
Чтоб вылились слова в свинец и сталь!..

Чтобы свинец горячий, крепкий,
Пронзил врага Отчизны грудь...

.....
Да, только там найдем к свободе путь.

И если нас сейчас за правду гонят,
Мы завтра по коврам цветов пойдем;
Но нам не нужно это... Сердце стонет,
А Волю Родине мы все равно вернем!

Твоя душа, поэт, как небо Украины,
Где звезды так яркие и месяц круторог:
Горда, как Твой народ, не гнуший спины,
Бурна, как Днепр, что бьет через порог...

.....
Как жалко мне до боли,
Народ несчастный наш, лишенный Воли!....

.....
И потому душа полна тревог до края,
И нету слов, чтоб выразить печаль...
О, как хочу, хочу я, от тоски сгорая,
Чтоб вылились слова в свинец и сталь!..

Почти в самом конце Второй мировой войны, в середине апреля 1945 года, К.К.Поляков, находившийся в 3-м Казачьем запасном полку, Казачьего Отдельного Корпуса Походного Атамана Казачьих Войск ген.м.Т.И.Доманова, в Северной Италии, получил срочную командировку в Прагу Чешскую. С течением неблагоприятных обстоятельств, вследствие усиленных воздушных бомбардировок линий железных дорог англо-американской авиацией, К.К.Поляков не мог во время выбраться из Праги и был там захвачен в плен русско-коммунистическими войсками бронетанковой Особой группы маршала Рыбалко, судим и расстрелян.

Принимая во внимание то, что казачьим поэтом К.К.Поляковым написано до двухсот различных стихотворений, помещенных в казачьих эмигрантских журналах от 1931 по 1942 года, было бы похвально и достойно, если бы нашлись жертвенные казаки, которые взяли бы на себя труд и заботы по собиранию всего литературного наследства, оставшегося после трагической гибели казачьего замечательного поэта К.К.Полякова, для издания в печати всех его произведений в поэзии и прозе, в форме отдельной книги.

32/ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ ПОЛЯКОВ.

Казачий поэт П.С.Поляков, имеет за собой большое прошлое, как казачий литератор. Им написаны многочисленные стихотворения, поэмы; были сделаны также и многочисленные переводы с сербского и немецкого языков, для увековечения творчества иностранных выдающихся поэтов в казачьей памяти.

Как поэт, П.С.Поляков создал свой собственный, не только стиль, но и даже цикл стихотворений и притом исключительно на казачьи темы. Нет сомнения, что П.С.Поляков-казачий поэт высокой квалификации, свидетельством чего являются его стихотворения:

ХУТОР РАЗУВАЕВ.

Не велик мой хутор - хутор Разуваев,
Ста дворов, пожалуй, и не набежит.
Речка Чертолейка, лугом протекает,
Меж травой высокой змейкою блеснит.

Наклонились вербы над глубоким плёсом,
Камышем зеленым старый пруд зарос,
Гусь, за колосками, прямо под колеса
На плотине узкой тянет желтый нос.

Из ольховой чаши мельница - старуха
Выбитым оконцем смотрит на луга.
Над помольной хатой вьются тучей мухи
И над лёгким ветром шелестит куга.

И привады взявши, на заре вечерней,
Проплывая меж лилий тонких лопухов,
На рыбальство едет в душегубке мельник
И с волнением скрытым ждёт сказаний клёв.

Тихо, тихо ляжет ночи покрывало
И луна уставший пруд заворожит.
Лишь шуршанье слышно мельничного вала,
Соловейко свищет, да вода шумит...

В куренях казачьих говор затихает,
Спит усталый хутор, темный дремлет пруд.
Далеко у гумен, пес на месяц лает,
Да высоко в небе облака плывут.

А туда, к полночи, выйдет мельник сонный,
В ковш зерна подсыпать - камень застучал.
И чеканит месяц силуэт склоненный
И мешок порожний подает с плеча.

А в реке - русалка, с белой грудью пышной,
Соберет подружек дикий хоровод...
Мельница - не боится. Мельник - он привышный,
Мельник слово знает супротив того.

Вон, надась, завошик, парень сам бывалый,
Ворочась в хутор поздней порой,
Увидел, как тихо, по большому валу,
В мельницу вернулся старый домовой.

А жалмерка Настя, прибрала скотину,
Припозднилась. Темно. Шла то - через лес.
Глядь, а меж кустами, под сухой осиной,
Он! Лесной хозяин! Леший! Вот те хрест!..

Хутор Разуваев просыпался рано,
Поедались горы пышек и блинов
И охлюпкой сидя, мимо Атамана,
В степь подростки гнали кровных скакунов.

Вылезали деда к мельнице иль школе,
И вели беззубый, долгий разговор,
О пашах турецких, о царе Миколе,
И о том, что Разин вовсе не был вор.

Не велик, да стар мой хутор Разуваев...
Сотни лет шептался с чаканом камыш,
Провожая дедов к Стеньке, под Измаил,
Под Царьград, на Альпы, с Платовым - в Париж.

И седлались кони... колыхались пики...
Много... много наших полегло в бою...
Хутор Разуваев, в перекатном гике
Ты по свету славу разносил свою!

И пою я песни о дымке кизечном,
О полыни горькой, чакане в прудах,
О скитаньях долгих, о тоске извечной,
О слезах кровавых на моих следах.

В Р А Г А М .

Я - поэт самостийник. Не хмурьтесь,
Не боюсь прищуренных глаз...
Полюбите вы нас казаками,
"Казачками" любили вы нас!

Вы не правы. Напрасная злоба,
Дух не терпит ни цепи, ни плен!
Не пристало нам, рыцарям воли,
Гладиаторство русских арен.

Вы не правы. Мы в ваших желаниях
Вовсе мало от Бога хотим:
Без указки и пана и окрика
Жить казачьим Присудом своим.

Вот и все! Разрешите откланяться.
Что поделатъ - надумали мы
Отказаться нести охранение
В подворотне российской тюрьмы.

К А З А К А М .

Приготовьте сбрую, наточите шашки,
День последней схватки, верю - не далек.
По дугам широким расцветает кашка
И ковыль шевелит легкий ветерок.
У кого есть седла, у кого винтовки,
Осмотри, почисти - близится война.
Мы - что скалы крепки, что пантеры ловки,

Вождений старых близки времена.
Мы поищем правды, не бояся бури,
Быль столетий смоём кровавым дождем.
Сверженному Богу фимиа́м воскурим
И у ног свободы жертву принесем.
Нам не страшны сабли, нам не страшны пули,
Кто нас одолеет? Сможет кто сломить?..
Вихрем наши лавы, в гике, реве, гуле,
Нам сумеют Волю снова воротить.
Не грозим пожаром, не грозим отмщеньем,
Мы хотим свободы, правды и любви,
Может быть мы слишком полны всепрощеньем
Нам войны не надо для завоеваний.
На чужую хату местию не пойдём.
Но сумеем биться за родные грани.
И за них в сраженьях, не страшась, умрем.
Кто понять нас сможет, кто понять сумеет,
Всем пошлем горячий, искренний привет,
В нас любовь к отчизне ярко пламенеет
И отмщенью места в кличе нашем - нет.
За Азова веру, за былую славу,
За свою свободу мы зовем на бой...
До границ Московских пронесутся лавы
И трубач сыграет переливно - стой!

НОВАЯ ПЕСНЯ.

Слышал сегодня
Пели мне польнь да ковыль.
Слушай-же, матушка Русь бестолковая,
Страшную, жуткую быль...
Многое может тебе не понравится:
Правда-то глазыньки ест!
Но - не сердись. Дон наш скоро преставится,
Вытесан, вытесан крест.
Был у России он храбрым воителем,
Верным, бессменным слугой,
Русских границ и творцом, и хранителем, -
Как даровой часовой.
Тучи над Русью нависли тревожные,
Стонет от крови земля,
Взялися мы совершить невозможное:
Выбить совдеп из Кремля.
И взбунтовалась Россия могучая,
Любы ей звонны оков.
Двинулись ваньки несметною тучею,
Массой давя казаков.
И надломилась силушка ратная,
Замер, тоскуя, сполох,
Кровью покрылася степь необ, ятная,
Голос свободы - заглох!
Слушай, Россия, прощальные, новые,
Стонны сожженных полей.
Ты им готовила крышку гробовую,
Ты - подавала гвоздей!
Что-ж. Забивай. Да гляди, чтоб не гнулись,
Крепче, поглубже их бей,

Бей поскорее, пока не проснулись,
Да зарывай поскорей...
Что глубоко-то? Гляди - не довольно-ли?
Кликни на помощь, судьбу.
Выдуши все, что осталось вольного...
Слава народу - рабу!..

С Л А В А .

Слава вам - казачьи боли,
Слава вам - казачьи песни,
Нет прекрасней вас на свете,
Нет на свете вас чудесней.

Слава вам - миллионы павших,
Матерей рыданьям - слава!
Слава вам, прикрывшим трупы,
Степовым пахучим травам.

Вас мы, нет, не позабыли,
Не продали, не предали,
Нам и здесь, в изгнании, снятся
Наши сказочные дали.

Слава Господу на небе
За тоску и испытанья,
За несчетные потери,
Неизмерные страданья.

Слава Богу - Он нам не дал
Мысли подлой - покориться!
А внушил нам дальше волю
Против зла нещадно биться.

МОЯ МОЛИТВА.

Эх, давно не молился я Богу,
Но ~~сегодня~~ я буду просить:
Очерствив мою скорбную душу,
Разучи меня, Боже, любить!

В этом сердце от боли звенящем,
Потуши все святые лучи,
Влей в него бесконечную злобу,
Ненавидеть меня научи.

Боже-Господи! Тяжко без меры,
Под ведущей Твоею рукой...
Потуши мою теплую веру,
Со святыми ее упокой!

Я - не кукла. Не клоун. Не камень.
Разожги-ж иступленный пожар:
Я в его разрушающий пламень
Брошу светлой поэзии дар.

И тогда ставши подлым и малым,
Научусь я с людьми говорить...
Стану волком, змеею, шакалом,
Чтобы равным меж равными быть.

х х х
х

В злой тоске, Тебе, Великий Боже,
Я как пьяный - лишнее сказал...
Но сомненья Ты во мне умножил,
У меня Ты - родину отнял.

Тихо все - молчат дубы и ели,
Как маньяк я, бормоча, бреду,
Знаешь Ты, что не дойдя до цели,
Лишь могилу я себе найду.

Тот блажен, кто в жизни данной Богом,
Не умел заплакать ни о чем,
Кто душил и грабил по дорогам,
Кто судил дубиной да мечем!

Кто-ж любил... о вере сказы множил...
И забытым одиноко пал,
Тот - прости...

прости, Великий Боже!
Тот - как пьяный - лишнее сказал!..

Лирика казачьего поэта П.С.Полякова, напоминает игру виртуоза -скрипача, играющего на скрипке. Взмах смычка ввысь, отдача вниз... ускоренный темп, замедленность, снова вихрь звуков, нарастание мелодии и льются бесподобные звуки игры, улаждающей слух и действующей на психику слушателей, вызывая эмоции души!

Похвалить казачьего поэта П.С.Полякова за его стихи будет мало, надо делать большее, эти поэтические произведения надо понять, освоить и усвоить, ибо лирика его - просто изумительна. Нет нужды говорить что-либо о технической отделке и разработке его стихосложения, оно предстает перед глазами в своем совершенстве и казачья литература может, конечно, гордиться таким поэтом. Этим сказано все.

Обследуя стихотворения и поэмы поэта П.С.Полякова, видим не только исключительную экспрессию и эстетичность последних, но и известное новаторство, пожалуй свойственное ему в много большей степени, чем кому-либо из других казачьих поэтов.

В поэтическом творчестве П.С.Полякова очень заметно увлечение казачьим народным стихом. Только Поляков передает в своих поэтических произведениях и притом с большой тщательностью и последовательностью всю специфичность казачьей народной речи, что придает не только большое своеобразие его лирике, но и создает особую красочность творимых им произведений. Более того, он для написания своих поэтических произведений, неизменно выбирает различные жанры, не только по содержанию и смыслу, но и по ритму и размерам. Между прочим, именно у поэта П.С.Полякова заметным является "равновесие образов", в смысле применения ямбов и хорея, что во многом сближает его с поэзией известного поэта Валерия Брюсова, но здесь говорится лишь о сближении, но никак о каком-либо подражании. Специфика поэзии П.С.Полякова на лицо, он не подражает, он, как поэт творит самостоятельный жанр, создает свой цикл, он-новатор в лирике казачьего стихосложения.

Шашки вон!
В руку пики!
Ура - казаки!
Молнией вспышки -
 клинки засверкали.
Колыхнулись ряды,
Понеслись полки,
Сшиблись!
 Рубятся!
 Сбили!
 Погнали...
Гик, и топот, и крики...
 удары и гул...
Хрип и стоны...
 и конское ржанье...
Опустилася ночь.
 Луг широкий уснул.
Тихо месяца льется сиянье.
Он -
 лежал без папахи...
 в дорожной пыли...
В очи мертвые звезды глядели...
А под утро поднялся туман от земли -
И чебрец и пырей шелестели.
Мимо свежей могилы крестясь мы прошли
Шагом. Молча. В походной колонне.
А коня мы поймали... с собой увели...
На прощанье - запели о Доне...

Представленное стихотворение демонстрирует наглядно сказанное о его новаторстве в казачьей поэзии.

К числу, бесспорно, наилучших поэтических произведений относится его баллада-сказ:

Пролог.

ГОРОДОК ВЕТЮТНЕВ.

По над Доном - вьюга,
По над Доном - тучи,
По над Доном - звезды,
По над Доном - ночь...
Воля?
- Воля в прошлом!
Славе?

Под нечистый взлет,
Голос...
 чей-то голос...
Плачет одиноко,
Жалится и стонет,
Под землей поет.

- Меркнет слава!
Казачу над Доном
Стало жить невмочь.
Курени забиты,
Заросли левады,
Поперек дороги
Повилики цвет...
Степь легла без края
Силой непочатой,
Да бойцов за Правду
Меж живыми - нет.

Песня неизвестного.

.....
Ночью, меж курганов,
Под совиный шорох,
И мышей летучих

Слава Богу!
Степи слава!
Слава Вольной Воле,
Слава всем, кто пал сраженный,
За Казачью Долю.
Звезды блещут,
Звезды меркнут,
Падают и гаснут,
Проплывает величаво
Небом месяц ясный.
Дни проходят, тонут годы,
Сотен лет не станет,

Но Казачьего Народа
Слава не увянет.
В жизни нашей более много,
Правда - только слово!
Все же есть одна дорога
Счастья людского:
Позабыв о личном горе
В мир уйти чудесный,
Утонуть в безбрежном море
Одиноким песни...
И вложив в слова и звуки
Веру в Божью силу,
С верой этой жизнь оставя
Тихо лечь в могилу.
Слава Богу, Воле - слава!
В жизни мало надо:
Лишь что-б вера не угасла
Как огонь лампы.
Лишь она, своим сияньем,
В просьбах наших дышит
И тогда осподь молитвы
Благостно услышит.
Богу - слава! Степи - слава!
Вечен веры пламень...
Ключ дробит скалу громаду,
Капля - точит камень.

.....
Тихо стало, тихо,
Только вздох тяжелый,
Только плач сокрытый
Грудь на части рвет...
Кто о прошлом вспомнит?
Кто пути укажет?
Кто на грани наши
Стражу приведет?

.....
Притаились звери,
Не шелохнут травы,
Смолк зовущий голос,
Тайну в землю унес...
Солнце загорелось
Отблеском кровавым,
Зажигая слезы
За ночь павших рос.

Глава 1-я.

Городок Ветютнев
Обнесен валами,
На надолбах крепких
Стража - ночь и день
И наряд чугунный,
Скрытый за плетнями,
С угловых раскатов
В речку кинул тень.
Из ворот дубовых,

Через ерик - мостик,
Через балку - гать.
Замелькал Задоньем,
Музги огиная
И конца и края
Шляху - не видать.
День осенний лугом
Паутину стелет
И горит на солнце
Травка - мурава.
Городок убрался,
Напоил скотину,
Нынче день великий:
Праздник Покрова.
В церковке старинной
Старый поп казачий
Шашку отпоясав,
И прибрав пистоль.
Шлет с молитвой Небу,
С верою горячей,
В песнопеньях древних
Вековую боль.
Загляделось солнце
В окна слюдяные,
Прибтели старушки,
Свечки позажгли.
Казачата, бабы,
Девки и подростки,
Старики седые
И бойцы пришли.
Подошла корова
Бабки - Черкасики
И глядят наивно
Добрые глаза
На огни лампадок,
На святые лики,
Полушалки, шашки,
Свечи, образа.

Глава 2-я.

Городок Ветютнев
Сумрак покрывает,
По садам-ливам
Слышен разговор.
Нынче Дон крещеный
Празднует-гуляет,
Запеваает, пляшет,
Затеваает спор.
Вспомнили: - Корнило
Посылал погоню
И наметом сотня
Три дни гоном шла.
Утряслись ребята,
Поморились кони,
Но стругов Степана
Сотня не нашла.

Вспомнили: - Унковский
Посылал летучку,
Да какой царю-то
От летучки прок!
Войско, вишь, Степану
Не чинило лиха
И занял он, Стенька,
Паншин городок.
В Астрахань писали,
В Черный Яр послали,
Меж собой бояре
Всполошились тож.
Надо, чтоб лазутчик
В Паншине понюхал,
Реки ить разлились.
Грамоту Унковский

Написал Степану
И тое писанье
Посылал с попом.
Ну а толку - мало:
Не пустили бату
И остался попик
Вовсе непричем.
Казак-ж обычай
Соблюдая тайный,
День и ночь к Степану
Так и прут гужом.
Что стрельцы? Не шатки-ль?
Рвы - полны-ль водою?
Ох, дойдет до боя
С вором - казаком....

♦♦♦♦♦

Примечание автора: Всего в поэме "Городок Ветютнев", имеется 22 главы и эпилог.

Казацкий поэт П.С.Поляков природный казак станицы Островской, Усть-Медведицкого Округа, Донского Войска, родился 24 декабря 1902 года. Его отец кадровый офицер, полковник, умер в эмиграции, в г.Лансгуте в 1950-х годах/в Западной Германии/.

Во время войны Казаков с русскими коммунистами, служил вольноопределяющимся в Донском лейб-гвардии Атаманском казачьем полку в 1919-1920 г.г.

Находясь в эмиграции, окончил Донской кадетский корпус и окончил Белградский Университет, служа потом чиновником в различных учреждениях. Участь в корпусе, был редактором кадетского рукописного журнала.

Будучи казаком-националистом, занимался общественно-политической деятельностью, занимая и выборные должности.

Начав писать стихи с ранних лет, П.С.Поляков выявил незаурядную поэтическую талантливость, позволившую ему написать большое множество стихотворений, которые разновременно печатались в казачьих журналах, за границей. Некоторая часть из них была выпущена в печати отдельными книгами:

1/П.С.Поляков: "Поэмы". 77 страниц. Литературная Казачья Семья. Типография "Задруга". Прага Чешская. 1939 год. Типогр. изд.

2/П.С.Поляков: "Стихи". "Лирика". /Избранное/. 211 страниц. Типография П.Белея. Мюнхен. 1958 год. /Типографское издание/.

3/П.Поляков: "Три брата, Олень, Дядя Янош". 36 страниц. /Ротаторное издание/. Мюнхен. 1957 год.

Кроме того, П.С.Поляковым написаны некоторые статьи на казачьи темы, в немецкой печати. Имеются также переводы с сербского языка/произведения сербских поэтов/, переведенные им же.

Казацкий поэт П.С.Поляков живет в Западной Германии.

ЗЗ/СЕРГІЙ САВИЦЬКИЙ.

Казакий поет С.С.Савицкий, природный казак станицы Старокорсунской, Кубанского Казачьего Войска. Находясь в эмиграции от конца 1920 года, он показал себя, как превосходный поэт, писавший исключительно на Черноморском языке.

С.С.Савицкий родился 23 сентября 1893 года, в станице Старокорсунской на Кубани, в семье зажиточного казака. Окончил Тифлисское военное училище в 1913 г., выйдя в чине хорунжего в 3-й Кубанский казачий пластунский батальон, стоявший гарнизоном в Закавказьи.

В Первую мировую войну 1914 г., С.С.Савицкий сразу же с батальоном вышел на Турецкий фронт, где был тяжело ранен под крепостью Эрзерум. После лечения продолжал служить в своем батальоне на Галицийском фронте. В конце 1915 года, С.С.Савицкий с пластунами был переброшен вновь на Кавказский фронт, где оставался на фронте до января 1918 года вкл.

Также С.С.Савицкий сражался с Кубанской армией против русских коммунистов в 1918-1920 годах, уйдя в конце 1920 года в эмиграцию в чине полковника.

Пройдя все этапы эмигрантских мытарств, С.С.Савицкий с своей большой семьей, постоянно поселился жить в Бразилии. Он был постоянным сотрудником журнала "Вольное Казачество", посылая туда свои прекрасные стихотворения, написанные исключительно на Черноморській мові, т.е. Кубанській.

Упрочив за собою славу выдающегося казачьего поэта, он вошел в историю Казачьей литературы, как создатель своего специфического стихотворного жанра, неволью напрашивающегося на струны старинной Запорожской бандуры/казачий национальный инструмент/.

ВОСКРЕСНИ, КОЗАЦТВО!

Воскресни, Козацтво, відважним і вільним,
Воскресни таким, як було ти колись.
До бою вже сурми скликають весільно,
Єднайся, Козацтво, й за зброю берись.

Без бою нам волі ніхто не поверне...
Хай лють в твоїм серці до рабства кипить!
На поміч поклич і героїв померлих -
Іх дух і борні твої сили зміцнить.

Мужайся, Козацтво!.. Готуйсь до заплати,
Та добре нагострой і дух і шаблі.
За Вільність Козачу не страшно вмирати,
А страшно рабом бути на рідній землі.

Воскресни, Козацтво, таким, як було ти,
И порох Московський з чобіт отряси.
Ти - лицарь, орел; ти є відблиск свободи -
То - ж дома у себе її воскреси!

ПРАВДА КОЗАЦЬКА.

Ой, батьку, наш степе широкий, шовковий,
Прийми від нас широкий козачий привіт!
Чи ти ще в обіймах ворожих здоровий?
Чи ще не загнали тебе на той світ?
Ми вільні вже, батьку! не спутані ноги...
Далеко від тебе, від рідних станиць
Не дармо чужі оббивати пороги
І порох стряхнули з архівних полиць.
Ми вільні! Минулося наше кріпацтво:
Ми Правду Козацьку знайшли в чужині.
За Правду і бореться Вільне Козацтво,
В яким згуртувались твої всі сини.
Ця Правда огниста нам в серце запала
Глибоко, глибоко - до самого дна.
І вільність зродилась, як сонце засяла...
В душі забреніла весела струна!..

.....
Лишився, наш батьку, без сонечка волі...
Ой знаємо: тяжко тобі в хамуті, -
Та прийде кінець і ворожій сваволі:
З руїни повстануть часи золоті...

.....
Не будуть голодні по ямах ховати
Дар Божий за працю - свій хліб - козаки;
Не будуть козацьку сімью розривати,
І плакати не будуть за дітьми батьки.
І врочисто дзвони заграють в станиці...
Злетяться зі світу борці козаки,
Не влізе більш ворог за наші границі:
Там будуть стояти залізні полки.

.....
Чи чуєш, наш батьку! тепер ми багаті,
Хоч босі, обдерті, на вигляд - старці:
В нас мрії зродились могутні, крилаті -
Ми Правду Козацьку тримаєм в руці!
А Правда - то сила, яку не поборе
Ніяка на світі кривава війна.
О, Правда Козацька, Ти - ясна зоре,
З Тобою весела і дійсність сумна.

КОЗАЦЬКА ПІСНЯ.

Ой, не нам про кохання співати,
Про розквітлі весною сади, -
Хай ревуть в нашій пісні гармати,
З димом в воздух влітають кати!..

Хай тріщать скоростріли, рушниці
І в атаку літають полки, -
Доки в ярмах козацькі станиці,
Доки в тюрмах сидять козаки.

Хай виблискують шаблі на сонці,
Розривається з громом шрапнель, -
Доки в наше козацьке віконце
Не загляне Великолний день.

Сльози й кров, що проліті братами,
Й їх Голгофа за волю степів -
Хай у пісні помстяться мечами,
Щоб наш дух до борні загорів.

Хай Сибірь воскрес перед нами
І Соловки з страхіттями їх,
Де Козацтво лягло тисячами
Під Московський червоний їх сміх...

Тихорецька... Де Данте нам взяти?..
Тут і він є безсильний з пером,
Щоб це пекло борні змалювати,
Незабутній козацький підйом!..

.....
З кулаками в атаку ходили
На смертельні гармати катів!..

.....
Ой, нема там побитим могили!..
Хай лунає й про неї наш спів.

Хай шумлять, розвернувшись, прапори -
Не вгаває за волю борня, -
І в широких степах і на морі,
Доки зникне чека катівня.

Як Козацтво розвалить в'язниці,
Розторощить кайдани катів,
В сяйві волі побачим стениці -
Хай тоді буде інший наш спів.

Переповнилась чаша терпіння...
В степ залізла з Москви сатана:
Грізний чути її згук сичіння, -
Пожирає Козацтво вона.

Над Козацтвом панують тирани...
Закривавилась воля свята.
В їх червонім розхристанім раї
Розливається кров, мов вода...

Обікрали церкви по станицях, -
Кров козацьку п'ють з чаш золотих...
Голос дзвону замовк на дзвінницях, -
Не покличе до пімсти живих...

Не співають пісень при покосі
Наші рідні по крові брати:
Рвуть з відчаю по тюрмах волосся, -
Так збиткують над ними кати!..

Гей, збирайся до бою, козаче!
Годі серцем болить в чужині.
Дома мати й рідня твоя плаче -
Хто ж догодить в степу сатані?

Хто озброєний стане на ката
І за брата в борні упаде,
Тому буде у небі заплета,
Бо ж боровся за діло святе,

І прославиться ім'я героя,
Що боровся за волю свою,
Що о ласку ворожу не стояв -
Згинув чесно, як лицарь, в бою.

Гей, збирайся до бою, козаче!
Вже занедто шаліють кати.
Чи ти чуєш: КОЗАКІЯ плаче
І о пімсту взивають брати!

І в Соловках, в холодній Сибірі,
І в козацьких широких степах
Бенкетують Московській звірі:
Кров козача у них на устах!..

С У Р М А .

Степ-обдертий, похмурий, мовчить в полоні -
Вільне слово замкнули за ґрати.
Заніміли веселі музики й пісні -
З батогом стоїть кат коло хати...
Смуток небо заклав, сонця волі нема...
Голод, плач у роз'ятій станиці...

Десь далеко заграла козацька сурма -
Загорілись надії зірниць...
-Гей, злітайтеся, орли, під прапор бойовий -
На кривавий бенкет погуляти...
Роздувайте огні та гартуйте шаблі -
Підем в гості в Московські палати...

х х х

Чи чуєш, мій брате, як наша Кубань
Голодна риде - голосить?..
Козацької волі розбита скрижаль...
Злодійська рука смерть розносить...
Кайданами брязкають діти степів,
Мандруючи з катом на муки.
-Хто здійме терновий вінок з козаків?
-Козацькі озброєні руки.
Без стрілу не вернеться воля, брати,
Не прийде без жертв і крові.
Терновий вінок нам наділи кати,
А з катом лиш бій до розмови.
Без бою не вернеться воля, брати...
Дай Боже нам львиної сили,
І наші змагання з небес освяти,
Як гримнуть козацькі стріли.

Н А Б І Й .

І знов проллялась кров козача...
Панує знов червоний змії.
В кайданах Воля гірко плаче:
Розвіявсь рій рожевих мрій...

.....
В ліси на північ відправляють
Козачих страдників-борців...
Дітей по вулицях стріляють,
Мов для забави горобців...
Рятуймо їх!..То ж наші діти,
То ж наші браття козаки...
Чи можем тихо ми сидіти?
Пора,пора на байдаки!..
Гуртуймось!Вдарем громом
На змія лютого в степу,
Що Край наш нищить гірш Содоми.
Гей,хто козак:на боротьбу!

.....
О,степ,в кайданах під Москвою,
Зради шалений буревій
І вдарь стрілою огневою
На змія лютого...На бій!

х х х

Журитись? - Ні,об землю лихом!
Життя - завзята боротьба.
Не нам,брати,сидіти тихо,
В ярмі наслідувать раба.

Життя здорових,сильних любить,
А кволих топче,заміта...
І нас озброєних полюбить -
І воля дома привіта...

До праці:всі.Козаче поле
Давно чекає наших рук.
І не питаймо:- Де ти,доле? -
Вона є там,де праці згук.

Перо і слово - також зброя -
Вони гартують людський дух.
Де сильний дух,там є і воля;
Де воля є,там - жвавий рух.

Працюймо всі,як бджоли літом -
На волі будем спочивать.
В ярмі доволі нудить світом -
Вже час кайдани розбивать.

Козацтво,гей - об землю лихом!..
Плачем нам волі не здобуть.
Працюймо всі!А там і...вихром
Туди...з шаблями...де нас ждуть!

Кидаймо у душу надій,
Співаймо веселих пісень -
Рожеві збуваються мрії:
Вже наш наближається день.

Дивіться, як сонечко сяє -
З-за гор показалось воно.
Гей, хто там сумної співає?
До чар наливайте вино!..

Ми довго співали-ридали...
Життя насміхалося з нас,
Та блиснули гострі кінжали
Й наблизився соняшний час.

Веселої грайте, музики!
До чар наливайте вино!
Роспучливі стримайте крики,
А сійте вогневе зерно!

КРОВ КАПА ГАРЯЧА...

Ой, серця шматок відірвавсь,
Козачого серця в степу,
Як лицарь за волю змагавсь
В шалену криваву ж добу...

Тепер він блука на чужині.
Летять на край світа літа.
А з серця йому і до нині
Кров капа гаряча, свята...

Не згоїться рана ніколи
Йому у сумній чужині,
Бо-ж серця шматок козакові
Лишився на рідній землі.

34/ИВАН ИВАНОВИЧ САГАЦКИЙ.

К числу поетов молодого казачьего поколения, казачьей политической эмиграции, эпохи 1920-1967 г.г., принадлежит природный Донской казак Иван Иванович Сагацкий, имеющий прирожденный творческий талант.

Рожден в г.Новочеркасске в 1901 году. И.И.Сагацкий провел раннее детство в родной станице Ново-Николаевской, Таганрогского Округа, Донского Войска, странствуя далее с казачьим полком по месту службы его отца, полковника И.В.Сагацкого, прослужившего почти всю свою жизнь в первоочередном 12-м Донском казачьем полку, но при возвращении полка с фронта в декабре 1917 года, был расстрелян русскими коммунистами на Украине, мать же поэта Клавдия Корнельевна Артемова, природная Донская казачка станицы Мелеховской, Черкасского Округа.

И.И.Сагацкий окончил Атаманское Военное училище. В войну казачков с русскими коммунистами в 1917-1920 г.г., находился в Донских партизанских отрядах, а также в Донском юнкерском полку.

Во Франции окончил Геологический Институт в г.Нанси с дипломом инженера-геолога в 1928 году, а в 1952 году, там же защитил

диссертацию на звание доктора при Университете.

Находясь далее как на французской правительственной, так и на частной службе в предприятиях, И.И.Сагацкий с энтузиазмом отдавался любимому своему делу — литературному творчеству, творя и печатая свои стихотворения и частично прозу в эмигрантской печати, отдавая должное казакам.

Кроме того, были отдельно изданы в печати:

1/Сборник: "Лейб-казаки". /Стихи и повести/. Изд. Музея лейб-гвардии Казачьего полка. Типографски, 64 стр., из которых 21 стр. стихотворений/14 стихотв./ . Париж. 1936 год.

2/И.И.Сагацкий: "Память". Сборник стихотворений, изданный автором на свои средства. Типогр. Наварова. 60 стр./37 стих./ . Париж. 1938 год.

3/И.И.Сагацкий: "Встречи". Сборник стихотворений, изданный автором. Тип. таже. 64 стр./58 стих./ .

4/И.И.Сагацкий: "Лейпциг". Исторический очерк, 50 стр. Приложение: 19 стр. текста. 1 карта, 1 таблица с фотографиями. Брошюра с художественной обложкой, ротаторно. Изд. Об. единения лейб-гвардии Казачьего полка. Париж. Октябрь. 1963 год.

Звучность стихотворений И.И.Сагацкого достигает большого размаха, особенно, когда сочетается с тематикой казачьей жизни. Отменный ритм стихосложения, лирика талантливой поэзии и горячее сердце казачьего поэта, открывают дорогу к душе и разуму читателей. И.И.Сагацкий — казачий поэт наших дней, далек от воспроизведения каких-либо иллюзий в своих стихотворениях, являясь реалистом текущей печальной действительности. Все вместе взятое, дает полное право критику его произведений говорить о том, что у поэта нет подражания, им выработан свой собственный поэтический "напев", делающий его поэзию очень образной и свойственной только ему.

МОНАСТЫРСКОЕ УРОЧИЩЕ.

Степь пылится меж курганов, Степь звенит, живет, Ясным утром Атаманов Войска Дон зовет. Много с севера змеистых Видно верениц, Из Задонья далее мгlistых, С низовых станиц, Все идут на эхо зова: Все, ведь, казаки! — Память древнего Азова Помнят старики	"Здравствуй, царь, в Москве Прес- Мы же — на Дону..." Веет фразой вечно-вольной Дым на всю страну.
-----	-----
В Праздник Старого Черкаска Шелк знамен, пестрей, Воскресают быль и сказка В грамотах царей, Иоанна, Алексия, И Петра времен, Грозных лет, когда Россия В них признала Дон. И как встарь, с высокой бочки Войска есаул Ии читает все до точки Под пальбу и гул.	Светел Дон в дымке молений, Чинно клир грядет, День молебный песнопений Свято Дон блюдет. Вновь над братской могилой Встали знамена, Реют в храме с дивной силой Строго имена Тех, кто Дону и отчизне Честно послужил, Тех, кто жизнь в Азовской тризне Храбро положил, В песнопениях погребальных Тих осенний свет, Четок залпов гром прощальных — — Предкам дань — привет.
-----	-----
	Полдень жжет над стройным станом, Льет свой дух полынь, Хороша под Атаманом

На рыси "Горынь!"
Встречный марш звучит привет-
Все войска сковал, ный,
Любит Войско свой заветный
Церемониал.
Войсковой парад - блестящий,
Тверд казачий шаг,
Точен молнией горящий
Шашки быстрый взмах.
Бывших старых командиров
Весел бодрый взгляд,
Пестрый строй крестов, мунди-
Смотрит каждый ряд, ров

А потом по всей станице
Пир горой идет,
Конь под окнами светлицы
Ухом лишь прядет.
Всех гостей достойно примет
Хлебосольный Дон,
И проводит он.
Слышат пира шум казачки
У своих окон,
Кончат Праздник, песни, скач-
Так велит закон... ки -
Хмелем крепким закаляет
Старых лет вино,
Войско славное гуляет,
Слился Дон в одно.

"Гей, седые Атаманы,
Братья - казаки,
Выше с ладонным стаканы,
Все мы здесь близки.
Не смогли в нас выжечь войны
Спайки вековой,
Будем мы достойны
Славы Войсковой!
Славе, каждый все неси ей:
Жизнь, Москвы печать:
Мы пред Доном,
Будем отвечать!
Если есть - забудьте споры,
Берегите Дон:
Дорог нам Черкасск, Раздоры,
Ширь родных сторон..."

Льются песни, тосты, речи,
Солнца ниже ход.
Вспоминают деды сечи,
Каждый свой поход.
Достоянье всех столетий
Степь уберегла,
Память прежних лихолетий
Вновь над ней легла.
Дон струится молчаливый,
В нем весь неба свод,
Катит к гирлам в час шумливый
Тайны тихих вод.
Морю ниже от Ростова,
Что-то скажет он
И дойдет до стен Азова
Всей страны поклон!

Т Р Е В О Г А .

Нам давно уже все надоело,
Европейский наскучил нам рай.
Нам хотелось бы взяться за дело
Там, где скрылся потерянный рай.

Но подрезаны, словно у птицы,
Наши крылья и с мыслью одной,
Мы следим, как зловеще зарницы
Горизонт освещают родной...

Как позорно мы раньше не вняли
Заклинаньям несчастной страны,
На чужие углы разменяли
Весь простор дорогой стороны!

Не любили мы нашей отчизны, -
Эту горечь с души нам не снять -
Жжет теперь нас огонь укоризны,
На себя только можем пенять.

Заколотится-ль сердце до боли,
То-ль замрем в ожидании вдруг
И стремимся в приливе мы воли,
Вновь проникнуть в магический круг.

А звенящая мысль быстролетна,
Неподвижны сухие глаза
И тревога в душе безотчетна,
И страшней и желанней гроза...

У В Е Щ А Н Ь Е .

Не ходи ты по гирлам опасным,
Не рискуй головою, казак,
Удальством не хвались ежечасным:
В камышах попадешь ты впросак.
Пуще лжи унизительно-едкой,
Воровства не потерпит закон,
-За безчестие пулею меткой
Наградит тебя Батюшка-Дон.
Пожалей ты скорбящих в молчаньи
И жену и любимую мать:
Тяжело им тебя при прощаньи
Потихоньку от всех обнимать!..
Лучше парус расправь белокрылый
И по легкой Азовской волне,
Бросив дома как опостылый,
На широком и крепком челне.
Уходи на простор. В нем иначе
Ты оценишь опасности хмель,
Будешь счастлив полнее удачей
После страдных тревожных недель.
Ты познаешь там тайны улова
И секреты по морю дорог,
У Святынь побываешь Азова
И с поклоном зайдешь в Таганрог.
А вернешься домой загорелый,
С бородой казака-молодца,
Взгляд твой честный, открытый и смелый,
Встретит взор восхищенный отца!

Л И Е Н Ц .

Берегите, братья, завещайте внукам
Не снимать с могилы черный саван-креп,
Что в долине Дравы, внемля ветра звукам,
Покрывает строго наш казачий склеп!
Всё врагам прощали казаки, без мести:
Разоренье края, шрамы страшных ран,
Но друзей измену и попрание чести
Искушал возмездьем весь Казачий Стан.
Если ж было трудно, казаки молчали,
Но не забывали подлость прошлых дней,
Черным флагом смерти всем они вещали
О негодованьи памяти своей...

Что мы можем там - в долине быстрой Дравы,
Где погибли братья, дети, старики,
Где под гул и рёв бушующей расправы,
Полегли на поле с стоном казаки?

Только и осталось - мнить их в поднебесьи
И беречь над склепом траурный покров,
Имена же их, Ты, Господи, лишь веси,
По измене павших честных казаков!

Здравствующий и поныне казачий поэт . . . агацкий, работает и далее на литературном поприще, совершенствуя своё поэтическое творчество.

35/ЛЮБОВЬ САМСОНОВА.

Большой поэтический талант обнаружила в себе природная Донская казачка станицы Каменской Л.И. Самсонова, и находясь в эмиграции с 1920 года, окончила Пражский Университет в ЧСР. Сотрудничая преимущественно в казачьих эмигрантских журналах, она печатала большое количество своих стихотворений, преимущественно на казачьи темы. К глубокому сожалению, незавидные условия существования в эмиграции, не дали возможности издать ее произведения в печати, в виде отдельной книги, вследствие чего, почти все ее стихотворения, напечатанные в различных казачьих эмигрантских журналах, оказались затерянными и собрать их воедино, можно считать теперь непосильным трудом.

Однако, несомненные литературные дарования выдвигают казачью поэтессу Любовь Самсонову на одно из первых мест в блестящей плеяде казачьих поэтов, почему имя ее должно быть безусловно увековеченным в ГАЛЛЕРЕЕ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Знакомя с выдающимся поэтическим талантом казачьей поэтессы Любви Самсоновой, приводим целый ряд ее наиболее отличных и совершенных по своей стилистической форме содержания стихотворений:

В О З В Р А Щ Е Н И Е .

Рукою робкой и несмелой
Я постучу в окно...
Забьется пес остервенело
И цепью застучит в крыльцо.
Ты край занавески полинялой,
Сожмешь в руке своей усталой
И кистью принакрыв глаза,
К стеклу окна прильнешь, дрожа...
Твой голос хрипло спросит: кто
Я глухо откажусь... чужой! там?
И притворив окошко плотно
Ты дверь толкнешь своей ногой.
Сторожко выйдешь на крылечко,
Пытая взглядом темноту, -
И тени побегут от свечки
Дорожкой к дальнему кусту...

А я прижмусь к балясам
И сердце будет громко петь!
Ты спустишься по трем ступеням,
Еще раз крикнешь: кто же там?
Я разорву руками тени
И упаду к твоим ногам.
Ты громко вскрикнешь от испуга
И голову к груди прижмешь...
Туман ночной вползет из луга
И ты от холода вздрогнешь!..
Себе и веря и не веря,
Ты будешь долго целовать, ,
Руками будешь плечи мерять,
Сухие волосы ласкать...
И будут полыхать зарницы,
Всю ночь по левым берегам...
Я буду спать, а ты - молиться,
Прильнув к Иисусовым ногам...

Р Ы Д А Л Ь Н А Я .

Я тебя провожала
Раннею зарею;
Я тебя оплетала
Русою косою.
За рекою, за Доном,
Татаров орда...
Сердечушко стонет -
Никогда, никогда!..
Я об стремянцо билась
Победной головой;
А сердце просилось -
Хоть на смерть, да с тобой!
Я слезами мочила
Твой дедовский меч,
А в сердце томилось;
В бою ему лечь!
Сверкали шелома,
Коней не сдержат...
И кликом вороньим: -
Во век не видать!
Пылью веют конские гривы...
Боже, сотвори великое Диво!
Боже, сотвори великую благодать..
Еще хоть разочек его увидеть!..

Вреду по тропинке,
Десять трав собираю:
Пред каждой травинкой
Колени преклоняю.
Травы серебрятся,
Травы росяные -
Один раз лишь снятся
Нам сны золотые!
Один лишь раз бьется
Сердце огневое...
Кто от сна проснется -
Тому горе злое,
Кто кругом оглянется,
Как один останется: -

Лучше в омут ринуться,
Чем от сна прокинуться,
Сердцу оборваться,
Чем с тобой расстаться!
Травы собираю,
Травы наговорные;
Мысли отгоняю,
Думушки упорные...

Я совью венок из трав,
Перевью их слезыньками,
Я пойду на черный став
К беленьким березынькам!..
Стану на тугой песок,
Венок в воду кину;
Скину с тела поясок
На иву накину...
Ты веночек мой плыви -
Куда волны бросят,
Грусть, тоску с собой возьми -
Мне самой не сбросить...

Плыви мой веночек,
На Синее море!..
Заплету в кружочек
Девичее горе...
Девичее горе,
Девичью кручину,
Потопи ты в море,
В черную пучину!..
Я заплачу над водой
Полуночной птицей!
Век мне вековать, знать, свой,
Горькою черницей.
Тяжелей свинца ко дну,
Венок в воду канет...
Сердце чуяло судьбу,
Сердце не обманет!..

Н А П Е Р Е П У Т Ь И .

Лети мой конь,
Несися вскачь!
Чей это стон,
Чей это плач?
Не все ль равно? Вперед!
Мне помнится: давно... давно...
Объятья матери... народ...
Искривленный от муки рот
Слепого старика отца...
В оковах руки, хлад свинца
И вкус крови...
Не все ль равно, что впереди?
Вперед!

На перекрестке трех дорог,
Сдержат усталого коня...
Который путь избрать, куда?
-Направо враг злой залег,
Налево черт грозит клюкой...
Поехать разве по прямой:
Где за холмом чуть-чуть видна
Родная, горькая страна!
Как мне узнать, что это ты?
Не сбиться по пути домой?
Дорогу кажут мне кресты,
Да воронов крикливый рой.
Колючка, горький саксакал,
Соленогорькие пески...
Видать во век не иссякал,
В твоих степях родник тоски!
Родник из горьких вдовьих слез!
А семена кто к нам занес,
Чей ветер разбросал в степях
Колючку в легких ковылях?
К нам путь зарос,
К нам путь заглох...
Его заплел
Чертополох!

Рубился с чертовой травой,
Не то, не пустит нас домой!
"Нечай", казак "нечай"!
Эй, друг, станишник, выручай!
Сюда браток! Сарынь под высь!
Рубись казак, не трусь, крепись!
Размечешь острые шипы,
Где путь скрещают три тропы -
Не ошибись!..
Езжай прямой -
Своей дорогой, не чужой!

НОЧЬЮ НА ХУТОРЕ.

В твоём оконце свет погас...	Ты, верно, смотришь из окна,
Я постучусь, не бойся! час,	Балуешься плутишка!
Все спит в глухой полночный	Твой стучал бойко сапжок
Все в доме спит...откройся!	Сегодня в курагоде...
Я тихо у окна приник,	Откройся, слышишь, ждёт дружок,
Я здесь, я жду, ты слышишь?	Как нищий у порога!
За вербой кривит месяц лик...	Я вижу в щель твой хитрый глаз,
Ты там за дверью дышишь?	Молчишь, а в сердце мука?
Откройся, я как тень войду...	Ну, выйди, под амбар на час!
Пол скрипнет под ногою!	Просунь хоть в двери руку!..
Вся ночь пройдет, как сон, в	Ага, идешь: чуть шире щель...
Уйду чуть свет, с зарею, бреду.	Ой, ой, спасайся к стогу!
Открой же дверь, не прекословь:	Стучит, срываясь с петель, дверь,
Ночной крепчает холод,	Костыль летит в дорогу...
Во мне вином играет кровь,	Гремит, в догонку, сонный бас,
Я лучше всех, я молод!	Пес брешет, быстрый топот
Ползет с ливад сырая мгла,	Проворных ног...А через час
Чуть, чуть скрипит задвижка -	Под дверью тот же шопот!..

Говоря о литературном творчестве казачьей поэтессы Любви Самсоновой, следует отметить, что ее стихотворения многим разнятся от старой поэтической жанровой формы, приближаясь во многом к типу подлинного народного творчества. Указанное положение подлежит разбору с критической точки зрения, не только в самом стиле поэтических ее произведений или отдельных элементов, но преимущественно в своей подлинной жанровой особенности, в самом характере и структуре стихотворений.

Сказав слово о казачьем народном творчестве, необходимо признать всецело его самостоятельную художественную ценность, что и пыталась разрешить казачья поэтесса Любовь Самсонова, создавая определенные образы в своем литературном творчестве, которому она придавала столь своеобразный стиль и отшлифовку. Наиболее колоритным в этом отношении является ее стихотворение, приводимое ниже:

В ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

В поздний вечер
 Стонет ветер...
За станичным тыном,
Мать плачет над сыном -
Где мой сынок, где заветный?
А ветер стонет ответом
 Нету!..
Ветер кутает степь во мгле,
Мать приникла грудью к земле,
Рвется стопами матери грудь,
 Свете тихий!
Кто скажет матери
 Забудь!
Плачет, бьется до полуночи:
Сыну смерть выела очи...
.....
.....
Не за лесом кукушечка кукует,
Мать сиротинушкой плачет, горюет!
Или я в Бога грешная не верила,
Что тебе сполна жизни не намерила
Или то я тебе у судьбы просила,
Что крест черный да в степи могилу?
Иль на то берегла тебя да холила,
Чтоб тебе жизнь обездолила?
За что мне горькой по свету маяться,
Чего просить мне да в чем каяться?
Сыночек, дитяtko родимое,
Холеное да любимое!
Стонет, бьется голубкою сизой,
Ветер покрыл ей голову ризой,
Шепчет ей в уши тихой усладой:
Встретишься с сыном,
 За Божьей оградой!..

Наиболее примечательным поэтическим произведением казачьей поэтессы Любви Самсоновой, является ее поэма: "Путь", где она став на грань восприятия понимания существа связи поэта-художника с казачьей жизнью, с подлинным казачьим народным творчеством в его песенном проявлении-фольклоре, как и с подлинной ка-

защей народной эстетикой, создала прекрасную поэму, так широко выражающую несомненный поэтический талант поэтессы.

П У Т Ь .
/Поэма/.

Ни шляха, ни тропки... Сухая трава
Ложится бескрайною степью.
От знойного солнца болит голова
И руки повисли, как плети!
Исколоты ноги сухим чебрецом,
Испить бы хоть каплю водицы...
Шел соколом с Дону, приду чернецом,
Суха ты родная земля!
Полынню горечью вскормлена ты,
Кровавые росы вспоили цветы.
Где сочные травы, кустарник, деревья?
Иду столько дней: на пути ни станицы, -
Лишь зверь осторожный, да птиц вереницы.
Упасть бы в глубокий покоющий сон:
Над жизнью ненужной, над стынувшей кровью,
Над мертвым Степаном, убитым за волю,
Над матушкой старой, над малым братишкой,
Над робкой женою, ребенком сынишкой,
Над горьким позором седого отца,
За сына испившего чашу конца!
А мне - четки, клобук чернеца,
Да рваные ноздри, - не смыть клеймца!
Как, Боже, простремся пред Страшным Судом:
Один четвертован, другой обезглавлен...
Как, Боже, простремся пред Свышним Отцом,
Как силу Господню и Правду восславим?
Кто девицьи слезы, мой Боже сокроет,
Кто руки, покрытые кровью, омоет,
Кто скажет: мы злобы и мести не таим,
Мы только покоя, покоя хотим?
Пустеет, пустеет родная земля, -
Одни заплатили за вольность душою,
Другие склонили колени, стенья,
А третьих по миру пустили с сумою...

2.

А воля, раздольная воля жила,
А воля степными цветами цвела,
Задорная сила сшибалась плечом
И пица не гнулась под барским мечом,
И весла дробили зеркальную гладь,
И силушки некуда было девать...
И спину согнула боярская стольница,
И в ширь разлеглася Степанова Вольница,
Коушила, разила людская волна, -
Все ж воля казацкая, - воля была!
-Сбиралися с юга, бежали с востока,
Звенела ночами степная земля,
Горела кострами сухая осока,
На Волжские дым нанося берега.
Дрожали окрест степовые народцы:

Послушно несли Атаману ясак!
Их робкие жены, сойдясь у колодца,
С опаской шептали друг другу - "казак"!
Он в робкую стайку врывался наметом,
Хватал постройнее какую в седло
И мчались тени бесшумным полетом,
В испуге прикрывши чадрую лицо.
И в прах рассыпалась звонкая глина
И крик одинокий ловила лишь ночь,
И никли к земле под копытом полыни,
И мать не искала пропавшую дочь...
Плыли величавые гордые струги,
Хвалынское море кидало волной;
И стали пред Шахом Степановы дружки,
Железною вольница стала стеной!
Вернулись, везли драгоценные ткани,
Везли изумруды, топаз, жемчуга,
И сам Атаман был богаче всех данью, -
Дороже камней бирюзовых княжна!
Сомкнулись над нею могилою воды,
Степану дороже утечи - свобода...
Как вольный орел, Атаман к небу взвился,
Да скоро потом ниже туч опустился!
Сломали Степану железную волю,
Сломали сафьянным, цветным ичигом,
Его наказание кровью омыли,
Ласкали треххвостым Московским кнутом...
Рекою казацкая кровь потекла,
А все таки волюшка, воля была!

3.

Хутор пустынный, сожженный курень,
Срубленный топсель, разбитый плетень,
Ветер уныло над пустошью свищет,
Плачет надорванным стоном:
Горсть обугленной земли с пепелища -
Все, что осталось от дома...
Пепел отцовский мне в сердце стучится,
Сердце кровавой росой сочится!
Кто же детишкам даст корочку хлеба,
Кто же подставит за них буре грудь?
Синим шатром запрокинулось небо -
Путь мой далекий, неведомый путь...
Плетусь бездорожьем, беглый расстрига,
Бегу от обители кротких отцов,
Бегу от ярма насильного пострига,
От четок игумна, от чтенья святцов...
Какие грехи мне замаливать, Боже,
Какое проклятье несу на плечах?
За то ли, что Воля была мне дороже
Сиденья на царских дареных хлебах?

4

Виясь, бежит по травам путь,
Теряясь в необзорной дали,
Ползет в глаза седая муть
И сердце биться уж устало.

Струят сухие травы горький вздох,
Из тощих кустиков глядится жутко нежить,
Мне б лечь на мягкий, влажный мох,
Мне б веки тяжкие в спокойной дреме смежить...
Во сне увидеть лик Христа,
Забуть о том, что люди - звери
И путь Голгофы, путь Креста,
Восславить трепетно поверя!
Простить потери и позор,
Прильнуть очистясь, к ризам Божьим
И обратить окрепший взор, -
Во мглу пустынных бездорожий.
Твоей незримую тропой
Последовать, Исусе Сладкий,
Где травы под Твоей стопой -
Касались ног Твоих украдкой:
Где цвет лазоревый поник,
Твою святыню славословя,
Где гроздь робких повилик,
Сплели Тебе ковер лиловый...
И вдалеке узреть сиянье
Твоих надоблачных палат,
И пасть с слезами покаянья
У звездных, скитских, Божьих врат!

Утверждая и развивая казачью историческую балладу, как представляемая поэма "Путь", казачья поэтесса Любовь Самсонова оставила глубокий след в новейшей Казачьей литературе, увековечивая свое имя.

36/ВЯЧЕСЛАВ СЕДОВ.

Отточенные слова, острая рифма стиха, строгий стиль стихосложения, фонетика-созвучность в каждом слове, в каждом слове, ритмичность и размеренность стихов, блестящая фабула поэтического замысла и развития содержания, суть отличительные черты поэзии казачьего поэта Вячеслава Седова. Приводимые его несколько прекрасных поэтических произведений, представляющих большой вклад в сокровищницу Казачьей литературы, ознакомят читателей с поэзией и замечательным поэтическим талантом казачьего поэта Вячеслава Седова.

КРАЙ РОДНОЙ.

Там, где Дон широкий блещет,
Где степной ковыль трепещет,
Где в небесной ясной дали
По воздушной синей глади
Царь пернатых грозно реет,
Где курган былинный дремлет,
Где под тихий ночи шопот
Ясно слышен конский топот,
Где вечернею порой
Песнь ласкающей волной
Душу радостно волнует,
Там, где плачет и тоскует
Мать несчастная о сыне -
Десять лет он на чужбине,
Где казачка изнывает,
Дни и ночи все вздыхает -
Мужа ждет домой,
Там мой Край Родной!

НА ЧУЖБИНЕ

Вот и весна наступает,
Птица на север летит!
Что-то нас здесь ожидает,
Что-то весна нам сулит?
Как я завидую птицам,
Этим воздушным царям, -
Нет их предела границам,
Нет у них злобы к людям.
Длинной сплошной вереницей,
С радостным гимном весне,
Дружной, шумливой станицей
Мчатся на север они!
С болью-тоской провожают
Вестников дальней весны,
С ними привет посылают
Дону-седые Донцы!
Быть обещают, родные,
Скоро в свои курени, -
Красных оковы стальные
Сбросить клянутся они...
Мчитесь же, вольные птицы,
С юга на север смелей, -

В наши родные станицы
Весть донесите скорей.

У М О Р Я .

На прибрежной скале одинокий стою
И смотрю на шумящее море.
Свою грусть и тоску я ему отдаю,
На душе необъятное горе!
Пар клубится седой
Волны шумной грядой,
Набегая одна на другую,
С плеском лижут мой берег крутой
И поют мне про вольность былую.
В песне слышу напев
И свободный припев
Про дела наших рыцарей дедов, —
Как, всё в жизни они претерпел,
Не покинули вольных заветов
И в темнице сырой
За турецкой стеной,
Умирая в тяжелой неволе,
Пели только про Край свой Родной —
О ковыльном казачьем раздолье.
Море бурно шумит —
Как ковыль шелестит,
Когда ветер свободный подует.
В шуме волн словно мне говорит —
Не тоскуй, Дон тебя не забудет...

Лирика казачьего поэта Вячеслава Седова отдает грустью, думы и помыслы его — на Тихом Дону. Но, не касаясь личных переживаний, а обращая внимание на стиль, стихосложение, музыкальность стихов, видно сразу, что творит эти стихи полностью одаренный, талантливый поэт.

К Д О Н У .

Здравствуй Тихий, Многоводный,
Славный из седых времен,
Гордый, чистый и свободный,
Наш родной красавец Дон!
Много встарь тебе певалось
Всяких песен и былин:
Что ж теперь пооставалось
От былых твоих седин?
Что замолк, угрюм и мутен,
Не бурлишь былой волной?
Или стал тебе уж скучен
Путь, прославленный тобой?
Не несется песни вольной
По широким берегам,
Не скользит уж челн проворный
По серебрянным волнам.
По степи твоей привольной
Не видать уж прежних стад;
И, к луке склоняся, стройный
Там не носится казак...

Опустил пернач всеильный
Славный Платов Атаман,
И под буркою бессильный
Спит Бакланов генерал.
И стоит мрачнее тучи
Царь Сибирский — царь казак:
Вождь свободы, вождь могучий,
Славный именем Ермак...
Что с тобой случилось, родной
Расскажи сынам скорей,
Как ты, сильный и свободный,
Стал и ношеньки темней?
Или воды помутились
От песчаных берегов,
Или шашки притупились
У бесстрашных казаков?
Или степи опустели?
Извелися скакуны?
Или к славе охладели
Прежде вольные сыны?

-Я грущу о старой воле,
Дон печально отвечал,
О былом своем просторе,
По родным своим степям.
Я грущу об Атамане -
Первом лучшем казаке,
О Богаевском Баяне...
Спят они в сырой земле.
Вспомню я былое племя:
Ваших дедов и отцов...

Больно мне за наше время
И за наших казаков.
Где девалась рать былая
Со щетиной страшных пик?
Лава гибкая, стальная?
Страх врагам - казачий гик?
Тихо Дон всплеснул волною,
Тяжко, глухо простонал
И дорогою родною
Снова к морю побежал.

Н А Б Е Г .

Была страшная ночь. В поле выла пурга.
Мы проворно коней оседлали...
-Ну, и ночка! Блукай до утра, -
Недовольные в сотне бурчали.
-Выводи и садись! Справа по три - за мной!
С воем ветра влетела команда.
Командир впереди, словно сокол степной -
Ему здесь провожатых не надо.
Ветер прямо в лицо. Снег порошит глаза.
Руки зябко поводья сжимают.
Не видать ничего: ни куста, ни следа.
Борода и усы обмерзают.
Но, идем на рысях: так теплее людям.
Кони фыркают, инеем вскрылись.
Ветер рвет и крутит, снег несет к небесам,
Каждый думает: -Ой! Заблудились!
Но уверенно едет начальник вперед.
Бурку треплет. Как хищная птица,
Он склонился к луке и вперед, и вперед...
Мы за ним журавлиной станицей.
Передали: -Слезать! Дай вздохнуть лошадям!
Мы пешком по степи зашагали.
Передали опять: -Не курить, смотри там!
Перед нами огни засверкали.
-Видишь, хутор? -толкнув, указал мне сосед,
-Аккурат на него мы попали.
Вот таких командиров наверное нет,
Ведь с другим мы в степи-бы пропали...
Вдруг мы стали все в круг. Командир посреди,
Нас спросил: -Что, ребята, обмерзли, устали?
Ничего!.. Но смотри же теперь, мне ужом проползи,
Чтоб собаки и те не слышали!
Там четыреста их... Это нам пустяки...
Пушки две, пулеметов с десятков,
Нас хоть сотня, но мы, казаки,
Нам не страшен и полк музлотяпов!..
Подхорунжий Попов, возьми взвод казаков
И пойдешь на большую дорогу -
Там ты будешь встречать ошалелых ваньков,
Возьми "Люис" с собой на подмогу!
Сотник Савин, два взвода пойдете со мной.
Ты, вахмистр, здесь в коноводах!
Помни, пушки стоят у часовни большой,
Пулеметы у них-на подводах.

На рассвете пойдём, когда крепко все спят...
И погода... Нам Бог помогает...
Да смотрите, орлы, без нужды не стрелять!
Ну, и с Богом марш-марш!.. Рассветает.
Грозно вербы шумят над замерзшей рекой,
Ветер с злостью сугробы взметаёт.
Ничего не видать... Лишь случайно порой
Огонек в темноте засверкает.
Точки серые медленно к речке сошли
И мгновенно пропали в мятели,
Словно в новый неведомый мир перешли
И от грешной земли отлетели.
По садам и левадам мы тихо прошли,
Осторожно в хутор втянулись.
Зорко смотрим кругом, - не видать ни души,
Даже чуткие псы не проснулись.
Грянул выстрел вблизи. Затрещал пулемет,
С воем ветра "ура" донеслось...
По сугробам и пням побежали вперед
И перед нами картина открылась:
Пулеметчик Сизов на тачанке стоит
И вдоль улицы льет пулеметом,
Войско-ж красное всюду бежит...
Крепко спится всегда пред рассветом.
Было девять часов. Собрались казаки.
Двести пленных на площадь согнали -
Всякий сброд: молодежь, моряки, мужики -
Они молча толпою стояли.
- Ну, а где ж командир? - сотник Савин спросил.
Казаки меж собой перглянулись.
Словно камень тяжелый всем сердце сдавил,
Но ни звука: молчать все старались.
Вдруг увидели: что-то несут казаки.
Сотник с вахмистром к ним побежали.
Подбежали! Глядим, шапки сняли они.
И тогда мы без слов все поняли!
Из всех нас - один командир был убит.
Принесли. Мы без шапок стояли.
С побелевшим лицом он недвижно лежит.
По щекам нашим слезы бежали.
Никогда не забуду тот день я и час,
Когда тело вождя провожали.
Под печальный напев слезы лились из глаз,
В руках свечи невольно дрожали.
Прозвучала команда: - Взвод, пли!
Гроб в могилу тихонько спускали.
Из обветренных рук горсти мерзлой земли
По сосновым доскам стучали.
Быстро вырос курган на кладбище родном!
Помолившись, мы шли по квартирам...
Так навеки морозным декабрьским днем
Мы расстались с лихим командиром.

НАШИМ ВРАГАМ.

Мы отчизну крепко любим,
Свято чтим завет дедов,
Никому мы не уступим
Старой вольницы основ!
Пусть наш враг, как хочет злит-
Пусть клеветет и кричит - ся,
Казак вольный не боится:
Гордый рыцарь - он молчит.
Но лишь враг зашевелится,
Лишь оружием блеснет -
Казак с пикой уж мчится,
Смерть на острии несет.
Вольность, честь - наша опора.
Конь лихой - стрелы быстрей.
Шашка с пикой - для отпора,
Дом открытый - для друзей.
Наши предки лихо дрались:
Кровь века лилась рекой.
С татарвой, за турком гнались,
И не раз дрались с Москвой...
Кто нам дал простор широкий -
Старый синий Тихий Дон,
Терек бурный и глубокий
И Кубани вольный гон?
Все когда-то взято с бою,
Густо кровью полито...
За Казачество, за волю,
Не щадил голов никто.
Но пришла орда ордою,
Разорила чудный край,
Залила просторы кровью,
Насаждая красный "рай".

Честь, семью, свободу, Бога -
Все попрали их полки.
Для казачества ж дорога -
К стенке иль на Соловки!
Опустел наш Край Родимый.
Гордый Дон главой поник...
-Где же мой народ любимый?
Грустно думает старик.
Терек злится, пенит волны,
С шумом катит буруны...
Думы зовами полны:
-Где же, где ж мои орлы?
А Кубань, что ночь, упорно
Шепчет, ненависть храня:
-Не печальтесь, братья, скоро
Мы вернем свои Края:
Там за дальними морями,
В чужедальних сторонах
Стоят стройными рядами
Сыны вольные за нас!
Час пробьет...Пройдут невзгоды,
Из-за черных мрачных туч
Солнце правды и свободы
И на нас прольет свой луч.
К нам в родимые станицы
Изо всех концов земли,
Как в прилет весной птицы,
Прилетят наши сыны.
В водах чистых и прозрачных
Смоют пыль земель чужих
И сметут гостей незваных
Из родных раев своих!

ДОНСКИМ КАЗАЧАТАМ.

Послушайте, дети, дядю седого -
Расскажет не сказку вам, быль,
Хоть и ушел он из Края Родного,
Что крепко и нежно любил.
Там, далеко, за синими морями,
Есть чудная страна, как рай!
Населена она Донскими казаками
И называется Донской Казачий Край...
А посреди его течет река большая,
Она звалась издревле Тихий Дон.
Она и широка и глубока, родная,
И славились: вода рыбцом, а берега - вином.
Вдоль берегов раскинулись станицы
И хутора в левадах и садах.
А дальше - степь без края и границы,
Купается в ковыли и цветах.
В степях огромные стада бродили
Породистых волов, баранов и коров,
И скакунами чудными степь и луга дарили
Своих прославленных, воинственных Донцов.

В реках, озерах, было много рыбы всякой:
Севрюги, осетры, сазаны, судаки;
Хоть отбавляй зверей и дичи там пернатой...
Вот так-то, дети, раньше жили казаки.
Поля хлебов на солнце золотились,
Ломилися амбары от зерна,
А арбузы и дыни же какие там родились!
Бывало, в поперечнике аршина полтора.
И виноград и яблоки и всяких фруктов вволю,
В обилии всего давала нам земля!
Но грянул гром над нашей головою
И опустела чудная, цветущая страна:
Нагрянули с России банды красных,
Разрушили, сожгли станицы, хутора,
Забрали скот и лошадей прекрасных,
Тащила все к себе, безбожная орда.

.....
Не думайте, что мы без боя уступили
Врагу свой славный Тихий Дон:
Три года мы дрались и кровью Степь залили,
Но враг был многочислен и силен.
За павшими рядами все новые шли силы -
Как саранча покрыли Край Родной.
У нас в одних рядах и деды и отцы и внуки были.
Но под конец, был обезкровлен Дон Седой.
Мы все ж врагу не покорились,
На милость победителя не сдались казаки:
Родному Дону земно поклонились,
Пошли на юг все поредевшие полки,
А впереди обозы потянулись:
Там ехали и женщины и дети, старики.
Решили все: раз казаками мы родились,
То, где-бы не были, мы будем казаки.
С тяжелой тоской покинули Края Родные,
Рассыпались по всем материкам
Голодные, раздетые, а многие - больные,
Пошли искать приют к чужим людям.
Работать стали на заводах, шахтах,
На каменоломнях и чужих полях.
Не сдал казачий дух: при всех напастях
Работали на совесть, не за страх.
И люди, чуждые по языку и крови,
Сейчас же поняли и оценили казаков:
Они желанны стали им во всякой роли,
На пашнях, на лугах, у заводских станков.
Но, все равно, казак, где-б не находился,
Он дни и ночи только думает о том,
Как-бы скорей вернуться в Край, где он родился,
Как-бы скорей увидеть свой родимый дом.
Но, если нам не суждено уж возвратиться,
Подкосит смерть в стране чужой,
Прошу за нас лишь Богу помолиться
И выполнить завет несложный мой:
Стремитесь в Край, где деды и отцы родились,
Ведь в жилах ваших та-ж течет казачья кровь,
В сердцах же ваших так же воплотились
И гордый дух и вольность и любовь.

Там поклонитесь вы от нас Седому Дону,
Ковыльной степи и казачеству родному.
Скажите им, что мы верны были Порогу,
Но не вернулись потому, что так угодно было Богу.
 Душа-же наша всегда с вами
 Пойдет казачьими стопами!..

Казачий поэт Вячеслав Седов вошел в Казачью литературу, как автор целого ряда прекрасных и замечательных стихотворений, посвященных в большинстве описанию целого ряда событий в истории Донских казаков. Его поэтические произведения ценны правдивым изображением роли и значения казаков в описываемое им время. В лице поэта Вячеслава Седова, Казачья литература имеет горячего поборника казачьего героического прошлого, умеющего описать последнее в богатых и выразительных стихах. Замечательный поэт в историческом жанре, получив литературную известность в свое время, не будет никогда забыт и в будущем, находясь в первых рядах казачьих лучших поэтов.

Природный Донской казак станицы Ново-Григорьевской, 2-го Донского Округа, Донского Войска, войск. старшина Вячеслав Гервасиевич Седов, родился в 1888 году, в хуторе Титовом, названной станицы. Его отец народный учитель, поборник просвещения среди казаков, дал хорошее образование своему сыну. В.Г.Седов окончил реальное училище и военное училище в 1909 году, будучи произведенным в чин хорунжего.

Проведя в строю обе войны 1914-1917 и 1917-1920 годов и получив несколько ранений, сделавших его военным инвалидом, В.Г.Седов ушел в конце 1920 года в эмиграцию, где от 1925 года и по 1945 год вкл. дата его смерти, он проживал постоянно в городе Канн, на юге Франции, занимаясь побильным трудом и ведя скромную жизнь. Тоскуя по отчизне-Тихому Дону и своей семье, В.Г.Седов переживал весьма тяжело свое одиночество, которое и послужило главной причиной для начала и развития его литературной деятельности. Творя свои стихотворения, В.Г.Седов излагал в стихах обуревавшие его думы, мысли и настроения. В.Г.Седов был постоянным сотрудником журнала "Вольное Казачество", сотрудничая иногда и в других повременных изданиях казачьей эмигрантской прессы.

37/МИХАИЛ СУМНЫЙ.

Казачий поэт Михаил Сумный — природный казак одной из станиц Лабинского Отдела, Кубанского Казачьего Войска, эмигрировал со второй эмиграцией в 1943—1944 годах.

Обладая недюжинным талантом прирожденного поэта, Михаил Сумный написал за сравнительно короткое время/1950—1964 г.г./ довольно много очень колоритных по своему содержанию стихов, исключительно на казачьи темы. Отличный стиль, прекрасное стихосложение, абсолютная насыщенность содержания разверываемой фабулы стихотворений, прекрасная рифма и полная синхронизация поэтической тональности таких стихотворений, дают полное признание казачьему поэту Михаилу Сумному, отводя ему положенное место в Казачьей литературе.

РОДНАЯ СТАНИЦА.

Вспоминаю родную станицу,
Окружающий лес и поля,
Кукурузу, ячмень и пшеницу,
Вишни, яблони, все тополя!

Старый дом небольшой над Лабю,
Ароматом пропитанный сад,
Стул и столик под старой вербой
И цветущей акации ряд.

Сквозь прозрачную дымку тумана
Возвышается горная цепь.
Там кончается берег лимана,
Начинается сочная степь...

В ясном небе орел сизокрылый,
Он не машет могучим крылом:
Независимый, Богом хранимый,
Наблюдая все видит кругом!

Горный воздух, здоровый и чистый,
Не ценил я тот воздух тогда.
Запах липы цветущей — душистый,
Как хрусталь ключевая вода.

А, теперь, я — судьбою гонимый,
На чужбине в далеком краю!
Вспоминаю я край свой родимый
И родную станицу мою...

Задушевная казачья тематика, отменная рифма, вокальность слагаемых стихов, суть отменные элементы поэтической техники Михаила Сумного.

КУБАНСКИЙ КРАЙ.

Кубань — обильный край степной:
Там плодородная земля,
Покрыта травами весной,
А летом желтые поля.

Растут кустарники, лоза,
Повсюду — горы и леса.
Живут там: дикая коза,
Кабан и заяц и лиса.

Порой уперши взор,
Пристально смотришь вдаль,
И видишь цепь Кавказских гор,
Блестящих, как розовый хрусталь!

Задумчиво стоит Казбек,
Стремится Эльбрус в небеса,
И слышен шум бегущих рек
И Божьих птичек голоса...

Кубань рождается в снегах,
Блестит на солнце, как стекло.
Ревет и пенится в камнях,
Шлифует горное русло!

Прекрасные стихи поэта ихаила умного свидетельствуют о его богатом поэтическом таланте. он не совсем обычный поэт, в своих стихах им уделяется много места красочному воспеванию по достоинству казачьей природы, в ее непосредственной мощи и красоте.

С А Ш А .

Посвящается Александре Филлиповне Коваленко, станицы Березанской.

В комнату ночью ломались, как звери,
Люди суровые с красной звездой:
Делали обыск, у запертой двери,
Грозный с винтовкой стоял часовой!

Папочке руки связали за спину,
Даже не мог на прощанье обнять.
Изверги папу втолкнули в машину,
Горько заплакали Саша и мать...

Мать в суде обивала пороги
И ежедневно ходила в тюрьму.
Были в тюрьме надзиратели строги,
Маму они не впускали к нему.

Мать у тюремной ограды стояла
Тощая, бледная, не было сил;
Вышел начальник, толпа задрожала,
Маме спокойно палач объявил:

"Муж твой отправлен в концлагерь Урала",
Сам был доволен и пьян.
Мать пораженная фразой, упала,
Умерла там, на руках из толпы...

Саша рыдая, молилася Богу,
Сердце, как молот, стучало в груди.
Саша всю ночь собиралась в дорогу,
Что ожидало ее впереди?

Утром, чуть свет постояв у порога
И помолившись на лики Святых,
Саша с котомкой пустилась в дорогу,
В тощей котомке - подсолнечный жмых.

Шла сирота по широкой дороге,
Ветер шумел в придорожных кустах,
Мерзли от холода босые ноги,
Скорбь бороздила морщинки в чертах!..

Грустная, полная скорби интонация слышится в стихах и надо сказать, что подобная интерпретация в поэтическом изложении, доходит до восприятия читателем.

1 9 3 3 Г О Д .

Сталина подлое имя "прославим",
Слава Святым, что скончался дракон!
Нашим потомкам на память оставим,
Как казаков ликвидировал он.

Тяжко стонала тогда Украина,
Плакала горько родная Кубань.
Все проклинали рябого грузина,
Трупами близких оплатили мы дань!

Школы в Кубанских станицах закрыли,
Нужно ли власти об этом скорбеть!
Босых голодных детей не учили
Песни о "мудром" мучителе петь.

Замерла жизнь, потрудились комсоды,
Вывезли все из амбаров зерно:
Срочно грузили в портах пароходы,
Нам умирать было право дано.

Эксперимент по рецепту грузина,
Осуществлялся на Кубани тогда!
Тысячи трупов, такая картина
Врезалась в память мою навсегда!

Стон на глазах умирающей мамы,
Вздых перед смертью родного отца,
Сотая доля трагической драмы,
А драма идет и теперь без конца.

Вместо душистых и вкусных пампушек,
Белых, пшеничных больших калачей,
Ели зеленых и серых лягушек
И проклинали своих палачей.

Там то, однажды, ходил я по полю,
Женщину видел! Всем телом дрожа,
Быстро спешила накушаться вволю,
С жадностью вкушала мясо ежа!

Картичность поэтических модуляций в приведенном сказе-балладе, созданная в стихотворном изложении, делает честь казачьему поэту Михаилу Сумному, как продолжателю формирования и развития поэтической литературы казачьего реализма.

БЕШМЕТ - КАЗАЧИЙ.

Никогда - в заплатках казачий бешмет,
Не сменял я, на новый костюм!
Его знает Европа, Китай, Новый Свет,
В нем мой дед штурмовал Эрзерум.

Мой отец покидая на время свой край,
Одевал этот самый бешмет,
Уезжал с казаками в далекий Китай,
Там служил он с ними пять лет.

В нем мой брат офицер, уходил на войну,
Воевал на турецких фронтах,
Защищал милый край, дорогую страну,
В непрерывных жестоких боях.

Ненавидит бешмет мой - советская власть,
Полинявший, слепит ей глаза!
Уничтожить его, заветная страсть,
Он страшит ее, как гром и гроза.

Мой бешмет, это гордость казачьей семьи,
Сохранила его моя мать.
Когда вспыхнут у нас, на Кубани бои,
Буду часто его одевать...

А когда я одену свой старый бешмет
И поеду сражаться с врагом,
Кунаки на Кавказе, Абдул и Ахмет,
Мне помогут отбить отчий дом.

Имя казачьего поэта Михаила Сумного принадлежит казачьей литературе.

38/ИВАН ИГНАТЬЕВИЧ ТОМАРЕВСКИЙ.

В 1911 году была издана в Москве следующая книга: И.И. Томаревский: "Песни казаков"/282 стихотворения/. 143 страницы. Издательство Иогансона. Москва. 1911 год.

Автор книги Иван Игнатьевич Томаревский, природный казак станции Прохладной, Терского Казачьего Войска, родился 7 января 1871 года. С малых лет остался сиротой, без отца/умер в 1874 году/, а мать вышла вторично замуж, и будущий поэт прожил свое раннее детство у бабушки, где на него оказывал сильное влияние его родной дядя, начитанный и развитой казак.

Окончив казачью военно-ремесленную школу во Владикавказе и выдержав экзамен на права вольноопределяющегося второго разряда, он поступил вольноопределяющимся в 1-й Кизляр-Гребенской казачий полк Терского Войска, находившийся в г. Грозном на Тереке.

В 1893 году И.И. Томаревский был командирован из полка в г. Ставрополь-Кавказский, в Ставропольское казачье юнкерское училище, которое он закончил успешно, с производством в подхорунжие, после чего он служил в 1-м Волжском казачьем полку Терского Войска/2-я Сводно-Казачья конная дивизия/, стоявшего в г. Хотине, на русско-австрийской границе. Здесь он был произведен в чин хорунжего в 1897 году и стал служить в полку на положении младшего субалтерн-офицера.

С началом серьезных военных событий на Дальнем Востоке, И.И. Томаревский подал в начале 1900 года рапорт, прося о переводе в 1-й Аргунский полк Забайкальского Войска, куда и был переведен, с которым и принимал участие в военных действиях против китайцев в 1900 году/т. наз. "боксерское движение", иначе-восстание "Большого Кулака", прим. наше/. В том же 1-м Аргунском казачьем полку, И.И. Томаревский воевал и в русско-японскую войну 1904-1905 г.г.

После японской войны, под есаул. И.И. Томаревский, имевший ряд боевых орденов и несколько ранений, был назначен командиром сотни.

Любя всей душой казаков, как и вообще весь казачий уклад жизни, он начал пробовать свои литературные дарования, обнаружившиеся у него с ранних лет. Сотрудничая в местной прессе Забайкалья и Приамурского Военного Округа, И.И. Томаревский привлек в скорости к себе внимание литературных критиков, прочивших ему признание общественности. Ободренный успехом своих первых литературных начинаний, И.И. Томаревский принялся с большой энергией за работу, результатом чего была издана книга его стихотворений в 1911 году в Москве.

В начале 1914 года, И.И. Томаревский оставил 1-й Аргунский казачий полк Забайкальского Войска и перевелся к себе на родину, на родной Терек, мотивируя свой перевод "стечением домашних обстоятельств"/желание дать своим детям среднее образование/.

Служа на внутренней службе в Терском Войске, И.И. Томаревский первоначально служил в должности начальника участка в Веденском округе, став потом там же старшим помощником Начальника Округа по март 1917 года вкл. По революции в России, И.И. Томаревский был уволен "веяниями революции" и был послан на Кавказский фронт, с зачислением офицером во 2-й пограничный конный полк.

Говоря о литературной деятельности И.И. Томаревского, надо указать, что в 1912-1914 г.г. он был деятельным сотрудником казачьего журнала "Казачий Голос", издававшегося под редакцией есаула Холмского в Новочеркасске, где и помещались его многочисленные

стихотворения на казачьи темы.

В связи с его литературным успехом и выходом в печати его первой книги стихотворений, И.И.Томаревский хотел и стремился издать вторую книгу "Казачество в поэзии", для чего им были собраны и записаны более трех тысяч казачьих песен, причем было только одних нотных партитур более 600 штук и около 1.000 экземпляров гравюр из казачьей бытовой и военной жизни. Однако, желанию И.И.Томаревского не суждено было осуществиться, ибо после своего прибытия с развалившегося Кавказского фронта весной 1918 года, он жил некоторое время в г.Хасав-Юрте. Здесь он занялся систематизированием своих казачьих песен и гравюр, как начались вооруженные столкновения между чеченцами и Терскими казаками, в результате чего г.Хасав-Юрт был совершенно разорен чеченцами. К большому несчастью И.И.Томаревского, там погибли все его многолетние труды, в частности полностью рукопись, написанных им и еще не изданных в печати стихотворений на казачьи темы, как и указанное собрание казачьих песен и гравюр.

Вывавшись из разоренного г.Хасав-Юрта, И.И.Томаревский уехал в свою родную казачью станицу Прохладную, принимая деятельное участие в вооруженной борьбе Терских казаков против русских коммунистов. В 1919 году, он в чине полковника, командовал 7-м Терским казачьим пешим батальоном на фронте.

После катастрофы в 1920 году, И.И.Томаревский с войсковыми частями Терского Казачьего Войска, отходил в Грузию, в г.Поти, откуда был эвакуирован в Крым, а оттуда в конце 1920 года, как и многие другие тысячи казаков-эмигрантов, попал в Болгарию, где и работал физически для куска хлеба.

Находясь в Болгарии, И.И.Томаревский принимал деятельное участие в казачьих эмигрантских печатных изданиях, печатая свои стихотворения, имевшие большой успех у казаков. Там же им были подготовлены к изданию в печати два тома его стихотворений о казаках, которые к глубокому сожалению не были изданы своевременно из-за недостатка средств у автора, умершего в 1943 году, в г.Софии, Болгария, в возрасте 72 лет.

О том, что представлял собою литературный талант И.И.Томаревского, как одаренного казачьего поэта, говорят его стихотворения:

ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ КАЗАКА.

Казак особую имеет
Любовь к оружию, коню.
Он ценит, холит их, лелеет,
Не даст в обиду никому.

За них и за свою свободу,
За весь простор родных полей,
Готов казак в огонь и в воду
И жизни не щадя своей!

Он в поле, дома - неразлучен
С винтовкой, пашкою, конем.
Всегда имел их в виде лучшем,
Блестящих шелком, серебром.

И горд казак, когда другие,
Глядят, любуются на них...
За злато, камни дорогие,
Не променяет в жизни их!..

СНЯТСЯ НАМ ПОЛЯ РОДНЫЕ.

Снятся нам поля родные,
Курени и Тихий Дон,
Дни счастливые былые
Под тяжелый тихий стон...

Далеко мы от родимых,
Милых сердцу и уму,
Много лет уж сиротливых,
Одиноких на Дону...

И лишь вера в право наше,
Вера в Бога и в себя,
Жизнь тяжелую нам красят,
Подкрепляют дни бытья...

Эта вера - час настанет,
Мы увидим Край Родной!
Вера эта не обманет,
Даст нам счастье и покой!

Б Е З В О Л И .

Казак без воли - не казак,
А лишь название пустое,
Он будет по просту батрак,
Холоп бесправный и не боле!

Мотайте же на ус, казаки,
И разбирайтесь в этом деле:
Свободным быть-ли на степи,
Или ярмо носить на шее?

Ж У Р А В Л И .

Я вижу вновь под облаками
Летящих с юга журавлей,
Летящих ровными углами
К просторам северных полей.
С тоской душевной наблюдаю
Полет их вольный в небесах...
Они летят туда, я знаю,
Где степь широкая в цветах,
Где нивы, травы с ковылями,
Курганы старые и Доң,
Станицы с рощами, садами,
Где явь родная, а не сон...
О, если-б крылья вольной птицы, -
Давно туда б я улетел
В свою родимую станицу,
Где жил я так, как я хотел.
Но, крыльев нет... одни мечтанья...
Летят, курлычат журавли,
Не угадав мое желанье -
Увидеть грань Родной Земли.
Лети же ровною стрелой,
Семья свободных журавлей,
Нельзя равняться вам со мною,
Как счастье с горестью моей.
Пусть будет спутником - удача
В полете вашем вольном птицы...
Быть может, годы промаячив,
Вернусь и я в свою станицу,
И дома буду на просторе,
Я дни изгнанья вспоминать,
И радостью горящим взором
Полет ваш новый наблюдать...

БРАТЬЯМ-БОРЦАМ ЗА СВОБОДУ.

1

Моя душа полна покоя
И полон бодрости мой дух -
Борцов за наше право-Волю,
Уж полон весь Великий Луг!

Уже много братьев осознало,
Чем были мы и что мы есть,
Влеченьям сердца, духа вняли -
Стоять и впредь за волю, честь...

Виват борцам за Казакию!
Земной и низкий им поклон,
Они заветы вековые
Несут в нее со всех сторон.

Вперед, вперед! С любовью, верой,
С надеждой волю воскресить,
Своим потомкам быть примером -
Казачьей доле послужить.

2

О, много нам еще работы
На поле чести предстоит -
Усилий жертвенных, заботы
Свою свободу воскресить.

Наш путь и длинен и тернистый,
Окутан непроглядной тьмою,
Но там, в конце, он светло-чистый,
Румяной видится зарею.

Пусть много ляжет на пути
Из нас за честь свою - свободу,
Но все же мы идти должны
Во имя нашего народа...

Дружнее же, братья, все наперед
К рассвету вольной Казакии!
Да будет волен наш народ,
Как предки в дни его былие...

3

Тьма непроглядная вьется вокруг нас...
Труден наш путь - и далек и тернист,
Но ближе и ближе к нам волюшки час,
Вдали небосклон ее ясен и чист...

Преграды огромны в пути и часты,
Но мы их разрушим, мы их обойдем.
Идемте-ж, идемте, за волю борцы,
В конце лишь пути мы свободу найдем.

В конце лишь пути, исстрадавшись душою,
Пожертвовав счастьем своим до конца,
Мы встретимся с ясной свободой - зарею,
С свободой и счастьем в бытии казака.

КОГДА ТО И ТЕПЕРЬ.

Когда-то воля процветала,
Гуляла ветром на степи,
Преград себе на ней не знала.
Когда-то были казаки!

Теперь уж нет того, что было -
Ни воли прошлой, ни цветов,
Ни трав душистых, ни ковыля,
Ни вольно живших казаков...

Когда-то пышные султаны
Молочно-белых ковылей,
С травой зеленой и цветами,
Красой считались степей...

Прошли века.... Остались были,
Да песни старые поют
О том, как прежде люди жили,
И как теперь уж не живут!..

К А З А К У .

Помни, казак, свои были -
Жизнь своих дедов - отцов,
Как они волю любили,
Как за нее не щадили
Сил и казачьих голов.

Помни и к цели стремися
Всей казачьей душой -
С волею только мирися,
С злостью неправдой борися,
Будь ты самим лишь собой!

Пусть твой завет - одна воля -
Будет всегда на пути,
Не чья либо злая неволя, -
Казачья лучшая доля
На милой родимой степи!..

Казачий поэт И.И.Томаревский богато одарил своими трудами казачью литературу, потрудившись основательно над созданием многогранного и многоликого цикла своих многочисленных стихотворений.

Литературная талантливость И.И.Томаревского - несомненна, а потому остается очень сожалеть о том, что в шквале зловещего времени, связанного с революцией в России, а также его пребывания в эмиграции на чужбине; многочисленные его произведения погибли или были лишены возможности быть воспроизведенными в печати, в виде отдельных поэтических сборников.

39/АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ТУРОВЕРОВ.

Память о замечательном казачьем поэте генерал-майоре А.В. Туроверове, природном Донском казаке станицы Старочеркасской, Черкасского Округа, переходит из поколения в поколение и никогда не умрет среди казаков.

Обладая недюжинным талантом, как поэт, ген. А.В. Туроверов написал много прекрасных стихотворений, посвященных преимущественно Донским казакам, какие в большей своей части стали любимыми казачьими песнями и поются еще и теперь среди Донцов на чужбине, в эмиграции.

Сколь силен был поэтический талант А.В. Туроверова, свидетельствуют приводимые ниже его стихотворения, как яркий образец сильного литературного творчества:

КОНЬ БОЕВОЙ.

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржет, кого-то ждет.
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка слезы льет.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых,
Идет к коню, из церкви прямо,
С отцом, в кругу своих родных.

Жена коня подводит мужу,
Племянник пику подает.
"Вот", говорит отец, "послушай
Моих речей ты наперед:

Мы послужили государю,
Теперь тебе черед служить.
Ну, поцелуй ты женку Варю
И, Бог тебя благословит...

И да пошлет тебе он силы,
Долг службы свято соблюдать;
Служить, как мы служили
И славу рода поддержать.

Но, ни в бою, ни перед боем,
Ты не бранися, не серчай;
Будь казаком и перед боем,
Крестом себя, ты осеняй!

Коня тебе даю лихого,
Он добровит был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня!

А, добрый конь, все наше счастье,
И честь и слава казака,
Он нужен в счастье и в несчастье,
И за врагом и на врага...

Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи;
И лучше сам ты ешь поплоче,
Коня же в холе содержи...

Тот колет пикою ловчее,
И в деле, тот и молодец,
Кому коня добыл добрее,
Дед, прадед, дядя иль отец!

А, вот и пика родовая,
Подруга славная побед,
И наша шашка боевая —
С ней бился я и бился дед!..

Исправен будь и слушай старших,
Найди товарища себе,
Живите с ним душа вы в душу,
Клянитесь выручать в беде...

Куда придешь ты, первым делом,
Разведай все до пустяка,
Где тракт какой, кто есть, примером,
Где лес, где села, где река!

Тогда ты — свой, в чужой сторонке,
И командирам ты, рука!..
Ведь ловкость, сметка да сноровка,
Весь капитал у казака!

МНОГО ЛЕТ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ.

Много лет Войску Донскому,
Много лет нашим Донцам;
Атаману Войсковому,
И станицам и полкам!..

Наши сотни, наши пики,
Страшны, памятли врагам;
Мы с казачьим нашим гиком,
Бьем нещадно басурман.

За Казачью Свободу,
Грудью бьются казаки...
С гиком бьют на басурманина,
Лавой топчут их полки.

Только враг зашевелится,
Наш казак уж на коне,
Рубит, колет, веселится,
В неприятельской стране...

Нашим пикам нет преграды,
Гик ужасен наш врагам:
И не жди же враг пощады,
Где разбить прикажут нам.

Много лет Войску Донскому,
Много лет нашим Донцам!
Войсковому Атаману,
Всем станицам и полкам!

Творческий поэтический талант казачьего поэта А. В. Туроверова был несомненно большой, что и отмечено литературными критиками.

А. В. Туроверов умер в 1890 году и был похоронен в фамильном клене Туроверовых, на кладбище станицы Старочеркасской.

Во второй половине XIX столетия в Новочеркасске была издана книга его стихотворений, под названием: А. В. Туроверов: "Казачьи Досуги", 112 страниц, создавшая большую литературную славу и не забываемую память среди казаков об этом даровитом казачьем поэте.

А. В. Туроверов умер в полном расцвете своего поэтического творчества, 57 лет/1833—1890 г.г./, в чине генерала-майора.

40/НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ТУРОВЕРОВ.

Короткое, но полное силы поэтического творчества предстает перед взором читателей нижеприводимое стихотворение современного талантливого казачьего поэта Николая Николаевича Туроверова:

НАД ВЕСЕННЕЙ ВОДОЙ.

Над весенней водой, над затонами,
Над простором Казачьей Земли;
Точно Войско Донское — колоннами,
Пролетали вчера журавли!..
Пролетая, печально курлыкали,
Был далек их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали,
Казачи в чужедальних краях...

Один литературный критик разбирая сущность поэзии Н.Н.Туроверова, пишет: "Ценность поэзии Туроверова, в сочетании высокой техники с той большой романтикой, которая действительно открывалась поэту в крови и слезах, в вихревороте войны и в превратностях недасковых эмигрантских судеб!

У Туроверова свой голос и стихотворная техника, достойная большого поэта. Техника эта тем ценнее, что ее не замечаешь, настолько она естественна и непринужденна".

Действительно, надо признать очень высокую технику литературного творчества Н.Н.Туроверова, лучшим свидетельством чего являются изданные в печати пять сборников его стихотворений.

Н.Н.Туроверов был уже давно признанным, законченным и сформировавшимся поэтом. В данном случае надо лишь различать синхронизацию поэтического содержания его стихотворений, и когда он пишет последние на общие темы, это — одно положение, но когда он выступает рельефно, исключительно, как казачий поэт, тогда конечно следует отдать полное признание ему, достойному преемнику его двоюродного деда генерала-майора Александра Васильевича Туроверова, одного из первых, во времени, казачьих поэтов/XIX-го столетия/, примером чего являются стихотворения: "Много лет Войску Донскому" и "Конь боевой с походным вьюком", ставшие казачьи любимыми народными песнями.

Поэтический талант современного казачьего поэта Н.Н.Туроверова выявляет несомненно полную литературную ожаренность и талантливость, как в тематике цикла стихотворений, так и в созвучии поэтического нюанса.

"Як помру я", — ТАРАС ШЕВЧЕНКО.

Не с сложенными на груди, а с распростертыми руками,
готовыми обнять весь мир, похороните вы меня. И не в гробу,
не в тесной домовине, а где-нибудь в степи поближе к Дону,
к моей станице, к старому Черкасску, на уцелевшей целине,
меня в походной форме положите, родного Атаманского полка.
Кушак на мне потуже затяните, чтоб грудь поднялась,
будто-бы для вдоха о том, что все на свете хорошо...
И сыпьте землю, не жалея! Мне положите в головы все то,
что я писал когда-то, чем жил во сне и грезил на яву...
И крест из камня дикого поставьте, курганчик новый крепко утопав,
чтоб

Дон, разлившись полою водою, его не смыл, а только напоил.

И по весне на нем веселым цветом начнет цвести лазоревый цветок, приляжет отдохнуть, уставший от скитаний, бездомный чебрецовый ветерок!..

З Н А М Я .

Мне снилось казачье знамя,
Мне снилось - я стал молодым.
Пылали пожары за нами,
Клубился пепел и дым.
Сгорала последняя крыша
И ветер веял вольней, -
Такой же - с времен Тохтамыша,
А может быть, даже древней.
И знамя средь черного дыма
Сияло своею парчей, -
Единственной, неопалимой,
Нетленной в огне купиной.
Звенела новая слава,
Еще неслыханный звон...
И снилась мне переправа
С конями, вплавь, через Дон...
И воды прощальные Дона
Несли по течению нас,
Над нами на стяге иконы,
Иконы - иконостас;
И горький ветер усобиц,
От гари став горячей,
Лики всех Богородиц
Качал на казачьей парче.

З А Д О Н Ь Е .

Утпола, покалмычки-звезда,
Утпола, - твое девичье имя.
По толкам пасутся стада,
Стрепета пролетают над ними.
Ни дорог, ни деревьев, ни хат.
Далеки друг от друга улусы,
И в полынью азиатский закат
Уронил свои желтые бусы.
В жарком мареве, в розовой мгле,
Весь июнь по Задонью кочую.
У тебя на реке Куберле
Эту ночь, Утпола, заночую.
Не прогонишь меня без отца,
А отец твой уехал к соседу, -
Как касается ветер лица,
Так неслышно к тебе я приеду.
Ты в кибитке своей для меня
Приготовишь из войлока ложе,
Моего расседлаешь коня,
Разнуздаешь его и стреножишь.
Не кляни мой внезапный ночлег,
Не клянись, что тебя я забуду, -

Никогда неожиданный грех
Не разгневает кроткого Будду.
Утпола, ты моя Утпола -
Золотистая россыпь созвездий, -
Ничего ты понять не могла,
Что тебе я сказал при отезде.

2

Четвертый день сию в кибитке,
В степи буран. Дороги нет.
Четвертый день мне на обед
Плохого чая крошит плитки
Калмык в кобылье молоко
И кипятит с бараньим жиром.
Метель, метель над целым миром.
Как я от дома далеко
Делю скуду зимовника
В плену задонской непогоды.
О, эти войлочные своды
И дым сырого кизека, -
Кочевий древнее жилье,
Мое случайное жилище...
Буран, как волк, по свету рыщет,
Все ищет логово свое.
Занесено, заметена
Моя теперь снегами бричка.
Дымит очаг, поет калмычка
И в песне просит гелюна
Трубить в трубу, пугать буран, -
Без корма гибнут кобылицы, -
А я дремлю и мне все снится
Идущий в Лхассу караван
По плоскогорьям в Тибете,
Туда, где сам Далай Лама.
Там тот же ветер, снег и тьма.
Метель, метель на целом свете.

Что можно сказать о столь замечательном во всех отношениях стихотворении казачьего поэта Н.Н.Туровева?

Первое, что бросается в глаза, это, конечно, исключительная техника стихосложения, а о поэтическом таланте уже сказано много положительного многими литературными критиками.

Второе примечание с нашей стороны, что вне всякого сомнения, именно поэтические условности развили высокую технику стихосложения у поэта, как равно и поэтические формы его. Эти проявления отнюдь не сковывали Туровева, как поэта и даже не стесняли последнему выразить свою лирическую мысль, как проявление своей особенной индивидуальной поэзии. В связи с этим, казачий поэт Н.Н.Туровева сумел стилизовать свои стихотворения, в соблюдении нормы, им же выработывавшихся приемов и требований, во времени.

Пластичность и конкретность суть те отличительные формы стихосложения Н.Н.Туровева, которыми и отличаются его стихотворения.

Ш Л Я Х

Все те же курганы
И Гетманский шлях,
Седые бурьяны
На снежных полях,
А вечером поздно,
Уже наверху,
Знакомые звезды
На Млечном шляху.
В морозной полуде
Родное окно, -
Какие-то люди
Живут здесь давно,
И дом мой им тоже
Такой же родной,
Как будто он позже
Для смены другой.
Приходят, уходят
И снова придут;
Но старые песни
Уже не поют, -
Никто и не знает
О песне такой:
За Доном гуляет
Казак молодой!

Образность выражений чувства и мысли, сквозит в каждой строфе казачьего поэта Туроверова, когда он трогает эпизодичность казачьей лирики, в последовательности развития цикла нарастающих исторических образов и эпизодов из Казачьей истории.

П О К Р О В .

Эту землю снова и снова, Поливала горячая кровь. Ты стояла на башне зова, Меж встречающих смерть казаков! И на ранней росе, серь тумана, Как молитва звучали слова: За Христа, за Святого Ивана, За Казачий Престол Покрова, За свободу родную, как ветер, За простую степную любовь, И за всех православных, на свете, И за свой прародительский кров! Не смолкало церковное пенье, Бушевал за спиною пожар;	Со стены ты кидала каменья В недалеких уже янычар, И хлестала кипящей смолою, Обжигаясь сама и крича... Дикий ветер гулял над тобою И по братски касался плеча: За Святого Ивана, за Волю, За казачью любовь навсегда!.. Отступила, бежала по полю И тонула на взморье Орда. Точно пьяная ты оглянулась, - Твой сосед был уродлив и груб; Но ты смело губами коснулась Его черных запекшихся губ.
--	--

Б У Н Т .

Качаясь на плотах, висели казаки,
Спускаясь вниз по Дону караваном
Судов еще не виданных в степи.
Река несла их бережно.

Все было тихо!

В пустыне,

За Пяти-избянской

Плоты пошли быстрее...
По низовью,
Встречали их достойно казаки
Церковным звоном,
На юртах Черкаска!..

В представленных стихотворениях, отображен весь казачий облик Н.Н.Туровой, как казачьего поэта, где любовь к своей Казачьей Родине, определяет ярко его "казачье нутро". Чтобы не было, но казака, породившегося в Казакии, никогда не перекрасишь, ибо, нет, нет, да где-то в душе казачьей всегда "засвербит" свое родное, так близкое и дорогое, "прираженое" казачье-"я", что выказуется весьма характерно в лирике Н.Н.Туровой, когда он пишет:

Дуй, ветер, дуй! Сметай года,
Как мертвых листьев легкий ворох.
Я не забуду никогда
Твой начинающийся шорох,
Твоих порывов злую крепь,
Не разлюблю я, вспоминая
Далекую, родную степь,
Мне от края и до края...

Красочны сильным слогом поэта те строфы, которые Н.Н.Туровой словно нанизал одна на другую, в своем прекрасном историческо-эпическом стихотворении, посвященном Московии, проклявшей казачков:

М О С К В А .

Заносы. Сугробы. Замерзшие глыбы
Сползающих с кровель снегов.
Цепные медведи вставали на дыбы,
Ревели от холодов.
У Темных, у Грозных, у Окаянных,
За шерстью не видно лица:
Иваны, Иваны и снова Иваны,
И нет тем Иванам конца.
До белого блеска сносила верига,
На улицах снежная муть.
Татарское иго - Московское иго:
Одна белоглазая чудь!..
Что было однажды, повторится снова;
Но неповторна тоска.
На плаху, на плаху детей Годунова,
Москва ударяет с носка!
Пылает кострами Замоскворечье,
Раскинулся дым по базам;
Сожгли Аввакума, затеплили свечи:
Москва не поверит слезам!..
Москва никому не поверит на слово,
Навек прокляла казачков...
И выпила черную кровь Пугачева,
И Разина алую кровь.
Метель все злее. Завалены крыши...
Москва потонула в снегах!
Но чьи это души, все выше и выше
Плывут над Москвой, в небесах?
В теплицах цветут бас-кие розы

На улицах-снежная муть.
Толстой-босиком, на машине-Морозов,
Свершили положенный путь.
Цыганские песни. Пожары на Пресне.
А вот и семнадцатый год.
Все выше и выше, просторней, чудесней,
Души обреченный полет!
По небу полуночи... Черное небо,
А хлеб еще неба черней.
И шопотом, шопотом: корочку хлеба
Для беспризорных детей.
Но, как при Иванах, при Темных, при Грозных,
Молитвам не внемлет земля.
По небу полуночи... Красные звезды
Мерцают на башнях Кремля.

Есаул лейб-гвардии Атаманского полка Николай Николаевич Туро-
веров-представитель старинного казачьего рода Туроверовых, при-
родных казаков Старочеркасской станицы/Старого города/, Черкас-
ского Округа, Всевеликого Войска Донского. Родился в 1899 году.
Окончил Донской кадетский корпус и Новочеркасское казачье во-
енное училище. Несмотря на свою молодость, он захватил Первую
мировую войну, служа в лейб-гвардии Атаманском казачьем конном
полку. В январе 1918 года, был одним из организаторов особой
пулеметной команды полка, которая потом вступила в Чернецовс-
кий партизанский отряд. Н.Н. Туроверов был участником боя, где
погиб Чернецов.

Н.Н. Туроверов провел все время в строю, в рядах своего род-
ного полка, защищая Тихий Батюшку Дон от навалившейся банды
русских коммунистов, шедших на захват и грабеж Казачьих Земель.

Уйдя в конце 1920 года в эмиграцию и находясь все время в
своем родном полку, работал по рубке леса и мукомолом в Сербии,
откуда переехал во Францию, где работал грузчиком на жел. доро-
ге в Париже и одновременно учась в Сорбоннском Парижском Уни-
верситете. Сейчас Н.Н. Туроверов находится на пенсии по своим
летам.

От 1923 года, в казачьей зарубежной печати печатались его про-
изведения в стихах и прозе. Было издано пять книг его стихов
в: 1928, 1937, 1939, 1942 и 1965 годах. Им также были устроены нес-
колько выставок в Париже: 1812 год, Казаки и др.

В настоящее время Н.Н. Туроверов продолжает работать в об-
ласти литературного творчества, печатаясь в различных эмигрант-
ских изданиях/газеты, журналы, сборники/.

41/ГЕОРГИЙ ХОЛМОВ.

С оставлением Крыма в ноябре 1920 года, подавляющее большинство казачьих строевых частей, с выходом на чужбину, были сосредоточены на острове Лемносе/из состава архипелага греческих островов в юго-западной части Эгейского моря/. На последнем находились: Донской корпус, Кубанский корпус и Терско-Астраханская бригада, общим числом до 42.000 казачьих офицеров и казаков.

Содержась на французском пайке и под французским командованием, казаки были понуждаемы последним к распылению: записи во французский Иностраный Легион, выезд в Бразилию на кофейные плантации, выезд в СССР и т.п.

Указанные обстоятельства и жизнь интернированных казаков на острове Лемносе были талантливо запечатлены казачьим поэтом Г. Холмовым, казаком станицы Каменской, Донецкого Округа, Донского Войска, в приводимой исторической казачьей песне, записанной автором настоящего труда. Песня эта пелась на мотив Кубанского Гимна: "Ты, Кубань, Ты наша Родина, вековой наш Богатырь".

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ О ЛЕМНОСЕ.

Ты, Лемнос, ты наша каторга,
Заграничная тюрьма.
Ты голодная, холодная,
И пустынная и мрачна.
На твоих твердых каменных,
Меж ущелий, между скал:
По французскому велению
Дух казачий вымирал!..
Но, сильна душа казачья,
Как столетняя сосна.
И французскому велению,
Не поклонится она...
И не быть французу барином,
Над казаком над лихим!..
Как не стать Бронштейну-Каину,
Атаманом Войсковым!..

42/АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ФИЛИППОВ.

В начале Крымской войны в 1853 году, когда Англия, Франция, Сардиния/Италия/ и Турция объявили войну России, тогда было мобилизовано поголовно все Донское Войско, давшее 72 Донских казачьих конных полков, казачий офицер-поэт Ф.И. Анисимов написал стихотворение: "Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон", ставшее песней.

После февральской революции 1917 года в России, молодой девятнадцатилетний казак А.И. Филиппов, воспитанник 8-го класса Коммерческого училища Абраменкова в Новочеркасске, один из начинающих Донских молодых поэтов, сын протоиерея Иоанна Филиппова, настоятеля прихода в станице Баклановской, 1-го Донского Округа, Донского Войска, переделал стихотворение Ф.И. Анисимова, которое и было утверждено Большим Войсковым Кругом 4-го созыва, 1-й сессии в качестве Войскового Гимна, 20 сентября 1918 года.

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМН

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв Свободы он.

Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив,
И с простора долетая,
Вольный слышится призыв.

Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.

В боевое грозно время
В память дедов и отцов,
Вновь свободно стало племя
Возродившихся Донцов.

Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины.
В час невзгоды, в честь свободы
Отстоят твои сыны.

43/ПОРФИРИЙ ЮШКИН КОТЛУБАНСКИЙ.

Н А Д С Т Е П Ь Ю .

Звенит подголосок над степью раздольной,
Рыдает, тоскует, кого-то зовет...
А сердце сжимается сладко и больно...
На что то надеется, что то все ждет.

Сокрыты от каждого планы судьбины.
И кто угадает свой шаг роковой?
Придется ль вернуться с далекой чужбины,
Соколику ясному в Край свой родной?

Вновь будет ли песне внимать соловьиной
С своей ненаглядной, душой дорогой,
И ласкавость речи ее голубиной
Вбирать в грудь с нектаром сирени густой.

Иль рок начертал ему долю иную -
Пасть смертию смелых в борьбе огневой:
За веру, за счастье, за землю родную,
За дедовско-отчий присуд вековой

Звенит подголосок то горем-терзаньем,
То вдруг он надеждою яркой блеснет
И сердце, и небо внезапным лобзаньем,
Как пламя бессмертной любви, обожжет.

Один из литературных критиков отмечая совершенную специфичность поэзии казачьего поэта Порфирия Юшкина-Котлубанского, природного Донского казака, из казачьей эмиграции 1943 года, писал следующие строки:

"Будучи поклонником Вашей выдающейся и талантливой поэзии, я был очень обрадован извещением, что Вы выпустили вторую книгу сборника "Луч". В Вашей новой книге скажу в коротких словах, что отдельные Ваши стихотворения прямо напрашиваются на музыку и то на старую классическую, а не современную какофонию, т.к. в них содержится все, что для этого нужно:

1/Строгая ритмичность/как бы просящая музыки/.

2/Благозвучность, построенная на строгой рифме.

3/Короткое, но сильное содержание, построенное на душевных эмоциях. Все эти элементы в музыке/для мелодекламации или хорового пения/, подчеркнут для слушателей всю их прелесть..."

И подлинно, уже в 1966 году, было положено начало музыкальному оформлению стихотворений Порфирия Юшкина-Котлубанского, а как-вы последние в своем поэтическом изложении, следует из приводимых произведений его:

К А З А К .

Тебе, казак, наездник беспримерный,
Я посвящаю музы стих.
Всегда ты в жизни скромный, в дружбе верный.
В борьбе отважен, смел и лих.

Давно победный стяг твой реет гордо
Над серой дымкой веков.
Всегда стоишь за правду жизни твердо,
Всегда за честь к борьбе готов!

Ты в годы зла и страшного разгула,
С узды сорвавшихся страстей,
От рек своих степных и до аула,
Боролся с пагубой людей.

В борьбе великой с темной, страшной силой,
Ты был, как рыцарь, одинок.
Стоял спокойно, как пророк,
И перед тобой - разверзшейся могилой.

И как пророк ушел в изгнание,
Чтоб миру правду рассказать:
Какую чашу горького страданья
Ему готовит ада рать...

"Культурный" свет с усмешкой горделивой
На страстный призыв твой взглянул.
И сам с улыбкой вежливой и милой
Убийцам руку протянул...

Не будет длиться дружба вечно
Людской корысти с сатаной:
Растают горы злата скоротечно
В горнило правды всесвятой!

И будет долго подвиг твой великий
Лить свет с надзвездной высоты
На мир людской несчастный, дикий,
На мир духовной нищеты!..

Н А Ш Д Е В И З .

Друзья хотя уж в битве пали,
Но нам не страшна вражья рать,
Мы в нашем горе и печали
Не будем братцы унывать.

Огонь любви, патриотизма,
Нам освещает трудный путь,
Отвага, смелость героизма
Вздыхает гордо нашу грудь.

Завет эпохи Калединской -
Вот наш девиз и крепкий щит,
"Боритесь с силой сатанинской" -
Он миру громко говорит.

А мир? Не слышит зов священный.
Погряз в соблазнах и страстях,
Себе кумир он строит бранный
На человеческих костях.

Но мы пойдем путем завета,
Нас гнев слепых не утешит,
Придет день правды - день рассвета,
В лучах заискрится наш щит.

Б Е З В Е С Т Н Ы Е .

Сколько их безвестных было
Незамеченных имен,
Чьи дерзання, чьи могилы
Знает Батюшка лишь Дон!

Солнцем раны чьи палились,
Омывались дождем...
Муки чьи лишь утолялись
Беспробудным вечным сном!..

Пали все в борьбе отважной
Со стихией темных сил,
С дикой яростью ватажной,
Большевик что пробудил.

Упокой, Господь, их души...
В светлой вечности своей...
Все темнее ночь, все глуше
На родной земле моей.

ВОЛЯ - ВОЛЮШКА.

Воля - волюшка родная!
Василек наш полевой...
Затоптала зависть злая,
Грязною тебя пятой.

Поросла вся степь дурманом,
Смотрит жалкой сиротой;
Даль сокрылась за туманом,
Затянулась мглой густой.

В выси жаркой не трепещет
Жаворонок над гнездом.
Искристой волной не плещет
В берега широкий Дон.

По приволью не несется
На своем коне казак.
Песнь о воле не поется,
Загрустил курган - маяк.

На его вершине, шапкой,
Не шумит пырей, ковыль.
Лишь казачка здесь украдкой
Вспоминает воли быль.

Не несется клетот гордый
С поднебесия орлов...
Все сгубили злобы орды
По велению лжецов.

Приумолкла степь родная,
Пригорюнилась она;
Славу Дона вспоминая,
Чашу горя пьет до дна.

-Замечательная созвучность поэтических рифмов, размеренность слога, неотразимая импровизация смысла стихотворений и бесспорный прирожденный талант, суть специфические отличительные элементы поэзии казачьего поэта Порфирия Юшкина-Котлубанского.

Особенно ярко вырисовывается поэтическая одаренность этого большого казачьего поэта, в одном из лучших его стихотворений "Внук и бабка", которое помещаем ниже. Героический характер избранной поэтической эпопеи из Казачьей истории и яркое изображение вооруженной борьбы казаков во главе с легендарным Атаманом Ермаком, делают это его творение одним из наиболее удачных и прекрасных произведений.

Утверждение положительного идеала казачьего рыцарства/"зипунные лыцари", прим. наше/, совмещаемого с явным пафосом, обозначенных в этом стихотворении-поэме, представляет собой высокий образец казачьей героической эпопеи, созданной большим мастером лирического начала:

ВНУК И БАБКА.

-Спой мне песенку, бабуся,
Или сказку расскажи!
Страшных ведьм я не боюсь...
Ну?!.. Чулок свой положи!
-Вот пристал, смола и только!
Иль колючий орешек...
Хорошо!.. но слушай с толком
И шалить же не смей.
Песни петь тебе не стану,
Старый голос заржавел...
Расскажу я мальчугану,
Как Ермак был силен, смел.
Кто такой Ермак, бабуся?..
Не слышал, как вижу свет!
-Колет в спину, как нагнуся, -
Хитрой бабки был ответ.
-Не слышал ты имя это?
А тебе уже все пять!..
Ох, как жарко!.. Вот так лето!..
В спину колет мне опять...
-Ну, бабуся... перестанет...
Расскажи, кто был Ермак!..
Хоть и свет его весь знает,
Я ж не вспомню... ну, никак!
Пробегают свет улыбки
П. старушечьим чертам
И чулок упал, и нитки
К сухеньким ее ногам.
Ох, что делать мне с тобой?!
Расскажу уж всё, как есть...
Да, Ермак был с головою!
Ермаку, вся слава, честь!..
Было времячко иное,
И народ то был иной.
Люд за дело... за святое,
Каменной стоял горой;
Голос слышал он природы,
Шопот звезд в тиши ночной...
Жил для правды и свободы,
Для земли своей родной.

Смелость, удаль и отвагу,
И весь пыл души своей
Посвящали люди благу -
Воле царственных степей.
Не боялися лишений,
Ни трудов, ни самых мук...
Бог благословлял их гений
И дела их сильных рук.
А врагов какая сила
Наседала на наш Край!
Степь следы их сохранила,
Помнит крик их диких стай!
Но разбились волны вражьи
О гранит приречных скал,
О края Хоперских кражей,
О казачий вэл...
Жить для подвига не может,
Кто для подвига рожден.
Мысль героя сердце гложет:
Как украсить Тихий Дон?
...Раздается клич призывный
По степям, извивам рек.
Слышу голос переливный
И теперь - в наш слабый век.
Голос мощный, богатырский -
Голос деда Ермака.
Он зовет в поход Сибирский,
В край, где есть Иртыш река;
Енисей где величавый
Катит воды в царство льдов
Средь степей, лесов кудрявых,
Вспоминая даль веков.
Он зовет в страну Востока,
За хребет Уральских гор,
Чтоб окинуть быстрым оком
Неизведанный простор...
Тот простор, который орды
Слал в предел родной земли...
Долги страшны были годы,
Что татары принесли.

Враг жестокий, беспощадный
Села жег и хутора...
Да, мой внучек ненаглядный,
Страшная была пора.
Малых деток убивали,
Уводили матерей...
Сколько горя и печали
Лик видел родных степей!..
...Вы ко мне слетайтесь, други -
Удалые молодцы!
Погуляем на досуге,
Славные мои Донцы!

Так Ермак, казак бессмертный,
Звал в дружину молодцов,
Кто для чести несть все жертвы
Был всегда душой готов.

х х х

То не тучушки чернеют
В дали светло-голубой!
То орлы Донские реют
Над татарскою ордой.
Волей, удалью своей...
Бьют врага орлы с налета:
Но не мстят за ужас гнета,
За пленение степей.
За жестокость Чингисхана,
За Батыевы дела:
Мудрость, вера Атамана
По иным путям вела.

Пир справлять мы будем вместе
В неизведанном краю!
Ждет нас подвиг славы, чести!..
Нам не страшна смерть в бою!
Мы украсим славой новой
Берега казачьих рек!
Смелым подвигом суровым
Свой прославим славный век!
Принесем потомкам нашим
Дар невиданной цены!
Всех жемчужин будут краше,
Дона верные сыны!

И простерся флаг победный
Атамана Ермака
Над простором заповедным,
Где гнездо свила орда.
Он развеял мощь татаров,
Словно пепел по ветру,
Власть жестоких, диких нравов:
Новую принес пору...
Лишь Кучум с остатком силы
Скрылся в дебрях вековых:
Мстить поклялся над могилой
Сильных пращуров своих.

х х х

Над Сибирью ночь спустилась.
Тучи скрыли свод небес,
И вдруг буря разразилась,
Застонал таежный лес.
Ветер выл, свистал надрывно.
Дождь кружился в темноте,
И гремел гром непрерывно
В поднебесной высоте.
Извивались молний ленты
В шуме бури и дождя
И казалось, в те моменты,
В волнах тонет вся земля.
В эту ночь грозы и бури,
После длительных трудов,
Крепко казаки заснули
Под защитой шатров.
А к их стану вором крался,
Сам Кучум с овоей ордой.
В стан казачий в тьме пробрался
И дал волю мести злой...

Казаки не пробудились:
Отдых стал их вечным сном.
Тучи черные кружились,
С тел смывая кровь дождем.
Лишь Ермак врагу не дался
Он разя татар мечом,
К Иртышу один прорвался
В черном сумраке ночном...
..Волны грозные вздымает
Многоводная река,
В их об, ятья принимает
Атамана Ермака.
С гиком-криком шлют татары
Тучи стрел ему вдогон.
Грома страшные удары
Глушат крик и бури стон.
Не боится стрел татарских
Смелый рыцарь Атаман,
Панцырь лучший, панцырь царский
Бережет его от ран.

Атаман горит надеждой
Переплыть реку Иртыш.
Панцырь с мокрой одеждой
Утомляет силы лишь.
Бьется сердце учащенно,
Учащенно дышет грудь.
Через волны напряженно
Пробивает рыцарь путь...

Близко, близко уж чернеет
Скал прибрежных силуэт.
Только тело все немеет,
Плыть уж больше силы нет...
Панцырь, панцырь—дар высокий,
Тяжелее бурных волн:
Ермака в Иртыш глубокий
Потянул с собою он...

х х х

..Есть сказание в народе -
Сберегли его века:
Будто часто в небосводе
Люди видят Ермака.

Бой кипит с небесной шири...
Больше, гуще облака...
Гром раскаты шлет Сибири.
Ночь скрывает Ермака...

Шлем на нем и панцырь царский,
Меч сверкнет словно луч.
Он разит им стан татарский
Средь кудрявых легких туч.

х х х

Ермака бессмертна слава,
И горит зарей она:
Он принес свободу, право...
С ним в Сибирь пришла весна...
И до ныне прославляют
Ермака-богатыря.
О нем с лаской вспоминают
Зауральские края.

Старобыли песни эти,
Как и слава Ермака...
Старики поют их, дети,
Волга-матушка река...
Слушал внук рассказ старушки
И мечтой был с Ермаком;
Позабыл свои игрушки
И в песке начатый дом.

Казачий поэт Порфирий Юшкин-Котлубанский проживает в Вашингтоне, США, работая неустанно на литературном поприще, помещая свои стихотворения в различных изданиях эмигрантской прессы.

Были изданы два тома его поэтических произведений:
1/П. Юшкин-Котлубанский: "Луч". Сборник стихотворений. Выпуск 1.
Нью-Йорк, США. 1954 год.
2/П. Юшкин-Котлубанский: "Луч". Сборник стихотворений. Выпуск 2.
Нью-Йорк, США. 1963 год.
Оба выпуска сборника изданы типографски.

44/СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ЧЕПУРНОЙ.

Многранность таланта казачьего поэта-самородка С.И.Чепурного столь велика и всеобъемлюща, что прежде чем давать о нем критическо-исторический обзор, следует послушать то, что он воспевал и что он оставил в наследство грядущим казачьим поколениям.

П И С Ь М О .

Моей старушке-матери,
с глубоким благоговением
посвящаю эти строки.

Мне сегодня тоскливо до смерти,
Горе жжет мое сердце огнем -
Целый день просидел я, склонившись
Над полученным утром письмом.
Буквы мелкие странно расплылись
И украшены кляксой чернил...
Этот серый листок из тетради
Бесконечно мне дорог и мил!
Почерк старого друга с Кубани,
Пишет мало, но в сжатости фраз
Мне одно безусловно понятно:
Мать ослепла моя, мать - без глаз!..
Одиноко, забытая всеми,
В развалившейся хатке живет
И все плачет, тоскует по сыне,
Все кормильца на родину ждет...
Мать ослепла. Последнего счастья -
Света солнца - лишилась она,
Жизнь во мраке таинственных теней
Ей до самой могилы дана...
Мать моя! Об утраченном зреньи
И о мире земном не жалею -
Что теперь хоть не видишь тех гадин,
Что ползут по отчизне твоей.
Не грусти о сиянии солнца, -
Твою душу осветит Христос,
Я Ему о тебе, дорогая,
Нынче с жаром молитву вознес...
Ах, тоскливо, обидно и больно -
Весть меня поразила, как гром...
Целый день просидел я, склонившись
Над расплывчатым, милым письмом...

Читая приведенное стихотворение и оценивая его с точки зрения поэзии, должно отметить замечательную технику стихосложения, как и самый стиль стихов. Сразу чувствуется крупный поэт в лице С.И.Чепурного, который знает не только, что он пишет, но и сам понимает, как пишет.

О С Е Н Ь .

Осень ненастная, хмурая, скучная,
 С ветром, туманом и мелким дождем;
 Гостья незванная, в жизни ненужная -
 Вновь появилась - стоит за окном.
 Тучи свинцовые низко проносятся -
 Мчатся стремительно в серую даль, -
 Люди куда-то, зачем-то торопятся...
 С ветки последний лист плавно упал!
 -Всюду для взора картина печальная -
 С жизнью прощанье, со смертью борьба
 Злая, жестокая, часто неравная...
 И никого не жалеет судьба.
 Грусть безысходная, грусть одиночества,
 И о далеком неясные сны...
 В эту вот именно пору мне хочется
 Вспомнить о ласках ушедшей весны,
 Сторону милую, степь бесконечную,
 Сад над рекою с густым камышем,
 Вечером темным - лихую, беспечную
 Песню о Воле, о Крае Родном!..

Элегия грусти, тоски безысходной... в творении казачьего поэта С.И.Чепурного, выступает проникновенным, глубоким образом, действуя на психику читателя, разделяющего и подлинным образом, "грусть, тоску безысходную..", при чтении стихотворения "Осень". Умение передать образным слогом мысли поэта, навеянные реальной действительностью, дело отнюдь не легкое и порой удаётся сделать лишь немногим поэтам, в которых истинно заложена "искра Божия" И в лице казачьего поэта С.И.Чепурного, мы видим подлинного реалиста-поэта, умеющего схватывать основные штрихи проходящей жизни перед его глазами и умелыми поэтическими строфами, создавать стихотворение поражающее своей глубокой поэзией.

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ.

Не хочу больше быть я наивным:
 Я изверился в том, что несет
 Счастье этот младенец невинный,
 Обманувший не раз Новый Год.

Пусть другие вином наполняют
 Иль шампанским хрустальный бокал,
 До рассвета его пусть встречают, -
 Я не буду... Я тоже встречал.

И простое вино наливая
 В свой бокал; не хрустальный, простой,
 По обычаю вверх поднимая,
 Пил за Край свой далекий, родной.

Пил и думал/одного, напрасно/:
 Новый Год улыбнется и мне!
 И мечте отдавался прекрасной:
 Скоро буду в Родной Стране.

А потом...чтобы было вернее,
Новогодний свершал ритуал:
От предчувствия-ль счастья хмелея,
В дальний угол бокалом швырял.

Разбивалось стекло и звенело,
А душа наполнялась весной...
Но,безжалостно время летело
И...без капельки счастья одной.

Новый Год приносит лишь невзгоды,
Заставлял еще больше страдать,
Вспоминать жизни лучшие годы,
А о счастье лишь только мечтать...

Вот поэтому я к заключеньям
Прихожу,что разбитый стакан
И является тем заблужденье,
За которым таится обман.

Счастья,что мы так страстно желаем,
Новый Год не приносит с собой, -
Преступление,когда мы взираем
На него с упованьем,мольбой...

Ведь за счастье:за Волю Отчизны,
За желанье свободными быть,
Нужно жертвовать годами жизни,
Предоставив другим хрусталь бить...

Новый Год...Засверкают бокалы
И шампанское в них зашипит...
· Полночь...Жутко...Глухие подвалы...
· Брат убитый у стенки лежит!..

Поражает легкость,с какой С.И.Чепурной творит плавную,теку-
чую рифму стихосложения.Далеко не каждый поэт обладает этим
"даром небес",но о С.И.Чепурном нельзя сказать этого,ибо это
большой мастер,умеющий в совершенстве излагать свои мысли,ду-
мы и заветы в стихотворениях и притом в безукоризненной форме
стилистики,как и в самой совершенной поэтической форме.

Н А Б А Т .

Давно,давно гудит набат...
Он слышен здесь и слышен там -
Зовет он всех - собирает рать
Отпор последний дать врагам.

Тревогу бьет во тьме ночной,
Про честь отчизны он поет -
И в песне близкой и родной,
Восстать - отмстить врагам зовет.

За Дон,за Терек,за Кубань,
За славу дедов,честь отцов,
Что вечный враг ногой попрад, -
Сам раб в течении веков...

Не спите-ж вы, кто любит спать,
Не ждите вы, что кто-то вам
Вернет ваш Край, свободу даст
Родным станицам, хуторам.

Смелей вперед! Идет рассвет -
Долой сомнения и страх!
За кровный старины завет -
За Волю - на Казачий Шлях!

Гуди ж, набат, еще сильнеей
И всех в едино собирай.
В последний бой за ширь степей,
За милый сердцу Вольный Край!

Полные содержания, смысла и вдохновенности стихотворения С.И.Чепурного, в сочетании с его талантом поэта, на которого нисходит всегда Муза, отводят ему надлежащее место в азачьей литературе.

С О Н .

/Поэма/

Странный видел я сон -
Сон далеких времен.
Не пойму, отчего он приснился?
Оттого-ль, что устал,
Иль о прошлом читал,
Оттого-ль, что пред сном не молился?
Но так он похож был
На казачью быль,
Что проснувшись, я диву давался
И поведать решил,
Что во сне пережил -
Как я в мире ушедшем скитался...

.....
Не мудрен мой рассказ.
Поздним вечером раз,
Как всегда, сам с собой засиделся.
Бушевала гроза,
Всем свирепо грозя.
За окном ветер страстно распелся...
Я сидел за столом,
Думал все об одном -
О жестокости мира людского...
Мысль летела моя
В неземные края
И искала путь счастья земного.
Неожиданно вдруг,
Овладел мной испуг, -
В дверь послышался стук осторожный.
Я подумал: кто там?
Не послать ли к чертям -
Может быть какой путник безбожный?
Но сомненьям в ответ
Я услышал: -О, нет!
Я не вор, не разбойник с дороги,
Захожу по ночам
Лишь к несчастным людям

И не бью у счастливых пороги...
И в открытую дверь
/Только вспомнил теперь,
Что она, ведь, была под замками!/
Вошел старец седой -
Гость нежданный ночной.
А войдя улыбнулся глазами.

-Эх, погодка! - сказал.
/С плеч котомочку снял/
-Будто свету конец наступает.
Ну, такое стоит -
Даже страх говорить,
Ветер зверем на воле гуляет!
-Что ж так поздно сидишь
И о чем все грустишь?
Пред тобой не таю -
Знаю долю твою,
Отчего уж давно не смеешься?
Власть мне свыше дана -
Всех, кто выпил до дна
Свою чашу земного страданья,
Берегу от сил злых
В трудный час жизни их,
И на миг исполняю желанья.
Чтоб надежду вселить,
Веру в то воскресить,
Что является целью конечной,
Без которых трудна,
Бесконечно длинна
Путь - дороженька жизни не вечной.
На тебя жребий пал:
Пусть твой горя бокал -
До утра я твоим слугой буду,
Но - условие есть.
Ты обязан учесть -
Не стремись ни ко злу, ни ко блуду.
И проснулось в моем
Сердце, скованном льдом,
Безотчетного страха сомненье.
Лишь желанье одно,
Что таилось давно -
В нем сказалось крови повеленье.
-Не хочу я любви,
Даже вражьей крови -
В них таится, ведь, плод запрещенный.
-Крылья дай улететь,
Чтоб я мог посмотреть
На далекий свой Край полоненный.
-Дай возможность взглянуть
На Казачий путь,
Что теперь унаследован нами,
Где разгулье с войной,
Жизнь свободной страной
Чередуются с горькими днями.
-Будет так! - был ответ,
И в очах его свет

Заиграл, как алмаз многогранный.
Перестали шуметь
Буря, дождь, ветер петь...
Мы отправились в путь столь престранный.
Словно в сказке какой
Я летел над землей!
Близко, близко мне звезды мигали.
В стороне, в облаках,
Месяц плыл удалой.
Вслед ему они ярче мерцали...
И — какой Дон-Жуан
Неземных он сторон! —
Из-за туч на них нет да и глянет,
А у нас все твердят,
Что он в землю влюблен
И по ней тонкой свечкою тает...
Нет, бессилён в словах
Я красот передать
Нам почти незнакомого края.
Но по милости чьей
Продолжает блуждать
Там земля наша, блудница злая?
Далеко ей до звезд,
До красавиц планет...
От неё веет духом растленья,
От былой красоты
И следов уже нет...
Пожалел я её на мгновенье,
Мы летели над ней,
Споря с ветром лихим.
Я смотрел на чело, все в морщинах.
В них казачества мир
Перед взором моим
Открывался в далеких картинах...
В Диком Поле змеей,
Средь ковыльных степей
Мимо стражей бессменных курганов —
Вился Дон, как во сне,
Стыдясь лени своей,
Неся воды в моря басурманов.
По его берегам
Жило племя орлов —
Племя рыцарей Воли и Славы.
Защитали Край свой
От несметных врагов,
От нежданной, жестокой расправы.
Жизнь — война без конца,
Да конь с саблей кривой,
Отдых — только в набегах степных,
На майдане, в степях...
Атаман с булавой —
Выбирался из самых бесстрашных.
Трепетали враги
Перед вольницей той,
А она под стенами Азова,
Бросив вызов судьбе, —
Сразясь с грозной Портой,

Пледа лавры в венок славы снова...
По дремучим лесам,
Что богатством полны,
Пробирался Ермак с казаками -
Путь прокладывал в недра
Сибирской страны,
Покоряя шайтанов с князьками.
Поклонился Кучум,
Покорилась Сибирь
И... Ермак с ними Грозному в ноги.
Погубила душа -
Необъятная ширь
И столкнула с казачьей дороги.
Не за это-ль Ермак,
Ты погиб в Иртыше?
Не подарок виновен, иное -
Знать проснулася совесть
В казачьей душе
И опомнилось сердце степное?
Многоводный Иртыш
Унес тайну с тобой
И горю столетия прикрыли...
...По Каспийским волнам
За Персидской казной
Корабли Стеньки Разина плыли.
Атаманом на Волге
Разбойничьим слыл
Он в очах царя русского царства.
Не хотел его знать,
Волю очень любил,
Воевал с воеводами часто.
Отбирая города,
Вешал пришлых людей...
Но и знал, если сам попадетя,
Не придется потом
Видеть Волги своей,
На которой так славно живетя.
Но судьба такова -
Он за вольность - разбой
Головою своей поплатился,
Но погиб казаком
И над Волгой рекой
Его дух еще долго носился.
Разростался Русь
И прибрала к рукам
В Диком Поле орлиную стаю.
Отплатила она
За "грехи" казакам -
Наступил конец вольному Краю.
От цветущих станиц
Только пепел один,
Волны Дона от крови краснели...
Против внета восстал
Атаман Булавин,
Но... свои подавить "бунт" успели...
С Дона смелый казак -
Пугачев Емельян -

За отнятую Русью свободу
Бросил клич по степям:
Гей, Казачий Народ, встань!
Объявил, что он царского роду.
Загорелся Урал -
Задрожал русский трон,
А царица тревогой обята...
Не поднялся закованный
Батюшка Дон:
Атаманы - в шатре супостата.
И погиб Булавин,
Был казнен Пугачев -
Занесли имена в книгу славы...
Держали в страхе врагов
На границе Московской державы...
Заковала Москва
/По привычке своей!/
И разгульную Сич кайданами.
Не укрылась она
Средь густых камышей
И была сожжена москалями.

Разлетались орлы...
Но не все, - остальных
Далеко на Кубань поселили...
За Кубанью в горах,
В вольных саклях своих
Жили горцы, Москвы не любили...
И в Кавказских горах,
Гордых силой своей,
Уносясь в снеговые вершины,
Раздавалась песнь -
Грусть таилась в ней
И тоска по степям Украины.
По могучем Днепре,
По которым челны
В Цареград басурманский спускались.
Пелись песни о том,
Как добычей полны,
Из похода они возвращались...
Про чубатых лихих
Атаманов - батьков
И о мудрости их Атаманской...
Вспоминалось в них
Про братьев - казаков
Во плену, в стороне басурманской.
Среди ночи густой
Вдруг по вышкам сигнал -
То черкесы Кубань переходят...
Пули песню спокят,
Блеснет длинный кинжал...
Годы в плавнях и схватках проходят...
Революции гром
Над разбухшей Москвой...
Пробудился "народ" и народы...
И надежду вселив,
Над Казачьей Землей

Земелькал луч дедовской свободы.

Не сбылася мечта...
Луч мелькнул и погас.
Пролилася кровь широкой рекою...
Знать, еще не пробил
Тот двенадцатый час,
Что несет избавление с собою.
В неизвестность плывут
По морям корабли,
Волны шепчут печально: -Изгнанье!
А на север толпой
Казачков провели...
Лес шумит - перед смертью - страданье!
Зачернели холмы
Страшных, братских могил,
Забелели кресты на чужбине...
Глубоко под землей
Казак камень долбил...
Видел я на последней картине!..
-А, теперь посмотри!
Спутник мой прошептал, -
Из туч молнии землю низали.
В клубах дыма огонь
Чело страстно лизал...
Вслед за ним лучи света ласкали.
Все утихло потом...
Спутник снова сказал:
-Посмотри! - и исчез, улыбнувшись...
Над отчизной моей
Воли луч засиял...
-Чудный сон! - я подумал, проснувшись!..

В череде сменяющихся времен, на фоне Казачьей литературы, поэтический талант казачьего поэта С.И.Чепурного является явлением исключительного характера. Развившись без какого-либо наносного влияния со стороны, поэзия его самобытна, без всяких признаков подражания кому-либо. В сказанном и кроется вся ценность поэтическая его стихотворений, в которых проявляется в полной мере и степени его недюжинный поэтический дар. Чепурной казачий самородок-поэт и безумно жаль, что жизнь его прервалась в молодом возрасте, когда ему было только 44 года, он был убит при одной из страшных воздушных бомбардировок г. Дрездена в южной Германии, в марте 1945 года.

Казачий поэт С.И.Чепурной, природный казак станицы Казанской, Кавказского Отдела, Кубанского Казачьего Войска, родился 28 мая 1901 года, в семье казачьего вахмистра И.Я.Чепурного. Учился в Войсковой мужской гимназии в г. Екатеринодаре. В те страшные 1918-1920 годы, служил добровольцем в казачьих боевых полках Кубанского Казачьего Войска. Был оставлен на Черноморском побережье, попал с Кубанской Казачьей Армией в плен к русским коммунистам в апреле 1920 года. Потом был вывезен со многими Кубанскими казаками на Крайний Север в ссылку, откуда бежал в Финляндию, а через несколько лет переехал во Францию, в г. Виши, сотрудничая в жур. "Вольное Казачество". В 1941 году переехал на работы в Германию, где и окончил свою краткую жизнь.

45/НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ЩЕРБИНА.

Известный литературный критик середины XIX столетия Г.П.Достоевский, в свое время, писал следующее суждение о одном из выдающихся казачьих поэтов Н.Ф.Щербине, фамилия которого мало говорит современным казакам: "Не занимая особенно значительного места в литературе, не состоя в особенно органической связи с ее идейным историческим ходом, Н.Ф.Щербина принадлежит к ее малым божествам, но среди них, он является одним из первых. Не умрет память о нем, как о жгучем и язвительном сатирике-поэте, стремившемся постигнуть вековые тайны бытия и цели жизни, художника, душа которого жила среди нашего бедного красотой быта, зачарованная, убаюканная образами эллинского/древне-греческого/мира. Щербина не был великим поэтом, эпохи не сделал, но есть в нем то "надвременное", что составляет душу поэзии, весь он читается, конечно не будет, но кое-что из его произведений, проживет еще очень долго в истории.

Мало оцененный критикой при своей жизни, Н.Ф.Щербина и после своей смерти, еще не дождался вполне верной и бесстрастной оценки."

И подлинно, поэзия Н.Ф.Щербины утверждая лирику его стихотворений, отражает с подлинной точностью все душевные устремления этого казачьего поэта, где так и выпирает наружу влечение поэта к далекому прошлому и полная отрешенность от окружающей его актуальной действительности.

П Л Я С К А .

Греческая мелодия.

Звучит вам музыка источниками Ксанфа.
Кружится вольней: здесь нет цветов аканфа...
Приветно дышут вам столетний кипарис
И роза юная - цветущий Адонис.
Смотрю я издали, сокрытый за ветвями,
Как вы летаете привольными кругами,
Как руку белую с амфорой золотой,
Вы подымаете над буйной головой.
Есть радость дикая в чаду самозабвения,
Есть неземной покой в безумстве исступленья.
Как сладко, старику, при вас забыться мне
И вспомнить со слезой о юной старине!

П О К О Й .

В широком раздолье природы,
Где льет свои желтые воды
Священный индусу Гангес,
Где все развернулось громадно,
Где бог Магадева понятно
Беседует с долом с небес, -
Когда-то видали брамина
На ложе из роз и ясмина,
Под тенью прохладных кустов.
В душистом дыханьи алая,
В немом сладострастьи покоя
Стоял он там много годов.

На мир устремив свои взоры,
И небо, и море, и горы
Он кроткой душой созерцал
И с миром слился бесконечным;
Забывшись младенцем беспечным,
На персях природы дремал.
Пред ним проносились бури,
Яснело сиянье лазури,
И вал океана ревел,
И львы проходили стадами,
И бились тигры с слонами,
И змей чешуею звенел...
Но он созерцал неподвижно: -
Природа красой непостижной
Могла б его мысль подавлять, -
Пред стройным ее совершенством,
В покое, считал он блаженством
Ничтожность свою познавать.
Блестящие пташки, как звезды,
Паук паутину сновал,
В уста его пчелы влетали,
В них мед свой они оставляли, -
Но все он недвижно стоял...

П О Д Р А Ж А Н Ь Е .

Когда души горячей излиенье,
Что молится за счастье другой,
Достойны Горняго вниманья, -
С моею пламенной мольбой
Дойдет твое невинное страданье
До слуха благости Святой...
Но что слова и стоны и моления! -
Преступника предсмертная слеза,
Облившая потухшие глаза,
Не выскажет ужасное мученье,
Которое, понятно всем равно,
В одном ПРОЩАИ заключено...
Прощай! Мои уста без слова,
Нет капли слез в моих глазах,
Но грудь полна мучения немова,
Которое не скажется в слезах.
Моя душа не смеет и не может
Излиться в жалобе своей,
Хотя ее томленье тайно гложет, -
Последний плод задавленных страстей,
Я пережил утрату за утратой,
Грядущее в былом похоронил
И знаю лишь одно: что я любил когда-то,
И только чувствую, что я не разлюбил.

Первый сборник стихотворений Н.Ф.Щербины был издан в конце первой половины XIX столетия:

1/Н.Ф.Щербина: "Греческие стихотворения". 164 страницы. Москва. 1850 год.

Казачий поэт родился 2 декабря 1821 года, в степном имении своей матери, урожденной М.Н.Грековой, природной Донской казачки, из старинного казачьего рода Грековых. Отец Н.Ф.Щербины был

зажиточный офицер в отставке.

Раннее детство будущего поэта Н.Ф.Щербина прошло в родовом катеринском имении Грузско-Еланинском, Миусского Округа, Донского Войска. Лишь восьми лет, когда родители переехали на постоянное жительство в Таганрог, где Н.Ф.Щербина проучившись два года в частном пансионе, стал далее учиться там же в гимназии, которую закончил в 1839 году. Переехав в Харьков, Н.Ф.Щербина был определен в казачий учебный пансион Донского Войска, при Харьковском университете.

Будучи студентом, Щербина стал сильно увлекаться литературной поэзией, что и определило его жизненный путь. Не кончив университета, Н.Ф.Щербина, начавший писать свои стихотворения, в 18 лет уехал из Харькова обратно в Таганрог, где выдержал экзамен на домашнего учителя и стал зарабатывать на жизнь уроками для детей зажиточных родителей.

Получив большую литературную известность, Н.Ф.Щербина переехал в 1850 году из Таганрога в Москву и стал сотрудничать постоянно в лучших журналах, преимущественно в "Современник" и "Отечественные Записки". Здесь он стал вхож во все столичные литературные салоны, был знаком со многими литературными знаменитостями той эпохи и был сам "на виду у всех!".

Лирика Н.Ф.Щербина, однако, не была ограничена лишь греческими и индусскими аллегориями, но зиждилась также и на принципе отождествления житейской суеты текущих дней его личной жизни. Замечательный поэтический стиль, экзальтация стихотворного стихосложения, ритм чарующей лирики, звучность и последовательность нарастания нюансов поэтической элегии, определяют собой своеобразный, но весьма мощный и чисто индивидуальный литературный талант Н.Ф.Щербина, образцом чего могут служить некоторые нижеприводимые стихотворения:

СОВРЕМЕННАЯ ЮНОСТЬ.

Пришла пора и жизнь меня стеснила,
Как змей в своих обаятиях ледяных,
Когда познал, что цель ее — могила,
И целей мне не видится других!..

Как горько жить, когда все пережито,
Как горько быть на утре стариком!..
Грядущее безрадостно открыто,
А вспоминать не стоит о былом.

Не то, что-б жил, но много пережил я;
Я то хотел, то не хотел бы жить;
То многого-б у жизни попросил я,
То ничего я не могу просить.

И вот живу, мучительно тоскуя,
Что жизни путь я потерял давно,
Что жить, как все, нисколько не могу я,
Что сердцем жить отстало и смешно!

В . А . Ф .

Не склонюсь униженно главою
Ни пред сильными этого мира,
Ни пред мечущей злато рукою,
Ни пред ликом блестящим кумира.
Но я, полный Святого сознанья,
Но я, гордый душой благородной,
Погруженный в немое страданье
И от низкой корысти свободный,
Я склонюсь во прах головою
Пред названьем одним человека
И почту умиленной душою,
По примеру великого грека,
В человеке его достоянье
И как грек, я воздвигну кумиры,
Сотворю перед ним возлиянья
В своем голосе и в голосе лиры.

Л Ю Б О В Ь .

/ Я м б / .

В наш век любовь — пустое слово...
Изведал, эту я любовь! —
Ты разлюбить всегда готова,
Я полюбить всегда готов.

Не говори о вечном чувстве,
Что так несбыточно, смешно...
Оно чарует нас в искусстве,
Но в жизни не в ходу оно...

Как все мужает под луною,
Как мудро все идет вперед...
Ужель над мыслию одною
Одна душа твоя заснет!

В движении зрея, мы меняем
И мысль, и чувство, и себя,
И миг спустя, не доверяем,
Чему доверились любя.

Ты в небеса теперь несешься
Своею пламенной мечтой,
А после горько посмеешься
И над собой, и надо мной...

Один из литературных критиков поэзии Н.Ф.Щербина, касаясь вопроса его эпиграмм, писал следующее: "Н.Ф.Щербина развитый лишь односторонне-эстетически, совершенно необразованный в общественном смысле и желчный, с забавной злостью нападал на Н.Г.Чернышевского и П.Л.Лаврова, проявляя добросовестное усердие и искреннее непонимание всего, что совершалось перед ним. Эти злобные выходки не вплетают лавров в поэтический талант Щербины, но они интересны для характеристики литературных нравов и общественных отношений шестидесятих годов/XIX столетия в России, прим. наше/" / "Исторический Вестник". С.Петербург. 1891 год. январь, стр. 53, 63/.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

Значенье недорослям придал
И детским мыслям торжество,
Он - офицеров всяких идол
И гимназистов - божество.
Всей глубиной отрицаний,
Он даже "Искру" превзошел
И желчью доблестной писаний -
Доход и славу приобрел.
Излишне с эпиграммой дерзкой
Идти гиганту на задор...
Ведь, что кумир он офицерский -
Ему последний приговор.

М И Н И С Т Р .

На Руси на все есть мода,
Только здравых нет идей:
К просвещению народа
Там приставлен Квазимодо,
Чтобы было почудней.

Данная эпиграмма Н.Ф.Щербины была направлена в адрес А.В.Головнина, назначенного в декабре 1861 года министром народного просвещения в России/что же касается "Квазимодо", данного Щербиной в адрес Головина, то "Квазимодо" - есть литературный герой в романе "Собор Парижской Богоматери", написанный французским романистом Виктором Гюго, прим. наше/.

В 1873 году, в С. Петербурге было издано "Полное собрание сочинений Н.Ф.Щербины", в двух томах/524 страницы/.

Этот казачий поэт Н.Ф.Щербина, получивший огромную литературную известность в XIX столетии, благодаря своему исключительному поэтическому таланту, умер 10 апреля 1869 года в Москве, в возрасте 48 лет.

46/АДРИАН ПЕТРОВИЧ ШАФРАНОВ.

Казачий писатель - поэт студент Адриан Шафранов, казак станицы Новочеркасской, Черкасского Округа, Донского Войска, написал очень оригинальный труд, который был издан отдельной книгой в 1903 году на Дону, пользуясь большим признанным успехом читателей.

Адриан Шафранов: "Голубиная Книга", 1-я часть, 68 страниц. Стихи о Голубиной Книге. 42 загадки. Типография В.И.Бабенко. Тираж 500 экземпляров. Новочеркасск. 1903 год.

О Т Д Е Л - 2 :
КАЗАЧЬИ БЕЛЛЕТРИСТЫ ДРАМАТУРГИ
И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРИТИКИ.

- 47/МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АВДЕЕВ.

Большое литературное имя имеет казачий писатель Михаил Васильевич Авдеев, природный казак Уральского Казачьего Войска, родившийся в Оренбурге 22. сентября 1821 года.

К глубокому сожалению, его имя сейчас почти совсем забыто, почему и неизвестно современным казакам. Восстанавливая полную биографию этого казачьего писателя, увековечиваем его в казачьей памяти.

Отец М.В. Авдеева играл очень видную роль в Уральском Казачьем Войске, какое наименование было дано по указу императрицы Екатерины 2-й, взамен упраздненного названия - Яицкое Войско, в ходе начавшихся репрессалий российской власти, после подавления Пугачевского движения, в частности на Яике. Не мираясь с новыми порядками, заводимыми российскими администраторами в Уральском Казачьем Войске, казачий старшина Василий Петрович Авдеев покинул родное Уральское Казачье Войско и переехал в Оренбург, где поступил на гражданскую службу.

Уже в раннем детстве, будущему казачьему писателю Михаилу Васильевичу Авдееву посчастливилось в отношении получения начального образования, ибо в числе его первых учителей, был очень видный по своей литературной известности, польский писатель Фома Зак, личный друг знаменитого польского поэта Адама Мицкевича и основатель не менее знаменитого польского патриотического общества "Филаретов" в г. Вильно. Фома Зак был сослан на поселение в Оренбург, по распоряжению российской власти и волею случая стал учителем М.В. Авдеева, дав первым толчок к развитию гуманитарного направления у Авдеева.

С переездом отца Авдеева из Оренбурга в Уфу, на место новой службы, молодой Авдеев стал учиться в гимназии. С течением времени осознав свою целеустремленность в жизни, М.В. Авдеев упрямил своего отца отпустить его учиться в Петербургском Корпусе Инженеров путей сообщения, подведомственного Военному Ведомству, на что отец его согласился. Молодой М.В. Авдеев учился блестяще и окончил курс в 1842 году, получив чин подпоручика Корпуса инженеров путей сообщения.

Пробыв на службе инженером путей сообщения десять лет, М.В. Авдеев в чине капитана в 1852 году ушел в отставку. Но, возникшая в скорости Крымская война 1853-1856 г.г., вновь заставила его, оказаться на военной службе, ибо он был выбран начальником дружины Оренбургского ополчения.

Уйдя окончательно в отставку в конце 1856 года, М.В. Авдеев поселился в южном Урале и стал заниматься усиленно писательством. Однако, литературная деятельность М.В. Авдеева не пришлась по душе местным российским властям, почему последовало распоряжение о ссылке М.В. Авдеева на поселение в Пензе, под надзором полиции. Через год ему было разрешено уехать за границу, где М.В. Авдеев и прожил шесть лет, причем стал личным другом писателя И.С. Тургенева и даже жил один год с ним в одной квартире в Германии.

Говоря о литературной деятельности М.В. Авдеева, следует помнить, что он имея всего только 17 лет, написал свое первое про-

изведение-повесть, которая была напечатана в "Литературных приложениях", к газете "Русский Инвалид" в 1838 году.

Однако, подлинная его литературная деятельность началась в 1848 году, когда он находился на службе в Нижнем-Новгороде. Здесь, М.В.Авдеев написал свое первое крупное литературное произведение, повесть "Варинька". Далее следовали еще две больших литературных работы, повести: "Записки Тамарина"/Прототип Лермонтовского героя Печорина, прим. наше/и "Ивановы". Эти три произведения составили трилогию, которая была издана под общим названием "Тамарин" в 1852 году. Эти же три повести, были напечатаны полностью и в "Современнике"/Том 17, 1849 год. Том 19, 1850 год и том 25, 1857 год. После этого М.В.Авдеев получил огромную литературную известность и его имя было поставлено на одном уровне с лучшими писателями того времени.

Эта трилогия М.В.Авдеева считается его наилучшим литературным произведением, где его литературный талант выражен наиболее характерно.

Вторым литературным произведением М.В.Авдеева, получившим большую известность и сильно нашумевшим, явилась большая повесть "Подводный камень", где он развивал модную тогда идею "гражданского брака", произведшую неотразимое впечатление на читающую публику и создавшую необыкновенно громкую литературную популярность автору. Эта повесть была напечатана в "Современнике"/Томы 10 и 11. 1860 год.

Далее следует целая вереница его литературных произведений, которые читались с захватывающим интересом и упрочивали литературную известность М.В.Авдеева. Систематизируя перечень всех его трудов, имеем следующий список:

- 1/М.В.Авдеев: "Горы". Повесть. "Отечественные Записки" №79. 1851
- 2/М.В.Авдеев: "Поездка на кумыс". Рассказ. Там же, №№84, 85. 1852
- 3/М.В.Авдеев: "Деревенский визит". Газ. "Санкт-Петербургские Ведомости". 1852 год. Рассказ.
- 4/М.В.Авдеев: "Нынешняя любовь". Повесть. "Современник" №33. 1852
- 5/М.В.Авдеев: "Ясные дни". Повесть. Там же, №23. 1852 год.
- 6/М.В.Авдеев: "Рассказы и повести". Т.1, 2. Петербург. 1853 год.
- 7/М.В.Авдеев: "Порядочный человек". Повесть. "Отеч. зап." №3. 1853
- 8/М.В.Авдеев: "Огненный змей". Повесть. Там же, №86. 1853 год.
- 9/М.В.Авдеев: "Тимофей". Книга-повесть. С.Петербург. 1854 год.
- 10/М.В.Авдеев: "Приличная партия". Повесть. "Библиотека для чтения" №11. 1856
- 11/М.В.Авдеев: "На дороге". Повесть. Там же, №192. 1857 год.
- 12/М.В.Авдеев: "Дорожные заметки". Там же, №144. 1857 год.
- 13/М.В.Авдеев: "Из за-границы". Там же, №№144-149. 1857-1858 г.г.
- 14/М.В.Авдеев: "Подводный камень". Повесть в 2 частях. Книга. С.Петербург. 1863 год.
- 15/М.В.Авдеев: "Корреспонденция из Оренбургского Края". Газета "День"/редактор Аксаков/. 1861-1862 г.г.
- 16/М.В.Авдеев: "Между двух огней". "Современное Обозрение" №№ 1-3. Роман. Книга. С.Петербург. 1868 год.
- 17/М.В.Авдеев: "Мещанское семя". Драма. "Дело" №№2-4. 1869 год.
- 18/М.В.Авдеев: "Мещанское семя". Драма. Книга. С.Петербург. 1869 г.
- 19/М.В.Авдеев: "Магдалина". Повесть. "Дело" №1. 1869 год.
- 20/М.В.Авдеев: "Сухая любовь". Повесть. Там же, №10. 1870 год.
- 21/М.В.Авдеев: "Пестренькая жизнь". "Отечественные Записки" №1. Повесть. 1870 год.
- 22/М.В.Авдеев: "Переписка двух барышень". Там же. Повесть. 1870
- 23/М.В.Авдеев: "Полное собрание сочинений". В больших томах.

Издание В.А.Стеловского.С.Петербург.1868-1870 г.г.
24/М.В.Авдеев:"Три повести:Магдалина,Пестренькая жизнь и Су-
хая любовь".В одной книге.С.Петербург.1871 год.
25/М.В.Авдеев:"В сороковых годах".Роман."Вестник Европы"№№№
9-12.С.Петербург.1876 год.

Выдающийся казачий писатель-романист М.В.Авдеев умер 1 фев-
раля 1876 года в С.Петербурге и там же похоронен, в возрасте
55 лет.

48/ПЕТР МАТВЕЕВИЧ АВРАМОВ.

"Ковыля, наша ковылушка,
Ты родной степи трава:
Отчего твоя ковылушка,
Низко клонится глава

Вам поклон земной, казаченьки,
Вместе с ветром отдаю!
Помоги вам Мать Пречистая,
Победить врага в бою..."

писал, не так давно умерший, казачий писатель П.М.Аврамов, в од-
ном из своих последних произведений "Ковылий сказ", характеризуя
значение степи для казаков.

Мастер художественного слова, он описывал неподражаемым лите-
ратурным слогом красочную роскошь природы Донской Степи.

"...Ранним утром над зеленым морем трав, нависает легкая пе-
лена недвижимого тумана, точно покрывало кудесника со скрытой
под ним тайной.

И вот степной кудесник-солнце, с торжественной медлительнос-
тью, в вихре огненных, режущих до боли ослепительных лучей, пока-
зывается над краем степи и со сказочной быстротой меняет, пре-
ображает все. Исчезает, растаяв туман... Тяжелая от обильной ро-
сы трава, матовым блеском поблескивает при ярком дневном свете.
На ближайших лепестках, переливаются перламутром огневые звез-
дочки: то солнечные лучи отражаются в бисерных капельках рос-
ной влаги... Ушла предсолнечная степная хмурица и ожившая степь
купается в волнах золотого света, широким потоком льющегося с
востока.

Но... что это? На короткий миг, взор доселе рассеянно скользив-
ший по вдумчивым степным просторам, задерживается на каком-то
красноватом пятне, ярко выделяющемся на зеленом фоне травы. И
уже полный волнующей радостной догадки, пытливым, пристально на-
чинает искать... Вот еще такое красное пятно... вот еще... Роскош-
ные пурпурные маки! А рядом, вот рукой подать, и дальше, да везде
вкругом, куда ни глянь! Несчетные островки распускающихся колоко-
льчиков алых, темно-бордовых, желтых, белых и пестрых, всевозмож-
ных оттенков, художественно раскрашенных тюльпанов. Меж ними,
менее бросающееся в глаза, нечто нежно-голубое, на чем отдыхает,
задерживаясь взгляд. И сколько его, этого голубого цвета, когда
присмотришься. Пожалуй, даже больше, нежели красного с желтым...
Ну, да!.. Так это же нежные синие васильки со своими голубыми
цветочками и величавая степная красавица, большая голубая ли-
лия.

Лазоревый цвет, воронцы! Первые степные красавцы-цветы, навеки
вошедшие в казачью песню, при одном воспоминании о коих, сладким
томлением сжимается грудь, учащенно начинает биться сердце...

Скоро за ними, на Троицу, из окрестных станиц и хуторов, с раздольными, как раздольна родная степь, песнями, с шумным, веселым разговором, со звонким счастливым смехом, выйдут ватажки девчат, без парней, рассыпятся одиночками по красавице степи, сами красавицы, не знаешь уже чем больше любоваться, цветами или девичьей красотой и до самого вечера будет происходить оживленный, частенько прерываемый дружной песней и небинными девичьими играми, сбор цветов.

Но не одними только тюльпанами, васильками, лилиями да роскошным маком, красуется весной степь. Как на пышном восточном ковре затейливо переплетаются всевозможных оттенков рисунки, так и на ней, щедрая природа, широко и богато, не по одному, а целыми пригоршнями, разбросала повсюду великое множество цветов и цветочков, расписала степь всеми красками радуги.

Дикая ромашка дает желто-белый цвет... Белые пяточки ее лепестков густо вкраплены в весеннем цветении. Козелец и татарник скромно голубеют своими цветочками над остальной низкорослой травой. Шпарыш ползуном, на особом утолщенном стебельке, высоко выставляет свою ярко-желтую, как будто прозрачным лаком покрытую, цветную шапочку, явно стараясь поднять ее до уровня более высоких травяных соседей. Мягкими сиреневыми крапинками цветет резеда... Розово млеет пучками невидный собой чабрец... И все это переплетается длинными нитями степной повители со множеством мелких цветков, колокольчиков от бело-розовых до темно-лиловых.

Обсужки, разносортная "пырея", шалфей, серый полынок и ковыль: коники, тысячелистники, сурепка и буркун-трава, катраны, оттилей-корни, метлюки-собачья постель, полынок-чай, простая трава-муравка, чингиска-однолюбка, неуклюжее свиное ушко и поганка, что потом, в летней выжженной степи, "перекатиком" будет гоняться за ветром, все эти и другие неисчислимы степные травы цветут весной неприметно и дают серо-зеленый фон удивительной по мощности, восхитительной по краскам, незабываемой по впечатлению, живописной весенней степной картине...

Успех, полученный П. М. Аврамовым от опубликования "Ковыльного Сказа" в печати, подчеркнул лишний раз очевидную талантливость его. Подобный успех имел и другой его большой рассказ "Яровой сев", где им была картинно описана жизнь среднего казака на Дону и притом описана таким образом, как никто, никогда еще не описывал... К примеру, герой его рассказа, казак-отец Богатырев Ермил Никандрович посылает своих взрослых сыновей с их женами, вершить сев в поле. Выполняя наказ отца, молодые Богатыревы едут на сев с казачьей песней, что и отмечает П. М. Аврамов: "Уж не на то-ли, что вся жизнь казака тесно, кровно связана была с песней? Рождается казак, на крестинах-песня! Идет казак на службу, его провожает песня: песня встречает его, когда он" возвращается в родительски". На свадьбах песни гремят несколько дней. И на работы выезжает также с песней, что и подметил П. М. Аврамов.

Биография П. М. Аврамова не отличается шаблонностью, что является отличительным признаком во всех его произведениях, пронизанных исключительной содержательностью и любовью ко всему казачьему.

Петр Матвеевич Аврамов родился в 1895 году, в семье казака-хлебороба станицы Старо-Пригорьевской, 2-го Донского Округа, Донского Войска. Он кончил пять классов Донской Духовной Семинарии в Новочеркасске и в сентябре 1914 года поступил в Новочеркасское казачье военное училище. Окончив его в апреле 1915

года и получив производство в чин прапорщика, он вышел в 16-й Донской казачий Баклановский полк. Пробыв в полку всю войну, где был два раза ранен, дошел до чина подесаула, получив ряд боевых наград.

Проделав "Степной Поход", в казачьем партизанском отряде войс. старш. М. Ф. Семилетова, П. М. Аврамов получил в одном бою тяжелое увечье при контузии, с разрушением барабанной перепонки левого уха и частичное повреждение правой барабанной перепонки. Будучи признанным негодным к строевой службе, есаул П. М. Аврамов был уволен в отставку. Вполне возможно, что это все и послужило началом его писательской карьеры.

В 1918 году, когда известный казачий писатель-журналист Виктор Севский/Краснушкин/стал летом того же года редактировать и издавать журнал "Донская волна", получивший историческую известность, П. М. Аврамов поместил там свое первое произведение "Дневник Степняка-партизана", как и несколько небольших рассказов из жизни Донских партизан. Здесь надо отметить тот факт, какой красочно свидетельствует о незаурядном таланте П. М. Аврамова.

Ф. Д. Крюков, бывший литературным экспертом в Отделе Пропанды/"Донотос"-Донской Отдел Осведомления и Пропаганды, прим. наше/, на рукописи "Дневника Степняка-партизана" наложил резолюцию: "Написано талантливо, прекрасным языком и подкупающе искренно. Печатать 10.000 экземпляров". Начальник литературной части Отдела Пропанды, из технических соображений/"слишком большой объем"/, попросил П. М. Аврамова чуть-ли не вдвое сократить "Дневник", но Аврамов не согласился и отнес рукопись в журнал "Донскую Волну", где она и началась печатанием". /И. П. Буданов: "Петр Матвеевич Аврамов". Жур. "Казачий Исторический Сборник" №9, стр. 18. Октябрь. 1959 год. Париж/.

Самым ранним произведением П. М. Аврамова надо считать его труд, вышедший из печати осенью 1917 года:

1/П. М. Аврамов: "Искорки поэзии". Тип. "Донской Печатник", 26 стр. Новочеркасск. 1917 год.

Два стихотворения из этого сборника: "С насиженных мест" и "Степь в лунную ночь", были напечатаны Виктором Севским в журнале "Донская Волна" в 1918 и 1919 годах. Третье стихотворение "Памяти друга", также из труда "Искорки поэзии", было напечатано в воскресном иллюстрированном приложении к газете "Донские Областные Ведомости", в конце 1917 года. В 1918 году это стихотворение было вторично перепечатано в "Казачьей Хрестоматии", изданной Отделом Народного Просвещения Донского Войскового Правительства, в Атаманство ген. П. Н. Краснова, в рубрике: "Донские поэты", /"Казачья Хрестоматия", пособие для казачьих начальных школ на Дону, прим. наше/.

В 1919 году "Донотос" издал ряд рассказов П. М. Аврамова, напечатав их в виде пяти небольших популярных книжек.

В 1919-1920 г. г., войск. старш. П. М. Аврамов/внеочередной чин за участие в "Степном Походе" 1918 года/, был помощником редактора в нескольких прифронтовых газетах: "Голос Дона", "Крестьянский Путь" и др.

Находясь в эмиграции, с конца 1920 года, П. М. Аврамов жил сначала в Югославии два года, а потом переехал во Францию, где им было написано много произведений, преимущественно в прозе и помещены в казачьих эмигрантских журналах: "Родимый Край", "Казачий Литературный Сборник", "Казачий Сборник", "Казачий Исторический Сборник", "Казачьи Думы" и др.

К числу лучших произведений П. М. Аврамова принадлежат:

- 1/Повесть "Кресты". Журнал "Родимый Край" №№46-48.
- 2/Рассказ "Маневры". Там же, №41.
- 3/Рассказ "Вдали от куреней родных". Там же, №26.
- 4/Рассказ "Гриша". Жур. "Казачий Исторический Сборник" №7.
- 5/Рассказ "У тихой воды". Там №8.
- 6/Отрывки из романа: "За Край Родной", как то: "На родные могилки". Журнал "Родимый Край" №36. "На посту", там же №38. "Первый бой", журнал "Казачий Исторический Сборник" №13. "Хорунжий Машкин", там же №14. "В восставшей станице", там же №№10-12. "Первая стычка", там же №12.

Всего было написано П.М.Аврамовым: 25 стихотворений, две больших повести, 42 рассказа и роман "За Край Родной", который к сожалению не был издан в печати, а были напечатаны только отдельные его отрывки в разных казачьих эмигрантских журналах.

Заграницей были изданы в форме отдельных печатных изданий, следующие труды П.М.Аврамова:

1/П.М.Аврамов: "Ковылий Сказ" и "Яровой Сев"/Оба рассказа в одной книге. Париж. 1960 год. Средства на издание книги были даны казачком, не пожелавшим опубликовывать в печати своей фамилии/.

2/П.М.Аврамов: "Никифор Кашеев". Повесть. Париж. 1961 год.

Петр Матвеевич Аврамов умер в возрасте 68 лет, скончавшись 11 ноября 1963 года, после тяжелой краткой болезни, в госпитале Ментенон, Франция.

Отдавая должное литературному творчеству покойного казачьего писателя, остается пожелать, чтобы нашлись казаки-доброхоты, которые бы занялись собиранием всех литературных трудов Петра Матвеевича Аврамова, разбросанных по различным казачьим эмигрантским журналам, для издания полного собрания всех его сочинений, в виде отдельного издания и полной его биографией.

49/ЯНУАРИЙ ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ.

Редко встречается в казачьей литературе стиль и жанр повествовательного характера столь своеобразный, как и многообразный, какой у казачьего писателя-прозаика Я.П.Богаевского.

Перечитывая очерки и рассказы Я.П.Богаевского, можно удивляться его красочной тематике литературного творчества, весьма одухотворенного и мало имеющего себе сравнений. В казачьей литературе Януарий Богаевский, быть может, представляет собой единственное явление, когда воспроизводит своим пером лишь духовную сторону повседневной жизни недавнего прошлого "землеробного Дона, ушедшего ныне в Лету, под стихийным напором "дуновений ветров социальной революции".

Я.П.Богаевским полностью отражен в его произведениях быт и уклад жизни отставного казачьего офицерства, занимавшегося сельским хозяйством в своих усадьбах и небольших хуторках. Не забыты им также станичные и хуторские казаки, как не забыты и т. наз. "донские крестьяне". Прозаичность живого и яркообразного повествования Я.П.Богаевского, содержащиеся в его произведениях, дают ему полное право считаться в первых рядах казачьих литераторов, невзирая на его природженную скромность.

Отражая талантливость Януария Богаевского, настоящим воспроизводим, полное внутренней и притом чарующей духовной красоты, его стихотворение в прозе: "Лебеди", производящее сильное неизгладимое впечатление на читателя.

Л Е Б Е Д И .

/Рассказ старого казака/.

В раме багета бездонно голубых небес, зелени яркой-нежной травы, вербы, лозняка, камыша, куги... зеркальное чудное озеро с прозрачной, кристальной водой, дремлет в мягких, зеленых своих берегах!.. Яркие-желтые кувшинки подняли головки их, сердцевидные листья распластавшись, нежатся на тихой воде. Ряска ажурный узор наплела: в узорах зеленых, в таинственных гротах, рыбки играя, блестя серебром, перламутром... Вдруг, быстрее стрелы исчезают, игривую шайку вспугнул золотистый, важно плывущий карась, хищный окунь, свирепая щука!

Изумрудом, топазом, блистают на солнце стрекозы, а там пестрые, желтые, белые бабочки в причудливом лете, петляют над сонною заводью... Жирные утки, чирки, курочки и прочая Божья пернатая тварь, счастливая радостью жизни, плавают, ныряют, пищат, крикают, трескочет, а иные, сытно наевшись, блаженно дремлют в прибрежной зелени, на живописных островках... А небо лазурное, с сияющим солнцем, так ясно, такой веет от него любовью и миром... Гармония полная неба, природы и твари земной.

-Тише!..-шумят дозоры. Вот люди идут!..

-Тише... Они подошли!..

Испугались пернатые, в гуще зарослей исчезли, умолкли веселые звуки.

А люди тянут тихонько тенета по озеру, затапливая, хитро выводят, обманом взять хотят свободную Божью тварь. Готовы тенета...

-Люди исчезли!..-зашумели дозоры.

И выплывает стайка за стайкой на водный простор... Но, с другой стороны послышались звуки тревоги, насторожилась чуткая дичь, звуки ясней и ясней, прячется дичь, но и там в куге, камыше, тоже тревога, враг гонит снова на водный простор, сзади с боков, все тревожнее звуки и гонят они на тенета стаи птиц, а в тенетах ворота и снова тенета!.. Кружится, ныряет, кричит, пищит и плывет в тенета все больше испуганной птицы. Закрылись ворота: явились люди с палками и в тесном загоне побили невинную дичь. Обагрилась кровью вода... Наряды, недавно красивые, яркие, забрызганы кровью и грязью и лежит гора птиц бездыханная на сухом берегу.

Случайно заплыл в тенета величавый гордый лебедь. Белоснежен, прекрасен он был и не поднялась рука человека убить его. Привязали и любуются им жестокие люди. Но, вдруг раздался могучий крик лебеда и был его крик так печален, полон такой тоски безысходной!..

Долго над мертвым озером, эхо носило могучие грустные звуки... Расступились зеленые заросли на другом берегу и выплыла, семьей лебедей окруженная, царственная подруга его. Криком ответным, полным тоски беспредельной, царица супруга звала. Лебедь снова тоскливо и гордо судьбу ей свою возвестил. А, мать с лебедятами бесстрашно неслася вперед...

И сжалились люди над ними, стала понятна суровым сердцам их тоска лебедей белоснежных... Отпустили лебедя и крыльями мощно махая, с криком радости, он шумно понесся, вздымая пенистые гребни, по зеркальной воде!.. На середине озера, лебеди встретились, их окружили птенцы, сплелись белоснежные крылья, радостно трепещут и долго мертвую водную гладь, оглашали всемогущие звуки восторга, любви и радости жизни... /Журнал "Родимый Край" №48. Сентябрь-Октябрь 1963 год. Париж, Франция/.

Казачий писатель-прозаик Януарий Петрович Богаевский родился в 1886 году, в семье войскового старшины П.Г. Богаевского/в отставке/, природного казака станицы Каменской, Донецкого Округа, Донского Войска. Окончив реальное училище в родной станице Каменской, в 1906 году, Я.П. Богаевский не в пример своим трём братьям, получившим высшее образование, решил заниматься сельским хозяйством, почему возвратился обратно в свою родную колыбель, степной хуторок Ольшанку, на речке Камышанке, поблизости от большой ж.д. станции Миллерово. Хуторок этот являлся личной собственностью его отца; так протекала вся последующая жизнь Я.П. Богаевского, исключительно в занятии образцовым сельским хозяйством до начала Первой мировой войны, в июле 1914 года.

С началом войны, Я.П. Богаевский поступил в Новочеркасское казачье юнкерское училище, которое окончил в начале 1915 года и был выпущен прапорщиком в один из Донских казачьих полков/44 Донской полк/. Пробыв всю Первую мировую войну на фронте, как и последующую войну 1918-1920 годов, против русских коммунистов, есаул Я.П. Богаевский ушёл в конце 1920 года в эмиграцию, обосновавшись во Франции, где и проживает в настоящее время, имея возраст в 80 лет.

Родными братьями Я.П. Богаевского являются: 1/Старший-известный доктор медицины П.П. Богаевский, умерший в 1915 году, 2/Средний-последний выборный на Дону Войсковой Атаман ген.штаба ген.лейт. А.П. Богаевский, в эпоху 1917-1919 г.г., 3/Знаменитый "Донской Баян" М.П. Богаевский, Председатель 1-го Донского Войскового Круга и далее Помощник Войскового Атамана ген.штаба ген.от кавалерии А.М. Каледина, расстрелянный русскими коммунистами в Нахичевани на Дону, 1 апреля 1918 года.

К числу наиболее выдающихся литературных произведений/очерки и рассказы/ Я.П. Богаевского, принадлежат следующие труды:

- 1/Я.П. Богаевский: "На бахчах". Рассказ. Жур. "Родимый Край" №47, стр. 31-33. Июль-август 1963 год. Париж-Франция.
- 2/Я.П. Богаевский: "Два друга". /Быль конца прошлого века/. Там же, №65, стр. 29-32. Июль-август 1966 год. Париж-Франция.
- 3/Я.П. Богаевский: "Солдатка Арина Степановна". /Из жизни Донских крестьян/. Там же, №51, Март-апрель 1964 г. Париж-Франция.
- 4/Я.П. Богаевский: "Мальчик". Рассказ. Там же, №56, стр. 25-26. Январь-февраль 1965 год. Париж-Франция.
- 5/Я.П. Богаевский: "Иван Иванович". Рассказ. Там же, №64, стр. 27-28. Май-июнь 1965 год. Париж-Франция.
- 6/Я.П. Богаевский: "Ольховские корриды". Рассказ. Там же, №62, стр. 33-38. Январь-февраль 1966 год. Париж-Франция.
- 7/Я.П. Богаевский: "В Ольховке". /Детство и юность М.П. Богаевского/. Очерк. "Митрофан Петрович Богаевский". Сборник статей, посвящённых Донскому Баяну, под редакцией Н.М. Мельникова, стр. 11-22. Париж. 1964 год/. Перепечатка статьи Я.П. Богаевского, помещённой в историческо-литературном журнале "Донская Волна" №14. 31 марта 1919 года. Новочеркасск/.
- 8/Я.П. Богаевский: "Семен Яковлевич Бакланов". Рассказ. Жур. "Родимый Край" №16, стр. 18-20. Май-июнь 1958 год. Париж-Франция.
- 9/Я.П. Богаевский: "Всероссийский крестьянский делегат". /Из жизни Донских крестьян/. Там же, №58, стр. 24-28. Май-июнь 1965 год. Париж-Франция.
- 10/Я.П. Богаевский: "Памяти прошлого". Там же, №55, стр. 22-25. Ноябрь-декабрь 1964 год и многие другие. Париж-Франция.

50/МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЕРАСИМОВ.

Природный Донской казак станицы Аксайской, Черкасского Округа, Донского Войска, вехмистр М.И. Герасимов, вполне грамотный и достаточно развитой человек, возвратившись с военной службы, внезапно пришёл к решению, что он может "писательствовать". Арбитром его писательской судьбы стал известный казачий писатель-историк есаул А.А. Карасев, который прочтя некоторые рассказы М.И. Герасимова, предложил ему действительно начать "писательствовать", иначе говоря, выпускать свои рассказы в печати, в форме отдельных книжек. В результате, казачья литература обогатилась рядом действительно хорошо написанных произведений М.И. Герасимова, который несомненно обладал даром талантливого литератора, как то:

- 1/М.И. Герасимов: "Картины из жизни казачьего семейного быта", 79 страниц. Тираж 4000 экземпляров. Цена 25 коп. Издатель А. Гривин. Новочеркасск. 1882 год.
- 2/М.И. Герасимов: "Донские рыбалки". /Рассказы из жизни Донских казаков/. 112 страниц. Тираж 2500 экземпляров. Цена 40 коп. Издатель А. Гривин. Новочеркасск. 1884 год.
- 3/М.И. Герасимов: "Ветер дует в степи..." /Правда-быль из Казачьей Старины/. Рассказ исторического свойства. 88 страниц. Тираж 3000 экземпляров. Цена 35 коп. Издатель А. Гривин. Новочеркасск. 1886 год.
- 4/М.И. Герасимов: "Казачка Арина". Рассказ. 49 страниц. Тираж 4000 экземпляров. Цена 40 коп. Издатель А. Гривин. Новочеркасск. 1888 год.

Этот замечательный казачий писатель-самородок умер в 1888 году, в Новочеркасске, где и был похоронен, имея возраст 68 лет.

51/МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГРЕКОВ.

К числу забытых казачьих писателей принадлежит выдающийся казачий офицер, полковник М.И. Греков. Происходя из известной казачьей фамилии Грековых, давших Дону ряд героев, этот казачий писатель М.И. Греков/сын войскового старшины И.А. Грекова/, родился в Новочеркасске в 1839 году, где и окончил с серебрянной медалью Войсковую мужскую классическую гимназию, после чего пошёл по военной дороге.

Окончив Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров/будущее Николаевское кавалерийское училище/ в Петербурге в 1862 году и будучи произведен в первый офицерский чин, М.И. Греков вышел младшим субалтерн-офицером в лейб-гвардии Казачий полк, стоявший в столице.

Будучи произведенным в чин полковника в конце 1876 года, М.И. Греков в начавшейся русско-турецкой войне 1877-1878 г.г., получил в командование 30-й Донской казачий полк, с которым совершил ряд боевых подвигов, увековечивших его имя в военной истории.

Бесконечные славные бои 30-го Донского казачьего полка с турками, во весь период военной кампании 1877-1878 годов, и блестящие боевые отличия казаков под личной командой полк. М.И. Грекова, в кровопролитных больших сражениях на Шипке, под Ловчей, на Зелёных горах и др.

Отдельно отмечается знаменитый бой полка под личной командой полк. М.И. Грекова против турок, около г. Караджиляра, в январе 1878 года, когда казаки атаковав турок в конном строю, нанесли страшное поражение последним, изрубив шашками и заколов пиками более 400 турецких молдат и захватив 54 турецких орудий. Геор-

гиевское знамя полку, 168 знаков отличия Военного Ордена/Георгиевские кресты для нижних чинов/казакам, боевые ордена всем офицерам полка и орден Святого Георгия 4-й степени командиру 30-го Донского казачьего полка полк. М. И. Грекову, служили боевыми наградами последним за беспримерный в военной истории подвиг.

Награждая лично орденом Св. Георгия 4-й степени/высшая боевая награда для офицеров в российской армии царского времени/, российский император Александр 2, сказал доблестному полк. М. И. Грекову: "Молодец! Всю артиллерию отнял у Сулеймана-паши./ Турецкий Главнокомандующий армиями/".

С окончанием этой т. наз. Освободительной войны 1877-1878 г. г. /за освобождение славян/, полк. М. И. Греков возвратился на Дон, в свою семью. "Как-то он ехал в экипаже и ему нужно было переправиться через реку Дон на пароме. Паром задержался на другом берегу, а тут уже собралась большая толпа казаков, ожидая переправы. Но, вот, наконец, паром подходит и казаки начинают грузиться. Кучер деда/не казак/говорит им: "Братцы, пропустите полковника проехать вперед".

-Да мы тут все полковники, - отвечают казаки, - придет его очередь, он и проедет.

Дед/он-то был прирожденный казак/их понял отлично и терпеливо ждал своей очереди.

Вот оно настоящее равенство!

Н. Греков/родной внук полк. М. И. Грекова, прим. наше/.

/Жур. "Родимый Край". "Мысли о казачьем равенстве". /Н. Греков/. Стр. 14. Март-апрель 1966 год. Париж-Франция/.

Во время своего жительство в Петербурге, М. И. Греков стал пробовать свои силы на литературном поприще, написав ряд обстоятельных очерков из казачьей жизни, как и описание боевой деятельности Донцов, в т. наз. Кавказских войнах. Столичные газеты и журналы помещали с большой охотой все произведения М. И. Грекова.

С окончанием русско-турецкой войны 1877-1878 г. г., полк. М. И. Греков служил уже на внутренней службе Донского Войска, стал подготавливать к изданию два своих больших труда, работая над окончанием их последние годы своей жизни. В результате, много лет спустя после его смерти, последовавшей в Новочеркасске в 1899 году, были напечатаны два эти его труда, которые и дали главную литературную известность этому писателю:

1/М. Греков: "В долинах и высях Болгарии". /С приложением записки ген. лейт. М. Д. Скобелева есаулу 30-го Донского казачьего полка М. Грузинову. Воспоминания бывшего командира 30-го Донского казачьего полка/. С. Петербург. 1906 год.

2/М. Греков: "На службе Тихому Дону". /Думы и мысли старого казачьего офицера/. 169 страниц. С. Петербург. 1909 год.

Литературная критика отметила во времени, что "Полковник казачий Михаил Греков, обладает не только большим жизненным опытом и наблюдательностью, но и определяет в своём лице человека, который имеет от природы творческий дух и подлинный стиль настоящего писателя!". Подобная оценка литературных критиков для определения силы литературного творчества полк. М. И. Грекова, служит, конечно, большой и настоящей оценкой его всей литературной деятельности.

52/ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ГИЛЯРОВСКИЙ.

Чрезвычайно сложную и витиеватую биографию имеет казачий писатель В.А.Гиляровский.

Прямой потомок Запорожских казаков, В.А.Гиляровский родился 26 ноября 1853 года на севере, в Вологодской губернии, где его отец был служащим в управлении лесным имением графа Олсуфьева, перейдя потом на службу в Вологодское Губернское Управление.

В.А.Гиляровский с ранних лет находился под сильным влиянием своего родного деда, по материнской линии — природного Кубанского казака П.И.Усатого, занимавшего в течение ряда лет должность управляющего указанным графским лесным имением. Наслушавшись от последнего многочисленных рассказов о казачьей славе, о жизни казаков Запорожья, о современном состоянии Черноморского Казачьего Войска, В.А.Гиляровский чувствовал себя с ранних лет полностью **ВОЛЬНЫМ КАЗАКОМ**.

Поступив в 1863 году в Вологодскую классическую гимназию, В.А.Гиляровский восприняв модные тогда народнические тенденции, бросил своё учение в 7-м классе гимназии и в 1871 году "ушёл в народ".

Наступивший последующий 10-летний период жизни столь богат разнообразными приключениями, перед которыми пожалуй бледнеет биография известного американского писателя Джека Лондона. В период 1871—1881 г.г., Гиляровский начав странствовать по "рос-сийским просторам", постепенно спускаясь с севера на юг, был бурлаком на р. Волге, где тянул на постромках, закинутых на плечо, тяжело груженные купеческие баржи, распевая народную песню "Дубинушку"/"Эй ухнем!"/, далее меняя работу, служил крочником, работал на белильном заводе, производящем свинцовые белила, подвизался в роли пожарного, пробовал свои силы и возможности в качестве циркача, пробовал подвизаться на амплуа "актёра на выходе", на провинциальных театральном подмостках, пока наконец судьба не забросила его на Дон, где он обосновался в Задонской степи, в частном Донском коннозаводстве, в роли табунщика лошадиных косяков в зимовниках.

Поступив далее в Ставропольское казачье юнкерское училище, учился там и далее служил офицером в Кубанском казачьем пластунском батальоне Кавказской действующей армии, в русско-турецкую войну 1877—1878 г.г. В октябре 1877 года был ранен в бою с турками под Батумом. Прележав в военном лазарете около двух месяцев, стал военным корреспондентом газеты "Россия" и отправился на Балканский полуостров, давая оттуда пространные корреспонденции о т. наз. Балканских делах.

А.А.Гиляровский стал писателем только с начала 1881 года, когда он стал печатать свои литературные произведения не только в периодической печати, но и издавать их в виде многочисленных книг, составивших ему большую литературную известность. Надлежит констатировать факт, что его первая вещь была напечатана в Вологде в 1873 году, а все последующие/за исключением военного корреспондентского репортажа/стали печататься регулярно лишь с начала 1881 года.

Его первое крупное литературное произведение "Трущобные люди"/где впервые вообще в литературе был выведен мир босяков/, было издано в печати в количестве 4000 экземпляров, и тотчас же было сожжено по распоряжению царской цензуры. В этой книге, В.А.Гиляровский с присущей ему талантливостью, мастерски описал быт плотовщиков/гонявших плоты с груженым лесом по рекам/, бурлаков,

ранних рабочих и городских отщепенцев-босняков.

Одновременно, пробыв некоторое время драматическим артистом, В.А.Гиляровский основал "Русское гимнастическое общество" в Москве в 1885 году и был тем бессменным председателем по 1915 г.вкл.

Тогда же, Гиляровский стал сотрудничать в "Будильнике". Занимаясь репортажем в газетах, он был деятельным сотрудником в газете "Русские Ведомости", был Московским корреспондентом газеты "Новое Время"/издавалась Сувориным в Петербурге/, а от начала 1900 года, был постоянным сотрудником газеты "Россия", на протяжении многих лет. Этот последний момент доставил В.А.Гиляровскому огромную известность в международной прессе, упрочив за ним славу, как одного из самых выдающихся репортеров.

Будучи корреспондентом газеты "Россия", Гиляровский находился за границей, в Сербии, откуда он писал свой постоянный репортаж, причём им была разоблачена полностью выдумка Сербского экс-короля Милана, затеявшего интригу с мнимым покушением на него. В результате Гиляровский был изгнан Сербскими властями из Сербии, но за то, все корреспонденции Гиляровского были цитированы всеми, без исключения, русскими и иностранными газетами.

Дальнейшую известность приобрёл Гиляровский напечатанием в 1900 году, в "Русской Мысли", новых данных о писателе Н.В.Гоголе и его родных.

Работая по государственному коннозаводству, В.А.Гиляровский издавал в течение целого ряда лет в Москве, большой журнал "Спорт".

В.А.Гиляровский написал очень много отдельных книг, которые расходились в огромном тираже, увеличивая его литературную славу, и представляя его, как талантливого бытописателя, которому была присуща исключительная образность, лаконичность, естественная разговорная интонация и выражение мысли.

Как поэт, В.А.Гиляровский известен своей книгой стихотворений "Забятая тетрадь", выдержавшей три издания в 1894, 1896 и 1901 годах, при общем тираже в 14.600 экземпляров.

Не забывая своё казачье происхождение, В.А.Гиляровский писал:

"...Я рождён, где сполохи играли,
Дон и Волга меня воспитали;
Жегулей непролазная крепь,
Снеговые табунные дали,
Косяками расцветшая степь
И курганов извечная цепь!.."

Кроме того, в печати были изданы его труды, посвящённые казакам:

1/В.А.Гиляровский: "Запорожцы". Поэма. Москва. 1910 год.

2/В.А.Гиляровский: "Казачья". Книга стихотворений. Москва. 1914 год. Типогр. Т-ва А.И.Мамонтова. Тираж 2000 экземпляров.

3/В.А.Гиляровский: "Стенька Разин". Поэма. Москва. 1-е издание. 1922 год; 2-е издание. 1928 год.

Отдельно были выпущены его стихотворения тогда же:

4/В.А.Гиляровский: "Грозный год". /Стихотворения/. Москва. 1910.

В.А.Гиляровский всегда был тепло встречаем и приветствуем казаками, был желательным гостем в казачьей офицерской среде 1-го Донского казачьего полка, стоявшего в Москве постоянно.

Будучи на проводах одного офицера полка, уезжавшего на Дон, В.А.Гиляровский читал в казачьем офицерском собрании полка своё замечательное стихотворение, написанное экспромтом:

"Путь счастливый! Отвези ты
Дону Тихому поклон,
И скажи, что не забыты

Мной, ни степь, ни Вольный Дон!..
Не забыта в дни невзгоды,
От родных вдали земель,
Эта родина свободы
И героев колыбель!
Обновись душой усталой,
Степи воздухом вздохни,
И скажи: "боец удалый"
Коротает мирно дни,
В суете столицы скучной,
Мелочной заботы полн,
Где не слышно песни звучной,
Где не слышно плеска волн...
Где болит душа от стона
Обездоленных людей,
Не видавших воли Дона,
И не знавших тех степей!.."

Прозаические произведения В.А.Гиляровского, изданные в виде книг, классифицируются следующим образом:

- 5/В.А.Гиляровский: "Московские нищие". /Бытовые рассказы/. Москва. 1896 год.
- 6/В.А.Гиляровский: "Портной Ерощка". /Быль/. Москва. 1897 год.
- 7/В.А.Гиляровский: "Негативы". /Рассказы/. Москва. 1900 год.
- 8/В.А.Гиляровский: "На родине Гогсля". /Исследование/. Москва. 1902 год.
- 9/В.А.Гиляровский: "Быль". /Рассказы/. Москва. 1909 год.
- 10/В.А.Гиляровский: "Шутки". /Рассказы/. Москва. 1912 год. /Подпись - дядя Гиляй/
- 11/В.А.Гиляровский: "Петербург". /Поэма/. Москва. 1922 год.
- 12/В.А.Гиляровский: "Москва и Москвичи". /Впечатления/. Москва. 1926 год.
- 13/В.А.Гиляровский: "Мои скитания". Часть 1-я. /Автобиография автора/. Москва. 1928 год.
- 14/В.А.Гиляровский: "От Английского клуба к Музею революции". Москва. 1926 год.
- 15/В.А.Гиляровский: "Люди театра". Москва. 1941 год.
- 16/В.А.Гиляровский: "Москва газетная". Москва. 1960 год.
- 17/В.А.Гиляровский: "На жизненной дороге". Вологда. 1957 год и др. /Общее число книг произведений В.А.Гиляровского, достигает цифры 21/.

Кроме этого, некоторые труды В.А.Гиляровского, были переведены на иностранные языки и изданы за границей:

- а/В.А.Гиляровский: "Запорожцы". Поэма. Берлин. 1914 год. На немецком языке.
- б/В.А.Гиляровский: "Владимирка". Стихотворение. Берлин. 1922 год. На немецком языке.
- в/В.А.Гиляровский: "Шипка прежде и теперь". 1928 год. На сербском и болгарском языках.
- г/В.А.Гиляровский: "Четыре рассказа из книги "Быль". На болгарском языке. 1932 год.

В.А.Гиляровский скончался в Москве 2 октября 1935 года, в возрасте 82 лет.

В 1960 году в Москве было издано "Избранное собрание сочинений" В.А.Гиляровского, в трёх томах.

53/СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ.

В конце мая 1963 года, в С.Ш.А. скончался в весьма преклонном возрасте—96 лет, маститый казачий писатель С.И.Гусев-Оренбургский.

Смерть его прошла совершенно незамеченной для казачьей эмиграции, что представляет собою весьма печальное явление. Между тем литературное имя С.И.Гусева-Оренбургского получило уже в далёком прошлом весьма большую литературную известность, несмотря на наблюдавшееся замалчивание в отношении писателя, со стороны российской литературной среды.

Мало кто из казаков знает о том, что Сергей Иванович Гусев-Оренбургский является природным казаком станицы Верхне-Озерной, Оренбургского Казачьего Войска, родившийся 23 сентября ст.ст. 1867 года, в семье бедного казачьего офицера.

С.И.Гусев-Оренбургский учился в гимназии, но не кончил её, ибо увлекшись модными тогда народническими идеями, он решил посвятить себя служению народу, в частности Оренбургским казакам, почему стал учителем в казачьих станичных школах. Спустя два года, он изменил своё первоначальное решение и поступил в духовную семинарию, закончив которую, был рукоположен в сан иерея, в коем прослужил шесть лет в казачьих станичных церквях. Однако и в этом случае, он не нашёл полностью своего призвания.

Отказавшись от духовного сана, С.И.Гусев-Оренбургский отдался литературной деятельности, которая полностью стала его стихией.

Природный ум и чрезвычайно развитая наблюдательность, особенно проявившаяся у него при непосредственном общении с своими Оренбургскими казаками, способствовала ему полностью охватить весь своеобразный казачий быт, уклад казачьей жизни, казачьи нравы и обычаи и подлинную казачью фактическую действительность, в казачьих станицах и хуторах Оренбургского Войска. Богатые впечатления, вынесенные им из непосредственного общения с казачьей средой, дали ему полную возможность запечатлеть в своих рассказах об Оренбургских казаках все его наблюдения над ними. Произвед русской администрации в отношении казаков, непосредственно наблюдавшийся на местах, ограничения казаков в земельных правах, как и вообще полное земельное оскудение их и как следствие, явно выражавшееся Оренбургскими казаками недовольство русскими местными властями, казачьи волнения в Оренбуржье и тяга по вольной казачьей жизни, послужили основой творчества молодого казачьего писателя, печатавшегося под литературным псевдонимом Гусев-Оренбургский/настоящая фамилия-Гусев/.

С другой стороны, близкое непосредственное знакомство писателя с бытом и нравом, как и полное знание всех обычаев и ухваток провинциального духовенства, обслуживавшего духовные нужды и требы Оренбургских казаков, и составлявшегося преимущественно из русских священников по своему происхождению, вызвало резко отрицательное отношение С.И.Гусева-Оренбургского к этому русскому духовенству. Последнее было им представлено в его многочисленных рассказах, как исключительно алчное и корыстолюбивое. С исключительной художественностью, С.И.Гусев-Оренбургский отобразил все отрицательные черты лихоимствующего духовенства, при обслуживании им казачьих станичных приходов. Одновременно, писатель не поспешил на красочность описания вообще всего внутреннего быта мелкого русского духовенства, обслуживавшего Оренбургских казаков. Эти описания настолько сильны внутренней силой своего красочного описания и содержания, что просто порой не

приходились по душе цензорам, как и литературным критикам.

В период времени, от начала его писательской деятельности, в 1891 году, когда был напечатан его первый рассказ и до 1919 года, им были написаны большие повести: "В стране отцов", "Люди-звезды", рассказы: "Курычанские прихожане", "В глухом уезде", "Враги", "Идеалист", "Призрак", "В приходе", "Савватий", "Волны" и мн. др.

Все издававшиеся в России, в конце XIX и в начале XX столетий, журналы: "Знание и Жизнь", "Нива", "Родина" и др., а равно и в литературных сборниках: "Знамя", "Знание" и др., всегда печатали все повести и рассказы С.И. Гусева-Оренбургского, составившие ему большое литературное имя, как знатока казачьей действительности и быта русского духовенства. Кроме того, различными книгоиздательствами были изданы тогда же и отдельные томы его литературных произведений.

В первых годах XX столетия было издано первое собрание сочинений С.И. Гусева-Оренбургского, в следующем оформлении:

С.И. Гусев-Оренбургский: "Рассказы". Томы 1-4. Изд. То-ва "Знание". С.Петербург. 1903-1913 г.г.

В 1904 году был издан тем же изд-м том 1-й "Рассказы" С.И. Гусева-Оренбургского, в исправленном и дополненном содержании, как издание 2-е. Через пять лет, этот том 1-й "Рассказы" /с учётом изданий ранее вышедших/, вышел в 1909 году, как издание 3-е. И, наконец, уже в 1919 году, в Петрограде, этот том 1-й "Рассказы", был издан в 4-м издании, в 324 страницы.

В 1913 году, журнал "Пробуждение" издал книгой:

С.И. Гусев-Оренбургский: "Избранные рассказы". 112 стр. С.Петербург. 1913 год.

Период 1913-1918 г.г., является эпохой расцвета литературного таланта С.И. Гусева-Оренбургского, будучи ознаменованным изданием его пространного собрания сочинений, в 15-ти больших томах, причём каждый из томов имеет свои индивидуальные титульные именные листы:

Том 1-й: "Рассказы".	Том 9-й: "Мгла".
Том 2-й: "В гостях".	Том 10-й: "Курычанские прихожане".
Том 3-й: "Страна отцов".	Том 11-й: "Враги".
Том 4-й: "В приходе".	Том 12-й: "В глухом уезде".
Том 5-й: "Золотой сон".	Том 13-й: "Люди".
Том 6-й: "Над поймой".	Том 14-й: "Призрак".
Том 7-й: "Дьякон и смерть".	Том 15-й: "Борьба и другие рассказы".
Том 8-й: "Недоумение".	

В 1918 году был напечатан целый ряд отдельных небольших сборников его рассказов, при массовом тираже:

1/С.И. Гусев-Оренбургский: "Казак Колодин", "Стрела", "Заступник". /Рассказы/. 84 стр. Изд. 2-е. Москва. 1918 год. /Издание 1-е в 84 стр., было выпущено в Москве, в 1915 году/. Тираж 10.000 экземпляров. Издательство "Универсальная Библиотека".

2/С.И. Гусев-Оренбургский: "Чёрная легенда". 28 стр., с тремя рисунками художника И. Гурьева. Изд-во "Жизнь и Знание". /"Дешёвая Библиотека". Книга 15-я. / Тип. П.П. Горшунина. 1918 год. Тираж 5.000 экземпляров.

3/Гусев-Оренбургский С.И.: "Маленький Павлик". 64 стр., с тремя рисунками художника И. Гурьева. Тоже изд-во и та же типо-я. Книга 14-я. Петроград. 1918 год. Тираж 10.000 экземпляров.

4/С.И. Гусев-Оренбургский: "Музыканты". 16 стр., с двумя рисунками художника И. Гурьева. Изд-во и тип-я те же. Книга 16-я. Петроград. 1918 год. Тираж 10.000 экземпляров.

5/С.И. Гусев-Оренбургский: "Рабочий", 19 стр., с тремя рисунками

художника И. Гурьева. Изд-во "Жизнь и Знание". Тип. П. П. Горшунина. Петроград. 1918 год. / "Дешевая Библиотека". Книга 17-я. Тираж 10.000 экземпляров.

В период 1922-1930 годов, в СССР были изданы следующие произведения С. И. Гусева-Оренбургского:

- 1/С. И. Гусев-Оренбургский: "Не дошла", "Мама", "Маруся". / Рассказы/. 22 стр. Харьков. 1922 год.
- 2/С. И. Гусев-Оренбургский: "Страна отцов". Сборник. 253 страницы. Москва-Петроград. 1923 год.
- 3/С. И. Гусев-Оренбургский: "Свадьба". / Рассказ/. 32 стр. Москва-Ленинград. 1926 год.
- 4/С. И. Гусев-Оренбургский: "Купец Широкозядов". / Рассказ/. 15 стр. Москва. 1928 год.
- 5/С. И. Гусев-Оренбургский: "Кახетинка". / Рассказ/. 32 стр. Москва. 1930 год.

После революции в России, С. И. Гусев-Оренбургский ушёл в эмиграцию и осел в С. Ш. А., где во время его пребывания там, после 1920 года, были изданы два сборника его рассказов, как то: "Курьчанские прихожане" и "Глухой приход". Незадолго до его смерти / в 1963 году /, им была написана поэма, полная мистицизма: "В поисках пути", выпущенная в печати отдельным сборником.

Кроме того, в Англии была издана на английском языке, следующая его книга: Goussev-Orenburgsky S. I.: "The Land of the Children". Translated N. N. Selivanova. 421 p. London. 1928.

Кроме отмеченного в отношении общего числа литературных произведений С. И. Гусева-Оренбургского, написанных им и опубликованных разновремененно в печати, необходимо учитывать особо его собственные автобиографические данные, лично написанные им и также опубликованные в печати, как то:

- 1/С. И. Гусев-Оренбургский: "Автобиография". Напечатано в книге Ф. Ф. Фишер: "Первые литературные шаги", стр. 124-126. Москва. 1911 г.
- 2/С. И. Гусев-Оренбургский: "О себе" / личные автобиографические записи /. "Новые русские книги" №7, стр. 34. Берлин. 1922 год.

Вся литературная деятельность, как равно и его выдающиеся литературные дарования, дают полное право считать С. И. Гусева-Оренбургского одним из самых видных казачьих писателей, чьё имя должно всегда почитаться казаками.

В 1967 году, осенью, в С. Ш. А., на кладбище г. Нью-Йорка, где похоронен прах С. И. Гусева-Оренбургского, на собранные добровольные пожертвования, был поставлен ему памятник, в ознаменование столетней годовщины его рождения.

54/ВИКТОР АНТОНОВИЧ ДЬЯЧЕНКО.

Почти забытый ныне, выдающийся писатель-драматург Виктор Антонович Дьяченко, является потомком Запорожских казаков, где его дед Чернорудый-Дьяк, был подлинным "сичовиком". С разгромом Запорожской Сечи в 1775 году, Запорожцы разбрелись по разным местам, памятуя "вражью бабу-мать Катарину"/императрица Екатерина 2 в представлении Запорожских казаков/.

Чернорудый-Дьяк оказался в числе тех, кто отозвался позднее на призыв Антона Головатого, Чепиги и Сидора Билого, и пошёл в ряды "Войска верных казаков Черноморских", в последующее переселённого на Таманский полуостров и ставшего впредь называться Черноморским Казачьим Войском до 1860 вкл., и далее вошедшего в состав образованного Кубанского Казачьего Войска.

Родившись в 1818 году, В.А.Дьяченко с малых лет почувствовал тягу к образованию, что ему и удалось, вследствие его поступления в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, который он окончил в 1840 году, выйдя офицером-инженером путей сообщения, с назначением на службу в г.Пинск/Полесье, бассейн р.Припяти/. Здесь, В.А.Дьяченко провёл на военной службе ровно 20 лет, когда в 1860 году состоялся его служебный перевод из Пинска в Москву и он наконец получил полную возможность развить и усовершенствовать его весьма недюжинные дарования литератора, как писателя-драматурга. К этому времени относится начало его большой личной дружбы с знаменитым артистом М.С.Щепкиным, оказавшим известное влияние на В.А.Дьяченко, в отношении написания им исключительно драматургических литературных произведений.

Первыми большими литературными работами В.А.Дьяченко были его пьесы:

1/В.А.Дьяченко: "Вот каковы корнеты!". Водевиль-шутка. 1837 год.

2/В.А.Дьяченко: "Лучио". Поэма. Напечатана в "Сыне Отечества". 1838 год.

В 1861 году, в начале пребывания в Москве, В.А.Дьяченко написал одно из самых лучших своих произведений, которое было не только опубликовано в печати, как либретто, но и поставлено на сценах тех лучших театров/императорские/, в Александринском театре С.Петербурга в 1861 году и в Малом театре, также в С.Петербурге, в 1862 году:

3/В.А.Дьяченко: "Жертва за жертву". Драма в 4-х действиях. Москва. 1861 год.

Тогда же, в 1861 году, Дьяченко была написана и другая замечательная драматургическая работа:

4/В.А.Дьяченко: "Кара Божия". Драма. Москва. 1861 год.

Самой лучшей работой В.А.Дьяченко, считается его непревзойдённое драматическое произведение "Гувернер", над которым он работал около двух лет и которое совместно с драмой "Жертва за жертву", было представляемо на различных театральных сценах, как столичных, так и провинциальных театров России, в период 1864-1968 годы, сопровождаясь неизменным шумным успехом.

5/В.А.Дьяченко: "Гувернер". Драма в 4-х актах. Москва. 1864 год.

Вообще говоря, период 1860-1864 годов, был расцветом литературного творчества В.А.Дьяченко, как писателя-драматурга, ибо им было написано за четыре года 23 пьесы, которые были все приняты к постановке на сценах театров. Успех В.А.Дьяченко был ошеломляющим, даже для московских завзятых театралов.

Как отмечается в специальных исследованиях: "Критика никогда серьёзно не считалась с В.А.Дьяченко, но в его наивном драмодей-

ствии, было нечто от своего времени. Сюжеты его пьес просты, проникнуты немножко сентиментализмом, но взяты из действительности: симпатичные девушки, страдающие под гнётом семейного деспотизма, юноша героически принимающий на себя чужое преступление, чтобы избавить от позора любимую женщину, француз-губернер, который при своём крайнем легкомыслии, может дать полудикой глуши хороший урок здравых понятий о чести и настоящем уважении к чувству женщины. Всё это было занимательно и было благодушным уроком морали, всё же гораздо более высокой, чем общий низменный уровень русской жизни!". / "История русских литераторов". Том 3, стр. 102-103. Москва. 1928 год/.

Всего было написано В.А. Дьяченко 76 драматических пьес, где помимо вышеперечисленных, наиболее талантливо воспроизведенными, являются следующие драматургические произведения:

- 6/В.А. Дьяченко: "Новый Суд". Драма. Воронеж. 1872 год.
- 7/В.А. Дьяченко: "Законная жена". Драма. Воронеж. 1872 год.
- 8/В.А. Дьяченко: "Неровня". Драма. Воронеж. 1872 год.
- 9/В.А. Дьяченко: "Блестящая карьера". Водевиль. Воронеж. 1874 год.
- 10/В.А. Дьяченко: "Подвиг гражданки". Историческая драма в 4-х действиях. С. Петербург. 1874 год.
- 11/В.А. Дьяченко: "Болезненная страсть". Драма. С. Петербург. 1874.
- 12/В.А. Дьяченко: "Практичный человек". Драма. Воронеж. 1874 год.
- 13/В.А. Дьяченко: "Скрытое преступление". Драма в 3-х действиях. Воронеж. 1875 год.
- 14/В.А. Дьяченко: "Современная барышня". Драма в 4-х действиях. Воронеж. 1875 год.
- 15/В.А. Дьяченко: "Не первый-не последний!". Водевиль. Воронеж. 1875 год.
- 16/В.А. Дьяченко: "Практический человек". Драма. Воронеж. 1875 г.
- 17/В.А. Дьяченко: "Пробный камень". Драма. Воронеж. 1875 год.
- 18/В.А. Дьяченко: "Семейные торги". Пьеса. Воронеж. 1875 год.
- 19/В.А. Дьяченко: "Предсмертное обьяснение". Драма. С. Петербург. 1875 год.

В 1873-1876 г.г., было издано полное собрание его сочинений, где были напечатаны все 76 пьес:

В.А. Дьяченко: "Драматические сочинения". /76 пьес/. С. Петербург. Томы 1-5. 1873-1876 г.г.

Забывший теперь казачий писатель, полковник-инженер В.А. Дьяченко, умер 30 марта 1876 года в Воронеже, где и был похоронен. Умер 58 лет.

Примечание автора: Моя жена, Вера Петровна Ленивова, Кубанская казачка по материнской линии, является правнучкой казачьего писателя-драматурга Виктора Антоновича Дьяченко.

55/ИОСАФ ИГНАТЬЕВИЧ ЖЕЛЕЗНОВ.

Что говорит современным казакам фамилия казачьего писателя эпохи 50-60 годов прошлого XIX столетия, природного Уральского казака Иосафа Игнатъевича Железнова?

Отвечая на сей вопрос, приходится с грустью признать, что его имя сейчас уже почти забыто казаками и редко-редко кто вспомнит о нём, посвящая ему всего только пару общих, ничего и никому не говорящих строк. Вывод из указанного обстоятельства может быть только один, что и приходится констатировать, как точный и непреложный факт, основание которому даётся в почти полнейшем отсутствии каких-либо исторических материалов о казачьем писателе, каким являлся в своё время И.И. Железнов.

Знакомя современных казаков с столь выдающейся личностью, как И.И. Железнов, настоящим воспроизведём согласно подлинника некоторые мысли и рассуждения последнего, которые были им оставлены в назидание и на память будущему казачьему потомству:

"...Многим, вероятно, известно, что казак-природный казак, лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное! Но почему казак типичен, оригинален, самобытен и самостоятелен, вот это, вероятно, не многим известно? Без сомнения, подобные мысли не многим приходили в голову, но и зайдя какому-нибудь господину в голову, эти мысли не имели правильного исхода, не переварились, как следует. На эту тему можно написать огромную диссертацию, но я на первый раз ограничусь небольшой заметкой.

"КАЗАЧЬЕ СОСЛОВИЕ" образовалось не вследствие кабинетных проектов, а сложилось само собою ещё в то время, когда на Руси не знали проектов, когда русская земля, вследствие исторического и географического своего положения, неспособна была рожать казаков, этих ужасных варваров, которые чуть ли не первые, соединясь с Литвой и Польшей, осмелились поднять руку на татар, угнетавших Русь. Короче говоря, казаков-создала сама природа, без спроса и совета людей: вот отчего, казак-лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное.

Между тем в настоящее время, когда умные и благомыслящие люди хлопочут об устройстве железных дорог, поднимают и трактуют разные современные и, конечно, полезные вопросы, встречаются к сожалению такие люди, которые хлопочут или, по малой мере, мечтают об устройстве новых общин казачьих.

Это люди, по преимуществу, или полуартисты, полутуристы, или полуправители, или наконец, полуполитологи, имеющие притязание на многостороннее знание быта народного, верующие в непогрешимость своих взглядов и выводов, словом, люди, почитающие себя специалистами по всем частям общественного быта и устройства, люди... но титул их слишком длинен. Чтобы сократить его, я просто-напросто назову этих господ прожекторами. Они, эти прожекторы, думают и верят, что на известных началах, необходимых и крепких, как цемент, для службы регулярной, по-просту казарменной, лагерьной, не неудобноприменимых к образу жизни казачьей, можно из всего угодно завести сейчас колонии и создать из них новые общины казаков. Прожекторы и сами заблуждаются, и тех, кто над ними поставлен, вводят иногда в страшные ошибки. По моему мнению, которого я однако же никому не смею навязывать, особенно прожекторам: они идут своей дорогой и их не скоро собьёшь с нея... По моему мнению, это значит насиловать природу.

Пишут, что за границей, именно во Франции, разводят искусственным разведением форели с успехом. Но применима-ли теория на

практике, т.е. вошло ли искусственное разведение рыбы в число отраслей промышленности, словом, введено ли оно в область сельского хозяйства и можно ли ввести его в область сельского хозяйства, не знаю. Достоверно знаю только то, что по известиям и наставлениям, почерпнутым из французских журналов, пробовали на Урале, в Гурьеве-городке, разводить рыбу-севрюг, но результат был самый плохой, меньше нуля. Не только не родился ни один мошенник-севрюженок, но и икранные севрюги-матки умирали, не выметав икры, несмотря на то, что их держали в отлично устроенных чанах и в речной, проточной, и в морской воде, со всем комфортом, со всеми удобствами, как было изложено на бумаге, а на бумагах было изложено так ясно, так гладко, так отчетливо, как нельзя лучше!.. Скажут, не умели за дело взяться. Но может быть дело это слишком мудро, и может быть, за это дело мудрено взяться и профессору естественных наук, потому что форель и севрюга, две рыбы совершенно разные: форель может жить и в чашке, а для севрюги нужна широкая и глубокая река, да раздольное море, потому она и зовется КРАСНАЯ РЫБА. Но, как бы то ни было, из неудачных попыток к разведению севрюг, я вижу одно, что надо быть слишком мудро, чтобы безусловно покорять себе природу и заставлять её плясать под свою дудку. Много ли таких мудрецов отыщется? Первый, другой, да и обчелся.

История упоминает, что во времена глубокой древности египтяне умели посредством какого-то секрета, выводить искусственным образом цыплят. Потом, в новейшее время, в Англии, говорят придумали какие-то печи или что-то в роде печей, посредством которых выводили и выводят из яиц, без участия насекомых, целыми тысячами цыплят... Не отрицая всем и каждому известной истины, что цыплят выводят паром, я однако же вполне убежден, что первые цыплята выходят на самом деле плохие.

Говорю все это к тому, что думать и составлять проекты, как бы создать новые казачьи общины или к существующим уже причислять мирных земледельцев, например государственных имуществ крестьян, или людей, ведущих жизнь пастушескую, например, киргизов, это, смею думать, не что иное, как искусственное разведение севрюг и цыплят.

Еще из кочевника-пастуха, живущего вместе с волками, в пустынных степях, может выйти что-то среднее между казаком и солдатом, но ни настоящего казака, ни настоящего солдата не выйдет, а выйдет скорее хорошо вооруженный хищник, который не будет давать спуска ни чужим, ни своим... а ведь это неутешительно. Но из земледельца, наследовавшего от предков своих соху и борону, из земледельца, в жилах которого и кровь-то вращается не совсем быстро, большей частью перебивающегося из куска на кусок, из земледельца носящего посконную рубаху и лапти и незнакомого с употреблением ситца и сапог, смело говорю, НЕ МОЖЕТ ВЫЙТИ НАСТОЯЩИЙ, ТАК СКАЗАТЬ, НЕПОДДЕЛЬНЫЙ КАЗАК, КОТОРЫЙ БЫЛ-БЫ В ОДНО И ТОЖЕ ВРЕМЯ: И ВОИН ХРАБРЫЙ И ГРАЖДАНИН МИРНЫЙ, И СЕМЬЯНИН ХОРОШИЙ И ЧЕЛОВЕК ЗАЖИТОЧНЫЙ. Без последнего качества или условия, он казаком быть не может, а ежели и велят ему быть казаком, то глядя на него со стороны, наплачешься, а имея дело по службе-наплачешься.

Солдат из земледельца, что и говорить, выходит превосходный, бесподобный, но между солдатом и казаком разница слишком огромная: между солдатом и казаком нет параллели. По своему положению в государстве и по своему отношению к службе, солдат и казак, два существа разные! Вот, в кратких словах, доказательства:

Мужика, взятого в солдаты, казна принимает на свои руки чистого, как мать в чём родила. Казна обувает и одевает, поит и кормит солдата, даёт ему и квартиру, и оружие и лошадь, ежели он кавалерист; словом, солдат весь век живёт на всём готовом. От солдата от самого зависит жениться или нет. Он может жить без жены, как и живёт наибольшая часть солдат без жён. Если же солдат женится, казна даёт приют и жене его. Если у солдата родится сын, казна одевает, кормит и сына его. Для солдата весь мир заключается в роте, где он служит, в казармах и лагерях, где он живёт. Солдату нет надобности ни до каких стихийных явлений и воздушных перемен, нет никаких надобностей ни до каких общественных бедствий: ни засуха, ни голод, ни скотский падеж солдата не касается: он всегда сыт, обут, одет. Дело солдата: знать военные артикулы и больше ничего.

Но дело казака, совсем иное дело!.. Казак только на внешней службе, т. е. на службе вне родины, получает от казны паёк провизанта и несколько денег на приварок, на табак и т. п. Во всякое же другое время, казак должен сам себе добывать насущный кусок хлеба. Но одевается казак, как на внешней службе, так везде и всюду, всю жизнь на свой счёт: лошадь, седло, оружие, амуниция, словом всё, от подковного гвоздя до последней нитки, у казака своё, казне до всего этого дела нет: начальство требует только, чтобы у казака всё было чисто, хорошо, опрятно и по форме.

Казак не может быть без жены, следовательно и без семейства: В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ПОТОМСТВА, СЛЕДОВАТЕЛЬНО И КАЗАЧЕСТВА, НЕ БУДЕТ! Женившись, казак должен обзаводиться домом и хозяйством, чтобы было где и на что жить с женой. У казака родились дети, казаку нужно самому иметь попечение о детях, нужно обуть, одеть, прокормить их, нужно уму-разуму научить: другим никому до этого дела нет.

Казака посылают на внешнюю службу на четыре года, например, в Москву: казак оставляет на родине старика-отца, старуху-мать, молодую-жену и малых детушек. Как без него они будут жить?.. Что будут делать, что будут есть?.. За всё, про всё, отвечает казак, всё это лежит на его "могучих плечах", всё это чувствует "грудь, да подплека его": другим никому до этого дела нет.

Сделалась засуха, сделался неурожай, открылся голод: у казака душа не на месте, а ему говорят: "не тужи, тридцатипятилетний термин верой и правдой служи, а о семействе сам промышляй, это твое, говорят дело..."

Сделался падеж на скот, пали у казака в доме последние коровёнки, питавшие его детей, пала у казака на службе строевая его лошадь: казака в дугу гнёт, у казака кожа трещит, ум за разум заходит, а ему опять говорят: "не тужи, положенный термин верой и правдой служи, а лошадь для себя, чтоб царская служба не стояла, где хочешь добывай, это твое дело, и о семействе, как знаешь, промышляй, и это твое, говорят, твое дело!"

Между солдатом и казаком разница слишком огромная. Поэтому из крестьянина, большей частью перебивающегося с куска на кусок, нельзя, повторяю, создать неподдельного казака. Отрёбье казачье выйдет, особенно если благородный казачий класс, разумея офицерство, не выкинет из головы пошлое и дикое убеждение: держать простого казака, аки смерда, в черном теле, чтобы с жиру не баловался

Не спорю, не мудрено, пожалуй на мужика надеть, вместо шляпы-казачью шапку, вместо армяка и полушубка-мундир, не мудрено дать ему в руки вместо косы и серпа, пику, ружьё и шашку, не мудрено приучать его шогать нога в ногу и повертываться, как на пружи-

нах. На это способных людей много отыщется, но мудрено поставить его в такое положение, чтобы он, без истощения жизненных сил и без утрат нравственных начал, имел возможность содержать и дом, и семью, находясь при том от них три-четыре года в отсутствии, на службе, и одевать в мундиры из гвардейского сукна; мудрено, даже совершенно невозможно, заложить в него ту закваску, что и главное — то, которая лежит в основе действительного, неподдельного казачества, мудрено и невозможно вдохнуть в него тот благотворный дух казачьей общины, дух казачьего братства и товарищества, дух, без которого нет и не может быть общества.

Я не говорю, что новобранец-казак/приписной казак/не приобретёт некоторых ухваток и сноровок, годных для того, чтобы при удобном случае и при верной okazji, а okazji и случаи часто представляются при полицейской службе, сорвать с кого "семитку" или платок. Эти качества, к сожалению, скорее всего к нему привьются, особенно при полицейской службе в каком-нибудь городе. Но ведь эти качества не составляют достоинства казака или кого-бы то ни было. За эти качества ныне сажают в острог. Кажется, так? Можно казака-новобранца вышколить на кой-какие лады и манеры, но попробуйте-ка настроить его на тот тон, которым звучит настоящее казачество, вы убедитесь, что шилом море не нагреешь, из глины хлеба не испечешь и т.п. Вообще про казака, не рождённого от природного казака и, главное, не выросшего в сфере казачьей жизни, можно безошибочно сказать: "Федот, да не тот!..". Быть может, мне укажут на знаменитых пластунов-Черноморцев, оказавших в последнюю войну и теперь оказывающих при постоянной, почти каждодневной борьбе с горцами, чудеса ловкости и предприимчивости и скажут: "Вот-де, казаки, община которых устроилась недавно, в конце царствования Екатерины 2". А я, в ответ на это, скажу вот что: "Да из каких-же элементов сложилось Черноморское Казачье Войско?.. Разве неизвестно нам, что Черноморцы — не крестьяне, а отпрыски того могучего, никогда совсем не увядшего древа, что мы называем казачеством!"

Еще может статься, укажут мне на Оренбургское Казачье Войско, к которому тоже не очень давно причислено более чем до пятидесяти тысяч земледельцев и солдат, считая тут, разумеется, и старых и молодых. — Так, но что-ж из этого? Скажут мне, что это было нужно?.. Да, я против того, ни слова... Скажут-ли мне, что новые казаки-народ славный, хорошо служат!.. Да, я об этом не спорю.

А я скажу все-таки только то, что сказал в начале статьи: "Многим, вероятно, известно, что казак-природный казак, лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное". "Спрашиваю же я теперь самих Оренбургцев, коренных Оренбургцев, пусть они скажут: в какой степени новобранцы-казаки сравнялись в этом смысле с ними, с коренными Оренбургскими казаками, происшедшими по прямой линии от древних Волгских, стало быть, Донских казаков?"

Позвольте сделать сравнение. Хотя и говорят иные, что сравнение не есть доказательство. Но в этом деле, о котором я говорю, сравнения не могут быть совсем исключены из числа доказательств, по крайней мере, сравнения тут необходимы, ими уясняется предмет, а это то и важно. На Урале, наши казачки великие мастерицы приготавливать из молока т. наз. варенец, вроде желе, но только не сладкого, а кислого, или кисловатого. Но этот варенец тогда только бывает хорош и вкусен, когда казачка заквасит его хорошим кислым же молоком. В противном случае, не от молочной закваски, а от другой, например, от хлебной, варенец бывает дурён и безвкусен; тогда его и варенцом нельзя назвать, тогда имя ему простокваша,

а уже куда, Бог с ней, не вкусна эта простокваша. Вот и значит, что насколько материал, настолько-же, если не больше, и закваска нужна для того, чтобы вышло что-нибудь путное и хорошее.

Чего доброго, прожекторы схватятся за только что высказанную мысль мною о закваске. Они, пожалуй, скажут, что надежда в будущем, что ежели земледельцы, обращённые в казаков, будут плохие войны, плохие наездники, то потомство их улучшится, особенно же при хорошей закваске, т.е. ежели в общество крестьян, обращённых в казаков, бросить горсть-другую настоящих казаков. О, Боже мой!.. Не очень легко улучшить породу лошадей, мы и с этим-то делом, плохо ладим, а мы ещё захотели бы улучшать породу людей, для этого, говорят, мы ещё не доросли. Тут, т.е. в улучшении породы людей, никакая искусственная закваска не поможет, времена не те, обстоятельства не те, нравы не те, наконец, Русь не та, что была при князьях и царях... Бесспорно, можно и должно стараться улучшать быт людей, но не обращением их в казаков, не увеличением числа казаков. Это будет в тягость обращаемым в казаков, а не в облегчение. Это будет отчасти хорошо для... Знаете-ли для кого?.. Для нашего брата, казацкого офицера, тогда извольте знать, всякого рода должностей для нас будет больше, а должности для нашего брата, говоря откровенно, то-же, что для рыбы-вода, для птицы-воздух, такое уж положение наше, такая уже судьба наша. Вот ежели смотреть на увеличение числа казаков с этой, я назову офицерской точки зрения, прожекторы, пожалуй, не ошибаются, т.е. говоря по-просту, они попадают пальцем в небо.

Не колеблясь, можно сказать, что прожекторы смотрят на все преобразования или на большую часть преобразований в казачьих общинах, с этой офицерской точки зрения, но в проектах своих толкуют об общечеловеческих интересах; от всех прожекторских предначертаний, от всех докладных записок и тому подобных бюрократических хитросплетений, так и веет гуманными идеями, потому что везде на первом месте стоит высокая цель улучшение быта народного.

Прочитав один из таких проектов, особенно, прослушав самого составителя проекта, когда он в увлечении, пустится трактовать о любви к младшей братии, невольно подумаешь: "Благодать Господня!". Но как всмотришься в дело, так совсем иное видишь: развитие в проекте мысли об улучшении народного быта, при применении к делу, улечиваются, как эфир! Отчего?.. Да, оттого, что господин, чертящий проект, смотрит на предмет, с ложной точки зрения, ей же имя: офицерская. Отсюда и следует, что все предполагаемые улучшения живут только на бумагах, по отчётам, а на деле ничего нет, хоть и не ищи: вотще труды пропадут...

Всякий проект о преобразовании должен идти рука об руку, мало того всякий проект должен прилаживаться, пристраиваться, припаиваться, срастаться с самим делом, а проекты тех, кого я называю полуартистами, полутуристами, полуадминистраторами, полулитераторами, проекты этих господ идут напролом, не разбирая ни обычаев, ни преданий, ни местных условий, попирая всё, что составляет заветную, нравственную основу жизни человека. Проекты этих господ ни на волос не уклоняются от того направления, какое получают от толчка, даваемого с офицерской точки зрения, а напротив, сами они эти проекты, всякое человеческое дело пригибают к своим бюрократическим формам, оттого-то всякое человеческое тело искажается, утрачивает всё человеческое и потому уже становится к жизни в ложное положение, а где ложь, там и спутница её-мерзость!

Обратите внимание на крестьянина в Архангельской губернии...

Что делать? Дело пошло на сравнение. - Обратите внимание, говорю, на крестьянина Архангельской губернии... на т. наз. помора. Кто он? Простой мужичёк, не упражняющийся ни в каких гимнастических штуках. Но под рукой у него океан, или сам он под боком у океана: оттого-то он бесстрашный, отважный и ловкий мореплаватель, рыскающий по океану на утлой ладье, за куском несущего хлеба. Но высушится океан, что выйдет из отважного моряка? Ремесленник, торговец и т. п. Это же можно сказать и про казачество. Оно... но позвольте сделать ещё одно последнее отступление.

На заглавном листе одного из наших повременных изданий есть эпиграф, взятый из старинной грамоты: "Помяните одно: только коренью основанье крепко, то и древо неподвижно, только коренья не будет, к чему прилепиться?". Понятея глубоко-нравственный смысл этих слов, понятно и то, зачем "Русская Беседа" выбрала эти слова своим эпиграфом, об этом нечего говорить. Но зачем, с какой стати слова эти попали в мои заметки о казачестве?.. Вот вопрос, который может статься, зададут себе читатели. В ответ на это, я скажу вот что: слова эти, или изречение это по своему складу мне нравится и я, не погрешая против здравого смысла, что и важно, хочу через эти самые слова, или через это самое наречение провести свою особую мысль в применении к вопросу о казачестве. Будьте внимательны!

Когда казачество руководясь коренными, основными, из самой жизни вытекающими, а не сочиненными кем-либо из прожекторов, правилами, боролось с татарами и другими враждебными народами, это значит было у него коренье, тогда оно было казачество во всем обширном смысле слова. А как пришло время, что бороться уже не с кем, и слава Богу!.. Это значит коренье у казачества стало присыхать... ежели еще и держится еще старое казачество, ежели оно и не совсем еще выдохлось, т. е. не совсем еще выдохлось, не совсем утратило тот букет, которым и теперь от него повеет, это оттого, что:

Во-первых, закваска в нём положена не рукой человека-прожектора, а временем и обстоятельствами, или как я уже сказал, самой природой.

Во-вторых, коренье его, лелеянное в течение нескольких веков самой природой, успело проникнуть в почву жизни и настолько всосать в себя жизненных соков, что остатками этих соков доселе еще, благодаря Богу, поддерживается пока старое казачество. Но коренью вновь насаждаемого казачества, при современной обстановке и при искусственной политике, смею думать, во веки-веков не разрастись и не проникнуть на такую глубину, куда во-время оно достигало коренье первобытного неподдельного казачества. Чтобы иметь плод от этих рассадников, нужно вернуться назад, а это не в порядке вещей". /Из книги: "Уральцы". /Очерки быта Уральских казаков/. Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. Том 2, стр. 301-314. Изд. 3-е, посмертное. С. Петербург. 1910 год/.

Каково было значение И. И. Железнова в казачьей литературе, если принять во внимание приведенное его изложение, достаточно напомнить современному казаку, что писал журналист Авесов, посвящая некролог покончившему жизнь свою самоубийством, И. И. Железнову: "В САМЫХ ГЛУХИХ ХУТОРАХ, КАЗАКИ ЗНАЛИ, ЧТО ЕСТЬ ЖЕЛЕЗНОВ, КАЗАЧИЙ ПИСАТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ПОСТАВИЛ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ ЗАЩИЩАТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО". /"Камско-Волжская газета" №86. 1873 год/.

Увековечивая память о казачьем писателе И. И. Железнове, следует, прежде всего, отметить, что он является природным казаком

Уральского Казачьего Войска, родившимся в г. Гурьеве, 12 ноября ст.ст. 1824 года. Отец его — казачий урядник И. Д. Железнов, находясь в далёкой поездке в Киргизскую степь, пропал без вести, когда Иосафу Игнатьевичу, будущему казачьему писателю, было только 6 месяцев от роду. Оставшись без всяких средств к существованию, его мать не растерялась и устроившись на работу к одному местному богатому рыбопромышленнику в г. Гурьеве, смогла дать своему сыну приличное образование по тому времени, определив сына в 1836 году в Войсковое училище в г. Уральске, имевшее четырёхлетний курс обучения.

Окончив Войсковое училище в 1841 году, И. И. Железнов был назначен писарем в Войсковую Канцелярию при Наказном Атамане, в г. Уральске. Но казённая атмосфера в Войсковой Канцелярии, не пришлась по душе И. И. Железнову и он бежал оттуда, зачислившись рядовым казаком в Гурьевскую линейную казачью сотню. Пройдя здесь строевое обучение в течение двух месяцев, Железнов был произведен в чин хорунжего и назначен начальником Красноярского форпоста. Прослужив в последнем свыше четырёх лет, И. И. Железнов был переведен на службу в степь, в Уильское укрепление.

Возвратившись в Уральск в 1847 году, И. И. Железнов зачислился в 1848 году, во вновь формирующийся конный полк Уральских казаков. Зачисленный письмоводителем полковой канцелярии, И. И. Железнов с полком выступил из Уральска 1 июня 1849 года в далёкий поход. Пройдя походом с Урала в Москву и далее в Киев, полк был направлен в Виленскую губернию, где и оставался до середины лета 1851 года. Потом полк был возвращен на Урал, первоначально в г. Гурьев, а позже в г. Уральск, осенью 1851 года. С полком вернулся на Урал и И. И. Железнов.

В 1852 году И. И. Железнов был назначен адъютантом Уральского казачьего полка, стоявшего в Москве. Командиром полка был полк. К. Ф. Бизянов, хорошо и сочувственно относившийся к Железнову. Живя у своего полкового командира, И. И. Железнов познакомился с славянофилом Шаповаловым, введшим его в круг известных московских литераторов: драматург А. Н. Островский, М. П. Погодин, Катков, Аксаков, А. Григорьев и др.

Начав возвращаться в писательской среде, И. И. Железнов решил заняться также писательской деятельностью, чувствуя с давних пор призвание к этому. Сочетая свою службу с литературной работой, И. И. Железнов написал свою первую большую работу: "Картины аханного рыболовства, при устьи р. Урала", которая была напечатана в журнале "Москвитянин" № 9-10, в 1854 году. Успех от первого его литературного труда, превзошёл все его ожидания и воодушевил его к дальнейшей творческой деятельности. Все литературные критики отзывались с большой похвалой о таланте И. И. Железнова и прочили ему большую литературную славу.

Знакомство И. И. Железнова с известным писателем Аксаковым, толкнуло его написать большой очерк этнографического характера, под названием: "Башкирцы", который был также напечатан в журнале "Москвитянин" № 14, в 1854 году.

Уверившись в самом себе, а главное определив свои литературные дарования, И. И. Железнов написал большой литературный труд, историческую повесть из жизни Яицких казаков: "Уральская Старина. Василий Струняшев". Эта повесть была частично напечатана в журнале "Москвитянин", в 1854-1855 г.г., а окончание было напечатано в сборнике "Отечественные Записки" /т. т. 64 и 70/, в 1857 году. Одновременно, Железнов напечатал свою большую критическую статью: "Несколько замечаний Уральского казака по поводу статьи

П.М.Небольсина", помещённую в "Москвитяине"/т.т.2-4/в 1855 году. От этого времени, И.И.Железнов ведя интенсивную работу, стал публиковать ежегодно свои новые произведения в различных журналах и сборниках, как:

- 1/Критическая статья об "Истории Пугачевского бунта" А.С.Пушкина./Сборник "Отечественные Записки", том 58.№9.1856 год.
- 2/Очерк из жизни Уральских казаков: "Сайгачники"./Там же, т.62, отд.1.1856 год/.
- 3/Рассказ: "Поединщики"./Журнал "Утро".1859 год/.
- 4/"Мысли казака о казачестве"./Жур."Молва"№32.1857 год.
- 5/"Путевые записки по Уралу"./Журнал "Москвитяин".1858 год/.
- 6/Очерк: "Предания и песни Уральских казаков"./Сборник "Русский Вестник", Том 20, №№7-8.1859 год.
- 7/Рассказ: "Маринкин городок на Яике"./"Библиотека для чтения" Том 158, №2.1860 год.
- 8/Изыскание: "Бумаги о Пугачевском бунте"./Сборник "Чтения Московского Об-ва Истории и русских древностей".Книга 11.1860/.
- 9/Статья: "Киргизомания"./Ответ на статью П.И.Небольсина./Сборник "Русский Вестник".т.30, №21.Кн.1.Ноябрь 1860 года/.
- 10/Рассказ: "Отчего сайгаки покинули Урал"./Жур."Век"№12.1861/.
- 11/"Сказания Уральских казаков"./"Библ.д/чтения.Т.163.1861/.
- 12/Статья: "По поводу упразднения казачьего полка в Москве"./Сборник "Русский Вестник".Том 34.1861 год/.

Надо особо подчеркнуть, что написанная И.И.Железновым в 1861 году обстоятельная статья: "Что такое казачий офицер?", не была пропущена военной цензурой к напечатанию в журналах и газетах. По правилам военной цензуры, напечатание этой рукописи, не дозволяется. С.Петербург.9-го февраля 1860 года.Военный цензор генерал-майор Штурмер"/.

В 1858 году вышло из печати первое собрание сочинений И.И.Железнова, в 2-х томах, где были полностью напечатаны все его статьи и очерки, написанные им за период времени 1854-1858 г.г., как и новый его очерк: "Картины казачьей жизни".

Приведенная выше полностью статья: "Мысли казака о казачестве", напечатанная в 1857 году, в журнале "Молва", вызвала резкую реакцию русского общества против казачьего писателя И.И.Железнова, в отношении которого военная цензура требовала обратить внимание на последнего: "как на писателя, требующего надзора".

Редакция журнала "Библиотека для Чтения"/№4,1859 год/, разбирая отмечаемую статью И.И.Железнова, обращала внимание "...на излишние подробности в некоторых местах, на тщательное изображение таких черт, которые имеют слишком местный, слишком специальный характер: на сухие вставки и как раз в тех местах рассказа, где внимание читателя не разделяет с автором/т.е.с И.И.Железновым, прим.наше/симпатии к казачеству, этому изолированному, корпоративному обществу, и ставит знак вопроса над статьей "Мысли казака о казачестве".

В свою очередь, редакция журнала "Современник", критикуя статью "Мысли казака о казачестве", доказывала, что "...казачество, как рыцарство, отжило свой век и может занимать читателя только, как любопытный факт из времен давно минувших: "Зачем воскрешать тех, чья пора миновала, и вызывать их на постепенно заростающую и пустеющую арену!.."

Большая нагрузка работой в полку, как и со стороны писательской деятельности, отразились сильно на здоровье И.И.Железнова, почему он подал рапорт по команде, о предоставлении ему долгосрочного отпуска на Урал, для поправления здоровья. Прибыв домой,

на Урал, весной 1858 года, И.И. Железнов лечась кумысом, посвящал весь свой досуг собиранию исторических и этнографических материалов об Уральских казаках, их песнях и преданиях, как равно и о Пугачевском движении на Урале и в Сибири. Тогда же, выполняя поручение Наказного Атамана Уральского Казачьего Войска ген. Столыпина, И.И. Железнов произвел полный разбор дел по расколу в Войсковой Канцелярии, в г. Уральске.

В феврале 1859 года, И.И. Железнов получил наконец разрешение от Военного Министерства заниматься разыскиванием всех исторических материалов, имеющих отношение к истории Уральского Казачьего Войска, которые сохранялись в Архиве Военного Министерства в Москве. В течение почти трёх лет, в результате кропотливой работы, Железнову удалось собрать большое количество всяких исторических материалов по истории Уральского Казачьего Войска, находившихся в указанном Архиве. Однако, вследствие надорванного здоровья, он должен был покинуть Москву весной 1862 года и уехать в Уральск, почему собранные им исторические материалы остались непроработанными, несмотря на стремление написать полную историю своего родного Уральского Казачьего Войска.

В результате, всеми этими материалами воспользовались, после смерти И.И. Железнова, чужие люди: г. Курилин, писавший на основании этих материалов, свои очерки по истории Уральского Казачьего Войска, печатая их в газете: "Уральские Войсковые Ведомости", в 1869-1872 г.г., и г. Витевский, использовавший материалы И.И. Железнова для составления своих многочисленных исторических монографий об Уральских и Оренбургских казаках.

Прибыв весной 1862 года в Уральск, И.И. Железнов был выбран ассесором Присутствия Войсковой Канцелярии, где проявил себя ретивым защитником казачьих интересов.

В 1863 году, Наказный Атаман назначил И.И. Железнова Атаманом т. наз. северюжьего рыболовства, что и послужило причиной неожиданной гибели последнего. В исходе указанного рыболовства, что и послужило причиной неожиданной смерти последнего. В исходе указанного рыболовства, по наветам людей, завидовавших литературной славе И.И. Железнова, последний был обвинен официально в денежных злоупотреблениях. Не перенеся позора, И.И. Железнов покончил жизнь самоубийством, застрелившись из ружья, 10 июня 1863 года.

После трагической смерти И.И. Железнова, были дополнительно ещё напечатаны неопубликованные его статьи и очерки, как то:

13/ "Сказания Уральских казаков о Хиве". /Сборник "Древняя и Новая Россия". 1886 год/.

14/ "Туча каменная" - повесть. /Напечатана была неполностью в газете "Уралец" №№ 42, 43, 46. 1897 год/.

15/ Различные исторические заметки об Уральских казаках. /Газеты "Уральские Войсковые Ведомости" и "Уралец". 1887-1898 г.г./

Согласно найденного завещания, выражавшего личную волю И.И. Железнова, он был похоронен в окрестности т. наз. "Старого кладбища" города Уральска, где почитателями его памяти, был поставлен прекрасный памятник, сооружённый на собранные денежные пожертвования.

В 1887-1888 г.г., в С. Петербурге, во втором издании было издано полное собрание сочинений И.И. Железнова, под редакцией известного казачьего писателя Уральского казака Н.А. Бородина, на средства Войскового Хозяйственного Управления Уральского Казачьего Войска, в трёх томах, включавших около 700 страниц текста.

В период 1890-1896 г.г., Войсковое Управление Уральского Казачьего Войска издало на свои средства, в виде отдельных книжек,

целый ряд литературных произведений И.И.Железнова, как то: "Василий Струняшев", "Об Аханьщине", "Сайгачники", "Картины казачьей жизни" и др., которые были распространены среди простых Уральских казаков, в среде которых имя И.И.Железнова, пользовалось огромной популярностью. И до сих пор, т.е. уже в наши дни, во второй половине XX столетия, Уральские казаки никогда не забывают имени Яицкого казака Заморенова, по прозвищу "Рыжечка", прославившегося своей, ни с чем несравнимой лихостью и удалством в единоборстве с шведским конным рыцарем, в Полтавской битве и столь талантливо описанного И.И.Железновым, в его повествовании "Рыжечка", который между прочим был изображен на старинном гербе Яицкого/было переименовано Екатериной 2 в Уральское Казачье Войско, прим. наше/Казачьего Войска, где на щите, обрамленном лавровыми ветвями, в верхнем поле, были изображены два скрещенных осетра, а в нижнем поле герба был представлен скачущий верхом на лошади знаменитый казак "Рыжичка", с казачьим опущенным дротиком /старинное название казачьей пики, прим. наше/, в правой руке.

Лишь в конце первой декады текущего XX столетия, полностью были собраны все сочинения И.И.Железнова и изданы в печати в форме посмертного третьего полного собрания сочинений, в 1910 г.:

И.И.Железнов: "Уральцы. Очерки быта Уральских казаков". Томы 1-3. 3-е издание. С.Петербург. 1910 год.

Тогда же, в 1910 году, в печати была дана следующая рецензия в отношении издания указанного полного собрания сочинений И.И.Железнова:

"...Быт казаков вообще представлен в русской жизни, как нечто замкнутое и особое, а быт Уральских казаков, в особенности. На границе диких степей, где в недавние сравнительно годы, приходилось воевать с киргизами, башкирами и другими кочевниками, образовалась громадная община Уральских казаков. Мирные сенокосы, рыбная ловля, в р.Урале и Каспийском море, и набеги в киргизские степи, переплели быт казаков причудливыми нитями. Особым остался этот быт и до настоящего времени. Для собственных целей, государственная власть оставляет казаков в прежнем полувоенном состоянии. Строгие жизненные привычки, предания, народная психология, всё здесь иное, чем во внутренней России, иное и малоизвестное для широкой публики.

Талантливый казачий писатель-казак Железнов даёт в своих книгах богатый художественный и этнографический материал для близкого ознакомления с бытом Уральских казаков. Может быть некоторые картины этого быта теперь уже настолько устарели/писатель кончил жизнь самоубийством в 1863 году/. Но, читатель, заинтересовавшийся казачеством, почерпнёт здесь сведения и образы, дающее глубоко интересное освещение казачьей жизни. К тому же жизнь казаков в её особых рамках, искусственно поддерживаемых правительственной властью, за последнее полу столетие мало изменилась в своих бытовых условиях..." /"Вестник Европы". Журнал науки, политики и литературы. Книга 12, стр.416-417. С.Петербург. Декабрь. 1910 год/.

Нынче идёт 105-й год со дня трагической гибели талантливого казачьего писателя, природного Уральского казака И.И.Железнова, но память о нём сохраняется среди казаков.

56/АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КОСОРОТОВ.

Выдающийся казачий писатель-драматург Александр Иванович Косоротов является природным казаком станицы Старочеркасской, Черкасского Округа, Донского Войска. Родился 6 августа 1869 года.

После окончания среднего образования, А.И. Косоротов поступил на историко-филологический факультет Петербургского Университета. В виду своей бедности, Косоротов вынужден был одновременно и давать частные уроки неуспевающим ученикам средних школ. Будучи на третьем курсе, А.И. Косоротов чувствуя в себе силы, решил серьезно заняться литературной деятельностью, которая в тоже время будет основным источником его заработков.

Первые его шаги, как начинающего литератора в столичном городе Петербурге, были очень сложными и неуверенными, ибо ему пришлось потерпеться многих неудач и испытаний, в качестве репортера, далее фельетониста и наконец критика в Суворинской газете "Новое Время".

Но, время делало своё и в конце 90-х годов XIX столетия, пришло признание со стороны читающей публики, обратившей внимание на разносторонний талант А.И. Косоротова. Действительно, помимо своих чисто писательских дарований, он был далеко не чужд сцене и даже был хорошим художником. Написанный им портрет писателя той эпохи Терпигорева-Атавы, выставлялся на художественных выставках и привлекал всеобщее внимание зрителей и критиков.

Печатаясь в газете "Новое Время", А.И. Косоротов помещал остроумные фельетоны, художественные рецензии, как и мелкие статьи разного рода. Первым крупным и удачным выступлением молодого казачьего писателя А.И. Косоротова, было напечатание двух прекрасных его повестей из гимназической жизни: "Забитая калитка" и "Вавилонское столпотворение". Этот заслуженный успех, стал началом его карьеры в области художественной беллетристики, создав ему имя и привлекая к нему симпатии читателей.

В конце 1897 года, редакция газеты "Новое Время", послала А.И. Косоротова в Париж, в качестве французского корреспондента газеты. Находясь во Франции, А.И. Косоротов написал комедию, которая была издана на французском языке книгой и шла в постановке в некоторых французских театрах:

A. I. Kosorotoff: "Cafe chantant". Comedie. 103 pages. Paris. 1899.

Перемена климата, однако, не принесла пользы для молодого казачьего писателя А.И. Косоротова, и открывшийся у него туберкулез легких, заставил его вернуться обратно в 1901 году из Франции в Петербург.

Здесь, в Петербурге, занимаясь своим лечением, писатель работал театральным критиком в большой газете "Русь", покинув Суворинское "Новое Время". В это время стал обнаруживаться большой талант писателя-драматурга, которому все друзья и почитатели А.И. Косоротова, стали прочить большое литературное будущее. И в скором времени, действительно, "весь" Петербург заговорил о А.И. Косоротове, когда в 1903 году на сцене театра Народного Дома, была поставлена его первая пьеса: "Княжна Зоринька"/сказка в стихах/, прошедшая с большим театральным общепризнанным успехом.

Следующим его драматическим произведением была пьеса: "Весенний поток"/драма в 3-х действиях/, шедшая с совершенно исключительным успехом на сценах театров обеих столиц: в театре В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге и в театре Корша в Москве. Эта пьеса "Весенний поток", прославила имя А.И. Косоротова, как общепризнанного писателя-драматурга и не сходила со сцен столичных

и всех провинциальных театров в России, до начала 1919 года вкл., когда уже укоренилась русско-коммунистическая власть, запретившая дальнейшее представление, как "буржуазного предрасудка".

В 1906 году, А.И.Косоротов написал новую пьесу: "Коринфское чудо"/драма в 4-х актах/, которая была поставлена в постоянный репертуар театра Литературно-Художественного Общества в Петербурге, имея неизменный успех у публики и критиков.

В 1907 году, на сцене Малого театра была принята к постановке новая пьеса А.И.Косоротова: "Волна", комедия в 4-х актах, получившая также признанный успех.

В период 1908-1911 годов, А.И.Косоротов помещал свои многочисленные критические статьи по драматургии и театру, печатая их, главным образом, в столичных газетах и в журнале: "Театр и Искусство". /А.И.Косоротов: "Кризис театра". Журнал "Театр и Искусство" №№17-18 и 20. С.Петербург. 1908 год./ А.И.Косоротов являлся общепризнанным противником т.наз. "режиссерского театра", писал много и пространно о драматическом творчестве модного, в ту пору, писателя Леонида Андреева. А.И.Косоротов символизировал вообще драму, полагая последнюю наиболее интересной для современного ему театра.

Последним литературным произведением А.И.Косоротова была его знаменитая пьеса: "Мечта любви", написанная им к началу 1911 года, и немедленно принятая к постановке во всех столичных и провинциальных театрах, создавая совершенно исключительную, по своим размерам, литературную популярность казачьему писателю-драматургу А.И.Косоротову, и вошедшая в репертуар Художественного театра в Москве, в период 1911-1917 годов.

И эта пьеса: "Мечта любви", принесшая огромную литературную известность А.И.Косоротову, была и его "лебединой песней".

УТРОМ 13 АПРЕЛЯ 1912 ГОДА, А.И.КОСОРОТОВА НАШЛИ ПОВЕСИВШИМСЯ В ЕГО СКРОМНОЙ МЕБЛИРОВАННОЙ КОМНАТЕ В ЛЕСНОМ/С.ПЕТЕРБУРГ/.

В одном из некрологов, посвященных его памяти, писалось: "Покойный казачий писатель-драматург А.И.Косоротов, пользовался искренней любовью среди всех, кто его знал. Он отличался редкой сердечностью, скромностью, доброжелательностью. Совершенно чуждый практической изворотливости и умения приспособляться к обстоятельствам, он терпел особенно в последнее время большую нужду, несмотря на то, что его произведения имели большой успех. Ближайшей причиной его ужасной гибели, послужило глубоко-удрученное состояние, вызванное в нём его болезнью. Болезнь удручала его, не давала ему покоя его истомлённой душе, он не мог спокойно работать в таком состоянии и предпочёл спастись от тяжкой болезни... смертью".

В лице А.И.Косоротова, Казачья Литература потеряла безвременно одного из самых лучших казачьих писателей-драматургов.

57/ЕВЛАМПИЙ НИКИФОРОВИЧ КОТЕЛЬНИКОВ.

Много славных имён дала, одна из самых древних казачьих станиц на Дону, станица Верхне-Курмоярская, 2-го Донского Округа, и одним из них является имя есаула Евлампия Никифоровича Котельникова.

Но, как это водится уже исстари, согласно казачьей поговорке, что "Москва-слезам не верит", стало и в случае с Е.Н.Котельниковым, который был предан АНАФЕМЕ, с амвона русской православной церкви, КАК НЕНАВИСТНИК УЧЕНИЯ ХРИСТОВА И ВРАГ РОССИИ, а потому имя его было предано забвению, дабы нечем было вспоминать на будущие времена его имя В КАЗАЧЬЕЙ СРЕДЕ.

Е.И.Котельников умер 114 лет тому назад, и ещё НИКОГДА, НИГДЕ И НИКЕМ НЕ БЫЛА НАПИСАНА ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ЭТОГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО КАЗАЧЬЕГО ПИСАТЕЛЯ НАЧАЛА ПРОШЛОГО XIX СТОЛЕТИЯ. Много было разных сопутствующих тому причин, чтобы имя Е.Н.Котельникова было предано забвению и кануло навсегда безвестным в Лету. К числу этих причин, надо отнести угодливость некоторых лиц, павших низко перед российским престолом царей-самодержцев, а далее нерадивость и тех, кто почитая память Е.Н.Котельникова не смог преодолеть некоторых затруднений и отыскать сподручные исторические документы и материалы, которые могли бы служить основой в деле написания полной исторической биографии этого талантливого Донского Казака первой половины XIX столетия.

Восполняя этот пробел в казачьей исторической литературе, воспроизводим подробную историческую биографию Е.Н.Котельникова, определяющую собой результат кропотливой работы, на протяжении нескольких десятков лет с нашей стороны, в различных исторических Архивах и книгохранилищах за границей, как то: Чехо-Словакии, Франции, Австрии и Германии.

Евлáмпий Никифорович Котельников родился в 1774 году, в станице Верхне-Курмоярской, где его отец тогда был выборным станичным Атаманом. Научившись грамоте от одной станичной бабки, Е.Н.Котельников пошёл на военную службу 15 лет, в 1789 году.

Находясь всё время в Донских казачьих полках, сражавшихся на Кавказе, на т. наз. Кубанской Линии, или против индейцев, кочеввавших в Приазовских степях, Е.Н.Котельников имел быстрое продвижение на военной службе, будучи уже в чине есаула к 1800 году.

В 1801 году, Е.Н.Котельников принимал участие в походе Донских казаков на Индию, после чего был командирован на западную границу, где в 1804 году, он "содержал казачий кордонный караул" на границах Австрии и за беспошлинный пропуск австрийских товаров в Россию, был отдан под суд. Во исполнение указанного и ведшегося следования, есаул Е.Н.Котельников, обвинённый военным судом в злоупотреблении своей властью, как начальник, был лишён чина есаула и разжалован в рядовые казаки.

Участвуя далее в составе Донских казачьих полков, в войнах против Наполеона в 1805-1806 г.г., в русско-турецкой войне 1807-1812 г.г., Е.Н.Котельников во время т. наз. "Отечественной войны" России с Наполеоном в 1812 году, служил всё время в Донском казачьем конном полку, входившем в состав 1-й русской армии, где обратил на себя исключительное внимание Командующего этой армией русского генерала Баркляя-де Толли и казачьего "Вихорь-Атамана" генерала М.И.Платова. В итоге, Е.Н.Котельников был вызван в Штаб к ген.Платову и занял при нём должность письмоводителя, состоя за казачьего штаб-офицера.

Согласно мнению современников Котельникова, в ту эпоху, ген.

Платов увидел в особе Е.Н.Котельникова "человека умного и развитого". Действительно, Котельников являлся для того времени совершенно необычной фигурой среди Донских казачьих действующих полков против "Великой армии" Наполеона. Достаточно отметить, что находясь в боях против неприятеля, Е.Н.Котельников в часы отдыха, на бивуаках, ПИСАЛ СТИХИ, которые приводили в большой восторг всех казачьих офицеров и рядовых казаков, слушавших с упоением Донскую речь в стихотворном изложении Котельникова. Всё вместе взятое, способствовало тому, что в военно-походной типографии, при Главной Квартире ген.Барклая-де-Толли/главнокомандующий всеми российскими армиями, перед Кутузовым, прим.наше/, БЫЛО НАПЕЧАТАНО БОЛЬШОЙ БРОШЮРОЙ СТИХОТВОРЕНИЕ Е.Н.КОТЕЛЬНИКОВА: "РАЗГОВОР МЕЖДУ ДВУМЯ ДОНЦАМИ - ОДНОСУМАМИ".

Проделав весь заграничный поход, Е.Н.Котельников вошёл вместе со своим казачьим полком в Париж, в 1813 году. Служа и далее весь 1814 год и обратный поход из Франции в Россию, Котельников всё время состоял за писмоводителя и казачьего штаб-офицера при походном Штабе Главнокомандующего ген.Барклая-де-Толли.

Приказом по армии от 18 апреля 1815 года, Е.Н.Котельникову был возвращён чин есаула, т.е. он был восстановлен в офицерском звании.

Многолетнее пребывание Е.Н.Котельникова на Западе, способствовало тому, что он отличаясь любознательностью и большими способностями, овладел в кратчайший срок иностранными языками: польским, немецким и французским в чтении, письме и слове. Посвящая много времени не только службе, но и чтению книг, Котельников, согласно его послужного списка "возымел познания в богословии, географии, физике и поэзии". Жажда знаний у Котельникова была невероятной, если судить по прилагаемым историческим данным.

Возвратясь летом 1815 года на Дон, Е.Н.Котельников жил в своей родной станице, отдыхая после походов и занимаясь чтением и размышлением. А думать ему приходилось много, ибо знакомство его с совершенно ранее чуждыми и незнакомыми для него странами и народами, сильно развило его в умственном и духовном отношении, расширив сильно его кругозор. Сравнивая окружающую его жизнь и быт казаков с Западом, он пришёл к мысли написать труд о его родной станице Верхне-Курмоярской.

Поработав около двух с половиной лет, Е.Н.Котельников написал указанный труд, который был издан в нескольких изданиях:

- 1/Евл.Котельников: "Статистическое описание Верхне-Курмоярской станицы". "Чтения Московского Общества Истории и Древностей". Москва. 1843 год.
- 2/Евл.Котельников: "Историческое сведение о станице Верхне-Курмоярской". Газета "Донские Войсковые Ведомости" №№12-16. Новочеркасск. 1860 год.
- 3/"Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице". 1818 год. Евлампия Котельникова. Под редакцией И.П.Попова. 63 стр. Новочеркасск. 1886 год. Книга.
- 4/Евлампий Котельников: "Историческое сведение о станице Верхне-Курмоярской". Отдельное издание-книга. Новочеркасск. 1891.

Эта прекрасная литературно-историческая работа Е.Н.Котельникова, представляет собой богатейший вклад в Казачью Историю, благодаря своему исключительному описанию жизни и быта казаков, обитателей Верхне-Курмоярской станицы в XVIII-XIX столетиях. Кроме того, Е.Н.Котельников составил несколько планов и рисунков, относящихся к станице Верхне-Курмоярской.

Русский историк М.И.Семевский, многолетний редактор ежемесячного исторического издания "Русская Старина"/том 52.Октябрь 1886 год.С.Петербург/, дал следующую рецензию в отношении этого труда Е.Н.Котельникова:

"Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице".1818 год. Евлампия Котельникова.Под редакцией И.П.Попова.Новочеркасск. 1886 год.

Очерк Котельникова имеет значение, как картина внутреннего быта обитателей Дона, в конце XVIII и в начале XIX веков.Сам Котельников был даровитый писатель начала нынешнего столетия /XIX-е/.

В 1824 году, Евлампий Котельников пострадал за сектантство, в которое он впал постепенно, начав искать решения сложных богословских вопросов.Он был заточён в Соловецкий монастырь, где и дожил до начала 1850-х годов.

Брошюра отпечатана весьма чисто, как и вообще все издания Донского Войскового Статистического Комитета, с приложением нескольких рисунков..."

В конце концов, занимаясь изучением истории Донских казаков, есаул Евлампий Никифорович Котельников посвятил свои исторические исследования изучению прошлого и настоящего своей родной станицы Верхне-Курмоярской, одной из древних казачьих станиц на Дону, ибо в некоторых исторических актах встречается упоминание о казачьем городке Курман-Яре уже в 1613 году.

Естественно, что Е.Н.Котельников не может считаться полностью историком, т.к.по существу своего труда, он является всего только бытописателем.Но, обозначившиеся его литературные дарования, как казачьего писателя-самородка, не только неимевшего никакого навыка в этом отношении, а главное-отсутствия надлежащего образования, ставят Е.Н.Котельникова на большую высоту, как одного из первых казаков-писателей вообще, когда казачье народное просвещение стояло на весьма низком уровне, из-за произвола российской власти.

Более того, надо отметить, что на переломе XVIII и XIX столетий, появилась целая плеяда блестящих, по своему положению и образованию, Донцов, как гвардейский полк.Евграф Грузинов 1-й, гвардейский есаул В.Д.Сухоруков, гвардейский полк.И.В.Турчанинов, а к ним надо причислить и имя есаула Е.Н.Котельникова, для которых слово КАЗАК, не являлось пустым звуком.Из них, полк.Е.Грузинов 1-й, погиб на плахе, есаул В.Д.Сухоруков отбыв ряд наказаний, погиб голодной смертью в Новочеркасске, полк.И.В.Турчанинов бежал в С.Ш.А./Сев.Америка/, где скоро стал общепризнанным американским национальным героем.Но, личная судьба есаула Е.Н.Котельникова была много печальнее и страшнее участи последних.

Будучи независимым в своих личных убеждениях и воззрениях, Е.Н.Котельников жил в постоянных неладах с русской администрацией на Дону, назначавшейся из Петербурга.Ясно, что такой "казачье-чиновной" администрации на Дону, не могло быть понятно, как мог казачий офицер работать вообще на историческом поприще, а в частности высказывать открыто своё религиозное инакомыслие, казавшееся этим "петербургским держимордам", как явное вероотступничество от Веры Христовой.

Словом, есаул Е.Н.Котельников, в верхах тогдашней Донской бюрократии, прослыл человеком "опасным" и "беспокойным".

С возвращением на Дон в 1815 году и проживанием в родной станице, Е.Н.Котельников помимо своей исторической деятельности,

стал развивать и деятельность в отношении изучения и разрешения вопросов Богословия, что безусловно связано во многом с начинавшейся тогда деятельностью Лондонского Библейского Общества, открывшего свой филиал в станице Старочеркасской в 1830 году.

В результате этой работы, Е.Н.Котельниковым были написаны две больших книги, которые мало известны и казакам, как то:

5/Е.Н.Котельников: "Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова". Санкт-Петербург. 1820 год.

Необходимо сказать, что эта книга была издана с большой тщательностью, украшенная большой виньеткой, нарисованной графом Федором Толстым и гравированной, известным гравером того времени, Уткиным.

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ КНЯЗЯ А.Н.ГОЛИЦЫНА, ОБЕР-ПРОКУРОРА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА, ЭТОТ ТРУД ЕСАУЛА Е.Н.КОТЕЛЬНИКОВА БЫЛ РАЗОСЛАН ВО ВСЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНЫЕ АКАДЕМИИ/С.ПЕТЕРБУРГ, МОСКВА, КИЕВ, КАЗАНЬ/и ДУХОВНЫЕ СЕМИНАРИИ, КАК НАСТОЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ БОГОСЛОВИЯ.

Уже осознание этих мероприятий российских властей, даёт возможность судить нам о большом интеллектуальном значении личности есаула Е.Н.Котельникова, в начале XIX столетия.

Спустя три года, была издана вторая книга Е.Н.Котельникова, имеющая странное и витиеватое название:

6/Е.Н.Котельников: "Начатки с Богом острого серпа в золотом венце". Санкт-Петербург. 1823 год.

Начав изучать вопросы Богословия, Е.Н.Котельников создал на Среднем Дону особое общество из казаков и казачек, среди которых стал распространять свои идеи, положившие начало основанию на Дону секты "Духоносцев"/последователей учения Е.Н.Котельникова/. Согласно Котельникова, одни "Духоносцы" имели в себе Духа Святого, будучи посланцами от Бога, определяя собою древних пророков и именуя себя "Апостолы". Целью этого учения, было духовное совершенствование, которое могло быть достигнуто только воздержанием, постом, постоянной молитвой и пр. Богослужения у "Духоносцев" совершали казаки и казачки.

В 1817 году была сделана попытка арестовать Е.Н.Котельникова "за вредные толки о вере" и за публичное поношение и порицание священников.

В Петербург сыпались со всех сторон разные письменные доносы, обвинявшие Котельникова в измене православию.

Определяя нравы и время начала XIX столетия, царившие на Дону, надо подчеркнуть, что борьба российского правительства с казачьим древним расколом велась самым энергическим образом, не ослабевая никогда в своём темпе, ибо Петербургские бюрократические сферы усматривали в казачьем расколе не только религиозное инкомыслие, но и политически силу себе враждебную. Так, российский Святейший Синод посягал уже и на Донское выборное казачье духовенство, стремясь заменить его назначаемым Петербургом.

В 1807 году 92 Донских казаков-духоборов, были сосланы на поселение в Олонецкую губернию, на Крайний Север. Их казачьи дети, были размещены так: девочки были сосланы в русские женские монастыри, а мальчики на "обучение" в русские гарнизонные школы. /метод современных русских коммунистов-забирать от родителей детей и их "перевоспитывать", прим.ред./.

В 1810 году казачий священник станицы Нагавской на Дону, Авраамий Феоктистов был лишён духовного сана, за "переход в раскол".

Указом российского Святейшего Синода от 18 июня 1822 года, все Донские казаки-духоборы с семьями, были высланы с Дона на

поселение в Таврической губернии, а в 1825 году были переведены "на жительство на Кавказской Линии".

Не ушёл от подобных преследований российского Святейшего Синода и казачий писатель есаул Е.Н. Котельников с своей старшей дочерью Марией Евлампиевной Кустовой/была замужем за сотником Кустовым, казаком станицы Кобылянской на Дону/, игравшей большую роль среди "Духоносцев".

В 1824 году, есаул Е.Н. Котельников был арестован по приказу от Святейшего Синода и доставлен в Петербург и заключён в Петропавловской крепости. Одновременно, обе его вышеотмеченные книги духовного содержания/разосланные ранее тем же Святейшим Синодом всем российским Духовным Академиям и Духовным Семинариям, как научное пособие по богословию, прим. ред./, были объявлены еретическими Святейшим Синодом и запрещены к содержанию в библиотеках, и должны были быть уничтоженными/точный метод современных русских коммунистов, прим. ред./.

Защищаясь от возникших преследований и обвинений, есаул Е.Н. Котельников говорил своим тюремщикам, что главным его противником является, гремевший в ту пору, архимандрит Фотий, настоятель-игумен Новгородского Юрьева монастыря/имя которого связано тесно с графиней Орловой-Чесменской, известной богачкой той эпохи, прим. наше/, как и С.Петербургский Митрополит Серафим и российские вельможи Аракчеев и граф Муравьев.

Дав подписку в том, что он раскаялся в "своих заблуждениях", Е.Н. Котельников был освобождён из Петропавловской крепости и отпущен на Дон, обязуясь не распространять своего учения среди Донских казаков.

Однако, Е.Н. Котельников появившись на Дону, начал развивать свою деятельность в казачьей среде, совместно с своей дочерью Марией Кустовой, стремясь набирать большее число последователей "Духоносцев".

Наказный Атаман Иловайский выполняя приказ из Петербурга, арестовал Е.Н. Котельникова и его дочь, отправив их под конвоем в Новгородский Юрьев монастырь, к игумену последнего, архимандриту Фотию на "испытание".

Следуя тексту подлинного документа "Ведомость об арестантах, содержащихся в Соловецкой тюрьме/при Соловецком монастыре, на Крайнем Севере, прим. наше/, поданная командированному из С.Петербурга, по Высочайшему повелению, подполковнику Корпуса жандармов Озерецковскому, в 1835 году", следует из чтения:

"18/Евлампий Котельников, есаул Донского Войска, содержится с 1826 года, по Высочайшему повелению за распространение вредных толков о вере и Богопротивных деяниях. Был раскаявшись, но ложно, в надежде на освобождение, ибо опять остался в своей ереси, и надежды на обращение нет. Нрава самого сварливого, клеветливого, притворного и лживого". /"Список дел, касающихся арестантов, хранящихся в Соловецком Архиве и ризнице: №1.679 - Об есауле Войска Донского Евлампии Котельникове, за отлучение от правил веры". М.А. Колчин: "Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря, в XVII-XIX веках". Ежемесячное историческое издание: "Русская Старина". Том 57, стр. 394-396. 1888 год/.

В сохранившихся в Соловецком Архиве записках Е.Н. Котельникова, кои он вёл в заключении, он писал:

"...Тогда, как буря и все волны моря обрушились на голову мою, вместо боязни, возбудилась во мне ревность противу маловеров и всякого нечестия, для защиты преимущества православной веры с клятвенною анафемою всех ересей, расколов, вне церкви стоящих

и всякого вольнодумства и лицемерия, внутри ея находящихся, распинаясь, так сказать перед всяким спорщиком, за нерушимость их, от точки и до йоты...

Проклят всяк возбраняющий мечу своему от нравственной крови нечестивых. Анафема, если и апостолы и Великого Совета ангел с неба, будут благодетельствовать не то, что они сами предали, и что потому содержит Святая грекороссийская церковь. Тогда, после этих заявлений, имя мое сделалось предметом всеобщих разговоров и пересудов, на всем пространстве Войска Донского и далее...

Одни говорили, что я сошел с ума от учености, другие — он/Котельников, прим. наше/ заражен ересью, самарянин и бес в нем! И как казалось, сам Бог положил мне быть униженному и как бы на смерть осужденному. Самое прояснение защиты моей усугубляли порицания со всех сторон. Ибо я усиливался доказать необходимость Святого Причащения достойным ВСЕГДА, а недостойным НИКОГДА, что Святое Причастие оживотворяет и возвращает внутренние признаки христианина, физически: теплоту, сладость, умиление, слезы, свет, благоухание и все плоды духа, что самое многим казалось непонятною странностью, чуждою христианства, а иным сказкою и бредом, далеким от смысла Священного Писания".

Из прочтения этих строк, виден и ясен во всем своем величии ум и духа БЕСКОНЕЧНО ТАЛАНТЛИВЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ КАЗАЧИЙ ПИСАТЕЛЬ ЕСАУЛ Е.Н.КОТЕЛЬНИКОВ, которого российский император Николай 1 и Святейший Синод сослали на вечное заключение в острог-тюрьму Соловецкого монастыря, на диком необитаемом острове, посреди Белого моря, на Крайнем Севере.

Спустя сто лет, пошли туда по "проторенной дороге", сотни, тысячи, десятки тысяч казаков, для заполнения "каменных мешков" подвальных монастырских тюрем, знаменитых в своем просторечии "Соловков", во исполнение наказа русской коммунистической власти: ГУБИТЬ И УМЕРЩВЛЯТЬ КАЗАКОВ.

Просидев в монастырской тюрьме Соловецкого монастыря 27 с половиной лет и достигши возраста в 80 ЛЕТ, КАЗАЧИЙ ПИСАТЕЛЬ ЕСАУЛ ЕВЛАМПИЙ НИКИФОРОВИЯ КОТЕЛЬНИКОВ УМЕР 3 МАРТА ст.ст. 1854 ГОДА.

Есаул Е.Н.Котельников был похоронен на ледяном погосте — кладбище, за древней каменной стеной Соловецкой обители во имя Святых Зосимы и Савватия.

58/ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ.

Выдающийся во всех отношениях, природный казак станицы Каргинской/в прошлом хутор Каргин, станицы Вешенской, Донецкого Округа/, Верхне-Донского Округа, Донского Войска, генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов, является бесспорным корифеем казачьей литературы, имя которого прогремело на весь мир, благодаря его исключительным дарованиям. И тем не менее, казаки мало знают о казачьем герое П.Н.Краснове, украшающем своим славным именем "ГАЛЛЕРЕЮ КАЗАЧЬИХ ПИСАТЕЛЕЙ".

Знакомя казаков с выдающейся личностью П.Н.Краснова, необходимо, прежде всего, знать его послужной список:

Петр Николаевич Краснов родился в 1869 году, в семье казачьего полк.Н.И.Краснова. Закончив гимназию и Павловское военное училище в Петербурге в 1889 году фельдфебелем, с занесением его имени на мраморную доску золотыми буквами, за блестящее окончание.

1890 год: В чине хорунжего определен в штат комплекта Донских казачьих полков, с прикомандированием к лейб-гвардии Атаманскому казачьему полку Донского Войска.

1891-1896 г.г.: Прохождение военной службы в лейб-гвардии Атаманском полку, на должности субалтерн-офицера.

1897-1898 г.г.: Начальник конного конвоя, составленного из офицеров и казаков б.лейб-гвардии Атаманского казачьего полка, при первом российском поселе в Абиссинии/посол-Донской казак П.М.Власов/.

1898-1899 г.г.: По возвращении из Абиссинии, командирован в Поволжье, для выяснения нужд населения в приволжских губерниях, пострадавших от голода и недорода урожая.

1900-1901 г.г.: Военный корреспондент газеты "Русский Инвалид" на Дальнем Востоке и в Китайском походе/восстание "боксеров" или "Большого Кулака"/.

1902 год: Военный корреспондент газеты "Русский Инвалид" на "Больших Курских маневрах" русских войск, в районе г.Курска.

1902-1903 г.г.: Военный корреспондент той же газеты, на границе России, Турции и Персии.

1904-1905 г.г.: Военный корреспондент той же газеты, в русско-японской войне, на театре военных действий в Манджурии. За проявленную доблесть в боях против японцев, награжден от 9 июня по 27 октября 1904 года, боевыми орденами: Св.Анны 4-й степени с надписью "за храбрость" на шашке/Анненский темляк/, Св.Владимира 4-й степени с мечами и бантом, и мечи с бантом к ордену Св.Станислава 3-й степени.

1906 год: Командир 3-й сотни в лейб-гвардии Атаманском казачьем полку.

1907-1908 г.г., учится и оканчивает Офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге, по окончании которой, как блестяще окончивший, был зачислен в офицерский кадр постоянного состава Офицерской кавалерийской школы.

1909 год: И.д.Начальника Казачьего Отдела Офицерской кавалерийской школы в Петербурге. В мае-июне находится в командировке в Донское и Оренбургское Казачьи Войска, сопровождая ген.Ширма, Начальника Офицерской кавалерийской школы, по проверке на местах постоянных учебных сборов с льготными казаками. В июле того же года находился в командировке того же свойства, в Терское и Уральское Казачьи Войска. В августе 1908 года, войсковой старшина П.Н.Краснов был назначен Начальником Казачьего Отдела Офицерской кавалерийской школы в Петербурге.

1910 год: За отличие по службе, был произведен в чин полковника, с зачислением по Донскому Войску и назначен командиром 1-го Сибирского казачьего Атамана Ермака Тимофеевича полка.

1913 год: Назначен был командиром первоочередного 10-го Донского казачьего ген. Луковкина полка, в составе 1-й Донской казачьей конной дивизии. Начальник дивизии ген. штаба ген. лейт. Вершинин/.

1914 год: По об. явлению Первой мировой войны в конце июля, выступил в военный поход со своим полком, как командир полка. Награжден был Георгиевским оружием/золотое оружие с Георгиевским темляком и уменьшенным знаком ордена Св. Георгия, на эфесе шашки/, за совершенный подвиг в бою 1 августа 1914 года у г. Любича, во главе 10-го Донского казачьего полка. В ноябре был назначен командиром 1-й бригады, 1-й Донской казачьей конной дивизии.

1915 год: Назначен был командиром 3-й бригады Туземной конной дивизии/т. наз. "Дикая дивизия", прим. наше/, действовавшей на Юго-Западном фронте. Награжден был орденом Св. Георгия 4-й степени, согласно решения Георгиевской Думы фронта, за совершенный подвиг в бою у жел. дор. станции Дзвиняч, будучи раненым в ногу и не покинувшим строя. В июле был назначен Начальником 3-й Донской казачьей конной дивизии. В сентябре был назначен Начальником 2-й Сводно-Казачьей конной дивизии.

1916 год: Приказ по 4-му кавалерийскому корпусу: "Славные Донцы, Волжцы и Линейцы/состав 2-й Сводно-Казачьей конной дивизии: 16 и 17 Донские полки, 1-й Волжский полк Терского Казачьего Войска и 1-й Линейный полк Кубанского Казачьего Войска/, под командой ген. м. П. Н. Краснова, ваш кровавый бой 26 мая 1916 года у местечка Вульки Голузийской, есть новый ореол славы в истории ваших полков. Вы увлекали за собой пехоту, оказывали чудеса порыва. Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия, руководимая железной волей генерала Краснова."

Ген. м. П. Н. Краснов находясь во главе своей 2-й Сводно-Казачьей конной дивизии, при одном батальоне пехоты, взял штурмом сильно укрепленную Вульку Голузийскую и сделал прорыв вглубь на 60 клм./т. наз. Луцкий прорыв, прим. наше/. Во время этого боя, казаками был взят в плен целиком венгерский гусарский гонведный полк, в полном составе: командир полка, 18 офицеров и 876 гусар, все в конном строю.

24 июля ген. м. П. Н. Краснов с Донской бригадой, командуемой им 2-й Сводно-Казачьей конной дивизии, разбил на голову австрийскую дивизию, оборонявшуюся на укрепленной позиции под местечком Рудкой Червища.

Август: Приказ ген. Леша, командующего 11-й русской армией: "Генерал Краснов с казаками/2-я Сводно-Казачья конная дивизия, прим. наше/и шестью батальонами пехоты, переправился через реку Стоход, у местечка Н. Червище; на остальном фронте противник держится. ПРИКАЗЫВАЮ РАЗВИВАТЬ УСПЕХ ГЕНЕРАЛА КРАСНОВА И ДЕЙСТВОВАТЬ ТАК, КАК ОН ДЕЙСТВУЕТ!"

1917 год: Приказом от 26 сентября, ген. м. П. Н. Краснов назначен был командиром 3-го Конного корпуса. Боевой поход на Петроград, бои казаков с русскими коммунистами.

1918 год: 3 мая "Круг Спасения Дона", избрал ген. м. П. Н. Краснова на пост Донского Войскового Атамана, с передачей ему всей полноты государственной власти, в пределах Дона.

1919 год: 2 февраля, Донской Войсковой Атаман генерал от кавалерии П. Н. Краснов ушел с Атаманского поста.

1919-1944 г. г.: Период эмиграции, когда ген. П. Н. Краснов прожи-

вал во Франции и Германии, занимаясь литературной деятельностью.
1944 год: Приказом от 30 марта за подписью германского генерала от кавалерии Эрнста Кестеринга, Командующего Восточными Добровольческими войсками при Германском Вермахте, ген. П. Н. Краснов был назначен Начальником Главного Управления Казачьих Войск.
1945 год: 8 мая взят 8-й Английской армией в плен, совместно с Казачьим Отдельным Корпусом и Казачьим Станом/казачьи станицы политических эмигрантов/Походного Атамана Казачьих Войск ген. м. Т. И. Доманова, на территории Австрии, неподалеку от высокогорного Альпийского перевала Плукен-Пасс.

29 мая выдан был англичанами в лапы московских-русских палачей в СССР, совместно с казачьими генералами и офицерами частей Походного Атамана Казачьих Войск ген. м. Т. И. Доманова.

1947 год: 17 января был повешен за ребро во внутреннем дворе Лефортовской тюрьмы/в районе Москвы/, согласно приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР, как "враг народа".

Как приложение к указанному, надо отметить, что генерал от кавалерии П. Н. Краснов, имел следующие ордена: Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, 2-й и 1-й степеней с мечами, звезду и ленту через плечо к ордену; Св. Анны 4-й степени с надписью "за храбрость" на шашку, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й и 1-й степеней с мечами, звезду и ленту через плечо к этому ордену; Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 3-й и 2-й степеней с мечами; Белого Орла, Св. Александра Невского, Георгиевское оружие с надписью "за храбрость", орден Св. Георгия 4-й степени, Абиссинские ордена: Льва 3-й и 2-й степеней, Персидский орден "Золотого Льва", Мекленбург-Шверинский орден Железного Креста 2-й степени, Румынский орден Св. Михаила 3-й степени, Японский Военный крест, германские ордена "Кригсфердинст" 2-й и 1-й степеней и Восточную Звезду 3-й степени.

Литературная деятельность П. Н. Краснова началась в 1889 году, т. е. с момента производства его в первый офицерский чин. Он становится постоянным сотрудником абсолютно всех военных журналов и газет, выходивших в России, как: "Разведчик", "Вестник русской конницы", "Военное Обозрение", "Военный Журнал", "Военный Сборник", "Русский кавалерист", "Русский Инвалид" и т. д. Уже первые его военно-критические статьи, создали ему вполне заслуженную славу, как казачьего офицера, владеющего мастерски своим пером.

1/ П. Н. Краснов: "Донские казачьи полки сто лет назад". "Военный Сборник" №9. Санкт-Петербург. 1895 год.

Первым литературным произведением 27-летнего казачьего строевого офицера П. Н. Краснова, которое было издано книгой, было:

2/ "Атаман Платов". Новый исторический роман в двух частях, из времен Отечественной войны 1812 года. Сочинение П. Н. Краснова. С. Петербург. Тип. С. Добродеева. 1896 год. 326 страниц.

Этот первый роман П. Н. Краснова произвел небывалый фурор в русском обществе, где критика сразу усмотрела в лице Краснова новую восходящую звезду на литературном небосклоне. Одновременно, общественное мнение было шокировано "казачьим вольнодумством", проявлявшимся блестящим казачьим офицером-гвардейцем:

"...Зазерсков помолчал немного и потом продолжал:

Я много видал городов и людей. Помню в Пруссии были, в Туретчине, под Оренбург ходили. Видал я Варшаву, видал я поляков, там всякий народ себя знает. Спросишь у них, у офицеров ихних, кто теперь царь, - назовут, скажут и кто раньше был и как тогда люди жили, какие были законы, куда ходили, с кем торговали, а у нас... что старики помнят, и то всяк по своему толкует...

"КТО МЫ ТАКИЕ, ДОНСКИЕ ТО КАЗАКИ?" Немец-он немец, у него вера немецкая и язык свой, и все, а мы? Говорим по русски/по российски, прим. ред./, вера православная, А НАЗОВЕШЬ РУССКИМ, ОБИЖАЕМСЯ! Вот и справься здесь. Ах, БЫЛ БЫ УМНЫЙ ТО У НАС ДА УЧЕНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ДО ВСЕГО ДОТОННЫЙ, ОН БЫ ВСЕ ЭТО ДОСКОНАЛЬНО РАЗ, ЯСНИЛ"
/стр.14/.

Естественно, что подобные мысли П.Н.Краснова, которые он вкладывал в уста Зазерского, одного из героев романа "Атаман Платов", не совсем приходились по вкусу кое-кому в Петербургских салонах и гостинных "златоголовой" Москвы.

"...Платов был сильно не в духе. Генерал Войска Донского Краснов был назначен в отряд младшего его чином ген. Шевича. Недовольный Платов заступился за своего подчиненного и отписал к Ермолову/известный русский генерал первой половины XIX столетия, прим. наше/, где просил раз, яснить ему: "Давно ли старшего отдают под команду младшего и притом в чужие войска?"

От Ермолова был получен едкий ответ:

"О старшинстве Краснова, я знаю не более Вашего", писал он Атаману, "...потому что из Вашей Канцелярии ещё не доставлен послужной список этого генерала, недавно переведенного из Черноморского Войска. Я вместе с тем должен заключить из слов Ваших, ЧТО ВЫ/т.е. казаки, в собирательном смысле слова, прим. наше/ПОЧИТАЕТЕ СЕБЯ ЛИШЬ СОЮЗНИКАМИ РУССКОГО ГОСУДАРЯ, НО НИКАК НЕ ПОДДАННЫМИ ЕГО..."

Письмо это Платов читал в своей Канцелярии перед многими Донскими полковниками". /Стр.82/.

Рассматривая указанный исторический роман П.Н.Краснова, ныне требуется сопроводить его некими комментариями, ибо многое из прошедшей исторической жизни для казаков XX столетия, написанного молодым казачьим писателем П.Н.Красновым, ОКАЗАЛОСЬ ПРОРОЧЕСКИМ.

"Из казаков ординарцев, Милорадович оставил при себе одного хорунжего Конькова, особенно рекомендованного ему Платовым. Скучно было молодому казаку среди чужих людей... Милорадович был утонченно вежлив, но не допускал ни малейшей фамильярности, и Коньков, кроме как по службе, ни о чем с ним не разговаривал. Остальные ординарцы, эта плеяда искушенной опытом золотой дворянской молодежи, пылкой и легко увлекающейся, имела свой сплоченный кружок И НЕ ПРИНЯЛА В НЕГО КАЗАКА. Впервые понял Коньков, ЧТО НИ СЛАВНЫЕ ПОБЕДЫ В МИНУВШИЕ ВОЙНЫ, НИ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ДОНА, В ГЛАЗАХ НЕКОТОРЫХ ЛЮДЕЙ, НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИЛИ. Эти самые "сиповские" офицеры/казаки называли русскую пехоту презрительным словом "сипа", прим. наше/, которых он не Бог весть, как уважал, смотрели на казаков ПОЛУПРЕЗРИТЕЛЬНО, именовали их "КАЗАЧКИ" и признавали, ЧТО ДОНЦЫ ГОДНЫ ТОЛЬКО НА ЧЕРНУЮ РАБОТУ, в раз, езды на аванпосты и для охраны транспортов и обозов. Не признавая за казаками военного образования, они отдавали должную справедливость их сметке и находчивости и КАЖДЫЙ ИЗ НИХ СТАРАЛСЯ ИМЕТЬ У СЕБЯ В УСЛУЖЕНИИ ИЛИ НА ОРДИНАРЦАХ КАЗАКА.../Стр.130/.

"Ах, Коньков, Коньков", думал он-Воейков/русский офицер, прим. наше/, "...как ни умен ты, а все еще тебя много воспитывать надо. В СКОЛЬКИХ ВОДАХ НИ ВАРИ, А ВСЕ ПУГАЧЕВЫМ ДА РАЗИНЫМ ПАХНУТЬ, БУДЕШЬ..." /Стр.233/.

В этом раннем произведении П.Н.Краснова, проявился полностью его взгляд на казаков и на их взаимоотношения с т. наз. "русскими" людьми/москвитами/, что и прошло впоследствии КРАСНОЙ КАНВОЙ в многочисленных его литературных произведениях.

Вторым его литературным трудом, изданным в печати книгой, был:
3/П.Н.Краснов: "Казачи в начале XIX-го века". Исторический очерк. 128 страниц. С.Петербург. 1896 год.

Третьим трудом, также изданным книгой, был его личный дневник, ведшийся им в Абиссинии, когда он был начальником казачьего конвоя при первом русском походе к Абиссинскому Негусу Менелику 2, в конце XIX-го столетия:

4/П.Н.Краснов: "Казачи в Африке". /Дневник начальника конвоя Российской Императорской Миссии в Абиссинии, в 1897-1898 г.г./ .524 стр. Изд. 1. С.Петербург. 1899 год; Изд. 2. 472 стр. Тип. Исидора Гольдберга. С.Петербург. 1900 год.

Далее начали печататься многочисленные литературные и исторические труды П.Н.Краснова, как то:

5/П.Н.Краснов: "Генералиссимус А.В.Суворов". Исторический очерк. 96 стр. С.Петербург. 1900 год.

6/П.Н.Краснов: "Граф Лев Николаевич Толстой, Великий Писатель Земли Русской, в портретах, гравюрах, живописи, скульптуре, карикатурах и т.д.". 98 плюс 6 стр. Изд. М.О.Вольф. Петербург. 1903 год.

7/П.Н.Краснов: "По Азии/Путевые очерки/". 610 стр. С иллюстрациями. С.Петербург. 1904 год.

8/П.Н.Краснов: "В Манджурской глуши". Повесть. "Литературные приложения к журналу "Нива", за 1904 год. Петербург. 1904 год.

9/П.Н.Краснов: "Год войны/14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 года по апрель 1905 года/". Том 1: "На реке Ялу; Тюренчен; Рейды конных отрядов генералов Ренненкампа и Мищенко; Вафангоу; Кайджоу; Дашичао; Оставление Инкоу; Ляоянское сражение". 576 стр. С.Петербург. 1906 год.

Том 2: "Очерки русско-японской войны с февраля по апрель 1905 года". 257 стр. С 55 рисунками. Изд. газ. "Русское Чтение". Типография Голике и Вильборг. С.Петербург. 1911 год.

10/П.Н.Краснов: "Ваграм". /Очерки и рассказы из военной жизни/. Изд. 2. 16 плюс 251 стр. Тип. "Русская Скоропечатня". Тираж 1000 экземпляров. С.Петербург. 1908 год.

11/П.Н.Краснов: "Донцы". /Рассказы из казачьей жизни/. Изд. 2. 12 плюс 219 стр. Тир. 1000 экз. С.Петербург. 1908 год.

Тогда же, в 1908 году, в военной прессе был напечатан очень нашумевший очерк молодого казачьего офицера П.Н.Краснова:

12/П.Н.Краснов: "Льготы Донских казачьих офицеров". "Военный Сборник". С.Петербург. 1908 год.

13/П.Н.Краснов: "Картины былого Тихого Дона". Историч. очерки. 324 стр. Обл. В. Донского типог. Новочеркасск. 1909 год.

В этом труде П.Н.Краснов писал: "7 февраля 1801 года, Войсковой Атаман Орлов получил из Петербурга приказ собрать всё Донское Войско в 6 дней" о двух конь" /строевой конь казачка и т. наз. заводная лошадь, прим. наше/ и выступить в поход для завоевания Индии".

"Индия, писал император Павел 1 Атаману Орлову, управляется одним главным владельцем и многими мелкими. Англичане имеют у них свои торговые заведения. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцами освободить, а земли привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан. Торг ее обрптит к нам-русским".

В этот поход пошло все мужское население Дона. По станицам было 800 больных и им было приказано явиться в строй, ибо никому не давалось льгот. У многих казаков не было формы, богатые казаки сами справили бедных.

Осиротел Дон!.. По станицам церкви остались без дьячков, станичные и хуторские правления без писарей. По куреням остались лишь старики, женщины и дети. Всё Войско Донское с Атаманом Орловым выступило в поход. Казакам предстояло совершить поход в лютую зиму. По пути Донцам надлежало занять Бухару и Хиву. Пройдя тысячи вёрст по безлюдной степи и пустыни, и затем перейдя высочайшие горы, войти в Индию.

С первых же дней, казаки стали терпеть нужду и холод. Квартир не было, биваки в степи на морозе, не хватало корма для лошадей. В степи всё время бушевали страшные бураны! Ранней осенью наступила распутица. Десятки вёрст шли по колено в грязи. С большой опасностью перешли через тронувшийся лёд, через Волгу, 700 лошадей провалилось, но казаки их вытащили. За Волгой степь была ещё безлюдной. Начался голод, т.к. поставщики не поставляли во время довольствия и фуража. Кони падали от безкормицы, у казаков на почве недоедания появилась цынга. Но, казаки шли безропотно вперёд! Так прошли Донцы более тысячи вёрст, но ещё было очень далеко до Индии. Возможно, что все казаки могли погибнуть в пути от голода, но спасло неожиданное чудо. 23 марта/1801 года, прим. наше/, накануне Святой Пасхи, курьер от вступившего на престол императора Александра 1, привёз Атаману Орлову приказ вернуться на Дон, в родительские курени!..", писал П.Н.Краснов в книге "Картины былого Тихого Дона".

14/П.Н.Краснов: Сборник повестей и рассказов". 106 страниц.

С.Петербург. 1909 год.

15/П.Н.Краснов: "Терунешь". /Повесть о любви молодой абиссинки к казацкому офицеру/. Тип. Сладкова. Новочеркасск. 1910 год.

16/П.Н.Краснов: "Степь. Поездка на Ай-Петри и другие рассказы". 96 стр. Тип. "Русс. Скороп-ня". Тираж 2000 экз. С.Петербург. 1911.

"...Широкая, на тысячу вёрст, равнина между южными отрогами Уральской горного хребта и восточными окраинами Карпатских гор, перерезанная низовьями мощных полноводных рек Яика/Урал/, Волги, Дона, Днепра, бесконечная, бескрайняя степь-"Поле", с глубокими оврагами-балками, поросшими дремучими лесами, ворота, проходной двор народов Азии в Европу.

Ни высоких гор, ни скалистых хребтов, ни естественных оборонительных рубежей, только реки замерзающие зимой, с низкими левыми и возвышенными в холмах, правыми берегами. Равнина, ширь, простор необ, ятный!

Весной-синь небесная наверху, синь цветочная, степная снизу. Тюльпаны, лютики... Серебристый ковыль струит седые султаны по ветру. Простор и корма для табунов диких лошадей, для стад сайгаков и оленей, для зайцов. В балках всяким зверьём полно! По степи дудаки-дрофы гуляют, стаи куропаток, перепелов. В небе льётся непрерывная сладкая песня жаворонков. По степным озёрам, по речным заводьям и потокам, что птицы!.. Лебеди, дикие гуси, утки всевозможных пород. Гордо в небе парит царственный орёл и голубая тень от него широко размашистых крыльев, дрожит на ветром колышимои траве.

Летом, от нестерпимого зноя, погорит степь. Никнет к земле сухая жёлтобурая трава. Степной пожар пробежит по степи, до черна выжжет землю, избородит глубокими трещинами, щелями. Под осень прольют дожди, иголками зелёной яркой травы покроется погорелое место. Отдохнёт, оживёт птица и зверь... И вот уже готовится она к дальнейшему отлёту. В сентябре, когда катит по степи сухое "перекати-поле" и плывёт по воздуху серебрянная липкая паутинка, слышно в небе глухое, будто гортанное, курлыкание журавлей,

несутся их стаи на юг! Тянут гуси и лебеди, пронеслись утки, исчезли, умолкли жаворонки. Глубоко зарылся в балке, в берлогу, степной медведь. Сайгаки сбились в стада, хоронятся в затишке. Голодный волк воет в степи. Кричат по ночам шакалы.

А когда зимою дохнёт из Сибирских просторов северо-восточный ветер, закружит снежным маревом, запуржит страшными буранами, вымрет степь... Мороз прочными мостами скуёт реку. Толстым саваном на сажень и больше покроется земля снегом. Жизнь притаится в степи. Тошмят и гибнут табуны. Крепким копытом роют снег кони, пробивают ледяной шар, гложут замерзшую сухую траву, лижут холодную посоленную землю.

Мёртвый, страшный Край. Нет в нём жизни...". /П.Н.Краснов "Степь"/.

17/П.Н.Краснов: "Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренино". 55 стр. С рисунками. Изд. Всероссийского национ. клуба. Тип. А.С.Суворина. С.Петербург. 1911 год.

18/П.Н.Краснова: "Донцы и Платов в 1812 году". Истор-ий очерк. 39 стр. Тип. И.Д.Сытина. Тир. 40.000 экз. Москва. 1912 год.

19/П.Н.Краснов: "У подножья Божьего трона". Роман из казачьей жизни. 236 стр. Изд. 1. Обл. В. Донс-го тип. Новочеркасск. 1918 г.

С выездом ген. П.Н.Краснова за границу в 1919 году, в эмиграцию, первым его литературным трудом, была книга:

20/П.Н.Краснов: "Казачья Самостийность". Изд. "Двухглавый Орёл". Берлин. 1921 год.

В этой книге, П.Н.Краснов написал очень много любопытного, как например: "В это сумбурное время/1917 г., прим. наше/, я командовал 1-й Кубанской казачьей конной дивизией. Дивизия была второочередная, состояла из пожилых уравновешенных казаков Кубанцев. Но были, особенно среди офицерского состава и молодые горячие головы.

Как то в начале августа, зашли ко мне в селении Тростенец командиры полков и сказали: "Не можете ли Вы, Ваше Превосходительство, рассказать казакам о Казачьих Войсках, их географическом положении, их соотношении с Россией?.."

-А что?

-Да среди молодёжи упорно сидит мечта о создании Общеказачьего Государства, независимо от России, управляемого своими Атаманами, со своим старшим Атаманом или Советом Атаманов.

-Да, вы-сами, как об этом думаете?

-Понимаем, что это невозможно... А только хорошо было бы это. Потому что, если пакость будет продолжаться, погибнет Россия, погибнем и мы с нею. А так, может быть, своею Казачьею Республикой и устоим.

-Хорошо! -сказал я.

На 9 августа, в земледельческом училище, в обширном рекреационном зале, я назначил собрание. Казаков собралось, как никогда, много. Я повесил карту Российской империи, нарисовал на доске маленькими квадратами, треугольниками, линиями и точками, все одиннадцать Казачьих Войск, рассказал их образование, указал на то, что более или менее компактную массу представляют только три Войска: Донское, Кубанское и Терское. В Донском Войске, казаки составляют всего 60% населения, в Кубанском и того меньше. При таких условиях, казакам возможно жить только в полной дружбе с Россией и ни о какой "самостийности", думать не приходится.

Хмурые расходились казаки. Я подошёл к группе Уманцев, разумных, твёрдых казаков.

-Что же нам делать, остаётся, господин генерал, -сказал мне один из них. Не иначе, как пропадать всему казачеству приходится.

-Не надо было так возмущаться на старый режим,-сказал я. При Государе императоре, не плохо жилось вам. Заботились о вас и ваши права охранялись.

Отворачивались от меня казаки.

-Не иначе, как отделиться нам от этой самой России, вот, как Украина хочет! -слышал я голоса в группе казаков, расходившихся по коням. -Иначе пропадёшь! Перережут нас-товарищи!". /П.Н.Краснов: "Казачья Самостийность" ./

От начала 1921 года, были изданы за границей новые книги или были напечатаны отдельные большие монографии:

21/П.Н.Краснов: "Поездка на Ай-Петри. Лунной ночью. Труп. Письма матери". /Рассказы/. 72 стр. Изд. Ольги Дьяковой. Берлин. 1921 г.

22/П.Н.Краснов: "На внутреннем фронте". /Походы 3-го конного корпуса под командой ген. П.Н.Краснова на Петроград/. "Архив Русской Революции". Том 1, стр. 97-190. Берлин. 1921 год.

23/П.Н.Краснов: "Всевеликое Войско Донское". "Архив Русской Революции". Том 5, стр. 191-321. Берлин. 1922 год.

Будучи избранным Донским Войсковым Атаманом, по решению "Круга Спасения Дона", ген. П.Н.Краснов отдавая свой приказ №1, в начале мая 1918 года, писал:

"...А обо мне ведайте, что для меня дороже всего честь, слава и процветание Всевеликого Войска Донского, выше которого для меня ничего нет. Моя присяга вам-казакам и гражданам, Члены "Круга Спасения Дона", служить интересам Войска честно и нелицемерно, не зная ни свойства, ни родства, не щадя ни здоровья, ни жизни!"

И, вот будучи на Чужбине, в эмиграции, П.Н.Краснов написал подробный исторический очерк/123 стр./ о существовании независимого государства Всевеликого Войска Донского в 1918-1919 г.г., где давал следующие разъяснения:

"В Новочеркасске собрался Войсковой Круг/15 августа 1918 года/ и приступил к созданию Конституции и внутреннему строительству. Интеллигентная часть Круга, понимая, что не может быть Войска Донского вне и независимо от России, стояла на дальнейшем развитии военных действий. "Серая" часть Круга, громадное большинство стояло на принципе "без аннексий", на "свободном самоопределении" и самоопределялась в пределах Земли Войска Донского, не желая переходить его границы". /Стр. 234/.

"Атамана выбрала "серая" часть Круга. Она ему верила и она вверила ему свои судьбы. И эта часть Круга определённо говорила: "Что нам Россия? От неё всегда нам были лишь одни неприятности да обиды". /Стр. 235/.

"Академически генералы Лукомский и Деникин, конечно, были правы. Донские казаки должны были умирать за свободу Родины! Но могли требовать этого Атаман, когда рядом Воронежские, Харьковские, Саратовские и др. крестьяне не только не воевали с большевиками, не освобождали своей родины России от них, но шли против казаков... Казаки отказывались выходить за пределы Войска Донского /Стр. 241/".

"Вся Россия шла на Дон, вся Россия шла уничтожать КАЗАКОВ!". /П.Н.Краснов: "Всевеликое Войско Донское". "Архив Русской Революции". Том 5, стр. 290. Берлин. 1922 год/.

24/П.Н.Краснов: "Открытое письмо казакам. Христос Воскресе!". 13 страниц. Берлин. 1922 год.

25/П.Н.Краснов: "Степь". /Рассказы/. 70 стр. Берлин. 1922 год.

26/П.Н.Краснов: "Амазонка пустыни". /"У подножья Божьего трона"/. Роман из казачьей жизни. 198 стр. Изд. 2, пересмотренное и дополненное. Изд. Е.Сияльской и Крейшманн. Берлин. 1922 год.

27/П.Н.Краснов:"За чертополохом".Фантастический роман.391 стр.Изд."Ольга Дьякова и Ко".Берлин.1922 год.

28/П.Н.Краснов:"Наша смена".32 стр.Берлин.1922 год.

29/П.Н.Краснов:"Памяти императорской русской армии"."Русская Летопись".Книга 5,стр.1-64.Берлин.1922 год.

Выпуском этих произведений П.Н.Краснова за границей,началось массовое издание всех его многочисленных литературных трудов, КОТОРЫЕ СОЗДАЛИ П.Н.КРАСНОВУ ОГРОМНУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ СЛАВУ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ,ИМЯ КОТОРОГО СТАЛО ИЗВЕСТНЫМ ВО ВСЕХ СТРАНАХ МИРА,КАК ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПИСАТЕЛЯ-КАЗАКА.Достаточно будет отметить, что его знаменитый роман:"ОТ ДВУХГЛАВГО ОРЛА К КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ",изданный в 1924 году,в 4-х томах/более 2.000 страниц/,был переведен до настоящего времени на 49 иностранных языках и выдержал 76 изданий.

П.Н.Краснов написал за границей,кроме указанных выше трудов,ещё более 90 отдельных романов,повестей и др.,изданных отдельными книгами:

30/П.Н.Краснов:"Открытое письмо казакам:Благословен грядый во Имя Господне!".10 страниц.Париж.1923 год.

31/П.Н.Краснов:"Опавшие листья".Роман.496 стр.Мюнхен.Издат."Медный Всадник".1923 год.

32/П.Н.Краснов:"Когда Бог оставил!".История и Современность" №4,стр.172-174.Берлин.1923 год.

33/П.Н.Краснов:"Венок на могилу неизвестного солдата императорской русской армии"."Русская Летопись".Кн.6,стр.15-60.Париж.1924 год.

34/П.Н.Краснов:"Венок на могилу неизвестного солдата французской армии".61 страниц.Париж.1924 год.

35/П.Н.Краснов:"От двухглавого орла к красному знамени.1894-1921 г.г.".Роман в 4-х частях.Изд."Медный Всадник".Берлин.1924-1927 г.г.

36/П.Н.Краснов:"Понять-простить".Роман.548 стр.Изд."Медный Всадник".Берлин.1924 год.

37/П.Н.Краснов:"Всё проходит".Историческая повесть в двух частях.Берлин.1926 год.

38/П.Н.Краснов:"Единая-неделимая".Роман в 4-х частях.498 стр.Издательство"Медный Всадник".Берлин.1926 год.

39/П.Н.Краснов:"Душе армии"/Очерки из военной психологии.С предисловием-профессора ген.лейт.Н.Н.Головина/.156 стр.Издательство"Медный Всадник".Берлин.1927 год.

40/П.Н.Краснов:"С нами Бог!".Исторический роман в двух книгах.Из-во тоже.Берлин.1927 год.

41/П.Н.Краснов:"Картины императорской России.1896-1917 г.г." Тип."Репид".Париж.1927 год.

42/П.Н.Краснов:"Ментык охотник на львов".Повесть.320 страниц.Париж.1928 год.

43/П.Н.Краснов:"Белая свитка".Роман.359 стр.Берлин.1928 год.

44/П.Н.Краснов:"С Ермаком на Сибирь".187 страниц.Издание В.Сияльского.Париж.1929 год.

45/П.Н.Краснов:"Дарго".Роман.510 стр.Париж.1930 год.

46/П.Н.Краснов:"Терунешь"."Аона"."Мариам"."Онвет"/.Рассказы/.103 стр.Берлин.1931 год.

47/П.Н.Краснов:"Подвиг".Роман в двух томах.549 стр.Издание Е.Сияльской.Париж.1932 год.

48/П.Н.Краснов:"Выпашь".Роман.571 стр.Изд.тоже.Париж.1932 г.

49/П.Н.Краснов:"Цесаревна./1709-1762 г.г./".Роман.379 стр.Издание.тоже.Париж.1933 год.

- 50/П.Н.Краснов:"Ненависть".Роман.392 стр.Париж,1934 год.
51/П.Н.Краснов:"На рубеже Китая"/Воспоминания/.123 страниц.
Париж,1935 год.
52/П.Н.Краснов:"Война и мир"/Л.Н.Толстой/и"От двухглавого орла к красному знамени",в свете наших дней".Париж,1935 г.
53/П.Н.Краснов:"Домой!На льготе".Роман.268 стр.Париж,1936 г.
54/П.Н.Краснов:"Накануне войны.Из жизни пограничного гарнизона".60 страниц.Париж,1937 год.
55/П.Н.Краснов:"Цареубийцы.10 марта 1881 года".Роман.392 стр.
Издание В.Сияльского.Париж,1938 год.
56/П.Н.Краснов:"Ложь".Роман.408 страниц.Париж,1939 год.
57/П.Н.Краснов:"Павлоны/1-е Павловское военное училище полвека тому назад/".95 страниц.Париж,1943 год.

Представляя исчерпывающие библиографические данные о вышедших в печати литературных произведениях П.Н.Краснова, в виде отдельных книг, можно ещё указывать бесконечный перечень таковых, как например романы:"Екатерина Великая", "Восьмидесятый", "Тихие подвижники" повесть и многие другие.

Свой последний труд, П.Н.Краснов писал уже во время Второй мировой войны, который и был издан в 1944-1945 г.г.:

- 58/П.Н.Краснов:"Исторические очерки Дона".Выпуски 1-й и 2-й.
"Казачья Библиотека"№№1-2.Изд.жур."На Казачьем посту"/Редактор-сотник П.Гусев/.Берлин,1944 год.Выпуски 3-й и 4-й.
"Казачья Библиотека"№№3 и 4.Издание газеты"Казачья Земля"/.Редактор-под,есаул Болдырев.Толмеццо.Сев.Италия,1945 год.
"...Кто же мы-Казачья!Сказать, что мы-русские, подразумевая под этим понятием-великороссы, это будет неправильным, ибо казачество само состоит из разных народностей.Среди народов России есть ветви:великорусская, украинская/или как раньше называли-малороссийская/, белорусская, но есть и казачья.Ведь они-казачья, как и другие народы и народности, населяли территорию 1/6 части суши и проживали в пределах одного Государства Российского и являлись русскими, вернее россиянами.В этом смысле и казаки, Казачий Народ, является особой ветвью всего русского народа".
/П.Н.Краснов:"Исторические очерки Дона".Выпуск 1-й/.

59/В 1962 году было издано посмертное произведение П.Н.Краснова.

П.Н.Краснов:"В житейском море".Роман.Издание Союза инвалидов.Париж,1962 год.2-е издание./1-е издание.С.Петербург, 1915 год/.

В 1965 году в США, начато было посмертное издание знаменитого литературного произведения его:

П.Н.Краснов:"От двухглавого орла к красному знамени".Нью-Йорк,1965 год.Часть 1-я.

Большой литературный талант ген.П.Н.Краснова был признан критикой и читающей публикой уже с давних пор, точнее сказать, с начала текущего XX столетия.Кроме того, всех поражала и удивляла поразительная энергия его, когда он настойчиво создавал многочисленные и притом весьма разнообразные фэбулы своего литературного творчества и писал, писал и писал десятки, сотни своих литературных произведений/романов, повестей, рассказов, заметок и др./, неизменно печатая таковые преимущественно в форме книг. Читатели и критики признавали единодушно поразительное многогранное литературное творчество П.Н.Краснова, слава о котором гремела в буквальном смысле слова в эпоху 1925-1940 г.г.Различными книгоиздательствами были изданы несколько десятков тысяч книг с литературными произведениями П.Н.Краснова, на многих

многих десятках иностранных языков, которыми зачитывались десятки и сотни тысяч людей во всём мире.

Но, были и враги литературного творчества П.Н.Краснова, это русские коммунисты, которые производили оценку последнему обыкновенным своим "мерилом", с политической точки зрения. Избегая ненужной голословности, приводим один из показателей сей "критики":

"...Всецело к "белой библиотеке" относятся литературные произведения ген.Краснова/1869-1945 г.г./, они неразрывно связаны с эпохой проводившейся борьбы.

Имя Краснову создал исключительно его роман-трилогия: "От двухглавого орла к красному знамени". Остальные книги повторяли уже одну другую, постепенно ослабевая.

Талант Краснова невелик и однообразен. Триумф романисту принесло знание офицерской среды и личная связь с эпохой. Многие военные сцены у Краснова живучи. Но образность писателя подражательна: отблеск "Войны и мира" Толстого неизменно мелькает в памяти у Краснова.

Историческое понимание опять таки, ничтожно! Вся идейно-политическая ставка на Германию. Русским белым отведена роль служебная; а то, что единение на Родину "За чертополохом", предвзято осуждено сплошь. Обрисовка действующих лиц-утрированная. Полностью подогнана к вкусам и понятиям зарубежных русских военных писателей. И нашёлся белый офицер-эмигрант, напечатавший книжку о Толстом и Краснове, где Красн. в поставлен был кое в чём выше /1934 год/.

Романы Краснова переведены и на иностранные языки: в них искали исторические "актуалите"/действительность, прим. наше/. Успех неппрочный: газеты сегодня выхватывают из рук, а завтра ненужны никому, или в библиотеке ждут историка. Такова же участь злободневных романов: слава их обречена на выветривание. А, Россия пережила "Двухглавого орла", может пережить и "Красное знамя".

/Иван Тхоржевский: "Хрестоматия литературы". Том 2, стр.537. Издание "Возрождение". Париж.1946 год/.

Многочисленные литературные произведения П.Н.Краснова будучи переведенными на многие иностранные языки, были одновременно изданы в печати за границей в 1919-1956 г.г. Кроме того, имеется целый ряд романов, напечатанных на русском языке и изданных в странах: Латвии, Эстонии, Литве, Польше, Румынии или в СССР:

1/П.Н.Краснов: "П.Н.Краснов". "За чертополохом". Фантастический роман. /"Библиотека новейшей литературы". Том 47/. Книгоиздательство "Граматы Драугс". Рига.1928 год/.

2/П.Н.Краснов: "От двухглавого орла к красному знамени". /1894-1921 г.г./. Роман в 4-х частях. Кни-во тоже. Рига.1930 год.

3/П.Н.Краснов: "На внутреннем фронте". /С критикой и пояснительными примечаниями С.Пионтовского. Издание "Прибой". 162 стр. Ленинград.1927 год. и др.

К числу литературных произведений П.Н.Краснова, переведенных на иностранные языки, принадлежат:

а/На английском языке:

4/Krassnov Peter: "From double eagle to red flag". 851 p. Translated from the second Russian edition by Erik Law-Gisiko. New York. 1926.

5/Krassnov Peter: "From double eagle to red flag". 851 p. Translated by Erik Law-Gisiko. London. 1928.

6/P.N.Krassnov: "From the two Headed Eagle to the Red Flag". /1894-1921/. Translated. 4 vol. Berlin. 1925.

- 7/P.N.Krassnov:"The Amazon of the Desert".Translated by Olga Vitali and Vera Brooke.272 p.London.1928.Second Edition.London.1929.
8/P.N.Krassnov:"The Unforgiven".Translated by Olga Vitali and Vera Brooke.444 p.Duffeld & Co.London.New York.1928.
9/P.N.Krassnov:"The White Goat".Translated by Olga Vitali.439 p.Duffeld & Co.New York.1929.375 p.London.1930.
10/P.N.Krassnov:"Yermak the conqueror",206 p.Duffeld & Co.New York.1930
11/P.N.Krassnov:"Kostia the Cossack,an historical novel".Translated from the Russian by Olga Vitali and Natalia Tsytovitich,edited,with a foreword by Henry Irwing Brock.588 p.Duffeld & Co.New York.City.1930
12/P.N.Krassnov:"From Double Eagle to Red Flag".852 p.Introd.by W.Gerhardi.Translated by E.Law-Gisiko.Au.1928.
13/P.N.Krassnov:"The block mass".129 p.Translated by Olga Vitali.Duffeld & Co.New York.1931.
14/P.N.Krassnov:"Napoleon and the Cossacks".593 p.Translated by Olga Vitali.London-New York City.1932.
15/P.N.Krassnov:"Largo".Translated by Olga Vitali.599 p.Duffeld Greet. New York City.1932.

б/На французском языке.

- 16/Krasnoff Pierre:"Comprendre c'est pardonner".
17/Krasnoff Pierre:"De l'aigle imperial au Drapeau rouge".Pagot.Paris. 1926.
18/Krasnoff Pierre:"L'Amazone du desert".Traduit du russe par le general N.Murat.Malfere.Paris.1927.

в/На немецком языке.

- 19/P.N.Krassnow:"Der Achtzigste:Die Steppe"."Ubersetzt von Rudolf Freiherr von Campenhausen.81 Seite.Iena.1923.
20/P.N.Krassnow:"Von Zarenadler zur Roten Fahne".Roman.743 Seiten.Ubertrag von baron von Stehnam.Berlin.1936.
21/P.N.Krassnow:"Der endlose Hass".Roman.662 Seite.Ubersetzung von Bernhard Schulze.Berlin.1938.
22/P.N.Krassnow:"Nach Hause".Roman.328 Seite.Ubertragung von I.B.Svobodnjank.Essen.1939.
23/P.N.Krassnow:"Die Zarenmorder".Roman.621 S.Vier Falken Verlag.Berlin.1939.

г/На итальянском языке.

- 24/P.N.Krassnoff:"Comprendere e pezdorare".342 p.A.Salani.Firenze.1930.
25/P.N.Krassnoff:"Tutto passa...".Romanzo storico.523 p.A.Salani.Firenze.1931.

д/На испанском языке.

- 26/P.N.Krassnow:"La Russia Sovietica/Comprender et perdonar/".Traduction directa del ruso por Alexis Marcoff en colaboracion con Jean Oses Hidalgo.426 p./"Biblioteca de autores rusos contemporaneos"/.Barcelona.1931.

е/На хорватском языке.

- 27/P.N.Krasnov:"...Od dvoglava orla do crvena bagaka".Knig 1-5.Zagreb. 1923-1924.

ж/На латышском языке.

- 28/P.N.Krasnov:"Nebehdue meitene/Tuksnescha Amazone/".Romana.154 p,Tulkojis Ed.Rudsits.Riga.A.Lahzis.1926.

Имя знаменитого казачьего писателя ген. П. Н. Краснова вошло в историю Казачьего Народа и записано золотыми буквами в казачьей памяти.

60/ИВАН ИВАНОВИЧ КРАСНОВ.

Большую литературную известность имеет природный Донской казак, генерал-лейтенант Иван Иванович Краснов, родившийся в 1802 году и ставший большим казачьим писателем.

Являясь сыном известного казачьего героя ген. м. И. К. Краснова, Иван И. Краснов получил прекрасное воспитание и образование, будучи отданным своим отцом на учение в т. наз. "Благородном Институте-пансионе", существовавшем тогда при новооткрытом Харьковском Университете. Учась здесь, И. И. Краснов стал с большим рвением и энергией, изучать не только иностранные языки, но главное зачитываться модной иностранной литературой, что привело его к большому увлечению стихами известных германских поэтов Шиллера и Гете. Это пошло на пользу для молодого И. И. Краснова, который стал сильно увлекаться изучением литературы и истории.

Закончив своё образование в 1818 году, И. И. Краснов был произведен в чин хорунжего и пошёл на военную службу по Донскому Войску, как войсковой стипендиат, младшим офицером в лейб-гвардии Казачьем полку в Петербурге.

В 1821 году, сотник И. И. Краснов был назначен адъютантом при командире 2-го кавалерийского корпуса ген. адъютанта графе В. В. Орлове-Денисове, природном Донском казаке. В русско-турецкую войну 1828-1829 г. г., И. И. Краснов был всё время на войне в Европейской Турции, проявив себя способным боевым офицером, получив ряд боевых наград и производство в чин войскового старшины.

В 1838 году, полковник И. И. Краснов был избран на Дону старшим членом Войскового Правления, иначе говоря Помощником Войскового Атамана, по гражданской части.

Находясь в Донской столице-Новочеркасске, молодой/36 лет/и широко образованный казачий гвардейский полковник И. И. Краснов, стал в самом скором времени центром, около которого стала группироваться образованная часть Донских казаков, особенно казачья учащаяся молодежь.

В период времени 1841-1842 годов, ген. м. И. И. Краснов был назначен Походным Атаманом Донских казачьих полков на Кавказе. Здесь им было написано первое его, блестящее по замыслу и выполнению, литературно-историческое произведение: "Записки казака о Кавказской войне", к глубокому сожалению, дошедшему до нас в рукописи.

В 1843 году, И. И. Краснов был назначен командиром лейб-гвардии Казачьего полка, где он был до сентября 1845 года.

Дальнейшая его военная служба проходила на Дону, где он и начал заниматься литературным творчеством, сотрудничая почти во всех журналах и сборниках Петербурга и Москвы, имея одну единственную тему-КАЗАКИ. Блестящий стилист в отображении своего литературного творчества, И. И. Краснов написал очень много стихотворений на самые разнообразные темы, которые ходили по рукам, будучи написанными в рукописях. Самые известные из его стихотворений, которые были облюбованы почитателями его литературного таланта, были: 1/"Тихий Дон" и 2/"Князь Василько".

В Крымскую войну в 1853 году, ген. лейт. И. И. Краснов был назначен Походным Атаманом Донских казачьих полков, которые защищали всё побережье Азовского моря, от г. Мариуполя и до г. Таганрога,

от английского военно-морского флота, оперировавшего в Азовском море.

По окончании Крымской войны в 1856 году, ген. лейт. И. И. Краснов был назначен Окружным Генералом 4-го Военного Округа на Дону, где пробыл до 31 января 1868 года, когда было торжественно отпраздновано его 50-летие в офицерских чинах, в связи с чем он был зачислен в постоянные списки лейб-гвардии Казачьего полка.

Главнейшие литературно-исторические труды И. И. Краснова:

- 1/И. И. Краснов: "Оборона Таганрога и берегов Азовского моря, в 1855 году". Отдел. книга в 226 стр. С. Петербург. 1856 год.
- 2/И. И. Краснов: "О Донской казачьей службе низовых и верховых Донских казаков". "Военный Сборник" №2. С. Петербург. 1858 год.
- 3/И. И. Краснов: "Малороссияне на Дону". "Современная Летопись" №16. 1865 год.
- 4/И. И. Краснов: "Безпоместные и мелкопоместные чиновники Войска Донского". "Русский Вестник" №7. С. Петербург. 1865 год.
- 5/И. И. Краснов: "Партии на Дону". "Современная Летопись" №9. 1866.
- 6/И. И. Краснов: "Местный патриотизм". Там же, №15. 1866 год.
- 7/И. И. Краснов: "В ответ на предложение о формировании казачьих полков". "Военный Сборник" №11. Санкт-Петербург. 1866 год.

Кроме того, И. И. Краснов был постоянным сотрудником газеты "Русский Инвалид", сборника-ежемесячника "Сын Отечества", "Иллюстрация" и др. Современник известного казачьего писателя есаула Евлампия Котельникова.

И. И. Краснов считался по праву, применительно к его эпохе, одним из самых образованнейших казачьих офицеров и даровитым казачьим писателем.

Ген. лейт. И. И. Краснов умер в г. Новочеркасске, 14 апреля 1871 года, в возрасте 69 лет и был там похоронен.

61/ПЛАТОН НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ.

Все казаки имеют реальное представление о двух родных братьях Красновых, имеющих имена мирового значения, где старший-Андрей Николаевич Краснов, родившийся в 1862 году и младший-Петр Николаевич Краснов, родившийся в 1869 году, имеют свои имена прославленными во всем мире, и потому являются известными каждому мало-мальски грамотному казаку.

Но, навряд-ли кто из тех же казаков, знает или слышал что-либо о их среднем родном брате-Платоне, родившемся в 1866 году, И ТАКЖЕ ИЗВЕСТНОМ КАЗАЧЬЕМ ПИСАТЕЛЕ.

Платон Николаевич Краснов окончил историко-филологический факультет Петербургского Университета в 1889 году, со степенью ад. юнкта филологических наук. Увлекаясь сильно литературой, Платон Николаевич Краснов отказался от педагогической деятельности, а посвятил себя литературной деятельности, тем временем служа по Управлению железных дорог.

Известны его довольно многочисленные статьи по железнодорожному делу, печатавшиеся в периодической специальной прессе. Кроме того, он принимал деятельное участие в разработке тарифного вопроса и издал отдельно свой специальный труд:

- 1/Пл. Н. Краснов: "Сибирь под влиянием рельсового пути". 241 стр. С. Петербург. Книга. 1902 год.

Широко известны классические переводы Сенеки, Марка Аврелия и др., переведенные Пл. Н. Красновым.

Но далее, это-литература Пл. Н. Краснова, где сказалась полностью

его писательская "искра Божия", свойственная вообще всем казачьим писателям, носящим фамилию Красновых.

В течение самого короткого времени, Платон Николаевич Краснов /1893-1903 г.г./, сумел выдвинуться в первые ряды литературных критиков в России.

Знакомя казаков с литературными успехами и достижениями казачьего писателя и литературного критика Пл.Н.Краснова, умершего в 1906 году, в возрасте 40 лет, приводим перечень его литературных трудов и произведений, составивших ему большое литературное имя:

- 2/Пл.Н.Краснов: "Л.Анний Сенека". Жур. "Новости" №353. С.Петербург. 1894 год.
- 3/Пл.Н.Краснов: "Поэзии Фета". "Книжки Недели" №1, стр.161-180. С.Петербург. 1893 год.
- 4/Пл.Н.Краснов: "Отец русского романа". Жур. "Труд" №5, стр.448-457. С.Петербург. 1894 год.
- 5/Пл.Н.Краснов: "Чуткий писатель/А.К.Шеллер-Михайлов/". Журнал "Труд" №9, стр.688-695. С.Петербург. 1894 год.
- 6/Пл.Н.Краснов: "Русские Парнасцы". "Книжки Недели" №5, стр.156-172. С.Петербург. 1894 год.
- 7/Пл.Н.Краснов: "Поэт мировой жизни/Ф.И.Тютчев/". Там же, №6, стр.124-141. С.Петербург. 1895 год.
- 8/Пл.Н.Краснов: "Чуткий художник и стилист". Жур. "Труд" №5, стр.448-457. С.Петербург. 1895 год.
- 9/Пл.Н.Краснов: "На озере". Повесть. 147 стр. Петербург. 1895 год.
- 10/Пл.Н.Краснов: "Собрание сочинений Андерсена". Критика. "Книжки Недели" №9, стр.181-190. С.Петербург. 1895 год.
- 11/Пл.Н.Краснов: "Критические биографии и философия: Вершина натуральности; Истина необычайного; Радостная литература; Провинциальная поэзия, поэзия мгновений, поэт мировой жизни; жажда жизни; Новая критика Фауста; Детский сказочник: Книга забвения; Жизнь степенная". "Книжки Недели". Редактор В.И.Гайдебуров/. С.Петербург. 1896 год.
- 12/Пл.Н.Краснов: "Донцы". Рассказ. Литературные приложения к журналу "Нива" №3. С.Петербург. 1896 год; "Русская Мысль" №1. С.Петербург. 1895 год.
- 13/Пл.Н.Краснов: "К.Л.Фофанов". Литературные приложения к журналу "Нива" №4. С.Петербург. 1896 год.
- 14/Пл.Н.Краснов: "Отзывы на переводы датско-русского публициста П.Г.Ганзена". "Книжки недели" №8. С.Петербург. 1896 год.
- 15/Пл.Н.Краснов: "Поэт нашего времени/В.К.Фофанов/". Там же, №8, стр.233-244. С.Петербург. 1897 год.
- 16/Пл.Н.Краснов: "Поэтическое наследие Майкова". Там же, №4, стр.256-271. С.Петербург. 1897 год.
- 17/Пл.Н.Краснов: "Неоромантическая и мистическая поэзия./К.Бальмонт: "Под Северным Небом"- "В безбрежном море". Ф.Соллогуб/" Там же, №10, стр.132-145. С.Петербург. 1897 год.
- 18/Пл.Н.Краснов: "Поэзия человечности". Газета "Кавказ" №227. Тифлис. 1897 год.
- 19/Пл.Н.Краснов: "Вне житейского волнения". /Сочинение К.К.Случевского/. "Книжки Недели" №9. С.Петербург. 1899 год.
- 20/Пл.Н.Краснов: "А.С.Пушкин". Газ. "Кавказ" №199. Тифлис. 1899 год.
- 21/Пл.Н.Краснов: "Первые поэты-академики/Граф А.Л.Голенищев-Кутузов/". "Книжки Недели" №3, стр.189-196. С.Петербург. 1900 год.
- 22/Пл.Н.Краснов: "Трилогия А.К.Толстого". Там же, №4, стр.167-180. С.Петербург. 1899 год.
- 23/Пл.Н.Краснов: "Первые поэты-академики/К.Р. - Великий князь

- Константин Константинович Романов/"Книжки Недели"№3, стр. 185-189.С.Петербург.1900 год.
- 24/Пл.Н.Краснов:"Стихи и песни П.В.Шумахера"."Литературные вечера Нового Мира"№9, стр.613-618.С.Петербург.1902 год.
- 25/Пл.Н.Краснов:"Вас.Ив.Немирович-Данченко:"Сластеновские миллионы"."Облетевшие листья"."Литературные вечера Нового Мира"№7, стр.461-468.С.Петербург.1902 год.
- 26/Пл.Н.Краснов:"Русская неоромантика/К.Д.Бальмонт/"."Литературные вечера Нового Мира"№9, стр.541-547.С.Петербург.1903.
- 27/Пл.Н.Краснов:"Честный душой/Литературный характер И.Бунина/"Там же,№2, стр.82-87.С.Петербург.1903 год и многие другие литературно-критические очерки и статьи казачьего писателя-литературного критика Платона Николаевича Краснова, которые здесь не приводятся вследствие представленной полноты историко-литературного изложения о нём, скончавшемся так безвременно, всего лишь на 40-м году своей столь плодотворной жизни.

Славное имя крупного казачьего писателя-литературного критика Платона Николаевича Краснова увековечено в Казачьей Литературе.

62/ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ КРЮКОВ.

"...Это был последний двухдневный бой Степного отряда/Отряд Вольных Донских Казаков, под командой Походного Атамана Донского Войска ген.штаба ген.м.П.Х.Попова, совершивший знаменитый Степной Поход в Задоньи, 12 февраля-5 мая 1918 года/ст.ст./.

Удача переправы через реку Сал, около хутора Андреевского, на половину принадлежит казакам-жителям этого хутора. Колокольный звон, радушие и гостеприимство, с блеском весеннего солнца и душистым нарядом молодой зелени, давали столько радости и счастья единству родной казачьей семьи, что с этих пор: от отряда отрывалось название "кадеты" и закреплялось новое название "Степняки.."

Степной Отряд спокойно подошел к р.Дону, у станицы Нижне-Курмоярской...Как то внезапно из-за горы открылась величавая картина разлившегося по лугам и равнинам Дона.Сверкающая лентой, под лучами блиставшего солнца, извивалась даль его русла и мелководный еще разлив зарождался деревьями, курганами, плетнями садов и огородов по другой стороне, под самой станицей, которая была еле видна сквозь чащу зеленеющих тополей на берегу.

Чувством умиления сжалось сердце Донецкова, при виде Дона, и взор туманился невольной слезой.

"Вот тот, кто родил и возделал нынешний праздник духа!..В нем собирательная сила и крепость!Блистай же, наш-родной красавец, помоги тебе, Боже!"

Песни приветствия неслись из всех отрядов...

Подходили они к Дону близко,

Тотчас, кивера долой!

Поклонились Дону - низко,

Здравствуй, Дон, отец родной!.."

писал казачий писатель, полковник Василий Степанович Крюков, описывая поход партизан-Степняков, в Задоньи и Калмыцкой степи, весной 1918 года.

Несомненный писательский талант В.С.Крюкова увековечен в сборнике его рассказов, изданных книгой в 1928 году:

В.С.Крюков:"Родной Край"/Сборник рассказов из казачьей жизни/.128 стр.Париж.1928 год.

Современная ему литературная критика, весьма тепло отзывалась на выход из печати указанного сборника казачьих рассказов В.С. Крюкова.

Кроме этого, В.С. Крюков помещал свои рассказы и статьи в казачьих эмигрантских журналах, как: "Родимый Край", "Казачий Союз", "Вестник Казачьего Союза", "Казачьи Думы" и др. В 1954-1955 г.г. был редактором журнала "Родимый Край" /Бюллетень Донского Войскового Обединения/. Париж. Франция.

Природный Донской казак Василий Степанович Крюков родился 22 июля 1893 года, в станице Раздорской на Медведице, Усть-Медведицкого Округа, в семье казачьего офицера.

Окончив реальное и юнкерское казачье училища, в 1911 году был выпущен в чине хорунжего, вступив в 6-й Донской казачий полк, в котором был до мая 1915 года, участвуя в войне с Германией.

В мае 1915 года, под есаул В.С. Крюков был командирован с фронта на должность сменного офицера Новочеркасского казачьего военного училища, где от января 1916 года, преподавал конно-саперное дело. /В 1913 году В.С. Крюков окончил конно-саперные курсы при Штабе Варшавского Военного Округа/.

Есаул В.С. Крюков участвовал в Степном Походе Донских партизан - "Степняков", занимая должность начальника пулеметной команды в конном отряде юнкеров Новочеркасского казачьего военного училища, под командой есаула Н.П. Слюсарева.

С созданием Войсковым Атаманом ген. П.Н. Красновым Донской Армии, летом 1918 года, В.С. Крюков был назначен командиром сотни в 5-м Донском казачьем полку, откуда потом был командирован в Донскую Офицерскую Школу, которую окончил по 1-му разряду и был рекомендован для занятия штаб-офицерских должностей офицеров Генерального Штаба.

Состоя в 1919 году на должности начальника Штаба 6-й Донской казачьей конной бригады, войсковой старшина В.С. Крюков был произведен в чин полковника по приказу №2224, от 18 декабря 1919 года, по Всевеликому Войску Донскому.

В Крымский период, полк. В.С. Крюков был начальником пулеметной команды Атаманского Военного училища, в составе Донского казачьего юнкерского полка.

С выходом в конце 1920 года, в эмиграцию, В.С. Крюков был в Болгарии, откуда переехал во Францию, где поступил в 1923 году в Парижский Университет /известная Сорбонна/, окончив последний. В последующее время, В.С. Крюков принимал самое деятельное участие в казачьей общественно-политической деятельности за границей, будучи секретарем журнала "Родимый Край", а далее /после окончания Второй мировой войны/ и редактором последнего.

Недомогая сильно, В.С. Крюков переехал в 1954 году из Парижа на юг Франции, на побережье Средиземного моря, в г. Ниццу, надеясь восстановить свое сильно пошатнувшееся здоровье. Но, большое сердце не выдержало и 20 января 1955 года В.С. Крюков умер и был похоронен на городском кладбище г. Ниццы.

63/ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ КРЮКОВ.

Особое место в казачьей литературе, занимает бесспорно выдающийся казачий писатель Федор Дмитриевич Крюков, знаменитое произведение которого, стихотворение в прозе "Родимый Край", известно почти всем казакам и казачкам:

РОДИМЫЙ КРАЙ.

Родимый Край... как ласка матери, как нежный зов её над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов.

Чуть тает тихий свет зари, звенит сверчок под лавкой в уголке, из серебра узор чеканит в окошке месяц молодой... укропом пахнет с огорода...

Родимый Край...

Кресты родных могил, а над левадой дым кизичный и пятна белых куреней, в зеленой раме рощ вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель, застывший в думе, волнует сердце мне сильнее всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарований.

Тебя люблю, Родимый Край...

Напев протяжной песни старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная, щемит мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчанье мудрое седых курганов и в небе клекот сизого орла, в жемчужном мареве виденья зипунных рыцарей былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зеленый и родной... не ты ли это Родимый Край?

Во дни безвременья, в годину смутную развала и паденья духа, я ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой Край Родной...

Но все же верил, все же ждал: за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметнул волну наш Дон седой.

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...

И взволновался Тихий Дон... клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики, звучат родные песни, серебристый подголосок звенит в дали, как нежная струна...

Звенит и плачет, и зовет...

То Край Родной восстал за честь Отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон...

За честь Отчизны, за Казачье Имя, волнуется, шумит седой наш Дон, - Родимый Край!"

В сотнях тысяч экземпляров, было напечатано это стихотворение и распространено на Дону в 1918-1919 годах, когда Ф.Д.Крюков был Секретарем Большого Войскового Круга Донского Войска.

Федор Дмитриевич Крюков родился 2 ноября 1870 года, в станице Глазуновской, Усть-Медведицкого Округа, Донского Войска, где его отец Д.И.Крюков - очень грамотный и зажиточный казак, был долгое время станичным Атаманом, в 80-х годах XIX столетия. Федор Дмитриевич Крюков начал своё учение в мужской классической гимназии в Окружной станице Усть-Медведицкой, но тогдашний Наказный Атаман Донского Войска ген. князь Н.И.Святополк-Мирский/1881-1898/, эту ГИМНАЗИЮ ЗАКРЫЛ, открыв вместо нее казачью военноремесленную школу. В связи с этим, Ф.Д.Крюков был послан своим отцом продолжать учение в Войсковой гимназии в г.Новочеркасске, которую и окончил с золотой медалью в 1888 году.

В 1893 году, Ф. Д. Крюков окончил историко-филологический факультет Петербургского Университета, после чего был преподавателем мужских гимназий в г. г. Нижнем Новгороде и Орле/1894-1905/, но потом был уволен с государственной службы "за политическую неблагонадежность".

Будучи отстраненным от педагогической деятельности, Ф. Д. Крюков почувствовал себя, как бы, политическим борцом, почему стал разделять убеждения народников, группировавшихся около одного из лучших журналов-сборников "Русское Богатство", издававшегося известным писателем Владимиром Галактионовичем Короленко, в Москве.

Но, как говорится: "нет худа без добра", так случилось и с т. наз. "революционной" деятельностью Ф. Д. Крюкова, получившего к тому времени достаточную известность на Дону, и он был избран Членом 1-й Государственной Думы, от Донского Войска. /Председатель Думы проф. Муромцев/.

Как известно, царская власть разогнала 1-ю Государственную Думу и более того, Ф. Д. Крюков оказался в числе Депутатов, которые подписали "Выборгское воззвание", за что Крюков просидел три месяца в русской политической тюрьме "Кресты", будучи лишенным Наказным Атаманом Дона права жительства на Дону в течении одного года.

Проф. С. Г. Сватиков описывая роль и значение Ф. Д. Крюкова, как Казачьего Депутата в 1-й Государственной Думе, указывает на его большое ораторское искусство, приводя много примеров тому. Так, в одном из заседаний Думы, Ф. Д. Крюков выступая на трибуне, в качестве оратора "...художественно изобразил процесс превращения "людей простых, открытых, людей труда в живые машины, часто бессмысленно жестокие". Солдат переживает этот процесс в казарме, КАЗАК-ВСЮ ЖИЗНЬ. "Даже в домашней обстановке, казак не должен забывать, что он, прежде всего, нижний чин, ... и всякий начальник может распечь его за гражданский костюм, за обувь, за шаровары без лампас...". "Что такое земский начальник в сравнении с нашим военным администратором/намек на Наказного Атамана Донского Войска, прим. наше/, для которого закон не писан ни в буквальном, ни в переносном смысле слова...". "Никакая казарма, никакая солдатская муштровка не может идти в сравнение с этим своеобразным воспитательным режимом, сковавшим всё существование казака".

"Всякое пребывание вне станицы, вне атмосферы начальственной опеки, всякая частная служба, посторонние заработки для него закрыты, потому что он имеет право лишь кратковременной отлучки из станицы...". Казаку закрыт даже доступ к образованию, ибо невежество было признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух. Современный военный режим, интересы офицера резко отделил от интересов казака, даже противопоставил их, и недоверие к офицеру теперь резко сквозит во всех общественных отношениях казака...".

"Казак дорожит своим званием", ибо в прошлом у него "была полная, свободная жизнь широкой удали, та совокупность прав, которых теперь добивается русский народ". Крюков напоминал также о казачьих протестах, в Кубанском Урупском полку, в третьем сводном Донском полку, об арестах среди казачьих офицеров. Он нарисовал картину оскудения Донского Края и "благодеяния правительства", которое семьям мобилизованных казаков "отпустило значительное месячное пособие-ОДИН РУБЛЬ В МЕСЯЦ, чтобы казаки старались на усмирение народа...".

"Если вспомнить", пишет проф. С. Г. Сватиков, "как ненавидело

казачество навязанное им станичное коневодство и общественных жеребцов, ложившихся тяжким бременем на казачий бюджет, то можно понять, как приятно было бы казакам "земство", работающее исключительно на жеребцов, о которых Ф.Д.Крюков заметил остроумно, что Войсковая администрация начинается Войсковым Атаманом и кончается станичным жеребцом". /Проф.С.Г.Сватиков: "Россия и Дон/1549-1917 г.г./", стр.499 и 537.Вена.1924 год/.

Д.Воротынский, биограф жизни Ф.Д.Крюкова, описывает "революционную жизнь" Ф.Д.Крюкова в 1905-1906 г.г., на Дону: "В революционные 1905-1906 годы, в своей родной Глазуновской станице, Ф.Д.Крюков безмолствовал, не хотел насыщать казачьи головы туманом социализма, но за то в Окружной Усть-Медведицкой станице, он "метал громы и молнии" по адресу правительства и царской "скверны".

При мне, летом 1906 года, Усть-Медведицкие "социалисты", тогда еще студенты, П.М.Агеев, П.А.Скачков и дьякон Бурыкин, арестовали Окружного Атамана ген.Филенкова и продержали его в писарской станичного правления под арестом в течение полдня. Помню, Агеев и Скачков закончили свои задорные речи, как на бочку, заменяющую трибуну, вознесся в подряснике милейший человек, но никудышный оратор дьякон Бурыкин и только что протянул, словно с эвфона, несколько избитых фраз, как в толпу протиснулся Ф.Д.Крюков в белом чесунчевом пиджаке и в фуражке защитного цвета. Толпа/не преувеличивая, можно сказать, что нас было не более двух сот человек, зеленой молодежи; это, повидимому, была вся "революционная опора" того времени, станица же Усть-Медведицкая насчитывала тогда около 20 тысяч жителей/сразу встретила его громовым "ура". Словно по щучьему велению, к станичному правлению подкатила нарядная тройка почтаря Боякова/как оказалось, ее специально заказали для Крюкова/.

По окончании митинга, Ф.Д.Крюкову предложили сесть в экипаж, но он отказался и соборне со всеми "ораторами" шел пешком почти через всю станицу, хотя тройка все время следовала по стопам "революционеров".

После, уже в станице Глазуновской, я и моя сестра смеялись над Ф.Д.Крюковым. Смеялся и он: "Я боялся садиться, Филенков смотрел в окно, а ведь на этой тройке он один и ездил, он-генерал, а я так на купчишку похож."

Об этих выступлениях в станице Усть-Медведицкой, позже Ф.Д.Крюков вспоминал, как с самых неудачных дней своей "революционной" жизни". /Д.Воротынский: "Ф.Д.Крюков/Воспоминания и встречи/" Журнал "Вольное Казачество" №73, стр.15.Прага-Чешская.25.1.1931/.

Не менее любопытными воспоминаниями о Ф.Д.Крюкове, являются биографические записи его сына Петра Федоровича, не так давно скончавшегося в эмиграции, одном из известных казачьих поэтов нашего времени, писавшем: "Каждый из его приездов в родную станицу Глазуновскую, два раза в год, был для меня настоящим праздником и когда он уезжал обратно в "Россию", как у нас говорили, в далекий Петербург, то я чувствовал какую-то пустоту везде и во всем: не было ни душевных бесед, ни пения, столь любимых нами с отцом родных казачьих песен, ни собраний стариков, либо на нашем рундуке, в вечерние сумерки, либо в курене, где тотчас же появлялась водка и вино, сопровождаемые обычными станичными закусками: сушеной и вяленой рыбой, соленой капустой, огурцами и грибами. А какие песни игрались в таких случаях! Боже мой!... как вспомнишь и невольно слеза катится из глаз. Что ни песня, то целая летопись давным-давно минувших времен: ... бурных схваток Дона с Россией под харунками/хоругвями-знаменами, прим. наше/

Степана Резина и Кондратия Булавина, поход в Индию армии Донцов с Походным Атаманом Матвеем Платовым, и... наконец покончив с прошлым, переходили на сентиментальную казачью поэзию, по местному "бабы песни". Вряд-ли ошибусь, если скажу, что любимейшей из этих песен была для моего отца старинная песня:

"Уж вы, куры, мои куры, кочеточки мои,
Не кричите, кочета, рано с вечера,
Не будите, кочета, дружка милого!.."

Сколько раз в летнее время, мы ночевали с отцом, в нашем большом сарае, на окраине станицы и в вечернее время, отец не вытерпивал: "Ну-ка, сынок, давай заиграем нашенскую!". Причем отец не упускал напомнить мне, чтобы "не забыл про кочетов!". Замечательный тенор-подголосок отца звенел в вечерней тишине нежными струнками, то ободряющими, то наполняющими сердце щемящей тоской.

Когда отец уезжал, то я рылся в "кладовых", отыскивая старые его рукописи, исписанные чрезвычайно мелким, бисерным почерком, которым он писал для себя". /П.Ф.Крюков: "Кому повею печаль мою". Журнал "Вольное Казачество" №33, стр.12-13. Париж. 1960 год/.

Характеристика Ф.Д.Крюкова, данная его родным сыном, полностью отвечает во всем исторической действительности, когда ставится к разрешению вопрос о подлинной силе и значении литературного творчества Ф.Д.Крюкова, как казачьего писателя, обладавшего недюжинным литературным талантом и большими данными.

Первым крупным литературным трудом Ф.Д.Крюкова, составившим ему литературное имя, были его путевые записки с 1894 года, когда он окончив Петербургский Университет, ехал к месту своей службы, в г. Нижний Новгород, пароходом по р. Волге:

1/Ф.Д.Крюков: "Волжские очерки". Газета "Новое Время"/редактор А.А.Суворин/. С.Петербург. 1896 год.

Следующим его большим литературным произведением, получившим признание читателей, был рассказ из казачьей жизни на Дону:

2/Ф.Д.Крюков: "Казачка". Рассказ. Журнал "Русское Богатство". /Редактор В.Г.Короленко/. С.Петербург. 1896 год.

Уволенный с государственной службы "за политическую неблагонадежность", Ф.Д.Крюков тем самым покончил с педагогической деятельностью, но будучи замеченным в литературных кругах Петербурга, стал заниматься исключительно писательской работой. И в 1912 году став одним из редакторов журнала "Русское Богатство", он не растворился в русской массе, а наоборот написал ряд высоко-художественных произведений, отражающих полностью жизнь и самобытность Донских казаков, под эгидой русской власти. Ничто не укрылось от острого взора даровитого казачьего писателя, который дал казачьей литературе ряд непревзойденных образцов его литературного творчества, в своих проникновенных рассказах, насыщенных казачьим духом и содержанием. Станичная и хуторская жизнь Донских казаков и их семейств, повседневный тяжелый труд их на земле, летняя страда связанная с уборкой хлебов, в результате казачьи тяготы и недоимки перед русской казной, казачья беднота, проводы казаков на войну и т.п., описывалось Ф.Д.Крюковым, с свойственным ему исключительным мастерством:

3/Ф.Д.Крюков: "Из дневника учителя Васюхина". Журнал "Русское Богатство". С.Петербург. 1903 год.

Читая этот рассказ, приходится признать, что в образе учителя Васюхина, Ф.Д.Крюков дал полное литературное отображение самого себя, вкладывая в уста учителя Васюхина, следующие слова:

"...Я люблю слушать наши казачьи песни, люблю сам петь те из

них, которые знаю. Одно время я собирал и записывал их. Напев их несколько однообразен и уныл, но характерен, оригинален и замечательно гармонирует с нашей монотонной степью и странной казачьей жизнью. Что-то близкое сердцу, непонятно грустное слышится мне всегда в переливах этих песен, воспевающих широкую шлях-дороженьку, мать-дубровушку, речку лазоревую, орлов сизокрылых, тоску на чужбине. Когда я слышу их, то не всегда утерплю, чтобы не подойти к кругу...".

Находясь в родной казачьей станице, и стоя по своему культурному уровню выше окружающей местной казачьей среды, имея свои, с течением времени сложившиеся запросы, навыки и привычки, учитель Васюхин-герой рассказа, написанного Ф. Д. Крюковым, усматривает большую свою отчужденность от станичных казаков, сетуя по этому поводу: "... Я сам родился и вырос в простой казачьей семье. Отец мой пашет землю. Когда я был здоровее, я помогал ему летом в полевых работах, теперь не могу. Я знаю казачий быт; я люблю свой народ, среди которого я вырос и которому служу, мечтаю об его счастье, скорблю о нем сердцем; я - сын народа, смело это могу сказать!... И тем не менее, я неизменно и постоянно чувствую, что что-то отрезало меня от моего народа, что на меня он смотрит уже не как на своего, со мной говорят не просто и не откровенно, и я не могу подойти близко, как мои сверстники по годам, молодые казаки, к нашим милым казачкам... А между тем, как я их люблю, они веселы, смелы, остроумны, намеренно-грубоваты и вместе с тем умеют быть нежными и неуловимо-привлекательными... Что-то есть в них такое, чего я не встречал ни в одной из знакомых культурных женщин, что-то свободное, смелое, увлекательно-разгульное, сообщающее жизни беспечную радость и красоту воли..."

Надлежит подчеркнуть, что вообще много места в литературных произведениях Ф. Д. Крюкова было уделено жизненным переживаниям, горю и печали казачек, матерей, жен, сестер и дочерей, выявляя полностью нрав, характер и жизнь казачьей женщины, ярким примером чего служат его превосходные рассказы:

4/Ф. Д. Крюков: "Мать". Журнал "Русское Богатство". Петербург. 1904.

5/Ф. Д. Крюков: "Мирская сеть". Там же. 1905 год.

6/Ф. Д. Крюков: "Явь". Там же. 1905 год. С. Петербург.

Замечательными по своей выразительности и изложению, являются превосходные рассказы:

7/Ф. Д. Крюков: "О казаках". Журнал "Русское Богатство" №4, стр. 25-47. С. Петербург. 1907 год.

8/Ф. Д. Крюков: "Шаг на месте. Картинки казачьей мобилизации". Там же, №5, стр. 46-106. С. Петербург. 1907 год.

9/Ф. Д. Крюков: "Новые дни". /Повесть автобиографического содержания/. Там же, №6-7. С. Петербург. 1907 год.

В 1908 году была издана брошюра Ф. Д. Крюкова, описывающая подробно проведение т. наз. "Выборгского процесса" депутатов 1-й Государственной Думы:

10/Ф. Д. Крюков: "9-11 июля 1906 года". Сборник "Выборгский процесс". С. Петербург. 1908 год. /Брошюра Ф. Д. Крюкова была выпущена отдельным оттиском из указанного сборника, книгоиздательством "Донская Речь". /Н. и Е. Парамоновы/. Ростов-Дон. 1908.

В 1908 году, в издании книгоиздательства "Знание", был выпущен первый сборник рассказов Ф. Д. Крюкова:

11/Ф. Д. Крюков: "Казачья жизнь". 156 страниц. С. Петербург. 1908 г.

Тогда же, в 1908 году, был издан рассказ Ф. Д. Крюкова, описывающий подробно взаимоотношения между этническими группами населения, проживавшими на территории Донского Войска:

12/Ф. Д. Крюков: "Мечты". Журнал "Русское Богатство" №10. С. Петербург.
1908 год.

"... Самоуправный народ — русские... до того самоуправный, просто говорить не остается!", — повторил несколько раз укоряющим тоном Роман Ильич, отставной сотник.

Шишов Федот Иванович, хозяин лавки, румяный, солидной комплекции господин, молча нанизал на мочалку сухие, твердые, как камень, крендели, завязал ее в узел и встряхнул связку.

— Вот попрекаете нас, Роман Ильич, — с снисходительной мягкостью полированного человека, сказал он, подавая связку.

— А, я имею честь пред, явить Вам, что совершенно напрасно. С людей беру по шести, с Вас кладу по пять с половиною. Одинадцать копеек — с... два фунта... русский народ отнюдь не самоуправный!.."

Сотник Роман Ильич, как единственный офицер в станице, привык к почету, не терпел конкуренции и ревниво наблюдал за тем, чтобы его чин знали и помнили, чтобы в церкви никто раньше не подошел к кресту, чтобы при встрече ему давали дорогу и снимали перед ним шапки. Но умом был простоват, как все старинные люди. Жизнь он прожил долгую. Хотя она не была разнообразной и богатой событиями, но за восемь десятков лет накопилась достаточная куча, из которой он по временам извлекал кое-какие обломки на потеху своим слушателям, сам не замечая, что забавляет их своей первобытностью.

— Самоуправный, дескать, народ... — повторил Шишов, и в голосе его слышался играющий смешок: — Значит, обвиняете Вы, нас с Ферапонтом, не иначе! Мы с ним тут русские, а вы — трое будучи казаки! Хорошо — с. Это еще не голос. А вот позвольте Вам, наоборот, возразить насчет казаков: как Ваш батюшка, Царство Небесное! Ермак Тимовеевич жил, разбой держал, так и сейчас этот манер не вывелся...

— Ну, нет, брат, сейчас казаки дисциплину знают! — строго и с достоинством возразил сотник.

— А, я Вам на это имею честь возразить следующим примером: вон у меня в горнице висит сейчас картина и на ней разные народы, какие под нашей державой состоят. Но, почему казаков там нет? Об, ясните мне, сделайте милость! Значит, поэтому они в списке у царя не состоят?

Сотник Роман Ильич посмотрел в полуоборот на Шишова слегка озадаченным взглядом человека не быстро соображающего, но склонного к обидчивости, и враждебным тоном возразил:

— Не может быть! Хвастаешь, должно быть!

— Извольте поглядеть, ежели не верите... Звания нет!

Смех прыгал и в глазах и в голосе Шишова и похоже было, что вот-вот он брызнет из него кипящим фонтаном и захватит всех присутствующих.

Бородатый Маштак, закурив цыгарку и выпустив клуб дыма, который окутал почти всю лавку, поспешил на выручку к замявшемуся сотнику и сказал успокоительно:

— Они при его лице служат/т.е. при царе, прим. наше/, он их и так знает.

— И без списка! Верно!... — радостно-благодарным голосом воскликнул Роман Ильич и сочувственно ткнул связкой кренделей в сторону находчивого Маштака/кличка одного станичного казака, прим. наше/.

Лохматая шапка его закивала торжествующим жестом и черная танцующая тень от неё запрыгала к потолку.

— Это верно! Правильно! А вот вы русские, также и хохлы, об вас без списка того... и позабыть можно.

-Вы нас-русских, стало быть с хохлами равняете? Это даже обидно!

Шишов небрежно ловким жестом отбросил долговую книгу и ящик с подсолнухами и уперся кулаком на прилавок.

-Позвольте Вам на это возразить из истории. Как из самой истории сказано, что русского вылепили из серой глины.

-Прочный материал! - заметил в скобках Ферепонт/русский, проживавший в станице и личный приятель Шишова, хозяина лавки, прим. наше/, соорудивший гигантских размеров цигарку.

-Из серой глины, а хохла - из пеклеванного теста.

-Хохол - дурак! - тоном безнадежного сожаления сказал сотник.

-Да... так из пеклеванного теста его", - продолжал Шишов неторопливо, с манерами опытного повествователя: - Ну-те-с, хорошо-с, из теста... И, стало быть, на этот случай прибегла собака... Прибегла к этому делу собака, сцапала хохла и проглотила. Проглотила - бежать! И сколько бежала, все хохлами...

При неожиданно-звонкой рифме, созданной пряным словом, сотник затрясся от смеха, и живот его, как студень, долго еще колыхался даже после того, как дружный заливиный общий хохот других слушателей смолк и они ждали продолжения.

-На конец того дела, вдарилась она об угол, и выскочил из нее хохол с плугом.

-И з волами? - спросил Попков/один из казаков, находившийся в лавке, прим. наше/, подражая малороссийскому выговору и давясь от смеха.

Когда Шишов кончил свою забавную историю, в которой с несомненностью доказывались все генеалогические преимущества русских, т.е. великороссов перед хохлами, - все смеялись долго, до усталости сперва разом, а потом наблюдая некоторую очередь: ктонибудь вспомнит отдельный эпизод, подсыпал краткое замечанье, остроумье, и опять из лавки в насторожившуюся темноту выскакивал раскатиный залп прыгающих звуков и звонко разбежался в оба конца прямой улицы.

-Это верно... хохлы-они мягкий народ, - сказал сотник, потрясая мохнатой папахой: - А вот вы, русские... у-у, дьяволы, сурьезные... да что за натуральная нация!

Он поковырял клюжкой по серому наследенному полу, вспоминая что-то из своего минувшего.

-Раз меня в Дубовке... ну как обидели, так обидели... Давно, лет пятьдесят прошло, а вспомню и сейчас руки чешутся аж!

-Вы по этому случаю на всех русских и сердце имеете, Ваше благородие? - почтительно заметил Ферепонт. - Значит, Дубовские виноваты, а мы, Шацкие, отвечаем!

-Все вы одной бабки внуки!.. Сотник энергично взмахнул связкой кренделей, и они звонко прогремели, сообщая коротким сердитым звуком особую убедительность его словам.

-А что главное-правильности нет! Норовят кучей на одного наесть, а не то, чтобы один на один... Мне не то обидно, что били... Бей, пес с тобой, ну бей по закону! Я люблю, чтобы правильность была во всем...

Роман Ильич строго, в полуоборот, посмотрел на Ферепонта воинственным взглядом, ожидая возражений. Но, Ферепонт не возразил, а отвернувшись из вежливости, выпустил заряд дыма по направлению к улице и затем изобразил на своем лице самое почтительное внимание. Сотник провел костылем по темному грязному полу прямую линию, - жестикуляция часто опережала у него слова, и голосом старой грусти начал:

-За досками мы ездили, значит. С фурами. Железных дорог тогда не было, на быках. Наклали фуры, а я по грешности, в харчевню: выпью, думаю, на дорогу шкалик... Взошел, а их там, этого мужичья, руки не пробьешь! Галдят у стойки, сбились в кучу. А у меня воза стоят, некогда до смерти. И все таки я-офицер, само собой... Посторонитесь, -говорю.

-Чево посторонитесь? Какой широкий! Сам посторонись!..

-Дайте дорогу, -говорю я. -Я - офицер!

-Мы из тебя не видим, офицер ты или нет, а за свои деньги в кабаке, каждый шаровариться может.

-Ах, ты! - думаю я. - Мужичья твоя морда!.. Развернул-черк одного в сопатку. Он назад себя... Подались. Я тут другого. Они к двери. Бе-ежать?.. Стой, думаю, не уйдешь! Сердце во мне даже разгорелось, и зачал я их тут ослаивать, кого в едало, кого в пузо, кого в затылок... Мужичье!.. Только какой-то подлец, не знаю как, подкатился мне под ноги, я и выстелился через него. Ну, тут уж они все на меня... И пока от возов-то прибегли, они мне сыпанули!.. И будь бы у них понятие, ежели бы не все кучей лезли один на другого, каждому хотелось поскорей вдарить, то аминь бы тут мне был... Ей-ей.. А то они сбились надо мной, суют руками, а размахнуться негде, без толку все... Тем и спасся!

Роман Ильич с победоносной улыбкой оглянулся на своих слушателей, и они каждый по своему выразили свое радостное изумление. Шишов издал тонко-свистящее шипение: тсс... Маштак добродушно загнул многоэтажное слово по адресу несообразительности Дубовских мужиков, а Попков сказал "галманы".

Ферапонт покрутил головой, а затем осторожно, тоном извинения, заметил:

-Да ведь на своей стороне, понятное дело, там стены помогают... Тоже нашего брата тут у вас мало ли учат?

-И правильно!, - сказал Маштак добродушно-грубым тоном.

-Ваш брат тоже... вроде жил на нашей казачьей стороне... Придет к примеру, в лаптях, в одних портках, глядишь, через месяц, у него сапоги амбургского товару, триковый пиджак, штаны по журналу сшиты... А все плохо им! Сунься-ка мы к вам, вы утрете скоро! Вон и их благородие-офицер, и то не постеснялись.

Маштак немного издевался, подтравливая Романа Ильича. Старый сотник поддавался на этот прицел... Героические воспоминания разбудили в нем дух тщеславия, и он не без хвастовства, воскликнул:

-Ну, я и сам в долгу не остался. Не-ет!.. Я тоже одному из них после того вложил... чтобы он знал да помнил обед до полдня...

И рассмеялся очень довольным смехом.

-Дегтярь, тоже из Дубовских... от обедни иду... воскресенье как раз было. Народ-конечно. Шинель на мне с капюшоном. Николаевская, офицерская. Вот он и едет.

-Дегтю! Дегтю!

-Стой! Ты отколь?

-Дубовский, Ваше благородие!

-Ты, Дубовский?.. Развернул, к-как дам ему сюда! Он брык с дрог! Картуз в сторону, виски кучерявые, как у старого барана. Вцепился я в них и зачал водить. Водил-водил.

-Ваше благородие, помилуйте!

-А-а, с-сукин сын! Поми-луйте!.. Закажи своим Дубовским, как Донского офицера бить... А меня, кто утюжил, такой, разэтакий?..

-Впервой вижу Вас, Ваше благородие!

Рассказ этот написанный великолепным казачьим языком, каким

Ф. Д. Крюков владел мастерски, отражает полностью явное недоброжелательство казаков в отношении пришлых русских, оседавших на Земле Войска Донского. Их-русских мужиков, Ф. Д. Крюков величает просто "дьяволами", а его герой-Маштак, станичный казак, фигурирующий в качестве одного из главных персонажей в рассказе, отзывается об этих пришлых иногородних на Дон, уже совсем конкретным образом:

-Ваш брат русский, вроде жида на нашей казачьей стороне...

Блестящий знаток казачьего образного языка, казачий писатель Ф. Д. Крюков был мастером в переложении казачьей народной речи на страницах современной печати, характерным примером чего служит следующий его очерк:

13/Ф. Д. Крюков: "Войсковой Круг и Россия". Историческо-литературный журнал: "Донская Волна" №16. Новочеркасск. 1918 год.

В этом очерке, Ф. Д. Крюков описывает выступление казачьего урядника Краснопузова, одного из депутатов Большого Войскового Круга, человека малограмотного, но большого казачьего патриота, возмущенного отдачей приказа о продвижении частей Донской Казачьей Армии, в пределы России:

-...Я коснуся одному, г. г. члены! Так как мы на той поприще стоим, чтобы свою не отдать, а чужово нам не надо! То надо до того добиться, чтобы энти флажки назад дужа не передвигались, но и в даль далеко дужа не пушались.../Речь шла о флажках, обозначавших линию фронта Донской Казачьей Армии, на географической карте/.

Россия?.. Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низкость, ну и пушай!.. У нас своих делов не мало собственных.

Нам-казакам политикой некогда заниматься и там, на позиции, в прессу мы мало заглядаем. Приказ, вот и вся пресса.

Там, господа члены, про царя некогда думать...и не думаем. Наш царь-Дон! Это есть тот хозяин, за которым мы казаки пошли.

Прямо сказать, господа члены, что кто пропитан казачеством, тот свою не должен отдать дурно...А насчет России повременить..

Пушай Круг идет к той намеченной цели, чтобы спасти Родной Край! Пригребай казак к своему берегу...больше ничего не имею сказать, господа члены!

В 1909 году, Ф. Д. Крюковым был опубликован в журнале "Русское Богатство", ряд его замечательных рассказов, которые упрочили широко его все нарастающую литературную славу.

14/Ф. Д. Крюков: "Казачья Жизнь". Журнал "Русское Богатство" №5. С. Петербург. 1909 год.

15/Ф. Д. Крюков: "Картинки из школьной жизни". Там же, №7. 1909 г.

16/Ф. Д. Крюков: "Шквал". Там же, №9. С. Петербург. 1909 год.

В этом рассказе, Ф. Д. Крюков изображает юмористически одного из ревностных служаек-старого казачьего генерала, стремящегося сохранить более "военную службу", чем "казачье благополучие"...

"...Лошадь коротко за повод держал казак-старик без шапки, в чириках/казачье слово-ботинки, прим. наше/, и в каком-то разноцветном мундире неизвестного ведомства, приобретенном, очевидно, из старья, на станичной ярмарке..."

-Это-конь?!, -воскликнул с негодованием генерал, иногда останавливаясь и упираясь в бока кулаками. -Это теленок, а не конь!

-Ваше Превосходительство, подтощала, -робко и неуверенно сказал старик, держа "шапку на молитву". -Мы покормим, первеющая лошадь выйдет. Подтощала, Ваше Превосходительство, дорога дальняя... полтора верста.

-Ты меня не учи, -раздраженно крикнул генерал. -Подтощала, под-

кормим... А что выйдет из твоей подкормки? Тот же теленок... не приму!

-Явите Божескую милость, Ваше Превосходительство. Не имею состояния...

Впрочем, телячий постав этой лошади выражался очень слабо, генерал явно придирался: тревожно насторожившаяся лошадка казалась и очень красивой и подходящей для строя.

-Божеской милости я не могу, братец, сделать. Милость сделана нам Государем Императором: выдается сторублевое пособие. Чего же вам еще?.. Вы, потомки доблестных воинов, которые никогда никаких пособий не получали, а как служили! Небось они не являлись перед начальством в таком виде, как ты...

Генерал раздраженно ткнул пальцем в чирики и фантастический костюм старика.

-Не разберешь, казак ты или мужик? Ты бы еще лапти надел!

-Ваше Превосходительство!, старик жестом извиняющегося склонил голову на бок. -В жнива у нас, это-самая форма. Нам не писать, а вокруг быков плясать... Мы и рады бы жить, как наши предки жили, да ведь:.. нуждишка, Ваше Превосходительство... гнет в дугу государева слугу... Сапожишки, конечно, от приличия почему бы не надеть, ну нету, Ваше Превосходительство... воля Ваша: внуку отдал... А мундер, точно, не присвоенный мне, но дешево попался...

-Да, д-да... разговаривать вы умеете... Ораторы!, -холодно и сердито прибавил генерал. -Не годится лошадь! Не приму!.., прибавил он отрывисто и сердито.

Старик огорченно крикнул и сказал тем-же извиняющимся, покорным голосом, каким говорил о своем мундире и чириках. -Воля Ваша, Ваше Превосходительство... Вам дадена власть... Только состояния у меня нет другую справлять...

-Опять?.. Разговоры?.. В клопы/намек на "тигулёвку"-арестное помещение при станичном правлении, прим. наше/захотел? Смотри у меня... -Генерал бросил потом коротко и безнадежно отрывисто:

-Ступай.

Генерал скрывается за дверьми дома, откуда вскоре в открытые окна доносится генеральский голос раздраженно говоривший:

-Всё это ерунда, книжные теории: экономическое положение, экономический упадок. Точно я не знаю?..

Молодые голоса что-то возражали, разом, горячо, беспорядочно мешаясь...

Семья генерала и гости выезжают на пикник, торопливо-шумящей вереницей мелькают перед глазами старого казака. Оставшийся дома генерал выходит на балкон, замечает старика, и "сменяет гнев на милость":

-Не ушел ещё?

Старик быстро сдернул фуражку и взял ее "на молитву". Генерал громко крикнул и, помолчав, прибавил немножко суровым голосом:

-Н-ну... корми! На сборном пункте посмотрю. Да береги! Береги, говорю!.. -вдруг грозно закричал он:

-И в этом лапсердаке, чтобы я тебя больше не видал!

-Слушаю, Ваше Превосходительство!..

Генерал был криклив, но не страшен.

Главным делом, главной задачей своей деятельности считал то, что считала и стоявшая над ним власть, - взять со вверенного ему Округа возможно большее количество людей для военной службы, с лошадьми и безупречным снаряжением. Это была важнейшая, лежащая на казачестве, государственная задача. Но выполнять ее год от году, становилось труднее. Обедневшее население, выборачи-

вая гроши из скудного своего хозяйства, изощрялось в уклонениях и ухищрениях, в стараниях сократить расходы на военный блеск. Он — генерал, как старательный служака, в свою очередь изощрялся в способах извлечь из казачьего населения все, что можно, чтобы заслужить признательность сверху и безупречно выполнить служебный долг. Он напоминал о заветах предков, подгонял, увещевал, переписывал и описывал. Описывал и продавал "лишнюю овцу", коровенку, самовар, садишко...

Не без слез все это обходилось, соком доставалось это радение об исправном снаряжении потомкам доблестных казачьих предков, но за то выходявшие в полки казаки сидели на прекрасных лошадях.

Лошади — это была родная стихия генерала. Он интересовался ими больше, чем людьми... Гармонические лошадиные формы производили на него впечатление чарующей музыки. Молодое поколение — окружающие и близкие генерала, дочь Маруся, Карташев, подающий надежды офицер, адвокат Егорлыцкий, первый кандидат на руку Маруси, критически относятся к "лошадиным" увлечениям генерала.

— Экономическое положение... Знаю! Без вас знаю, господа ораторы!, — мысленно возражал кому-то генерал, шагая по гостинной.

— Вам хорошо критиковать, а попробовали бы вы делом... да-с, делом!

Он остановился и ногой поправил завернувшийся ковер. — Вы думаете, я не понимаю экономического положения и прочей сути? Знаю-с! Понимаю-с! И скорблю... Я, может быть, больше, чем вы все, вместе взятые, скорблю об оскудении казачества... Я сердцем болею... Расползается старый уклад, надвигается измельчание, вырождение молодецкого типа. Это неизбежно и фатально. Идет... медленно, но неуклонно и грозно идет...

Сколько мог, он и об экономическом положении беспокоился. Когда осматривал по станицам тощие от бескормицы конские табуны, говорил старикам о пользе травосеяния, о том, что лошади корм любят...

Он вспомнил унылые, выжженные степи, унылое выражение на лицах стариков.

— Да, все таки надо... Дальше так оставаться не может. Пропадём. Обезлошадеют казаки! А, что казак без лошади? Ноль... Грош ему цена...

— Надо что-нибудь придумать, — сетовал он сам себе: — экзамен серьезный наступает, а мы не готовы, нет, не готовы...

На другой день, когда явился к нему с докладом станичный Атаман, генерал вместо обычных вопросов мобилизуемой команды, озабоченно сказал:

— Надо, Атаман, заботиться об экономическом преуспевании...

Бравый урядник со знаком трезвости на груди, деревянно-торопливым тоном послушного исполнителя, отвечал:

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство!

Эта торопливая, не задумывающаяся готовность не доставила генералу никакого удовольствия, даже разозлила, потому что вместе с нею, он почувствовал носом густой запах водочного перегара.

— Ну, как урожай у вас, — заботливо спросил он после долгого молчания.

— Да, плохо, Ваше Превосходительство!, — быстро и с видимым удовольствием, отвечал Атаман.

— Почему?

— Дожу нет, Ваше Превосходительство!

Генерал сердито покраснел. Почему то обяснение Атамана показалось ему недостаточно основательным, а самое отношение к урожаю, слишком легковесным. Он враждебно-испытующим взглядом

окинул кирпично-красное, подпухшее от похмелья лицо Атамана и встретился с преданными, настойчиво евшими начальника глазами, в которых слегка блестела пьяная влага.

-Так ты бы того... черт!, -раздраженно воскликнул генерал, - позаботился бы все таки... ну, Богу помолиться обществом! Нельзя же так... сложа руки... нужны меры!

-Молились, Ваше Превосходительство, -несколько оробевшим голосом сказал Атаман, -ходили по всей степи!

-Ну, что-же?

-Да нету...

-Так ещё надо. Ещё помолитесь... Необходимо все-таки...

-Да и то думаем, Ваше Превосходительство!

-Травосеяние надо бы, -грустно прибавил генерал после томительной паузы, -лошади у вас ни на что не похожи.

-Так точно, Ваше Превосходительство. Да у нас негде, позвольте доложить. Все запахано. Шпили, солонцы остались, но там земля клеклая. Свинец, а не земля... ничего не вырастет...

-Так искусственное орошение надо!, -воскликнул генерал с сердцем.

Атаман понял, что генералу необходимо ругнуть кого-нибудь, такой стих нашел, и уныло покорным тоном, осторожно жестикулируя одними пальцами, не отводя руки от лампаса, ответил:

-Слушаю, Ваше Превосходительство!

Литературные критики проводя оценку литературного творчества казачьего писателя Ф.Д.Крюкова, отмечали единодушно, что в сравнении с современными ему российскими писателями, он являлся безусловно самым лучшим писателем по правдивости и верности своего изложения, превосходя Льва Толстого, Аксакова и др. Одновременно, те же критики признавали, что Ф.Д.Крюков был бесспорно и одним из лучших писателей в отношении бытописания замысла своих рассказов и повестей. Еще при жизни Ф.Д.Крюкова, установилась за ним слава, как одного из самых лучших реалистов-писателей вообще.

Тогда же, в 1909 году, был напечатан прекрасный рассказ Ф.Д.Крюкова: "Зыбь", окончательно определивший всю силу его литературного таланта.

17/Ф.Д.Крюков: "Зыбь". Литературный сборник: "Знание". /Главный редактор Максим Горький/. С.Петербург. 1909 год.

В этом произведении отразилось полностью все творчество Ф.Д.Крюкова, создавшего своеобразный стиль написания, где развернулся во всю ширь и мощь его литературный талант:

"...Что то могущественное, почти неодолимое, было в этих трех десятках десятин взрытой, истощенной земли. Скрыла она свои грани, слилась с другими полосами, раздвинулась вдаль и вширь. Впереди и сзади, направо и налево, до дымчатоголубого горизонта, все изборозжено, взрыто извиристо дрогнувшими полосками. И бурно-черные комья земли лежат, словно притаились, как насторожившаяся темная, несметная стая, ждут... Обнаженно-бедно все кругом, серо, неласково. Обжигает лицо сухим холодом жесткий ветерок, шумит в голых, красных, словно озябшие пальцы, ветвях кучерявых степных яблонек, в сизой, колкой сетке терновика, в пустых окошках полевых хаток. Тени облаков с смутными очертаниями безмолвно скользят по черным коврам взрытой земли, по косичкам нежной зелени под балками, по старому коричневому бурьяну на высоких глинистых шпильях. Мертвым потускневшим золотом глядит прошлогоднее жнивье, по которому не успел осенью пройти плуг и вихры старника на пашне торчат, как редкие чалые волосы на изрытом оспой

лице. Голо, однообразно... Но какая ширь кругом, и как волнуется сердце неясными грезами! А скоро придут нарядные дни, залитые солнцем и всеми красками земли, яркие, бесшабашно-шумные... Зелено-пестрый шопот пойдет зыбью по всей степи, на вечерней заре будет ржать тонкое ржанье жеребенка и далекая девичья песня, чарующая невыразимой молодой грустью. ПРЕКРАСЕН ТОГДА ТЫ, РОДНОЙ УГОЛ, СКУДНЫЙ И МИЛЫЙ!.."

Реализм в сочетании с прирожденной интуицией создали большую литературную славу Ф. Д. Крюкову, как казачьему писателю, где большой известностью пользуется его повесть: "Офицерша", изображающая простую хуторскую казачку, как жену подхорунжего, который вообразил, что он стал также казачьим "офицером" и т. п.

18/Ф. Д. Крюков: "Офицерша". Журнал "Русское Богатство". С. Петербург. 1911 год.

Не менее колоритной является мощь литературного таланта Ф. Д. Крюкова, когда он излагает эмоциональность человеческих чувств и его переживаний, в следующих произведениях:

19/Ф. Д. Крюков: "К источнику исцеления/путешествие в Саратовскую пустошь/. Жур. "Русское Богатство". С. Петербург. 1912 год.

20/Ф. Д. Крюков: "Неопалимая Купина". Там же. С. Петербург. 1913 г.

В последние годы, с закрытием журнала "Русское Богатство", Ф. Д. Крюков был редактором литературного отдела "Современных Записок", где участвовали все виднейшие литераторы.

Перед Первой мировой войной, Ф. Д. Крюков издал два сборника своих литературных произведений:

21/Ф. Д. Крюков: "Казачьи мотивы". 189 страниц. С. Петербург. 2-е издание. 1913 год./1-е издание было в 1907 году/.

22/Ф. Д. Крюков: "Казачьи рассказы". Том 1./Сборник некоторых рассказов, напечатанных в журнале "Русское Богатство"/."Московское книго-во писателей"/. Заведующий писатель В. В. Вересаев/. Москва. 1914 год.

С началом Первой мировой войны, в политических убеждениях Ф. Д. Крюкова, наступили сдвиги и он покинул ряды трудовиков, став сотрудничать в газете "Русские Ведомости", в Москве.

Апофеоз славы литературного творчества казачьего писателя Ф. Д. Крюкова, был достигнут им тогда, когда он пробыл три года на фронте/сначала на Кавказском фронте, а потом в Галиции/, и с наступлением революции в России, возвратившись на Дон и проживая в родной станице Глазуновской, он начал писать свои новые литературные произведения, главным из коих является прекрасное стихотворение в прозе: "Родимый Край".

20 февраля ст. ст. 1920 года, при отступлении Донской Казачьей Армии на Кубань, Ф. Д. Крюков перенесший сыпной тиф, умер от осложнения-гнойного плеврита и был похоронен в станице Ново-Корсунской.

Умирая, Ф. Д. Крюков завещал казакам и казачкам: "...в будущем времени, перенести его прах на Усть-Медведицкие "Пирамиды" и похоронить около братской могилы наших казачьих партизан".

С неотъемлемой четкостью и признанием, надлежит констатировать факт, что казачий писатель Ф. Д. Крюков оставил после себя неизгладимый след в казачьей литературе, увековечив навсегда свое имя, как непревзойденного реалиста и талантливого творца казачьей народной мысли и образности.

В 1916 году был издан его особый труд:

23/Ф. Д. Крюков: "Выборы на Дону"/К 10-летию 1-й Государственной Думы в России/. С. Петербург. 1916 год.

Подводя итоги литературной деятельности Ф. Д. Крюкова, как ка-

зачьего писателя, следует отметить, что Ф.Д.Крюков начал печататься еще в 1892 году, когда был издан в печати его первый рассказ: "Гулебшки. Очерк из быта стародавнего казачества". С.Петербург. 1892 год., изданный в виде небольшой книжки в 35 страниц.

Последующие рассказы Ф.Д.Крюкова из казачьей жизни, как: "Пособие", "В родных местах", "Клад" и другие, в которых Ф.Д.Крюков показал себя большим мастером пера, на которого обратила особое внимание литературная критика, отметившая появление казачьего литератора, "рисовавшего мастерски колоритный быт Донских казаков".

Не чуждый изображения социальных мотивов в своих казачьих рассказах, Ф.Д.Крюков изображал в своих литературных произведениях также мастерски, жизнь духовенства, учителей, военных, чиновников и др. Характерным и вместе с тем, лестным является критическое суждение известного писателя Владимира Галактионовича Короленко о литературном творчестве Ф.Д.Крюкова:

"КРЮКОВ-ПИСАТЕЛЬ НАСТОЯЩИЙ, БЕЗ ВЫВЕРТОВ, БЕЗ ГРОМКОГО ПОВЕДЕНИЯ, НО СО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ НОТОЙ, И ПЕРВЫЙ ДАЛ НАМ НАСТОЯЩИЙ КОЛОРИТ ДОНА!".

Можно лишь пожалеть, что никогда еще не было издано полного собрания сочинений Ф.Д.Крюкова. Правда, была сделана подобная попытка в 1914 году, когда был издан 1-й том: "Рассказы" Ф.Д.Крюков. Москва. 1914 год, но наступившая Первая мировая война, затем революция и кровавая оборонительная война Донских казаков против русских коммунистов в 1917-1920 годах, и наконец смерть Ф.Д.Крюкова на Кубани в феврале 1920 года, не дали возможности осуществить это начинание в жизни. Будем надеяться, что когда-то все литературные произведения Ф.Д.Крюкова, будут собраны воедино для напечатания его полного собрания сочинений.

64/НЕСТОР ВАСИЛЬЕВИЧ КУКОЛЬНИК.

Историческая биография писателя-поэта первой половины XIX столетия, Нестора Васильевича Кукольника, является настолько необычной для него, как не казака по своему происхождению, что даёт все права и возможности, числить его в плеяде казачьих писателей.

Н.В.Кукольник родился 8 сентября 1809 года в Петербурге, но образование получил на Украине, в г.Нежине, в гимназии высших наук князя Безбородко, директором которой был его родной отец В.Г.Кукольник. Учёсь блестяще в сей гимназии/будущий Историко-Филологический Институт/, Н.В.Кукольник окончил также блестяще гимназию, имея своими одноклассниками будущих известных писателей: Н.В.Гоголя и Гребенку.

Будучи первоначально учителем в Виленской мужской гимназии, Н.В.Кукольник перевелся летом 1831 года в Петербург, где был зачислен на службу в Петербургский Университет, а от середины 1833 года, был переведен на службу в канцелярию Военного Министра.

К этому времени относится его первый дебют на литературном поприще, когда Н.В.Кукольник закончил свой "драматически-фантастический роман: "Торквато Тассо" в 1833 году, за которым последовал длинный ряд его пьес и повестей.

1/Сборник "Сказка за сказкой". Томы 1-4. 1841 год.

2/"Полковник Леслик". Роман. 1841 год.

3/"Альф и Альдона". Роман. 1842 год.

- 4/"Эвелина-де Вильероль". Роман. 1842 год.
- 5/"Наденька". Роман. 1843 год.
- 6/"Повести и рассказы", 1844 год.
- 7/"Запорожцы". Повесть. 1845 год.
- 8/"Два Ивана, два Степановича, два Костыльниковы". Роман. 1846 г.
- 9/"Старый хлам". Роман. 1846 год.
- 10/"Барон Фанферон и маркиз Петиметр". Роман. 1847 год и др.

Имя Н. В. Кукольника, считавшего себя в ту пору русским националистом, было окружено величайшим почетом во всех салонах Петербурга и Москвы, его считали первым русским писателем, авторитет которого стоял настолько высоко в литературном мире русских столиц, что никто не мог затмить его литературной славы в то время. Но... наступил момент, когда выступил известный литературный критик В. Г. Белинский, который развенчал всю созданную шумиху с Н. В. Кукольниковым, как "величайшим русским писателем", доказав, что пройдет известное время, когда литературное имя Н. В. Кукольника будет предано забвению и никто даже не будет вспоминать о нем, ибо все литературные произведения последнего страдают напыщенностью ложно-классицизма и наличием многих совершенно неподходящих для литературного стиля эпохи - старых слов.

К тому времени, Н. В. Кукольник прослужив с 1833 по 1839 г. г., в канцелярии Военного Министра в Петербурге, далее находился в отставке с 1839 по 1843 г. г., занимаясь литературной деятельностью. Но, в 1843 году Н. В. Кукольник опять служил в канцелярии Военного Министра до 1847 года, когда состоялась командировка его на Юг России, продолжавшаяся долгое время, примерно до весны 1856 года, в течение которой произошло резкое изменение во взглядах его.

Приехав на Дон в 1847 году, Н. В. Кукольник остановившись в Новочеркасске и радушно принятый Донцами, стал вращаться в местных казачьих кругах, бывая гостем во многих домах. В результате, Н. В. Кукольник настолько ознакомился с господствовавшими в то время среди казаков Донскими казачьими идеями автономистского толка, что стал не только ярким приверженцем их, но пошел и много далее, став на грань признания КАЗАЧЬЕГО НАЦИОНАЛИЗМА, ИМЕННО В СЕПАРАТИСТСКОМ ДУХЕ.

Будучи, однажды, гостем в одном доме, Н. В. Кукольник прочитал перед большим числом присутствовавших гостей-Донцов, свое знаменитое стихотворение: "Экспромт", имевшее в своем тексте:

"Здорово! Дон седой!.. Здорово, Дон унылый!
Как Родина моя, ты мне стал свят и мил;
Я полюбил тебя со всей казацкой силой:
Печали все твои к душе своей привил...
КАЗАЦКАЯ БЫЛА СТРАШНА КОГДА-ТО СИЛА:
Донскими лодками ты пенил Черный Понт,
И кланялись тебе Азов и Трапезонт...
Но ты разбогател, и зависть страх сменила...
И сочным гроздием, и рыбой и вином,
И углем каменным, и солью, и скотом
Богат ты, старый царь Азовского поморья!
ТЕБЕ НЕ НАДОБНО СТОРОННЕГО ПОДСПОРЬЯ!..
Богат... а сам в нужде...
Тебе одна беда предшествует беде...
Как труп в степи лежишь...
Как у младенца спит твоя простая совесть...
Бредешь ты нищенкой и про себя ворчишь
Геройских дел и бед страдальческую повесть..."

Я вслушался в нее, она везде со мной;
Несу её в себе, И ДОНЕСУ К ПОТОМКАМ...
Всплесни-же, старый Дон, могучею волной,
Благословенье дай Казачества обломкам.
Ведь ты пред смертью - твой час последний бьёт,
И твой свершается предел, его никто же не преидет:
Подорфиламмю священных преимуществ
В грудь благородную граф Кисилев воткнет,
Меч Государственных Имуществ..."

/Для полного уяснения смысла приводимого стихотворения: "Экспромт" Н.В. Кукольника, надо знать, что под эпитетом "священные преимущества", Кукольник обозначал "привилегии" Донского Войска, утвержденные также и Николаем I. В приведении фамилии графа Кисилева, Министра Государственных Имуществ, Кукольник предупреждал Донских казаков, о готовящемся проведении в жизнь проекта российского правительства, превратить Донских казаков в государственных крестьян, прим. наше/.

Скандал получился невероятный в Новочеркасске, все Донское общество было взбудоражено этим политическим выступлением Н.В. Кукольника. Сообразуясь с создавшейся обстановкой, Наказный Атаман ген. М.Г. Власов вызвал Н.В. Кукольника к себе и потребовал объяснений... Ответ Кукольника гласил, что он декламировал эти стихи "Экспромт" - "Так... из одной политической фантазии... и бывши в возбужденном состоянии от Донского вина!"

Тогда-же, в тот-же вечер, Наказный Атаман ген. М.Г. Власов обязал Н.В. Кукольника дать объяснение в том-же самом доме, и перед тем-же составом гостей, что столь восторженные, встреченные рукоплесканиями его стихи "Экспромт", он - Кукольник произносил как "... политическая фантазия, возбужденная Цымлянским вином!.."

Но... Наказному Атаману ген. М.Г. Власову не удалось "потушить" разыгравшийся скандал, ибо отвечая Н.В. Кукольнику, выступил сотник Донской гвардейской батареи И.В. Турчанинов, написавший большое стихотворение, где применяя самые резкие выражения, последний **ВЫРАЖАЛ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ПОДАВЛЕНИЯ ДОНСКОЙ СВОБОДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЕЙ.**

Н.В. Кукольник проникнувшись любовью к Донским казакам, написал ряд своих литературных произведений исключительно на казачьи темы:

А/ "Азовские письма" /к ген. Адаму Петровичу Чеботареву/. 1854 год. "Северная Пчела". С. Петербург.

Б/ "Азовское Сиденье". Повесть. 1855 год, и др.

Закончив свою служебную командировку на Юге, к весне 1856 года, Н.В. Кукольник получил отпуск за границу для лечения. Возвратившись в конце 1856 года обратно в Петербург, Н.В. Кукольник покинул последний навсегда и **УЕХАЛ НА ДОН, ГДЕ ИЗБРАЛ г. ТАГАНРОГ МЕСТОМ СВОЕГО ПОСТОЯННОГО ЖИТЕЛЬСТВА.**

Обосновавшись в Таганроге, где он прожил 12 лет, Н.В. Кукольник положил много усилий на улучшение города, много заботился о расширении народного образования в Таганроге и состоял все время выборным гласным Таганрогской Городской Думы, до своей смерти, последовавшей 8 декабря 1868 года, в возрасте 59 лет.

Н.В. Кукольник был похоронен на местном городском кладбище. Исторические повести и рассказы Н.В. Кукольника, собранные в количестве пяти томов, были изданы несколько раз, как то: в 1871 году, в 1886-1888 г.г., в 1895-1897 г.г. и в 1901 году, всегда в Петербурге.

65/РОМАН ПЕТРОВИЧ КУМОВ.

Казачий писатель Роман Петрович Кумов родился 12 января 1876 года, в Окружной станице Усть-Медведицкой, на Дону, где его отец служил долгие годы мировым судьей, имея чин ген.м. в отставке.

Казачий офицер Д. Воротынский, в своей молодости хорошо знавший Р. П. Кумова, описывает раннее детство, юность и студенческие годы последнего, так:

"Роман Петрович Кумов родился в станице Усть-Медведицкой, Донской Области и в этой богатой Окружной станице, протекали его детские годы.

Отец его Петр Казьмич был много лет Председателем С.езда Мировых Судей. Он рано овдовел, потом женился второй раз. Мачеха очень любила своих двух пасынков Романа и Всеволода.

Большой дом Кумовых стоял около Воскресенской церкви и т.к. Петр Казьмич был человеком очень религиозным и не пропускал ни одной праздничной службы, то и мальчик Роман унаследовал от отца поклонение Богу.

В то время в Усть-Медведицкой станице старейшим считалось духовное училище и совершенно новой и молодой школой было реальное училище, кажется в составе двух или трех классов.

Петр Казьмич отдал старшего сына Романа в духовное училище. Роман Кумов был в четвертом классе, когда я поступил в первый класс. Передо мной и ныне стоит бледное, какое-то необыкновенно лучезарное лицо мальчика Кумова, всегда с иголки одетого, гладко причесанного, чуть-чуть улыбающегося, если его дерзнет тронуть какой-нибудь первоклассник.

В уютной, с иконостасом из дуба, церкви духовного училища, Кумов стоял за свечным ящиком и я помню, с каким благоговением подходил он к ликам Святых, и прежде чем поставить в подсвечник белую восковую свечку, он осенял себя большим крестом, низко кланялся и только тогда возжигал жертву перед Угодниками.

Когда я поступил в Донскую духовную семинарию, то снова увидел Кумова за свечным ящиком. Та же святость осталась на его бледном, с горящими глазами, лице и этот юноша, с длинными русыми, гладко причесанными на правую сторону волосами, невольно останавливал на себе внимание молодых семинаристов. Еще тогда говорили, что Кумов пойдет в Духовную Академию, примет монашество и будет архиереем. Но в душе молодого богослова была своя жизнь и он не пошел по духовной дороге. Окончив духовную семинарию одним из первых, Роман Петрович поступил в Московский Университет, на юридический факультет, по окончании которого зачислился в сословие присяжных поверенных.

Но, в Москве Роман Петрович оставался недолго, его потянуло в Петербург. Будучи человеком материально обеспеченным, он остался жить в Петербурге, и занимался исключительно литературным трудом. Там вышла его первая книга рассказов: "Безсмертники", имевшая известный успех... /Д. Воротынский: "Р. П. Кумов". Журнал "Вольное Казачество" №75, стр. 14. Прага-Чешская. 25 февраля 1931/.

Уже с выходом из печати первой книжки рассказов Романа Кумова, до того никому неизвестный литератор, сразу был признан читающей публикой, почему литературная критика принуждена была обратить внимание на несомненные большие литературные дарования молодого писателя.

Большую оценку литературного таланта Романа Кумова, дал уже тогда гремевший молодой писатель Максим Горький/Пешков/, пригласивший молодого казачьего писателя сотрудничать в редакци-

руемом им журнале "Летопись". Кроме того, в последующее время, Р.П.Кумов был постоянным сотрудником многих больших столичных журналов в Москве и Петербурге, как: "Нива", "Путь", "Мир", "Исторический Вестник", "Родина" и др.

В 1916 году, Всероссийский Литературный Конкурс имени А.Н.Островского/известный русский писатель-драматург, классик, прим. наше/присудил Р.П.Кумову первую премию, за лучшее представленное литературное произведение: "Последний род Коростомысловых". Впоследствии эта пьеса ставилась в столичных театрах Москвы и Петербурга, пользуясь большим успехом среди столичной публики, а в Московском первоклассном театре Незлобина, входила в состав постоянного театрального репертуара.

К началу революции в России, были изданы в феврале 1917 года, четыре тома произведений Р.П.Кумова, под названием: "Очерки и рассказы". Лучший из них, рассказ: "В Татьянину ночь", выдержал пять изданий. Следующим был превосходный рассказ: "Наташа с Перекопских гор"/это название укоренилось за ним, со стороны читателей литературного таланта Р.П.Кумова/, выдержавший четыре издания.

Уехав летом 1917 года из Петрограда/переименованный Петербург в 1915 году/на Дон, в родную Усть-Медведицкую станицу, Роман Кумов занялся исключительно описанием старинного и современного быта Донских казаков, став постоянным сотрудником литературно-исторического журнала "Донская Волна", выходившего в 1918-1919 г.г., в Новочеркасске и Ростове на Дону, под редакцией известного казачьего журналиста Виктора Севского/Краснушкин, станицы Константиновской, 1-го Донского Округа, Донского Войска/.

Вспоминая погибших казачьих героев за Волю и Свободу Дона в 1918 году, в вооруженной борьбе с русскими коммунистами, Роман Кумов написал следующее, посвященное их памяти:

"...Пусть позволит мне ваша чистая память возложить к подножью ваших безвременных могил несколько смиренных благодарных благоговейных былинки.

Я не погублю для этого в моем маленьком цветнике, ни пышных маков, ни тонкостебельных синеоких васильков-пестрое, но непрочное богатство. Пусть они живут и дышат в память вашу...

Но я отдам вам то, что мне дороже всех пышных маков, синих и благоухающих левкоев: несколько былинки седой горькой полыни и полевого цветущего чебора. Пусть они напомнят вам, как напоминали когда-то мне на чужбине, о прекраснейшей стране под солнцем, где течет единственная в свете по синеве своих вод старая Река и где на пустынных прибрежных горах колышится белая подсыхая полынь да сладко курится розовый ладонный чебор.

Пусть расскажут вам, как рассказывали когда-то мне в далеких землях о нашей тихой станице под высокими горами-Пирамидами, о милых изрытых дождевыми потоками-улицами, о старом чудесном задумчивом соборе, на котором чудесно трезвонят ко всеобщей под праздники, о сиреневых палисадниках, о заросших шумящими пахучими левадами и садами Базах и Клипах, о коротеньких переулках к Дону, с восхитительными видами на старую синюю воду.

Пусть скажут они вам о ваших оставленных на степной стороне, беленьких домах под лепечущей вишней, о грустных лампадках, зажженных в вечерний час, близкой рукой во имя ваше, о родных, о близких людях, о всем том, что вами, оставлено ныне беззаветно и безпрекословно, ради долга и высокой чести...

И пусть передадут они вам, что вся великая Донская Степь с се-

дой полынью и розовым чебором, с чистой ромашкой и важными крас- ноголовыми татарниками, с холодной мятой и узорчатым тысячелист- ником, со всяким полевым разнотравием, ныне клонится перед ва- ми ниц и поет, как под сильнейшим свежим ветром: "Слава вам, сла- ва!..."

Клонятся ниц, полинявшие под солнцем деревянные голубцы при дорогах, возмутились в глубоких оврагах ключевые воды, возшумели полевые дикие красавцы-боярышники и луговые терны, задымила ароматом дебелия яркая "рожа" под пыльным слуховым оком: "Слава вам, слава!..."

Падают ниц, до самой сырой земли, степные народы и те, которые пьют воду из старой синей Реки/река Дон, прим. наше/, и те, кото- рые пьют воду из далеких степных жемчужных озерца, на белых ху- торах: "Слава вам, слава!..."

СЛАВА ВАМ, СЛАВА!!!

РОМАН КУМОВ. "

/Роман Кумов: "Памяти погибших героев". Журнал "Донская Волна" №12. Новочеркасск. 26 августа 1918 года/.

Являясь близким другом казачьего писателя Федора Дмитриевича Крюкова, Роман Кумов разом с ним сотрудничал в местной казачьей газете "Север Дона", издававшейся в Окружной станице Усть-Медведицкой.

Отмечая торжественное чествование 25-летнего юбилея литера- турной деятельности казачьего писателя Ф. Д. Крюкова в ноябре 1918 года, Роман Крюков зная любовь и тяготение последнего к казачьим песням, написал прекрасную казачью пьесу: "Уж ты сад, ты мой сад, сад-зеленый виноград!". В декабре того же года, эта пьеса была представлена на сцене, в исполнении местного казачье- го любительского драматического кружка в Окружной станице Усть-Медведицкой.

Внимая советам своего друга Ф. Д. Крюкова, Роман Кумов стал изучать историю Донских казаков, стремясь запечатлеть наибо- лее колоритные сюжеты исторического характера в казачьей худо- жественной литературе. Труды, положенные Р. Кумовым в этом направ- лении, не пропали даром, а увенчались полным и заслуженным успе- хом, создав ему славу казачьего романиста. Необычайно даровитый от природы, как писатель-беллетрист, Роман Кумов обретая нужные ему сюжеты из Донской Старины, создал ряд высоко-замечательных литературных произведений.

Канвой-сюжетом для написания Р. Кумовым одного из его казачь- их романтических произведений, как "Игумен Иосаф", послужило ста- ринное казачье предание, связанное с историей казачьего монас- тыря, расположенного неподалеку от станицы Усть-Медведицкой. Усть-Медведицкий Преображенский монастырь/третьеклассный/, на- ходился в трех верстах от станицы Усть-Медведицкой, на правом берегу реки Дона, по линии птичьего полета, в 400 верстах от Но- вочеркаска.

Этот монастырь был основан в начале XVII столетия и был пер- воначально мужским монастырем, называясь Межигорской пустынью. Примерно лет через сто, монастырь был завален обвалившейся вы- сокой горой, вследствие чего был перенесен на другое место, в непосредственной близости к станице Усть-Медведицкой. Последую- щая история монастыря сводилась к тому, что будучи мужским, он был далее преобразован в женский монастырь в 1785 году, а в 1788 году монастырь был упразднен. Однако, вследствие давления Донского Войска, монастырь был восстановлен в 1798, как женская монастырская обитель.

Вновь восстановленный монастырь имел богодельню для престарелых и бедных казачек, как и начальную школу для девочек. На содержание монастыря, Донское Войско отпускало ежегодно 3.800 золотых рублей. Кроме того, Донское Войско отвело из Войскового Земельного Запаса 652 десятины Войсковой земли для нужд монастыря, а вдова казачьего полковника Агриппина Мержанова "своекоштно" пожертвовала "во вечное владение" монастыря 545 десятин родовой земли казачьих старшин Мержановых. Кроме описанного, при монастыре имелся свой Пятинский скит.

В конечном результате полного обследования монастырских архивов, Роман Кумов написал замечательное литературное произведение из Донской Старины, которое по праву считается одной из лучших его литературных работ:

" ИГУМЕН ИОСАФ.
/Из Донских преданий/.

В этом Краю постоянно шелестели леса, скрывавшиеся в глубоких оврагах, длинных и широких, как долины, подымались вверх каменистые горы, плескалась в низких берегах река, неясная и задумчивая, как вечернее небо! Людей здесь было мало и путник случайно попадая в этот Край, выносил в душе воспоминания не только о безбрежно расстилавшейся степи, о постоянном шелесте леса, о неясной, покрытой серебристым покровом, реке и приречных насупившихся горах.

Певцы, побывав в этом Краю, потом пели на своих бандурах длинные заунывные песни, в которых дрожал от ветра придорожный звонкий ковыль, мутилась в своих водоворотях желтым подонным песком серебрянная речка, беспокойно, словно перед опасностью, шелестел низкий степной кустарник. И когда певец хотел поведать людям, какой народ живет в этом Краю, Краю степи, леса и тихой реки, он звенел на своих струнах, то тихо, то кротко, словно в том Краю были не люди, вечно волнующиеся и спешащие, а тихие полевые цветы, облитые росой, то порывисто и страстно, как гром на горах, как голубое томленье и бесконечно далекий порыв.

Звонили... Словно кто-то бросал с низкой, темной, облепленной мохом колокольни что-то круглое, золотистое, шумящее, на тихую реку, безмолвно застывшую в своих лесистых берегах, на белые горы, на степи, позолоченные последними солнечными блесками. Бросал одно за другим из неистощимого запаса золотых мягких звуков, и теплыли, певучие, тихие, вечерние,плыли и таяли, обрамленные тишиной и неподвижностью... Неожиданно звуки сгустились и посыпались на землю часто и радостно, словно золотой дождь.

Сначала зазвенели словно маленькие колокольчики, чистые и тонкие, как ласточки, к ним пристали средние, гибкие и красивые, вслед за ними потянулись тяжелые, массивные удары, и вот вся толпа звуков устремилась с колокольни на маленькую вечернюю землю, устремилась веселая разноголосая, золотистая, как потоки весной, и тихая река, горы и лес покрылись тонкими игривыми блесками.

Эхо в заречном лесу тоже бежало и шумело над длинными одиночными озерами.

Жизнь маленького монастыря на некоторое время сосредоточилась в церкви. Шла всенощная, горели огоньки, пахло ладаном. Певчие пели старинным печальным напевом. Монахи в простых бедных одеждах, с тесными скуфейками на головах, занимали всю небольшую церковь..

У каждого из них протянулась длинная законченная полоса жизни. Далеко отсюда, в иных краях, прошла она, как проходит синей степью грозовая туча. Темнело небо, молнии рассекали тьму, глухо отзывалась земля... Была гроза, была бурная, страстная, волнующая жизнь! Они прожили ее и потом, кто с глубоким шрамом на лице, кто с незакрывающейся, неизлечимой раной в сердце, ушли сюда на тихую реку, в степь, на волю, ушли в маленький спрятавшийся между горами скит и здесь затихли.

Всенощная окончилась. Уже сумерки смотрели в окно и, как свечка, засверкала на небе первая звездочка. Монахи собирались совсем уходить из церкви, когда на амвоне неожиданно появился игумен.

Игумен был типичным казаком... В душе любил больше всего волю, степь и этот маленький убогий скит. Говорили, что когда-то он ходил в поход на Азов и на турок и оттуда вывозил много всяких заморских диковинок. Говорили, что лют и беспощаден был в сражениях с басурманами, рубил поганым головы без счета и любовался предсмертными муками своих врагов. И турки прозвали его: "Иосаф-Коршун".

В заброшенном на берегу тихой реки монастыря, он сделался игуменом. Рассказывали, что своими руками построил Иосаф-Коршун маленькую деревянную церковь. Сам с, ездил в далекую Московию и вывез оттуда на редкость звонкие колокола. Он любил эти колокола. Часто среди дня, он влезал на колокольню и тихо перезванивал. И была в этом перезвоне такая грусть, точно синий туман по окраинам степи, и все затихало тогда в монастыре. Монахи выходили из своих келеек и слушали, и давняя жизнь вставала перед ними, и глубоко щемила сердце.

Монахи любили его. Игумен никогда не допускал несправедливости. Он был вспыльчив и строг, но скоро стихал и, как раскаяние, жалость охватывала тогда его сердце и он прощал виновных. В нем сохранилось много черт казачьего "лицаря". Был прям в словах, любил правду и когда-нибудь кто просил у него помощи, немедленно вставал на его защиту. Старый, коренастый, он в своем скиту был игуменом тихим и добрым, любящим, перезванивал на низкой колокольне. Но если кто-нибудь ночной порой прибежал к нему с вестью, что татары палат вблизи и уже много православных побтли, он немедленно садился на коня и впереди своих монахов, мчался туда, где творилась неправда.

Бывало около монастыря проходили воровские шайки русских удальцов. Но, они не трогали монастыря. Оставят далеко за стенами своих коней и оружие, и кроткие, как агнцы войдут в обитель, подадут за свои души выкуп на церковь и, как невидимки скроются в просторной степи. Игумен всегда выходил к этим неожиданным "богомольцам", благословлял их, но ничего не говорил. И только, когда молодцы уедут, над монастырем, с маленькой колокольни долго раздавалось перезваниванье игумена, задумчивое и грустное.

Иногда в полночь, монахи видели, как игумен выходил из своих покоев, перелезал огорожу и спускался к реке. Там всегда стояла монастырская лодка. Игумен садился в нее и тихо покачиваясь, начинал петь. Река обмывала свои низкие берега, шурша и ласкаясь, лес молчал на том берегу, а он пел мягким старческим голосом. До монастыря доносилась мелодия песни, долгая с переливами на концах, словно молящаяся о чем-то... И все думали в монастыре, что старик молится и тоскует.

В монастыре, на колокольне, всегда сидел караульный монах для наблюдения, не едет-ли кто вблизи?.. И если кто-нибудь ехал или шел, он ударял в колокол.

Навстречу путникам всегда выходил сам игумен. Он спрашивал, зачем путник зашел в их Края?.. И если путник отвечал, что бежал от неправды, монастырь и игумен гостеприимно раскрывали перед ним двери. Гонимый мог, по желанию, остаться навсегда в монастыре. И далеко по Донским степям, шла молва о маленьком монастыре, где все гонимые могли найти приют и покой.

...Игумен стоял перед своими монахами, на высоком узком амвоне. У него в руках была хартия, грубая желтая бумага, похожая на ткань и на кожу. Он мял ее в руках, возбужденно и страстно, и сквозь сумрак можно было рассмотреть, как загораются гневом черты его старческого лица.

"Слыхали, что привез давешний посланец из Московии? Грамоту привез, чтоб мы беглых в свой монастырь не принимали! Чтобы о них в Московию доносили... Слышите? А, я думаю, не бывать этому...". Вдруг вспыхнули среди тьмы его глаза. "... Не бывать! Здесь монастырь!.. Здесь нет людей... здесь - Бог и мы, иноки Его! Божье тут царство... Так я и скажу им всем, что не бывать этому. А пока, вам вместо меня будет Иван! Слышите?".

-Слышим!... -отозвались монахи.

Иван... Когда старик пришел на место, где стоял монастырь, вместе с ним появился Иван, щедушный мальчик, лет семнадцати, с белокурыми волосами, с большими голубыми глазами, смотревшими открыто и ясно. В его движениях, мягких и волнистых, в говоре тихом и печальном, и особенно в голубых глазах, кротких и задумчивых, отразилась родная вольная степь.

Он был сын Степи и иногда, когда Иван бродил по степи и рвал для венка степные цветы, синенькие и розовые, казалось, что Степь украшает его небольшую белокурую головку своими маленькими ласками. Он любил Степь!.. Иногда, по целым дням, пропадал он в глубоких оврагах, на дне бурного степного потока. Часто лазил по меловым горам, нависшим над рекою, и рвал тонкие серебрянные бессмертники. Любил бродить по лесу, прислушиваясь к шуму деревьев и звонкому эху лесных озер. О чем он думал в своих одиноких прогулках, никто не знал! Только, когда он возвращался в монастырь, легкая задумчивость застывала на его лице и был он тогда весь, неясное стремление в даль, словно он прислушивался к чему-то далекому. И звали его монахи все: "Иван-Полевой Цветок!".

Где была его колыбель и кто напевал над ней в детские годы материнские ласковые песни, никто не знал. Говорили, что он сын Иосафа-Коршуна... Но старик-игумен никогда сам не рассказывал об этом, а спросить его, боялись... Но то, что Иосаф любил Ивана горячо и нежно, как не любил никого в монастыре своем, было всем ясно. Жил Иван вместе с игуменом в его небольших игуменских покоех. У него была своя маленькая келейка, украшенная сухими полевыми цветами. От этих цветов и от ладана, каждое утро курившегося перед образами, в комнате стоял приятный запах, запах степи и церкви. За окном всегда воркали голуби, прирученные Иваном, летали галки и воробьи. Иван давал всем зерна и звал их ласковыми именами.

Этот белокурый юноша, которому шел двадцать третий год, оставался в монастыре, на время отсутствия Иосафа, игуменом. Никто не возразил на приказ старого игумена, быть старшим в монастыре Ивану, потому что все любили Ивана. Да в маленьком монастыре и не чувствовалась сильно власть игумена, каждый жил, как хотел, спасая душу после бурной жизни, полной страстей и крови.

Иосаф уехал на следующий день. Когда он ехал верхом на лошади, в сопровождении одного монаха, за ворота монастыря, колоколь-

ня зазвонила тихими печальными перезвонами. Монастырь прощался со своим игуменом, ехавшим в далекий путь, на всякие случайности и может быть на смерть...

Прошло шесть месяцев, монастырь тихо жил, окруженный лесами, горами и рекой. По утрам подымались вверх и рассыпались по воде священные звоньки. Монахи сходились в церковь и простояв службу, выходили оттуда, сокрушенные и печальные. Дома ждала их маленькая работа, на пользу монастыря: поделка из дерева, выделка свечей, рисование икон. День за днем, как всегда... А игумена все не было!

Уже прошла осень, прошумела вьюжная зима. На дворе таяли снега, синело небо и под кустами, наивно и мило прятались синие подснежники. Лед на реке прошел и вода с каждым днем пышнела все более и более, разливаясь по лугам и лесам. А игумена все не было.

Монахи обычно загадывали под вечер, приедет ли завтра игумен? Иногда выходило, что приедет, но он все не ехал, и монастырь стоял без него грустный и сиротливый. В полдень уже не раздавалось неурочного перезванивания, тихого и несложного, и монахи не выходили из своих келий, послушать и взгрустнуть.

Больше всех тосковал Иван. В своих игуменских покоях, он обычно сидел у окна, выходящего на степную дорогу и смотрел напряженно вдаль. Но, Степь молчала и синяя безбрежная даль скрывала за собой то, что в ту пору совершалось в далекой Московии.

Однажды, около полудня, караульный заметил в степи человека и ударил в колокол. Монастырь всполошился. Из своих игуменских покоев выбежал Иван и бросился за ворота, в степь. Сердце его чувало, что едет вестник от отца.

Весь в пыли, черный от солнца, и низко поклонившись всей братии, пришлец передал Ивану послание. Тот, дрожа от волнения, развернул длинную хартию и медленно начал читать вслух:

"Тихому Дону и людям его, мир и привет! Монастырю Преображения Господня-земной поклон. Всем православным христианам, братское целованье.

Пишет Божий раб Иосаф игумен.

Сердце тоскует по вам! Почему нет вас около меня?.. Почему здесь нет Ивана? В муках и скорбях, сердце мое хотело бы видеть вас всех.

Чувствуете ли вы, что страдает ваш недостойный игумен? Что муками крепкими терзается его душа? Чувствуете ли?.. Тело иссечено и пробито, но это не больно. Душе больно потому, что нет кругом родного человека. Один, как перст: Господи помоги мне!..

Приехал в Москву и слово держал в Приказе! Говорили, что Дон исстари вольный, что всяк, кто скроется на него, безопасен. И за это был сильно бит...

Москва - вся белая и горит золотыми маковками. Утрами и вечерами думаешь, море гудит у Каспия. Воздух дрожит весь. А улицы узкие и дома тесные. Человеку негде разойтись. Много соборов и в них мощи Святых митрополитов. Великий подвиг приняли эти угольники, всю жизнь свою живя в тесноте и шуме, и Богу угождая.

По Дону стосковался я!.. Птицей вольной полетел бы к вам, послушал речного плеска, степного ветра, лесного шума. Да, стены каменные вокруг меня и сторожей много. И писать не дают!.. Это писал я украдкой...

А думаю я, умру я здесь!.. Тело старое, износившееся, а побои великие. Кашель напал на меня и болит грудь. Если умру, завещаю вам, как игумен:

Возьмите меня отсюда. На Тихий Дон уезжайте, под речкой похороните.

Шлю вам свой последний привет! Иване, сыне мой, расти на славу Божию и человечью! Будь старшим вместо меня, служи усердно и кротко.

Пишу, а солнышко заиграло в моем окошке. Редко у меня солнышко -то. И радостно весело. Вспомнилось, как на Дону у нас солнышко светит и степь курится и речка играет.

Простите, братья мои! Поминайте вашего игумена. И осведомляйтесь, когда умру, тогда увезите меня к себе.

Иосаф, игумен.

Как грустно пели колокола, приглашая всех в маленькую церковь помолиться за страждущего в далеком краю игумена! Степь и река дальним эхом откликались на этот звон и были они в том отклике грустные и печальные.

Где сейчас игумен?.. Что с ним?.. Бьют ли его за защиту Донской вольницы? Или, как мученик, он уже упокоился вечным сном и в предсмертных сновидениях, сладко грезит о далеком родном Крае? Кто-то будет теперь, полуденной порой, перезванивать на колокольне несложно и тихо?.. И, кто в тихие ночи, будет петь над великой вольной рекой свои грустные задумчивые песни?

Монастырь покрыла ночь! Но еще ранее ее, покрыла глубокая печаль, и был он весь притихший и задумавшийся, как никогда...

Прошло еще три месяца. Отцвела весна и в июньские полдни, полные могучей зреющей силы, на полях и в монастырском саду наливались хлеба и плоды. Колокол звонил в урочный час на колокольне и звук его не шел далеко в густом, мягком воздухе, пропитанном зноем и теплом.

Было тихое, летнее утро! Река нежилась, как царевна, в своих пышных песчаных берегах, чистая и спокойная. Леса молчали, покрытые утренней свежестью. И степи далекие, безбрежные степи, разбрасывались во все стороны, блестя жемчужною росой и прикрываясь беловатою дымкою.

В церкви шла утренняя, когда к воротам монастыря тихо под, ехала небольшая повозка. Сопровождавшие ее два человека прошли прямо в церковь и спросили, где находится игумен.

То приехал в свой Родной Край старый игумен Иосаф! Приехал - мертвый, в дубовом наглухо забитом гробу!

... На заре летают ласточки и поют свои звонкие песни жаворонки. А в маленьком монастыре поднимаются к небу и жалобно принимают к земле похоронные песни, и вместе со звонами по Великому Тихому Дону, расходилась весть, что из далекой Московии, приехал в свой монастырь игумен Иосаф...

Люди прибывшие в монастырь, сообщили, что следом за ними, в монастырь, идут московские войска... То, чего нельзя было достичь убеждением, хотели достичь силою!..

Тот день, в который хоронили старика Иосафа, был один из самых поэтичных дней в истории Донского Края! С утра, в церкви толпился народ, пришедший со всех сторон степной стороны. По приказанию Ивана, на колокольне непрерывно звонили протяжно и грустно, как к стоянию. Гроб был укрыт большим плетением из степных трав и цветов. К вечеру вынесли гроб из церкви и понесли в степь... пусть с высокой горы покойный пошлет последний привет родной реке, степи, лесу!..

Принесли в степь, поставили гроб на большой курган и отошли в сторону. Потом взяли гроб и снесли опять в ограду монастыря,

в вишневый садик, около алтаря. Там пропели прощальные священные песни и тихо закопали в родную землю.

Дня через три, к монастырю подошли московские войска... Вот, что говорит об этом летопись:

"В церковь, где были все монахи, слушая литургию, вбежал сторожевой послушник и испуганно закричал, что к монастырю подходят московские войска. Среди молящихся произошел переполох. Никто не знал, что нужно было делать?.. Но на амвон взошел игумен Иван, прозванный Полевой Цветок, и сказал братии:

-Останемся здесь... Будем молиться!.."

И был его голос такой задушевный, что никто не мог противустоять ему и все остались в церкви. Войска тем временем вошли в монастырь и начальник отряда допрашивал у случайно попавшегося монастырского служака: где монахи? Тот ответил, что в церкви.

И вот начальник отряда отдал приказ оцепить церковь!.. Но в это время, соседняя высокая гора, с давних пор нависшая над монастырем, тихо отделилась от остальной каменной гряды и шурша начала сползать вниз, на монастырь. Это заметили воины и быстро выбежали из монастыря.

И потом, они рассказывали, что видели, как гора медленно сползла на монастырь, постепенно хороня под собою сад, кельи и наконец церкви! Из церкви, сквозь открытые окна, слышалось пение. Шум от гибели церкви, был громадный и когда гора, сметая все на своем пути, спустилась в реку, вода высоко поднялась в своих берегах, пенясь и ударяясь о камни. И слышно было, как уже в воде некоторое время звонили колокола и потом смолкли. Люди, видевшие это, онемели от ужаса и убежали от страшного места.

Теперь на этом месте, река, горы, лес!.. Тихо-тихо, только коршун пролетит под небом и за рекой над озером, закукует кукушка... Кажется, здесь живет далекая историческая греза, пугливая, робкая, прекрасная, звучащая неясно на тихих бандурных струнах.

Говорят вечерами иногда можно услышать дальние подводные звоны, а в степи, недалеко от речного обрыва, можно найти странные голубые цветы, не встречающиеся в этих местах...

Говорят, ночью, здесь слышится пение, тихое, похоронное, печальное и, как аккомпанимент над ним перезванивают колокола, задумчиво и грустно.

Говорят, весной поляя вода выбрасывает на берег человеческие кости. И будто бы, когда-то в этих местах, рыбаки вытасили из воды небольшой медный колокол, весь позеленевший от воды, но звонкий, как песня!..

В этом месте стоит крест, деревянный, простой, без надписи. Он высоко поднимается над рекою, как бы посылая ей мирный, кроткий привет.

И те, кто спят на речном дне, ласкаются этим приветом креста и сладко грезят и синяя родная волна, тихо и любовно баюкает их и напевает им колыбельную песню!

РОМАН КУМОВ".

Столичные литературные критики высоко оценили творческий талант Романа Петровича Кумова, как весьма даровитого романиста. И, действительно, стоит лишь вникнуть в приводимую повесть-предание "Игумен Иосаф", и каждый прочитавший это бесподобное литературное произведение - ДОНСКУЮ БАЛЛАДУ, воспринимает огромной силы и бесспорно высоко талантливое творчество даровитого Донского писателя Романа Кумова.

Неожиданная смерть Р.П. Кумова ранней весной 1919 года, была

ничем невознаградимой потерей для Дона и всего Казачьего Народа, исторический романтизм которого, этот прекрасно одаренный огромным литературным талантом казачий писатель, так превосходно описывал в свои последние годы.

На переломе 1918-1919 годов, когда в зимнюю пору, отступавшие казачьи арьергарды уходили за реку Северный Донец, пытаясь задерживать наступавшие русско-коммунистические войска, в обозе Окружного Атамана Усть-Медведицкого Округа, лежали рядом на подводе, больные "испанкой"/злоскачественный грипп/, два станичника станицы Усть-Медведицкой: Роман Петрович Кумов и молодой студент Донского Политехнического Института Николай Васильевич Попов. Не доезжая нескольких верст до хутора Ново-Грушевского, около станции Каменоломная/на подходе к г.Новочеркасску/, студент Н.В.Попов умер и был там похоронен. Переживший "испанку" Роман Петрович Кумов был доставлен в Новочеркасск. Однако, судьба не была благосклонной к нему, т.к. в скором времени Р.П.Кумов заболел сыпным тифом в тяжелой форме, от которого и умер в скорости, в сыпно-тифоном лазарете, на Платовском проспекте, в помещении Донской Музыкальной Филармонии, в Новочеркасске, 20 февраля 1919 года, в возрасте всего только 43 лет.

66/ЯКОВ ГЕРАСИМОВИЧ КУХАРЕНКО.

"Кухаренко Яков Герасимович русско-украинский драматург 1800-26 сентября 1862 года.

- 1/Пыпин: "История русской этнографии".
- 2/Брокгауз-Эфрон: "Энциклопедический Словарь".
- 3/"Русский Биографический Словарь".
- 4/А.Пыпин и В.Спасович: "История славянской литературы". Том 1.
- 5/Огановский: "История литературы русской". Часть 2.
- 6/И.Рудченко: "Народные южно-русские сказки". Выпуск 2.
- 7/Петров: "Очерки украинской литературы". Киев. 1884 год.
- 8/"Галичанин". Литер. Сборник. Книга 1, Выпуск 2, стр. 13-14.
- 9/"Основа". 1861 год.
- 10/"Народная Беседа". 1862 г. Кн. 6. Отд. 4, стр. 1-5; "Московские Ведомости" №239. 1862 г.; "Одесский Вестник" №122. 1862 г.; "Основа" №9. 1862 г.; "Санкт-Петербургские Ведомости" №236. 1862 г.; "Сын Отечества" №270. 1862 г.; "Иллюстрация". 1863 г. №25, стр. 107; "Воскресный Досуг" №136. 1865 год.

Все приводимое было напечатано в труде: "Источники Словаря русских писателей", собрал профессор С.А.Венгеров. Том 3, стр. 357. Петроград. 1914 год.

Подобным образом был аннулирован росчерком пера известного русского профессора С.А.Венгерова, один из самых известных казачьих писателей Я.Г.Кухаренко, превращенный в "русско-украинского драматурга". Более невероятного ничего нельзя представить, как эту противоречивую смесь "русско-украинский драматург", что вероятно более нигде не было повторимо, кроме случая с Я.Г. Кухаренко, для полного обезличивания последнего, КАК ВЫДАЮЩЕГОСЯ КАЗАЧЬЕГО ПИСАТЕЛЯ.

Восстанавливая ПОЛНУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРАВДУ О ИЗВЕСТНОМ КАЗАЧЬЕМ ПИСАТЕЛЕ ЯКОВЕ ГЕРАСИМОВИЧЕ КУХАРЕНКО, повествуем о нем, на основе наших исторических изысканий: -

Одним из самых известных казачьих писателей является Кошевой Атаман Черноморского Казачьего Войска генерал-майор Яков Гера-

симович Кухаренко, о литературном творчестве которого, проф. П. О. Кулиш/ХІХ столетие/говорил и писал: "Кухаренко-талановитый письменник!". Такая оценка литературного творчества Я. Г. Кухаренко была дана в половине ХІХ века, при жизни последнего, то не надо удивляться и тому, что литературный талант Я. Г. Кухаренко был признан также знаменитым украинским поэтом Т. Г. Шевченко, известным историком проф. Н. И. Костомаровым, Гулак-Артемовским и многими другими знаменитостями украинской литературы, сцены и т. п., что, однако, не дает никому абсолютно никакого ни юридического, ни фактического права зачислять казачьего писателя Я. Г. Кухаренко в украинские или русские ряды.

Биография Я. Г. Кухаренко чрезвычайно красочна и показательна для Казачьей истории, как и вообще для всех казаков.

Я. Г. Кухаренко родился в казачьем городе Екатеринодаре, на Кубани, в 1799 году. Пятнадцать лет от роду, он поступил на военную службу рядовым казаком, будучи потом 10 лет урядником. В чин хорунжего Я. Г. Кухаренко был произведен в 1823 году, а чин войскового старшины получил в 1836 году.

Находясь непрерывно на "кордонній лінії" с 1814 по 1821 г. г., Я. Г. Кухаренко принимал участие в походах против шапсугов в 1823 году, против абдзехов в 1825 году, участвовал в 14-ти боях под Анапой и т. д. Разновременно, Я. Г. Кухаренко был на разных административных должностях: ассессора Войсковой Канцелярии, судебного советника, потом был командиром строевых казачьих соединений. От 1831 года командовал казачьей артиллерийской сотней, а в 1834 году был назначен командиром 9-го Казачьего конного полка Черноморского Казачьего Войска. В 1833-1836 г. г., Я. Г. Кухаренко одновременно с несением строевой службы, исполнял обязанности Казачьего Суда. В 1851 году, Я. Г. Кухаренко был назначен Кошевым Атаманом Азовского Казачьего Войска, а в 1852 году был назначен Кошевым Атаманом Черноморского Казачьего Войска, с одновременным исполнением обязанностей Начальника Штаба того же Войска. В 1861 году ген. м. Я. Г. Кухаренко был назначен Начальником Кубанской Кордонной Линии, с местонахождением в г. Ставрополе-Кавказском.

19 сентября 1862 года, Я. Г. Кухаренко, будучи вызванным по службе в г. Екатеринодар, и проезжая из Ставрополя через станицу Казанскую, подвергся нападению черкесов и тяжело раненым, был ими взят в плен, где вскоре и умер, в возрасте 63 лет. Тело его было выкуплено Черноморскими казаками и погребено в Екатеринодаре, согласно его завещания, на Крепостной площади, около Покровской церкви.

Казак Дмитренко Бут, из станицы Медведовской, где был дом Я. Г. Кухаренко, сочинил стихи о взятии последнего черкесами в плен, ставшие народной песней Кубанских казаков:

Ч У Т К И .

У п'ятницю на базарі
Всі заговорили,
Що Черкеси Кухаренка
Взяли — полонили!

Задзвонили до ранньої
Богу помолитися,
Вознеслися слухи тяжкі —
Люд чогось боїться.

Зажирилися старі й молоді,
Народ галасує!..
Питає один другого:
"Чого люд сумує?"

"Чого острах на всіх найшов?
Чого?.. Ти не знаєш?"
"Генерала Кухаренка
Узяв Черкес...".

Його з зятем захопили,
Обох полонили,
А поштаря й козака
Там же убили...

Пішов гомін у народі,
Брат брата питає,
Розпитують - розказують...
А ніхто не знає!

Чи то правда, чи неправда,
Інший не вірить,
Щоб старого Кухаренка
Взяли бузувіри!

Люд сумує і гвалтує:
"Взяли... полонили...
Кухаренка, та ще й з зятем
В кайдани забили!"

Затужили Чорноморці:
"Ой, Боже наш, Боже!
Ой, хто тепер у пригоді
Нам бідним поможе?"

Отак чув я на базарі,
На улиці ж бачив:
Ідуть верхи три Черкеси
І питають "Бабчі".

Підїхали до будинка
Вельможного пана.
Із коників не злізають,
Мабуть така шана!

Я дивився із кріпости:
Як вони стояли,
Вийшов хлопець-щось сказав їм,
Вони й поскакали...

До будинків Кухаренків,
Звістку, мабуть, діти...
Кажуть, діти, буцім, знали...
Та не чула мати!..

У вівторок пройшла чутка -
Люде говорили,
Що Черкеси сорок тисяч
На викуп просили..."

Популярність Я.Г.Кухаренко була исключительной в казачьей среде, чему очень способствовала его литературная деятельность, находившая полное одобрение со стороны Черноморских казаков, а позже и всего Кубанского Войска.

С безвременной смертью Я.Г.Кухаренко, память о нем не угасла среди казаков, которые почитая последнего, в равной мере и степени относились с большой любовью и уважением к потомству Я.Г.Кухаренко, в лице его старшего сына ген.м.А.Я.Кухаренко, занимавшего должность Атамана Ейского Отдела на Кубани, в течение многих лет, дочери Лариссе Яковлевне Домонтович и др.

Первым рассказом Я.Г.Кухаренко, был его замечательный труд, как в литературном отношении, так и в историческом значении:

1/Я.Г.Кухаренко: "Пластуны". Казачья повесть. Журнал "Основа".
Февраль. 1861 год.

В почитание памяти казачьего писателя Я.Г.Кухаренко, настоящим приводим этот рассказ полностью в ЧЕРНОМОРСКОМ ЯЗЫКЕ, как было написано "талановитим письменником"/згідно П.О.Куліша/:

П Л А С Т У Н И .

Старі козаці січовики/поки ще не попереводились/було розказують так: що в Запорозців на Дніпрі піхота сиділа в Січі, а комінники жили в Великому Лузі, для доброї паші коням. Там вони пускали коні в табуни. Кошовий посилав військового стадника/бо тоді ще не звались табунщиками/. Військовий стадник мав пірнач залізний/залізний стадницький пірнач і тепер є, під охороною Ейського діжурства, в Чорноморії/; йому комінники наряджали з себе підпасичів, котрі змінялись другими по черешно. Як піхоті, так і комінникам, вільно було в мирне время займатися-кому рибальством, кому пластуном; а ремесні козаки: сидільники, лимарі, ковалі, слюсарі, кравці, шевці й інші. Так було спершу і на Чорноморії, в Новій Січі. Пластуни стріляли дикий звір, якого тоді в дніпрових плавнях було доволі. Пластунами, кажуть, звалися за те, що непосидячі були, все вешталось по плавнях і як більше їм приходилося місити грязь, ніж ходити по сухому, сиріч пластати, то й прозвалися пластунами. Що зробилося з Січчю і запорожцями-

всі знають/бодей не згадувать/. Дванадцять років ні Січі, ні Запорозжя не було. На тринадцятому Турчин піднявся, стався розмир: почали викликати козацтво. Ось коли його опять стало треба! — Пішов і старий і молодий, зібралось військо; зробили й кіш: два роки звали його кошем вірних козаків. Як же посідала піхота на лодки під Очаковим, та зайшовши з Чорного моря, взяла сама без помочі від московської армії, на острові Березані турецьку кріпость, то тоді й прозвано їх вірним військом Чорноморським. За те, бач, що вони на Чорному морі зі своїх лодок пушками збандірували Турчина; не виробив буліголова, здав кріпость нашим з усіма пушками, знаменами і всім запасом.

В цьому розмирі, пластуни були і в піхоті і в комінниках, але не було їх видко. Як же замирив Турчин, Чорноморці прийшли на Кубань. Там на Кубані, знайшли вони такі ж плавні, як і на Дніпрі. Жонатих стали обселати слободами, а сірома-хто ремесний-в Нову Січ, по курінях/в 1793 году Кіш Чорноморський на Кубані зробив кріпость, куріні, ото і звали до цього Чорноморці Січчю. Тодіж город Катеринодер/, а охочі до звіря-розсипалися по плавнях і на запорозький кштатт добувалися. При пластунах були охочі хлопці, при них вони і зростади, а вивчившись хараактерства, робилися пластунами. Цілу осінь і зіму, поки звір порошковий/порошковий звір щитається від 1 паздерника до 1 березоля/, пластуни жили в плавнях, а весною приходили в слободи і приносили свою добич, звірячи смухи, продавали їх, купували порох, оливо і із одежі що треба. На останню ж копійку, поводивши музик на підпитку, інші зоставалися до осени на літню роботу в слободах і хуторах, а інші зараз отходили в плавні: хто стрільцьовати, а хто рибальчити. Плавні в Чорноморії, не тільки на одній Кубані, вони закривають мало не половину берега Озівського моря, в них водяться: олені, дикі кози, дикі свині, вовки, лисиці, віднихи, харсуні /барсуки/, а в рідкість попадаються і бобри. Пластуни, окрім стрільби з ружжя, ставляють всякі самолови: капкани, ступиці/деревяна снасть, замість капкана, хитро построена, -звірину хопєє за пальці від лапи/, цівки/пружини з вірьовчатими сільцями, на вірьовку дудка або цівка для того, що як пійма звірину сільце за ногу, то дудка по бічовці просунеться до ноги і звіряка перегризе б вірьовку, так мусить гризти дудку, або цівку/, пружини/теж, тільки без цівки, ставиться похватань/, сільця, нитки, або тенета. Пластун не знає роскоші, не гарезд одіжний, поневіряється, а пластуна не кидається. Високі комиші, полома, містами чагарь, захищають його. Одно небо в плавні пластун бачить, як гляне в гору; по його ясных зорях, в ночі, міркує він собі дорогу, а як хмарно, то по вітру, котрий нагинає верхи очеретів високих. У вітер, як у день, так і в ночі, сама лучча охота. Як вітер подихає, зашелестить комиш, пластун іде ходом сміло, а як вітер оддыхає, то він стоячи наслухає. Отак ідучи наткнеться близько на звіряку. Під вітер пластунаський вистріл не полохає звіря, бо пластун іде проти вітру, то вітер од його і луну зносить за собою. Коли ж вітру не буває, то пластун підбермовується ходом тієї звіряки, яку він по місту сподівається знайти. У кожного звіря в плавні є свій похід, примір: олень має хід рівний, свиня прошелестить ходом рівним, ставиться і наслухає і опять теж; коза-пройшовши рівно разів два, три-скочить, вовк має хід рівний, та як менший за оленя, то й шуму від нього в комиші менше. Так пластуни примінившись, зучають похід прочого звіря. Підпустивши звіря близько, пластун не дається йому в знаки, щоб не сполохати, а понявши, яка звірина, стріля на тріск і мусить повалити. Отож і пластун, що не бачивши звіря очима, застрілить його певно, та ще так угадає, щоб вистріл

не пропав; приміри: дикого кнуре б'є по лопатах, або під вухо, не-повалений на місті кнур кидається на дим і своїми здоровенними іклами порубає пластуна, як не вспе зхититись. Убиту дич мусить вибандурити, щоб не спортилась, і зробивши скілько накруток на комиші, щоб після можна було знайти, іде дальше. На другий, інколи на третій день, пластун з хлопцем або з товаришем, ідуть забірати побиту дич, якої пластун сам забрати не зміг. З нез, ідомого ж звіря, приміром: вовка, харсуня і проче, деруть одні смухи. Тим часом, як пластун ходить на охоту, його хлопець з куріня оббіга розставлені по стежках капкани, чи ступиці, сільця; повибірає що попалося; познімає смухи; перебанить ловучий посуд/бо звір на закріпавлений капкан або ступицю не піде/, та знов розставить по стежках. Інші пластуни, чоловіка по два й по три, живуть в односумстві, в однім курені, то отакі односуми розіходяться на охоту по секту в різні сторони, щоб один на другого не наткнувся. Бо трапляється в рідкість, що інший не здержав секту, та й поверне в ту сторону, де вже ходить один товариш, а як всякий пластун в плавні держить похід тії звірини, під котру бармується, то, обманившись обидва, убиває товариша той з них, хто поспішиться поперед вистрілити.

В плавнях бувають сухі гряди. На них робляться пластунські куріні.

Пластуни, в прикубанських плавнях, стали часто натикатися на черкес, котрі прокредаються плавнями через Кубань/Чорноморську грядицю/в нашу сторону, щоб украсти корову, або вола, а то й чоловіка. Як набредуть на шляху, або в полі, то, вставивши йому жеребок в рот, та на бичовці і затягнуть до себе в неволю, або й порубають. От цим-то пластунам уже не до охоти: їм охота випадає вже не чоловіка з таким же розумом, як і вони. Затим обходи пластунські робляться по два, а то й чатами: один за одним ідуть не близько, бо буває, як черкеси засядуть, то, вдаривши залпом з ружя, можуть побити, або кинувшись раптом похапати, то і йдуть, кажучи, пластуни, хоча в день, хоча в ночі чатаю: один за одним рідко. Коли передній стане, то і другий і третій і всі теж, а чи присяде-то і всі. Як передній вислухає, так і всі. Хто кого підстереже: чи пластуни вперед замітять черкес, то їх і верх, а як що черкеси, то і пластунам біда. Хіба не сила тих, що вперед замітять, то і пропустять сильнішу чату, сидячи мовчки. Як же черкеси, то після такого случая, або ж вертаються назад, або йдуть скоріше на дряпанину дальше; а як пластунська не-сила, то, пропустивши черкес, б'ють з потилиці. Од такї пинфи гаспидська орда губить рахубу, падає, де хто попав. Нарізуватися на черкес тепер не приходить, треба умкнуть, бо пластуни себе визначили, що мало їх, і як би їм одкрито вдариться на черкес, то їх ружя не вистрілене і всякий їх вистріл буде без промашки, алеж вони дальше не підуть, треба вернутись, бо від пластунських вистрілів грядиця зтревожилась, то черкесам вдачі не буде.

Найлучче пластуни пюндрують черкес на їх стороні. Там вони в себе не бережуться й як раз инший наріжеться на пластуна, то й амінь йому.

Щоб написати всі пластунські порядки, то була б ціла книжка. Може знайдуться молодші, до того охочі. Я ж, здається, сказав стільки, що видно буде жодному, що то за пластуни?

Справжній пластун загавкає як лисиця, зачмише як кабан; крикне як олень, або як коза дика, заспіває диким півнем, захарчить харсуном, завиве вовком, забреше собакою. Жоден пластун хоч одно, або двоє з таких удач в собі має. Воно буває нужно подати, який буде

у них по секту, голос; або як розсипавшись у плавні, нужно буде швидко зібратися до купи; чи по якій мові треба подати другому гасло.

Так як пластуни ходять от жодного кордона й жодна чата мусить обходити своє займище, то у їх есть по секту прикмети: або суха верба, або кущ чагарю, озірце, підкова, накрутка на комишу, або прямо комиш клячений/для оспіху к л я ч а т ь комиш; охвативши в оберемок стоячого на пні комишу і стиснувши його кріпко руками, переломлюють: комиш, випущений з рук, розступиться і, зоставшись переломленим, покаже признаку/. Так лежить схована прикмета; або цурупалочок, або що инше; яка чата вспіла дійти вперед, то та, знайшовши прикмету, перекладає її на другий лад і вертається. А як прийде після друга чата, то зараз і пойме, що товариство з другого кордона доходило до того місця; переложивши знов прикмету, вертаються назад другим обходом, або розсипаються на охоту по плавні.

Під засідку на стежках кидають проти ночі сухого комишу, або дрібних сухих гіллячок, котрі на огні засушуються вперед. Памятаєте, панове, як пластун б'є на тріск звіря? Отож, некидавши на стежку суші, пластуни залягають, і як крадеться черкес по тій тропі, то під ногами в його суш і трісне, то отут його і пластун трісне...

Наші пластуни одягаються в черкеську одержу і, під їх бармуючись, запускають бороди, хто хоче; на поясі ремінному носять: кінжал з ножем, жарівницю, чабалтас, кулішницю, відвертку. За поясом пістоль і збоку черкеську щабельку. На ногах онучі суконні, або портняні з шерстяними, або прадівяними волоками. Черевики, або постільці, більш свинячі, наверх шерстю, щоб не шемтіло в траві.

Не диво пластунам бути і прудкими і чуткими, второпними й проворними. Зімою на холоді, а літом на комарях та з голодом. Не бачивши лучшого, думали, що так на всім світі. Трапилось їм бути в Севастополі, як Турки, Франці та Британці держали з нами розмир. "Там, кажуть, годували нас добре, давали горілку; нужди такої не прийняли, як у себе на кардонах. Вік би так служили й додому не пішли б. Нас там хвалили та не знаєм за що, бо ми привикли рівно тягти службу, як той віл, не хибилу зроду".

Великолепное литературное изложение созданной Я.Г.Кухаренко фабулы его исторической повести о Черноморских казачьих пластунах, мастерское описание обычаев, традиций и быта этих пластунов, изумительный по своей красочности Черноморский казачий язык, но отнюдь не какой-нибудь диалект или говор, насыщенный специфическими местными словами/т.наз. провинциализмы/, точное отображение подлинного языка казаков Запорожья, при полном отсутствии всякого рода "полонизмов", "галицизмов" или "русицизмов", иначе говоря, слов заимствованных от соседствующих народов, есть специфическое мастерство, свойственное нашему казачьему писателю Я.Г.Кухаренко. Ни кому-нибудь, т.е. ни украинцем, и никак уже не русским, не принадлежит присваивать славное имя казачьего писателя Якова Герасимовича Кухаренко, которое навеки вечные остается увековеченным в Казачьей Истории.

Я.Г.Кухаренко, создавая свои первоклассные литературные произведения, писал лишь о Казачьем Народе, но отнюдь не задавался целью описывать украинский или русский быт и жизнь, не пытался представлять казаков не в свойственном им духе и образе, чем грешили многие писатели. Я.Г.Кухаренко есть ПОДЛИННЫЙ КАЗАЧИЙ ПИСАТЕЛЬ, но никак не какой-то искусственно придуманный "русско-украинский драматург".

Говоря дельше о литературном творчестве Я.Г.Кухаренко, следует отметить, что следующими его литературными трудами, изданными в печати, были:

2/Я.Г.Кухаренко: "Свідок, скільки в Чорноморії худоби, землі й народу козацького роду". Историко-статистический очерк.

Журнал "Основа". Май. 1862 год.

3/Я.Г.Кухаренко: "Вівці і Чабани в Чорноморії". Повесть. Там же.

4/Я.Г.Кухаренко: "Чабанський словарь". Там же, июнь, 1862 год.

5/Я.Г.Кухаренко: "Вороний кінь". Казачья народная сказка. Там же. Октябрь. 1862 год.

Желая дать современному казаку и дальнейшему казачьему потомству, полное представление о большом литературном таланте Я.Г.Кухаренко, ниже помещаем второе его литературное произведение:

ВІВЦІ І ЧАБАНИ В ЧОРНОМОРІЇ.

Після Турецького розмиру, ще за цариці Катерини, прийшли Чорноморці від Дністра на Кубанську землю. Заможніші з них понаганяли всякої худоби: коней, скотини й овець. Вівці все були волоські, кульмачуваті, і як між козаками було волохів нетрохи, знаючих добре чабанське діло, то вони на отарах і порядкували. Тепер волохи попереводились, а порядки їх живуть до цього часу.

В жодній кочевій отарі мусить бути: лічман 1, чабанів 2 і гарбачий 1. Одна отара держить в собі 10, а не більш як 15 сот овець. Такий, бач, лік чабанський. Між вівцями, для приводу, буває небагато кіз і цапи-передняки. Як що буде в одного хазяїна таких отар чотири-пять, то ставиться над лічманами отаман. При жодній отарі: гарба з одежою, посудом і харчами, і собак 10 або 15. Отари кочують по степах, і де прийдеться, там і ночують. Спершу, в Чорноморії, зім не було, то отари й кочували всю зіму; сіна косить і не думали. Під хугу зхищались під комишами, яких тоді було доволі, а там і в плавнях по грядях. А як набрело до нас багацько москаля, то де та й зіма взялась: мов її з собою принесли. От тоді вже стали хазяїни косить сіно, і як у степу під хугу не стало прихилища, то й почали для захисту робити коші з хурдниками й куріні для чабанів. Місто для того обирається високе, щоб вітер здував сніг з того місця. Коші робляться круглі й четвероуглові з комишу. Перш копають рівець глибом у коліно, а в шир в дві лопатки. В рівець становиться комиш оксриньками, в повні, збивається тісно. Як виведеться стінка, то оббивається з боку неї земля дрючками сторч, потім заввишки по груди чоловічі, окремляється дідами прикрученими в прошив дерезою, або пареним тонким тереном. Таку огорожу не повалить ніякий вітер. - Круглі коші луччі і стоять кріпше. При коші, або в коші, робиться хурдник для хворих овець, тож із комишу. Таким кошом отара становиться посеред степу, щоб вихід був на всі сторони, від річки верстов у дві або і в п'ять. Отара п'є зімою через два, або через три дні, то й можна до води їй підходить; а як далеко річка, то щоб був колодязь або копань при коші. З них напувається щоденно хурда, бо в хурді храмота, - ходити далеко не зможе. В сніжну зіму, як нема кури, отара виходить в степ. Вівці ногами розгрібають сніг і пасуться; на ніч приходять до коша, і коли тихо, то ночують при йому під стіною, а як хуга, то загоняються в кіш. В таким случаї сіно дається отарі в сутки раз, або через день. Верхові, або горішні, вітри у нас бувають саме зліші: дмуть неділь по дві, або й по три. Як такий вітер дме по снігу, або зі снігом, - ото хуга, - то вже отари й не випускають з коша. Возють саннями їй сіно і там в коші розкидають. Так як велика хуга переносить сніг і

через комишеву в коші стінку, то вітер, запиняючись в затишку над кошем, крутить, а сніг осідає на отару, і за зміню довгу ніч може її закрити снігом на пропалі; тоді чабани як у день так і в ночі пильнують дуже. Вони жоден час зкручують/гонять кружком/ отару в коші; від сього вівці, отрушуючись од снігу, притоптують його під собою. Подумайте собі, панове, що так чабани з отарою бігають і тиждень і два й більш, у день і в ночі, поки хуга не вгамується; а від такого частого зкручування отара в коші притоптує під собою сніг, котрий від того все робиться вище і вище. Горе як на коші буває комиш низькорослий. Снігу зробиться в кошарі повно, і як хочь одна вівця пересадить голову через комишеву стінку і скочить за вітром, то й вся отара одно по одному піде скакать: тоді її ніяка сила не здержить. Спершу вівці скачуть в заміт, який під кошем буває, а як загатять сами собою врівні зі стіною гатку, то піде вся отара потоптом, - тоне в снігу, а тут її й замітає. Ото кажуть: викрутило отару з коша, - Отак пропадає худоба! Як же буває отара буде ходити в тиху пору далеко в степу, а схопиться хуга, то і пожене отару за вітром. Добре, як прибіє її до якого хутора під затишок; або де під комишові захисти, а як набреде впоперек такої балки, де наставить снігових заметів товсто, то вся отара там і застряне, й занесе її снігом. В таким случаї і чабани пропадають. Од доброго призору чабанського і від розумної постановки коша на місці, можна зберегти отару без убитку. Зімою на чабанах лежить труд великий, а найпаче в хугу. Хочь хуга яка, а вони мусять у день двічі привезти сіна волами і нагодувать овець. Зімою ж, таки, хоч холодно, та сухо. А от на провесні, або в осени, отара кочує і, де прийдеться, ноцує; під ногами мокро, зверху дощ, ніч довга, лягти мокро: то вистоїть чабан, сердега, всю ніч обпершись на гирлигу. Скільки раз воно йому світає! Усі то темні ночі найпаче клятий звір докучає.

Отара на ніч тирлується; а круг неї по дулеях розміщаються собаки: добре, як найдеться з чого поробити дулеї, а ніч темна хоч око виколи, то отут гаспидський звір обманює і чабана і собак: оце з одного боку отари наткнеться один вовк, заманить собак за собою, а тут де візьметься другий, або й скільки вовків разом кинуться раптом між овець, одібьють кушанку, - чабан не зуздрить: і коли, бо тільки вівці зполохнуть, то ото вже кушанка і пропаща: одірвали кляті вовки і всю до щенту побьють: аж у день схаменеться чабан, то почне скрізь по степу збирати партали.

Пропадали кочові отари й так, що як пожене її вітер зімою в хугу проти ночі, та набреде над морський обрив височенний, плигне передне, то вся отара й пропала, - пішла плигати в пропасть!.

Буває в осени, або рано весною, недобрі люди запалять степ. Пужар з великим вітром розійдеться широко, горить страшно, вхвобиться нікуди, то добрі чабани одпалюються так: зоставивши отару під вітром, нижче неї пускають свій пужар, котрий за вітром і покотить дальше. А як назад од нього проти вітру пужар іде на отару тихо, то чабани забивають огонь свитами. Отбивши широке місто проти отари, перегоняють її на пужарище й обходять по йому за вітром геть дальше. Настигше перший пужар зза вітру і погорівше до пужарища - гасне, а отара спаслася. Як же ледачі чабани прогавляться, або не зуміють сього зробити, то отара згорить. Як отару обхватить димом, то вже не поженеш її з того місця. У нас по степах бувають трави по пояс чоловікові, то подумайте: який, при сильному вітрі страшний пужар має бути?

Благословиться на весну, сонечко пригріє, шикавиця так і лізе з землі, а перш усього просерен; з тим проявляється горицвіт. Заквічався степ, мов дівчинка хороша. Далі пішла вся ростина - росте, як із приміром сот дванадцять, або п'ятнадцять, то при обкоті не спускають всіх в один сармал, а з пізнішої половини роблять другий шматок, бо з ягнятами при доброму обкоті отара більше вдвоє, і такий великій колоді ходити буде важко, і на ягнятках незгодно: ягнята вийдуть худі, миршаві. Для цього, кажу, і діляться на два шматки, прибавляються чабани й гарба. Кінчивши щот, чабани набіраються харчів і йдуть кочувати. Так як найдуться в шматках вівці такі ще, що котяться після щоту/їх буває мало/, то ягнята ті зовуть накітчаті, або цурпеки.

От ці шматки по обкоті ходять в розпаш, як можна тихше, щоб по траві не розгубить ягнятків. Тирлюються на ніч зараня. На другий день не рушають з тирла, поки добре не вгріє сонце і не опаде роса, бо від роси буває багато храмоти. Чабанам на літо дається вдоволь: добрий дьоготь і синій камінь. Як проявиться храмота, або настане нужа, то вкидається черва. Чабани мусять за сім пильнувати: черву витягають джермалами, засипають рану синім каменем, і мажуть дьогтем, щоб муха не сідала.

Настало літо, зробилося в день жарко. Отара цілий день на тирлі недалеко води; ягнятка вже геть-то підбільшали. Сонце на захід; отара наривається на пашу. Чабани вечеряють, далі справились як слід. Пішла отара; чабани спереду на крилах, лічман тож посеред колоди, спиняють спереду: бо сильніші вівці, вистоявшись в день, ідуть швидко, зривають тільки верхки з трави так, що ззаду, котрі вівці слабші, а паче ягнятка, не можуть пастися, бо поурмлені трави вівця не їстиме. Спиняючи спереду колоду, дають їй розійтися вшир, і як розійдеться так що одна одній не мішає пастися, то вівці і запасуться на місці; тоді лічман і чабани, що кричали та свистали спереду, спиняючи овець, зайдуть ззаду, щоб підгонити тільки тих овечок та ягнятків, які дуже від шматка зостаються. Отут, на тихім уже ходу, один чабан курниче собі пісню; другий витяг за пояса сопілку, висвистує якої зна; третій надувши козу/що грають/, перекинувши гук через плече, а рогівню взявши в руки, затинає штирі вирі сім сот і чотири; як чабан одіспав вівці, то прокинувшись, голосить за ними й пішов шукати; ось і забачив - далеко замаєчили овечата, радіє чабан, перевертає на веселу пісню; роздивляється, аж то старі копиці сіна; упять затужив, виграючи жалібно; аж ось і знов забачив вдалі овець, грає впять весело, ще й надто; прийшов близько, аж то пожає в снопах гречка; заливається впять гречь, на козі виграє своє лихе горе; не сподівається овець знайти; побачив знов, щось далеко рябіє; іде, тужить, голову повісив і не вірить, щоб можна було знайти вівці; коли се - тиць! підняв голову, аж перед ним його овечата! отоді еретичний син зрадів! грає до танця і сам з козою танцює, аж волоки на ногах розплутались, мотляються. Отак чабани поти втішаються, поки отара наїється добре так, що й з місця не рушить. Приходить гарба, отара отирлувалася, зорює, і чабани поснули. Підбилось вгору сонечко, опала роса, чимчикує отара до води. Отару треба поїть або ранком, або вечером, а не в день, як дуже жарко, бо се на худобу недобре: вкинеться хвороба. - Бувало, проявиться на отару хвороба, рід гарячки, і гине дуже, то добрі лічмани поють отару ніччю, а днем стоять на тирлі. Напоївши в ночі ідуть на пурняло.

Після Спаса, або першої Пречистої, одбіраються з ялової отари барани, щоб до спуску поправились. А де не одна отара в хазяїна,

там барани одбіраються зразу після Різдва, в мясниці, або в піст, та й мають свій окрімний шматок до спуску. Перед спуском отара щитається; ягнята вибіраються особне на зиму і годуються луччим сіном; барани спускаються з вівцями. Чабанам видається на зиму одежа: сорочки, штани хрящові, штани иршені, яргаки, свити, кожухи й чоботи.

Вдруге дається одежа весною, по обкоті, на щоті: сорочки й штани хрящові, а одбіраються у чабанів великі кожухи й зношені чоботи, щоб до халяв/коли добрі/приставити пришви на зиму, а годящі кожухи вилятають. Яргаки й свити зоставляються чабанам на все літо.

Втретє дається: сорочка й штани хрящові, перед Спасом, або Пречистою. Сириця на постолі дається на всю весну, літо й осінь, а на зиму чоботи.

Барани спускаються після Пилипа, щоб ягнята котились, як трава зелена і тепло буде, в половині квітня. Після спуску баранів, обіраються місця на коші; косять комиш; копають рівці, поки земля немерзла, і строять їх так, як казав попереду.

Опріч волоських овець, у нас повелись і шльонські. З ними обходимось однаково як і з волоськими, окроме що на баранячому спуску розбіраються і барани і вівці. Породистіші барани спускаються з породистішими вівцями, а нижчий розбор - з нижчим. Перевертні/виродки/продаються, або вирізуються на лій. При обкоті за шльонкою клопіт більш; прибавляються люди для догляду.

Хід отари на цапах.

Отара без цапів як дурна. Неможна її повести на греблю, або на розкіл, або де пройти поміж нивами тонкою стягою, як москалі ходять. Цапи привичні до рук, знають чабанську мову, як їх кличуть. Примір: отара на тирлі, або в розпаш; виходить лічман вперед, кличе цапів так: гей цо! балабій! цо! цо! балабій! цо! - Цапи, де б не були, ідуть до лічмана, вівці за цапами. Лічман іде й цапів веде, приказуючи: гей цо! балабій! цо - веде куди йому треба. Отара витягається в струнку, і можна її вести куди треба.

Сіль дають у нас вівцям весною ранньою, мішають з борошном, або дертю з ярого жита, а як нема, то й озиме жито годиться. Дають вівцям сіль на обкоті, дають в Спасівку і в осени. Сіль сиплють чабани з заполів стежечками, й як нароблять стежечок доволі, що отара без потолпу може розміститися, тоді тонким голосом чабани кричать: тпру, тпру, тпру: /як на коней/. Вівці на сей говір так і пороснуть до соли, одно другого спережаючи.

Вівці клейняться на вухах: які бувають клейна, розкажу потім і зрєзки приложу."

Особо из всех литературных произведений Я.Г.Кухаренко, выделяется его пьеса, которая была им написана в 40-х годах XIX столетия:

6/Я.Г.Кухаренко: "Чорноморський побит на Кубані між 1794 і 1796 роками". Оперетта в 3-х действиях. 1836 год.

Эта оперетта была написана Я.Г.Кухаренко в подражание опере "Наталка Полтавка"/Произведение Котляревского, прим.наше/и вызвала большую похвалу Т.Г.Шевченко, который лично отдал ее в цензуру в 1842 году. Однако, российская цензура задерживала это замечательное произведение до 1861 года вкл., когда она была напечатана полностью в журнале "Основа", за ноябрь-декабрь 1862 года. Несколько позже, М.Старицкий использовал этот литературный труд Я.Г.Кухаренко/после трагической гибели автора/и переработал эту оперетту, из казачьей жизни, в оперу, назвав ее "Чорноморці", причем музыка была написана украинским композитором М.Лы-

сенко. Появившись в печати, эта опера "Чорноморці", ставится на театральной сцене и в наши дни в СССР, вызывая память о известном казачьем писателе Я.Г.Кухаренко, труд которого был использован лишь украинскими театрами, не более.

В 1880 году было издано в печати полное собрание сочинений Я.Г.Кухаренко:

7/"Збірник творів Кухаренко, Наказного Атамана Війська Чорноморського". Посмертне видання. Издатель Ф.Пискунов. Киев. 1880.

В 1913 году, Иван Стешенко, украинский литературный исследователь, опубликовал в 12-м томе "Записок Українського Наукового Товариства" в Києві, що поема: "Харько, Запорозький Кошовий, в стихах на Малороссийском языке. Сочинения Якова Мешковского", в действительности была написана Я.Г.Кухаренко, якобы скрывшимся под псевдонимом "Яков Мешковский". В этой поэме, Я.Г.Кухаренко описал подробно все скитания Запорожских казаков, после разрушения Запорожской Сечи в 1775 году русскими войсками.

Остается отметить, что большими друзьями Я.Г.Кухаренко были: знаменитый украинский поэт Т.Г.Шевченко и историк проф. Н.И.Костомаров, с которыми он находился в постоянной переписке. Личный Архив большого казачьего писателя Я.Г.Кухаренко, сохранившийся генералом П.И.Кокунько, а после смерти последнего, был сохранен П.И.Курганским/бывшим Председателем Кубанского Краевого Правительства в 1919 году/, в Югославии до 1951 года.

Примечание редакции:

Редакции стало известно, что в 1918 году, при первом появлении русско-коммунистической банды в станице Уманской, Ейского Отдела, Кубанского Казачьего Войска, был ими схвачен почтенных лет старый генерал майор А.Я.Кухаренко, сын бывшего Наказного Атамана Черноморского Казачьего Войска и казачьего писателя генерала майора Якова Герасимовича Кухаренко, и расстрелян этой, Богом и людьми проклятой, бандой русских коммунистов.

67/НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЕНИНСКИЙ.

Выдающимся казачьим писателем является инженер-полковник Николай Николаевич Пенинский, природный казак станицы Пашковской, Екатеринодарского Отдела, Кубанского Войска, родившийся 22 мая 1900 года, в Екатеринодаре. Его отец был Прокурором Екатеринодарского Окружного Суда, а мать являлась выдающейся пианисткой, окончившей Императорскую Музыкальную Консерваторию в Москве.

Н.Н.Пенинский окончил кадетский корпус и военное училище и был офицером. Он полностью проделал Первый Кубанский Поход/"Ледяной Поход"/. В последующее время, Н.Н.Пенинский служил все время в строю на фронте, состоя в рядах различных Кубанских казачьих пластунских батальонов, в течение 1918-1920 годов, будучи три раза раненым. В конце марта 1920 года, Н.Н.Пенинский будучи 5-м Кубанском казачьем пластунском батальоне, был брошен с оставленной Кубанской Казачьей Армией на Черноморском побережье, около г.Адлера и далее попал в плен к русским коммунистам.

Позже, Н.Н.Пенинский отбыв полторагодовичное заключение в тюрьме в Москве, был взят русскими чекистами на постоянный учет, как бывший казачий офицер.

Ведя тяжелую жизнь, работая физическим трудом и одновременно учась, Н.Н.Пенинский окончил заочный полный курс Горного Института с дипломом горного инженера. Потом, работая постоянно в Сибири, в Кузнецком угольном бассейне, как горный инженер, был вновь арестован в начале 1938 года, в дни т.наз. "ежовщины" и посажен чекистами в тюрьму, получив обвинение в экономическом саботаже, который он якобы проводил в отношении СССР. Выйдя из заключения в начале 1941 года, Н.Н.Пенинский в 1941 году не был призван по мобилизации в Русскую коммунистическую армию, как "нежелательный элемент".

Летом 1942 года, Н.Н.Пенинский проживавший в ту пору на Тереке, с занятием германскими войсками Северного Кавказа, немедленно присоединился к немцам и был лично представлен германскому генералу Эрнсту Кестерингу, находившемуся в качестве эксперта при ген.фон-Клейсте, Командующем германскими войсками на Северном Кавказе. Впоследствии, Н.Н.Пенинский был назначен Начальником Штаба формирования Казачьих Войск Терека и Кубани, в конце октября 1942 года.

При отступлении германских армий зимой 1942-1943 годов, по территории Терека и Кубани, есаул Н.Н.Пенинский был тяжело ранен в бою под селом Стефаний Дар/район Ейска/, получив двойное пулевое ранение в правое бедро, при начавшемся легендарном переходе отступающих казачьих полков, через замерзшее Азовское море, в направлении городов Таганрога и Мариуполя.

Будучи эвакуированным на аэроплане в Краков/Польша/, в запасный армейский лазарет германской армии, Н.Н.Пенинский с выздоровлением от ранения, получил назначение в г.Млаву, где был зачислен первым казачьим офицером в Штаб, начавшей тогда формироваться 1-й Казачьей конной дивизии ген.м.Хельмута фон-Панвица, в мае 1943 года.

В конце июня 1943 года, Н.Н.Пенинский был назначен помощником командира 5-го Кубанского казачьего конного полка/командир полка германский подполковник Баке, бывший Начальник Казачьего Отдела в Штабе германской армейской группировки "Зюд-А", на Северном Кавказе, прим.наше/, находившегося в составе группы казачьих войск особого назначения, под командой ген.штаба ген.лейт.графа

фон Шуленбурга, сражавшейся против Русской коммунистической армии, на Южном отсеке германского Восточного фронта.

И только после Второй мировой войны, в 1951 году, Н.Н. Пенинский смог наконец восстановить свою писательскую деятельность, начатую им во время его пребывания в камере смертников, в течение целого года, в Московской Бутырской тюрьме. За весьма короткое время, в течение 1951-1952 годов, им было написано много литературных очерков и статей, научных исследований и исторических трудов, примером чего служат:

ТЮРЕМНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

По стене, над головою,
Справа, на виду:
Исхудавшею рукою
Календарь веду!

Как казаки перед боем,
Держат четкий ряд...
Числа длинной чередою,
Строятся подряд.

Ежедневно на рассвете,
Чуть блеснет в окне;
Я вставляю в ряды эти,
Новое число...

Много их в том тесном ряде,
Видит мой грустный взгляд.
Вот пятьсот сороковое,
Стало в стройный ряд!..

Много чисел незабывно,
Как огнем горят:
И как раны беспрерывно,
Кровию сочат...

Как у опытного воина,
Страшен их узор.
Но ношу я их достойно,
Раны - не позор!..

Получались раны эти,
В боевом пути:
И никто не мог-бы в свете,
Сразу их снести.

"Календарь! Скажи мне, милый!..
Скоро-ли конец?
Скоро-ль сброшу я постылый,
Весь в шипах венец?.."

Но прикинулись немymi,
Клетки затаюсь!
Как глазницами пустыми,
На меня воззрясь...

И как маршал перед боем,
Объезжает строй:
Я смотрюсь подолгу, с болью,
В календарь стенной!

По стене... Над головою...
Справа!.. На виду:
Бесконечным... Длинным строем,
Календарь веду!..

КУРИТЕЛЬНАЯ ТРУБКА.

/Лекционная тема, заданная в тюрьме/.

В дни тяжелой и суровой доли,
Когда был жертвой клеветы,
Со мной делила скорбь неволи,
Простая трубка из чифы.

Она одна меня любила,
Всегда готовая ласкать:
Какая-то была в ней сила,
Волшебная была в ней стать!

Все свои думы и сомненья,
Лишь одной ей доверял..
Пороку, дерзкие решенья,
Я в клубах дыма открывал...

И без борьбы, без сожаленья,
Служила верно, как могла.
И как в душе моей сомненья,
В своей утробе все сожгла!..

И если мой удел печальный,
До смертной доведет черты...
И я услышу залп прощальный,
Со мной, подруга, будешь ты!

Когда-же мрак зальется светом,
И рухнут козни клеветы:
Ты первая узнаешь это,
Простая трубка из чифы...

ПИСЬМО СОБАКЕ.
/Из тюрьмы/.

Береги свою маму, мой милый щенок,
Ведь у мамы огромное горе!
Рассмеши, показав ей веселый прыжок,
Приласкайся с любовью во взоре...

Следи зорко за бликами маминых глаз,
Чуть заметишь, что зальются слезой?
Покажи ей побольше веселых проказ,
Чтобы мама забылась с тобой.

Как увидишь, что мама безмолвно сидит
И безчувственно взгляд устремляет:
Ты начни, ты ее без конца веселить,
Чтоб очнулась, тобой развлеклась!..

А заметишь, что мама начнет говорить,
В пустоту, как ко мне обращаясь,
С диким ревом начни ты ее тормозить,
Чтоб забылась, тобой отвлекаясь...

Береги-ж свою маму, мой чуткий зверек,
Ведь у мамы огромное горе!
Рассмеши, показав ей веселый прыжок,
Приласкайся с любовью во взоре.

А заметишь, что мама, как прежде, смеясь,
Вдруг начнет за тобой носиться,
Чтоб тебя, шалуна, изловить и обнять,
И с тобой в звонком смехе возиться.

То уж знай, мой дружок, что час впереди,
Что близка твоя с мамой прогулка!
Как заметив меня, вдруг забьется в груди,
Твое сердце собачье гулко!..

И как прыгнешь на грудь мою, уши поджав,
Не одерну тебя я ворчливо...
А обняв, как ты любишь, и крепко прижав,
Я шепну тебе в ухо - "спасибо".

Все проказы твои, я прощу навсегда,
Что успел натворить ты от скуки...
И увидишь, что мне не забыть никогда,
Что родную берег ты в разлуке!

Береги-ж свою маму, мой верный дружок,
Ведь у мамы огромное горе!
Рассмеши, показав ей веселый прыжок,
Приласкайся с любовью во взоре!..

П О Х О Д .

Боевая песня ударного казачьего конного полка полк. Шведова, в рядах германской армейской группировки "Зюд-А", на Южном отсече Восточного фронта, в 1942-1944 г.г.

Девятьсот Донских казаков - Старый вахмистр седой -
Удалых молодцов. Кавалер и герой,
Рано утром в поход С ними вместе в поход
Собираются!.. Отправляется!..

Они поют коней, Будут красных рубить,
Шашки точат острей, За Казачью мстить,
Весь казачий прибор По кровавым счетам
Проверяется!.. Рассчитаются!..

И ведет их на бой Вот команда звучит,
Есаул молодой, Донцов сотня летит,
Тот, что смерти в лицо Только маревом пыль
Усмежается!.. Воздымается!..

Ура, ура, ура, поют -
Донцы в походе,
По над Доном свободы заря
Загорается!..

Много было написано стихотворений талантливым казачьим поэтом Н.Н.Пенинским, образцы которых представлены нами и талантливость которых признана была давно уже литературной критикой. Литературные дарования Н.Н.Пенинского являются исключительными, что видно из его рассказа: "Песня". Необыкновенный объект напряженности и разворачивания захватывающей фабулы рассказа, повествующего о подлинной исторической были 1930-х годов на Кубани, представляет с исчерпывающей ясностью всю драматичность сюжета. Читая этот, талантливо написанный, рассказ: "Песня", остается пожалеть о столь скорой и ранней кончине даровитого казачьего писателя-историка Н.Н.Пенинского.

П Е С Н Я .

...Станица Кореновская на Кубани, напоминала растревоженный муравейник... По улицам разносился плач женщин, слышались отчаянные крики детей, нескончаемой вереницей двигались подводы, тесными рядами шли пешие. Каждую группу высылаемых казаков и казачек с детьми, сопровождал сильный конный конвой НКВД. Памятный для казаков Кубани - 1930 год!..

... На высокой сытой лошади увальнем покачивался молодой откормленный белобрый солдат внутренних войск НКВД. Мешковато сидящая форма выдавала служебную молодость энкаведиста. Этот Вологодский парень впервые участвовал в "операции". Белесые его глаза с любопытством рассматривали Кореновских казаков. Все было интересно, широкие кремезные люди, со стиснутыми зубами и нах-

муренными лицами. Казачки, в жгучих глазах которых читались лю-
тая ненависть и надменное презрение...

Вологодского парня лихорадил холодный страх! Ища тепла, он си-
льнее сжимал обнаженную саблю-драгунку, еще царских времен.

Энкаведистский начальник зорко следивший за всем происходя-
щим, рассек воздух командой-руганью... Выполняя команду, часть
конвоиров-энкаведистов сгрудилась у хвоста колонны высылаемых
Кореновских казаков и казачек. Наседая грудью коней, замехиваясь
обнаженными саблями-драгунками, богомерзко отругиваясь, они стре-
мились подтянуть отставших.

Крики, стенания, плач, ругань, суета и пыль, взметнулись с новой
силой!..

Но вот... внезапно, в момент наступившей сутолоки, сильный, груд-
ной женский голос контральта, запел песню! Начало ее потонуло в
общих криках и суматохе. Но, крики стали стихать, и когда шум
окончательно смолк, в наступившей тишине ясно звучал драгоцен-
ной чистоты голос, певший песню:

"...стонут ко-о-заченьки
В советской нево-о-оли!.."

Настал момент, когда все высылаемые казаки и казачки начали
явственным образом слушать биение своих собственных сердец...
На самой задней подводе сидела молодая казачка. Ея поза, при-
давленная тяжелым моральным грузом, выражала невыразимое горе
и предельное отчаяние! С, ехавший на шею головной платок, открывал
темные блестящие волосы, тяжелыми беспорядочными прядями, соско-
льзнувшие на сторону. Большие черные, подернутые влагой глаза,
чужестранно блестели, светясь непередаваемым светом... Казачка
была неотразимо прекрасна!..

Как выстрел, крик энкаведистского начальника, разорвал воздух:
-Ма-а-алчать!..

Высокая грудь казачки певуньи прерывисто поднялась в сильном
вздохе, сказочной невыразимой прелести голос, продолжал петь:

"...Пла-а-чут, сто-о-огнут коза-а-чен..."

Вдруг произошло что-то страшное и непонятное!..

Высокий, пронзительный, почти истерический крик:

-Сво-о-олочь!, -на одно мгновение покрыл песню...

Взметнутая на дыбы лошадь, под сильной рукой энкаведистского
начальника, с крутого поворота на месте, сделала длинный прыжок
к задней подводе. Мелькнуло перекошенное дикой злобой лицо...
и резкий свист тяжелой плети, отрезал последний слог песни...

Судорожно вздрогнув всем телом, но не изменяя позы, поющая ка-
зачка гордо подняла свою прекрасную голову и устремила взор
на чекиста. По нежной коже лица наливался длинный косой рубец!
Из рассеченной нижней губы струилась алая кровь...

Молодая казачка была словно в экстазе, она не чувствовала бо-
ли... Ея глаза устремленные в упор на энкаведистского начальни-
ка, казались последнему такими бездонными, громадными и жуткими,
что у матерого, видевшего виды старого чекиста, закружилась го-
лова и занесенная для второго удара плетью рука, повисла бессильно
в воздухе.

А песня, без единого оттенка дрожи, страха и замешательства,
продолжала изливаться волшебной силой и красотой казачью мелодию:

-Гей, вы, хлопці, Запоро-ожці!..

Еще один свободный вздох полной грудью и песня звенела даль-
ше:

-Сини сла-а-авной во-оли!

Наконец чекист овладел собой. Его лицо застыло в непреклонной

решимости... Рука привычным жестом отстегнула клапан кобуры и стала вытягивать наган...

Но, тут произошло что-то неожиданное!..

Внезапно, точно выпрыгнувший из тоннеля поезд, всеобщая очарованная неподвижность сменилась повальным стремительным движением...

Резкие сдавленные крики!.. Уверенные и точные взмахи сильных рук... Тяжелое сопение напряженных в смертельном усилии людей, испуганное ржание и топот лошадей!..

...Хряст разрубаемого мяса и костей: скупые и точные слова казачьих команд. Несколько беспорядочных выстрелов... захлебнувшаяся нервная строчка пулемета, с конвойной тачанки энкаведистов.

И... вновь полная тишина, прерванная на мгновение свистящим старушечьим возгласом:

-Бож-жа мій!..

Опустив руки, тяжело дыша, стояли Кореновские казаки, смотря вниз, как бы подсчитывая потери... Свежая кровь вызывая запахом тошноту, медленно впитывалась в пыль станичной улицы. То, что было энкаведистским начальником, еще несколько минут тому назад, лежало поперек ног казачки певуньи, которая даже в своей предсмертной grimase, была неотразимо прекрасна.

Подошел седой казак, шагая тихо, как в церкви, с раздражением оттащил труп чекиста, заботливо одернул юбку на оголившейся ноге убитой казачки певуньи... постоял и как бы молясь, степенно опустился на колени, перекрестился и припал к пыли, в земном поклоне.

Торжественность наступившей тишины была прервана распоряжением, отдававшимся в полголоса:

-Семен Филиппович! Берите всех верховых казаков и тачанку с пулеметами и пулей на станцию, отбивать других!.. Действуйте по обстановке: держать связь с хатой Зинченко.

-Отец Григорий! Возьмите сколько нужно женщин, да всю скотину, что посильней!.. Соберитесь также к хате Зинченко, на все - час сроку!.. С чем не справитесь, бросайте, пойдём в горы и надолго...

-Филиппенко, Филь, Филипп Николаевич!.. Максим Григорьевич, Грица и ты, Яков!.. Берите винтовки и гранаты и ко мне... Есть неотложные дела в стансовете и на почте! Ясно?..

И в догонку уже скакавшим казакам:

-Не забудьте перерезать телеграф!..

Через несколько минут, где разыгрался один из актов Великой Казачьей Трагедии, не осталось никого... Живые еще казаки ушли к новым схваткам, к новым страданиям!.. Поднятая ими густая пыль на станичной улице, в безветренном воздухе, медленно оседала на разбросанные на земле тела энкаведистов-конвоиров. **КАЗАЧЬЯ ЗЕМЛЯ ПОКРЫВАЛА СВОИМ ПРАХОМ ТЕХ, КТО ПРИШЕЛ НАДРУГАТЬСЯ НАД НЕЙ...**

С ближнего двора, ушедшего с своей семьей в горы, казака Савчука Семена, петух вывел на улицу стайку кур... осторожно подошел к крайнему труп убитого казаками чекиста и испуганно скосил на него глупый глаз...

Далеко, со стороны вокзала, слышалась песня и легкое дуновение ветерка доносило:

"...ВЫЗВОЛЯ-ЭЭ-ТЫ

НАС-КАЗАКОВ, С ТЯЖКОЙ НЕДО-ОЛИ!.."

Внезапно песню перекрыли частые хлопки выстрелов и длинные строчки пулеметов. Но, вот песня вновь слышалась, ее подхватило уже много, много сильных голосов. Теперь песня сама мощными аккордами перекрыла шум шедшего боя...

Казачья песня ширится...растет...крепнет...достигает границ Неба...доходит до ступеней Святого Престола и ЗВУЧИТ МОЛИТВОЙ ПЕРЕД САМИМ БОГОМ!

"...ВЫЗВОЛЯ-АА-ТЫ

НАС-КАЗАКОВ, С ТЯЖКОЙ НЕДО-ОЛИ".

Талантливый казачий писатель, поэт и научный работник, инженер-полковник Н.Н.Пенинский, умирая от тяжелого недуга, порожденно-го многолетним тюремным заключением и лишениями на фронте, уже будучи на смертном одре, в канун своей смерти, последовавшей в г.Мюнхене, Германия, в 1953 году, написал свои замечательные "Заповеди казака", как бы делая завещание свое казачьему потомству:

ЗАПОВЕДИ КАЗАКА.

- 1/Всегда помни, что ты - Казак! Гордись этим и пуще всего береги это имя. Кто поносит твое славное и честное имя, тот - враг твой!
- 2/Казак будь всегда христианином и помни, что христианство всегда была вера твоих казачьих предков. За нее, они - твои казачьи пращурьы проивали свою кровь и отдавали жизни, почему и ты, всегда борись с врагами Христа!
- 3/Знай твердо свои казачьи обычаи, свято храни и соблюдай неукоснительно их, и этим ты самоутвердишь себя, как казак. Казачьи обычаи повелись стародавней порой из глубокой и славной казачьей старины!
- 4/Казак - казаку, всегда и во всем брат, почему и держись всегда ближе к другим казакам. Они-твои, а ты-их! Помогай Казачьему Народу чем можешь: словом, делом, имуществом, кровью и жизнью.
- 5/Будь честен и прямодушен, и смел. Не гнушайся своим младшим братом, но и не гни спины перед сильным. Казак-гордый человек!
- 6/Казак был всегда образцовым хозяином, что ведется исстари. Казак всегда жил и старался для своей семьи, дома, товарищества и был хорошим соседом!
- 7/Уважай старших, они больше твоего видели и пережили. Сам состаришься и тебе почет будет!
- 8/Не посягай на чужие: дом, свободу, землю, но за свой дом, за свою свободу, свою землю, жизнь отдай, не задумываясь! Нет тебе жизни без них, ибо казаки никогда не были рабами!
- 9/Не слушай чужого руководства! Чужие люди всегда будут делать свое-чужое для казаков дело, а казаки, худо-ли, хорошо-ли, но будут делать свое Казачье Дело!
- 10/Будь казаком не внешностью, а нутром-наскрозь! Делая какое-либо дело, помни, что его, ты-казак делаешь, а узнавая о каком-либо событии, первым делом думай, чем собственно оно-дело, может быть полезным для Казачьего Народа. Тебе, даже сны должны сниться свои-казачьи!
- 11/Расти своих детей казаками, чтобы не засохло и не перевелось на Земле Казачье Племя! Хотя и срубили чужаки Казачье дерево, да кое-кто из своих его доламывает, но был бы корень цел, а дерево вновь пышно вырастет!

12/Гордись величавой седой славой твоих казачьих предков, но и сам будь всегда казачьим рыцарем! Когда же прозвучит вновь клич: "Казачи! По коням!..", - бросай все и в бой иди, не осматриваясь назад. ИЛИ СМЕЛО В БОИ ЗА ПОРУГАННОЕ СЛАВНОЕ КАЗАЧЬЕ ИМЯ! ЗА СВОИ, В КАНДАЛЫ ЗАКОВАННЫЙ, МНОГОСТРАДАТЕЛЬНЫЙ КАЗАЧИЙ НАРОД, ЗА ЛЮТЫМ ВЕКОВЕЧНЫМ ВРАГОМ, ЗАХВАЧЕННУЮ И ОГРАБЛЕННУЮ ТВОЮ КАЗАЧЬЮ ЗЕМЛЮ!

ПОМНИ КАЗАК! НЕТ ТЕБЕ ЖИЗНИ В ТВОЕЙ СУДЬБИНЕ, КОГДА ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ СВОЕГО КАЗАЧЬЕГО УГЛА: НЕТ ТЕБЕ ЖИЗНИ - КАЗАК, БЕЗ ТВОЕЙ КАЗАЧЬЕЙ ВОЛИ И ВОЛЬНОСТИ, БЕЗ ТВОЕГО КАЗАЧЬЕГО НАРОДА...

РАТУЙ И БОРИСЬ ВСЕГДА ЗА СВОЕ КАЗАЧЬЕ Я, И УМРИ ВСЕГДА КАЗАКОМ, БУДЬ ДОСТОЙНЫМ НЫНЕ И ВСЕГДА СВОИХ ДОСТОСЛАВНЫХ, ХРАБРЫХ, СВОБОДОЛЮБИВЫХ И БЕСПОРОЧНЫХ КАЗАЧЬИХ ПРЕДКОВ.

В своей кратковременной литературной деятельности 1951-1952 годов, Н.Н. Пенинский помещал свои стихотворения и статьи в казачьих и украинских эмигрантских журналах и газетках за границей. Однако, лишь спустя долгое время после его смерти, в журнале "Казачья Жизнь"/Провиденс, Р.Айг., С.Ш.А./, были напечатаны почти полностью его литературные и исторические труды:

- 1/Н.Н. Пенинский: "Опасный ход". Драматический этюд в двух картинах. Журнал "Казачья Жизнь" №118, стр. 17-22. Декабрь 1962 года.
- 2/Н.Н. Пенинский: "Казачий поп". Рассказ. Там же, №119, стр. 17-20. Январь 1963 год.
- 3/Н.Н. Пенинский: "Песня". Рассказ. Там же, №120, стр. 30-32. Февраль 1963 год.
- 4/Н.Н. Пенинский: "Преступление комнаты №26". Там же, №122, стр. 15-19. Апрель 1963 год.
- 5/Н.Н. Пенинский: "Святое Евангелие от Матфея, глава 8: "Чудо на море". Там же, №124, стр. 36. /Стих/. Июнь 1963 год.
- 6/Н.Н. Пенинский: "Ясность или путаница". Публицистический очерк философии Казачьего Вопросы. Там же, №125, стр. 38-44, №126, стр. 34-38, №127, стр. 13-20. Июль, август, сентябрь 1963 г.
- 7/Н.Н. Пенинский: "Хибины". Там же, №128, стр. 16-22. Октябрь 1963.
- 8/Н.Н. Пенинский: "Конец отряда". Рассказ. Там же, №129. Ноябрь 1963 год.
- 9/Н.Н. Пенинский: "Караганда". Очерк. Там же, №130, стр. 5-10. Декабрь 1963 год.
- 10/Н.Н. Пенинский: "Яйцо". Рассказ. Там же, №131, стр. 27-32. 1964 г.
- 11/Н.Н. Пенинский: "Ладанка". Рассказ. Там же, №132, стр. 19-21. 1964.
- 12/Н.Н. Пенинский: "Об управлении психикой человеческой массы". Там же: №133, стр. 50-55, март 1964 г.; №134, стр. 12-16, апрель 1964 год.
- 13/Н.Н. Пенинский: "Беседы казачьего деда Меркула". Там же, №135, стр. 49-51. Май 1964 год.
- 14/Н.Н. Пенинский: "Значение партизанских акций в большой войне". Там же, №136, стр. 33-35. Июнь 1964 год.
- 15/Н.Н. Пенинский: "Російська нещирість". Там же, №137, стр. 13-16. Июль 1964 год.
- 16/Н.Н. Пенинский: "Очерки политической истории казаков". Там же, №138, стр. 30-33; №139, стр. 3-6; №140, стр. 11-14; №141, стр. 9-11; №142, стр. 32-36; №143, стр. 7-11; №144, стр. 28-31; №145, стр. 23-27; №146, стр. 22-28; №147, стр. 22-29; №150, стр. 12-14. Август 1964 года - август 1965 года.
- 17/Н.Н. Пенинский: "Клятва казака". Стихи. Там же, №150, стр. 12-14. Август 1950 год.

- 18/Н.Н.Пенинский: "Казачья река времени". Стихотворение в прозе. Там же, №151, стр.28. Сентябрь 1965 год.
19/Н.Н.Пенинский: "Потоп". Научно-популярный рассказ для казачьей молодежи. Там же, №153, стр.18-22. Ноябрь 1965 год; №154, стр.3-7. Декабрь 1965 год.
20/Н.Н.Пенинский: "Поход". Песня-стихотворение. Там же, №106, стр.22. Декабрь 1961 год.
21/Н.Н.Пенинский: "Заповеди казака". Там же, №123, стр.9-10. Май 1963 год.
22/Н.Н.Пенинский: "Бутылка чернил". Стихи. Там же, №124, стр.41. Июнь 1963..

Было бы очень хорошо, если бы нашлись казачьи доброты, которые бы могли издать полное собрание сочинений этого талантливое казачьего писателя-поэта Н.Н.Пенинского. Это является нашей казачьей обязанностью.

Став в ряды Казачье-Национального Освободительного Движения /КНОД/ за Рубежом, Н.Н.Пенинский был избран делегатом 2-го Верховного Казачьего Круга КНОДа за Рубежом в 1951 году в Мюнхене, и потом на самом Круге был избран Заместителем Председателя Президиума 2-го ВККруга КНОДа за Рубежом.

Н.Н.Пенинский скончался 17 сентября 1953 года в Мюнхене, Западная Германия, от тяжелой и продолжительной болезни-цирроза печени. Похоронен на городском кладбище "Норд-Фридрихсфелд" в Мюнхене.

68/АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ПОПОВ.

На Дону были многие видные казачьи писатели и поэты, но были также и очень видные драматурги, пьесы которых ставились не только на сценах городских и станичных театров Дона, но и на сценах столичных театров Петербурга и Москвы. Казакам уже известно, что пьеса казачьего писателя Романа Кумова: "Конец рода Коростомысловых" /получила премию имени известного русского драматурга Островского/, была включена в постоянный репертуар известного театра Корша в Москве. И параллельно с этим, в постоянном репертуаре других столичных театров, шли с большим материальным и художественным успехом пьесы и казачьих драматургов, как А.П. Попов, А.И. Косоротов и др.

Александр Петрович Попов, природный казак станицы Кривянской, Черкасского Округа, Донского Войска, является родственником пожизненного Походного Атамана Донского Войска ген.штаба ген.от кавалерии П.Х.Попова, героя легендарного Степного Похода.

Казачий писатель-драматург А.П.Попов родился в мае 1879 года, сын казака-хлебороба, окончил историко-филологический факультет Харьковского Университета.

Будучи преподавателем латинского языка в родной гимназии в 1906-1913 годах, увлекаясь литературой, написал три пьесы драматического содержания, которые принесли ему заслуженный литературный успех, были неоднократно поставлены на сценах разных театров, в том числе и столичных театров Москвы и Петербурга и опубликованы в печати, в виде отдельных либретто-брошюр:

- 1/А.П.Попов: "Дикари". Драма в 4-х актах. 36 стр. Тираж 1800 экз. Типография Сладкова. Новочеркасск. 1908 год.
- 2/А.П.Попов: "Казачья Доля". Драма в 4-х актах. 56 стр. Тир. 2100 экз. Типография "Донской Печатник". Новочеркасск. 1909 год.
- 3/А.П.Попов: "Утерянное счастье". Драма в 3-х действиях. 48 стр. Типография "Донской Печатник". Новочеркасск. 1912 год.

Помимо указанного, А.П. Попов был постоянным сотрудником Донских газет: "Донская Жизнь" в Новочеркасске, "Донская Речь" в Ростове на Дону и др.

8 июля 1913 года, А.П. Попов умер от разрыва сердца в Новочеркасске, 34 лет, не успев проявить полностью свой недюжинный творческий литературный талант.

69/АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВИЧ ПОПОВ.

В данном изложении речь идет о казацком писателе А.С. Попове, получившем уже сравнительно большую литературную известность при царском режиме, т.е. до 1917 года, и далее обретшим литературную известность под псевдонимом "Серафимович" /его отчество/, во времена русско-коммунистической власти.

А.С. Попов природный казак станицы Нижне-Курмоярской, 2-го Донского Округа, Донского Войска, родился 7 января 1863 года в своей станице. Согласно его личной автобиографии, детство и отрочество его прошли в "непроходимой, неземляющей бедности".

Учась в Усть-Медведицкой гимназии от 1874 по 1883 г.г., он уже от 5-го класса, был принужден зарабатывать репетиторством при неуспевающим гимназистам, давая частные уроки. Однако, и из этих скромных заработков, большую часть он отдавал своей матери на поддержку многочисленной семьи.

Будучи в старших классах гимназии, Попов увлекался модной тенденцией народнического экстаза, зачитывался литературными критиками и публицистами: В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским, А.И. Герценом, Н.А. Добролюбовым, что его развивало не только умственно, но и формировало его политическое мышление.

Окончив гимназию, А.С. Попов в 1883 году поступил студентом на физико-математический факультет Петербургского Университета, как Войсковой стипендиат.

Вращаясь в среде студентов-революционеров, А.С. Попов был арестован царской охранкой в 1887 году, за свою близость с студентом А.И. Ульяновым /старший брат Ленина/, организатора покушения на императора Александра 3-го. Он был административно сослан на поселение в г. Мезени, Архангельской губернии, под надзором полиции. Именно, здесь и началась, собственно, литературная деятельность А.С. Попова, при полной поддержке и сочувствии двух выдающихся писателей: В.Г. Короленко и Г.И. Успенского.

Первый литературный опыт А.С. Попова был в студенческие годы в Петербурге, когда он написал небольшой рассказ об охоте на уток в Придонских степях.

Рассказ: "На льдине", написанный А.С. Поповым в Мезенской ссылке, очень отличается от его первого литературного опыта в студенческие годы. В этом рассказе, А.С. Попов весь наполнен тревогой за судьбу рыбаков, или "революционным языком", за судьбу "всего трудового народа". Рассказ "На льдине" был напечатан в 1889 году.

Вернувшись из ссылки в 1890 году на Дон, А.С. Попов устроился репортером газеты "Приазовский Край", редактором которой был Ф.К. Трайлин, передавший издательство газеты в 1891 году крупному предпринимателю Арутюнову, армянину.

Проработав в "Приазовском Крае" несколько лет, А.С. Попов перешел на постоянный репортаж в газету "Донскую Речь", руководимую крупными Донскими дельцами, известными братьями Н. и Е. Парамоновыми. Находясь в постоянных разъездах по всей Донской Области,

А.С. Попов для получения материалов для репортажа, вошел в контакт не только с "бедненькими мужичками"/выражение А.С. Попова/, но и с рабочими Донбасса/Донецкий угольный бассейн/.

И всё это дало ему возможность написать в 1890-1900 г.г., большое количество рассказов, фельетонов, заметок на чисто бытовые темы социального порядка, что знаменовало тогда ведение им явной революционной пропаганды. Рассказы: "Маленький шахтер", "Под землей", "Семишкура" и др., есть не что иное, как описание жизни, быта и работы шахтеров Донбасса, якобы зверски эксплуатируемых "хищными акулами капитализма".

Не менее аллегоричны в своем революционном содержании и другие рассказы, как то: "Месть"/о рыбаках Приазовья/, "Сцепщик"/железнодорожные бригады/, "На заводе"/фабричные рабочие/ и др., описывали преимущественно жизнь рабочих всех разрядов на Дону, в конце XIX столетия.

Впервые А.С. Поповым была выявлена его чисто идейная программа, в рассказе-аллегии "Капля", где он ясно указывал, что народная поговорка: "капля долбит камень", есть основа названия его рассказа "Капля". В рассказе, А.С. Попов звал читателей: "долбить камень старого мира, разрушать его и создавать новый мир".

Вынужденный покинуть репортерство в "Донской речи", под давлением жандармского управления на Дону, А.С. Попов поступил на должность помощника делопроизводителя в Донском Областном Правлении. Ненавидя узость и затхлость чиновничьей службы, А.С. Попов отразил свои переживания, как критику ограниченности и невежества провинциального мещанства, написав следующие рассказы на эти темы: "Господа и слуги", "Маленький парикмахер", "Инвалид" и др.

В течение десятилетия, после возвращения из ссылки, А.С. Попов написал много фельетонов и заметок, как и 36 рассказов и очерков, имевших большой смысл содержания.

Вполне естественно, что для А.С. Попова явилось большим событием издание его первого сборника рассказов в 1901 году. Тогда же, А.С. Попов вошел в состав членов литературно-художественного кружка "Среда" и начал одновременно печататься в большом сборнике "Знание", который об, единял лучших литераторов того времени во главе с А.М. Горьким/подлинная фамилия Пешков/.

Революционные события 1905-1906 годов захватили в свой водоворот и А.С. Попова, отозвавшегося написанием целого ряда революционных рассказов: "На Пресне", "Бомбы", "Похоронный марш", "Среди ночи", "Мертвые на улицах", "У обрыва" и др.

С ликвидацией этих революционных событий, принужден был несколько успокоиться и А.С. Попов, принявшийся за проведение длительной работы над созданием его большого романа "Город в степи".

Согласно его личного автобиографического признания: "Город в степи", я писал с большими перерывами, иногда по полгода не брался за рукопись. Параллельно работал над мелкими рассказами. Кое-как, с трудом первую половину романа сколотил в Москве. Потом, в начале июня 1910 года, уехал с матерью, из Москвы на Дон, в станицу Раздорскую, которая лежит на крутой горе, спускающейся в Дон. Я нанял на этой горе двухэтажный казачий курень/деревянный дом/. Крыльцо выходило на р. Дон. За Доном-без границ луг. Обстановка очень располагала к работе..."

К этому времени относится написание А.С. Поповым его рассказа "Пески", очень высоко оцененного знаменитым писателем графом Л.Н. Толстым в 1909 году.

А.С. Попов написал полностью свой большой роман "Город в степи", к концу 1910 года/начало написания относится к осени 1907

года/, который и был издан летом 1912 года. Чтение этого крупного по объему произведения, оставляет впечатление о неизбежности революции в России, предвещающей А.С. Поповым.

В Первую мировую войну 1914-1917 годов, А.С. Попов был на фронтах военным корреспондентом газеты "Русские Ведомости", в результате чего им были написаны военные рассказы:

1/"Шрапнель", 2/"Сердце сосёт", 3/"Встреча", 4/"На побывке", 5/"Казачья ухватка", 6/"В Галиции"/ряд обстоятельных очерков/.

С "захватом" власти в России русскими коммунистами, А.С. Попов стал на их сторону и заведывал литературным отделом Наркомпроса/Народный Комиссариат Просвещения/, был военным корреспондентом газеты "Правда" и т.п. Им была написана книга, изданная в печати, под названием: "Революция. Фронт и тыл/1917-1920 г.г./".

Весной 1920 года, был убит на фронте сын А.С. Попова. В 1924 году, А.С. Поповым была написана большая повесть: "Железный поток" /Поход т. наз. "Таманской Красной Армии, на Кубани в 1918 году/.

В 1943 году, в пропагандных целях, для воздействия на психологию казаков в СССР, так и сражавшихся против СССР, правительство СССР наградило А.С. Попова всякими наградами, а главное уничтожило Окружную станицу Усть-Медведицкую, переименовав ее в город Серафимович, ибо А.С. Попов писал в СССР под псевдонимом "Серафимович".

Говоря о ценности литературного творчества А.С. Попова, как казачьего литератора, а не советский блефф, созданный русско-коммунистической пропагандой, надо подчеркнуть признание несомненного литературного таланта А.С. Попова, со стороны выдающихся и знаменитых писателей XIX-XX столетий, признанных во всем мире:

1/Глеб Успенский называл А.С. Попова: "ОТЛИЧНЕЙШИЙ ПИСАТЕЛЬ!"

2/Владимир Галактионович Короленко отмечал: "Писатель А.С. Попов имеет прекрасный язык, сжатый и сильный, яркое и свежее описание".

3/Знаменитый писатель граф Лев Толстой прочитав повесть "Пески", написанную А.С. Поповым в 1909 году, ПОСТАВИЛ НА ПОЛЯХ КНИГИ ОТМЕТКУ, ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

Нельзя не упомянуть и о том, что в царское время, цензура запрещала держать сочинения А.С. Попова в народных читальнях.

А.С. Попов умер 19 января 1949 года, в возрасте 86 лет.

70/ЯКОВ ИВАНОВИЧ РЕБРОВ.

К числу казачьих писателей и поэтов, составивших себе литературную известность, принадлежит подлинный талант-самородок, в особе простого казака Якова Ивановича Реброва, природного казака станицы Старочеркасской, Черкасского Округа, Донского Войска.

Научившись грамоте у станичного дьячка, Я.И.Ребров с малых лет пошел по "писательской линии". Первоначально будучи на побегушках при станичном правлении, но подросши Я.И.Ребров обратил на себя внимание правильностью своего письма, т.е. умением писать всякие бумаги чисто служебного характера, без ошибок, как и красотой своего почерка, т.е. каллиграфией. Все вместе взятое содействовало поступлению Я.И.Реброва на место станичного писаря, что было тогда очень ценным у казаков.

По роду и характеру своей службы, Я.И.Ребров общаясь с широким кругом станичных казаков, среди которых были многие старшинских родов и притом в офицерских чинах, стал усиленно заниматься своим самообразованием, читая с большим усердием самые разнообразные книги. Сколь культурна была станица Старочеркасская, свидетельством тому является не только много школ и библиотек, но и существование Ефремовского женского монастыря, параллельно с отделом Английского Библейского Общества в Лондоне, открывшего свой филиал в станице Старочеркасской в 1830 году, как и наличие Главного Народного Училища, основанного в 1790 году, на месте упраздненной Войсковой Латинской семинарии, существовавшей в Черкасском городке/впоследствии станица Старочеркасская/, уже с 1748 года.

Успех, сопутствовавший появлению первого очерка Я.Реброва, в Новочеркасской газете, окрылил молодого начинающего казачьего литератора. Польщенный большим вниманием, которое стали проявлять к нему Старочеркасские казаки-старожилы, Я.И.Ребров принялся с еще большим усердием и прилежанием писать далее, как в станичном правлении, так и в "домачности", занимаясь подготовкой его нового литературного труда.

Действительно, Ребров Я.И. преуспел в своих трудах, написав свое новое произведение, которое он решил выпустить отдельной книгой. Остановка была только за тем, что молодой казачий писатель не знал, как провести задуманное в жизнь. Самым главным затруднением был недостаток денежных средств, а подыскивать какого-либо издателя в кругу Старочеркасских казаков, Я.И.Ребров не рисковал, ибо написанное им вновь касалось прямо станицы Старочеркасской. Но, вняв доброму совету войскового старшины И.П.Хопрянинова, жившего в станице после отставки и покровительствовавшего Я.И.Реброву, он поехал искать счастья в Новочеркасск, имея на руках только один полезный адрес казачьего есаула А.А.Карасева, казачьего писателя и близкого знакомого И.П.Хопрянинова.

Я.И.Ребров не ошибся, когда позвонил у парадной двери дома А.А.Карасева, на Ратной улице, в Новочеркасске. Ознакомившись бегло с трудом Я.И.Реброва, Карасев сказал Я.И.Реброву, что он берет на себя все расходы по изданию его труда, печатая его в своей собственной типографии. Не прошло и четырех месяцев от первого знакомства между этими двумя Донскими писателями, как был выпущен из печати следующий труд Я.И.Реброва:

1/Я.И.Ребров: "Старочеркасские свадебные обряды". 20 стр. Брошюра. Тираж 1200 экз. Изд. и тип. А.А.Карасева. Новочер-ск. 1875.

Никто не ожидал того ошеломляющего успеха, который сопутствовал выходу указанной книжки Я.И.Реброва, раскупленной казаками до последнего экземпляра, и то в течение каких трех-четырех недель. Во многом успеху Я.И.Реброва, способствовала, конечно, прекрасная рецензия, написанная А.А.Карасевым и помещенная в газете-официозе "Донские Областные Ведомости" в Новочеркасске.

Окрыленный столь неожиданным большим успехом, Я.И.Ребров чувствуя призыв к литературному творчеству, покинул службу писаря в Старочеркасском станичном правлении и всецело отдался литературе. В необыкновенно короткий срок времени, им были написаны несколько достаточно основательных трудов, которые открыли в нем незаурядного казачьего поэта, стихами которого зачитывались станичные и хуторские казаки, ибо Я.И.Ребров, как выразился его строгий литературный критик, казачий писатель-поэт полк. А.А.Леонов, - "ПРОНИЗЫВАЛ КАЗАЧЬЮ ДУШУ НАСКВОЗЬ". Незадолго до своей смерти, А.А.Леонов написал очень лестную рецензию о поэтическом творчестве казачьего самородка-поэта Я.И.Реброва, которая была напечатана в газете "Казачий Вестник" в Новочеркасске, во второй половине 1882 года.

Всего от 1876 по 1881 г.г., были изданы следующие труды:

2/Я.И.Ребров: "Письма Севастопольца". 27 стр. Тираж 100 экз. Брошюра. Типография К.Траилина. Новочеркасск. 1876 год.

3/Я.И.Ребров: "Стихотворения". 45 стр. Тип. А.В.Хлоева в Ростове на Дону. 1877 год.

4/Я.И.Ребров: "Терем на берегах Тихого Дона". Повесть и собрание разных стихотворений. Областная типография Войска Донского. Тираж 1200 экз. Книжка. 60 стр. Новочеркасск. 1880 год.

5/Я.И.Ребров: "Стихотворения". 25 стр. Тираж 200 экз. Типография та же. Книжка. Новочеркасск. 1881 год.

Отдельно надо отметить следующий пространный мемориальный очерк, который был написан Я.И.Ребровым, как некролог в память умершего казачьего писателя на Дону Протоиерея Г.Левитского:

6/Я.И.Ребров: "Протоиерей Григорий Левитский". Газета "Донские Областные Ведомости" №48. Новочеркасск. 1872 год.

Я.И.Ребров деятельно сотрудничал во многих местных газетах и журналах, выходявших разновременно на Дону, в период времени 1881-1909 г.г., помещая там свои многочисленные стихотворения, очерки и заметки, пользовавшиеся большим успехом:

В 1909 году, было издано последнее предсмертное произведение Я.И.Реброва, как отдельная книжка:

7/Я.И.Ребров: "Донцы в Манчжурии". /Их рассказов казаков/. Тираж 400 экземпляров. Типография "Частная Донская". Новочеркасск. 1909 год.

Я.И.Ребров умер в Новочеркасске в 1911 году, в возрасте 62 лет, окруженный полным вниманием и любовью казаков, почитателей этого прекрасного казачьего поэта-писателя самородка.

71/ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ РОДИОНОВ.

Прекрасный казачий писатель-прозаик есаул Иван Алексеевич Родионов, природный казак станицы Мариинской, 1-го Донского Округа, Донского Войска, родился в 1877 году. Окончив реальное училище и Новочеркасское казачье юнкерское училище, был произведен в чин хорунжего, после чего прослужив некоторое время на действительной военной службе, ушел на льготу в 1906 году и всецело занялся литературной деятельностью.

Литературные дарования И.А.Родионова проявились полностью в его первом крупном литературном труде, наделавшем много шумихи в России. Литературные критики единогласно признали бесспорный литературный талант И.А.Родионова, воздавая ему похвалы в печати, в связи с чем И.А.Родионов имел вполне заслуженный успех.

1/И.А.Родионов: "Наше преступление". /Не бред, а быль!/. Из современной народной жизни. Санкт-Петербург. 1905 год. 1-е изд.

2/И.А.Ребров: "Наше преступление". /Не бред, а быль!/. 5-е исправленное и дополненное издание. С.Петербург. 1908 год.

3/И.А.Ребров: "Наше преступление, не бред, а быль. 376 страниц. 9-е издание. Изд-во "Ольга Дьякова и Ко". Берлин. 1922 год.

Многотиражное издательство этой книги, является наилучшим свидетелем ее большого успеха!

Уделяя много времени повседневной литературной деятельности, пишучи многочисленные литературно-политические статьи в различных периодических газетах и журналах в России, И.А.Родионов писал много и в казачьей печати того времени. Получив большую литературную известность еще в предвоенное время до 1914 года, И.А.Родионов был редактором многих газет и журналов.

Летом 1914 года, началась Первая мировая война и есаул И.А.Родионов был призван со льготы в действующую армию. Заслуженная его литературная известность способствовала назначению его в состав сотрудников фронтовой газеты "Армейский Вестник", издававшейся при Штабе Командующего Юго-Западным фронтом в 1914-1917 годах. Эта газета выходила три раза в неделю, имея многотысячный тираж, с сентября 1916 года газета стала ежедневной. От №175 есаул И.А.Родионов был редактором газеты "Армейский Вестник" до конца войны. При газете выходило иллюстрированное приложение, также под названием "Армейский Вестник", где И.А.Родионов состоял редактором от №48.

В военное время 1914-1917 годов, И.А.Родионов написал несколько десятков различных рассказов, которые и были изданы им в трех отдельных сборниках:

4/И.А.Родионов: "Казачья дорога". Сборник рассказов из казачьей жизни. Тип. "Донской Печатник". Новочеркасск. 1915 год.

5/И.А.Родионов: "Под звуки выстрелов". Фронтовые впечатления. С.Петербург. 1916 год.

6/И.А.Родионов: "Грани". Сборник злободневных рассказов. С.Петербург. 1917 год.

Надо отметить, что в дни захвата власти в России в 1917 году, русскими коммунистами, есаул И.А.Родионов разделил участь Верховного Главнокомандующего русской армией ген.штаба ген.от кавалерии Л.Г.Корнилова, природного Сибирского казака, находясь с ним в заключении в тюрьме г.Быхова, Могилевской губернии.

В дни Атаманства ген.П.Н.Краснова на Дону в 1918 году и начале 1919 года, И.А.Родионов был редактором государственной газеты "Часовой", одновременно не отрываясь от чисто литературной

деятельности и создавая новые произведения:

7/И.А.Родионов: "За Край Родной". Казачьи рассказы. Областная Типография Донского Войска. Новочеркасск. 1918 год.

Уйдя в 1919 году за границу в эмиграцию, И.А.Родионов стал жить в Германии, неизменно занимаясь литературным трудом, дававшим ему средства к существованию, и написав замечательные произведения:

8/И.А.Родионов: "Жертвы вечерние". Роман. Издательство "Ольга Дьякова и Ко". Берлин. 1926 год.

В этом романе, посвященном Донским партизанам, сражавшимся против русских коммунистов в 1917-1918 годах, И.А.Родионов писал: "... Маленькой, чуть заметной звездочкой появился он - Чернецов, на Донском боевом небосклоне, в декабре 1917 года и сразу своими подвигами приковал к себе всеобщее внимание. В середине января 1918 года, звезда его загорелась ослепительным блеском, затмив все остальные. Его легендарные победы окрылили надеждами всех тех, кто стоял на стороне порядка и государственности, кто видел злую разрушительную силу, кто хотел спасения казачества. Все лучшие чаяния и надежды сосредоточились на одном Чернецове, он являлся признанным антибольшевистским вождем..."

В последующее время, И.А.Родионов написал и издал следующие свои романы и повести, написанные блестящим литературным языком и вызывавшим большое восхищение:

9/И.А.Родионов: "Сыны дьявола". Роман. Издание 2-е исправленное. Берлин. 1928 год.

10/И.А.Родионов: "Любовь". Роман. Издание 3-е. Берлин. 1931 год.

11/И.А.Родионов: "В чем погибель?". Повесть. Издание 2-е исправленное. Изд-во "Ольга Дьякова и Ко". Берлин. 1932 год.

Обращает на себя особенное внимание факт, что почти все литературные произведения И.А.Родионова, печатавшиеся отдельными книгами, выпускались в большом тираже и выдерживали многократные издания. Все вместе взятое говорит о том, что И.А.Родионов, как писатель пользовался не только благосклонным вниманием литературных критиков, но главным образом и читателей, что и служило показательным мерилем его личных литературных достоинств и качеств, выделяя его, как казачьего писателя из общей массы литераторов, порой не блиставших никаким литературным талантом, а бывшими просто "ремесленниками литературы", в погоне за куском хлеба.

Находясь в эмиграции с конца 1919 года, этот замечательный казачий писатель-прозаик И.А.Родионов, умер во время Второй мировой войны, в Германии 24 января 1943 года, в возрасте 66 лет.

П. А. СОКОЛОВА.

В лице природной Донской казачки станицы Вешенской П.А. Соколовой, казачья литература имеет превосходную казачью писательницу-прозаика, которая с присущей ей талантливостью написала и опубликовала в зарубежной казачьей и общеэмигрантской, как и в иностранной печати многочисленные свои беллетристические произведения, получившие всеобщее признание и доставившие ей большую литературную известность.

Знакомая с талантливой прозаикой казачьей писательницы П.А. Соколовой, останавливаем внимание на следующих рассказах:

ВЫСОКИЙ ЧИН.

Каникулы кончились! Завтра отъезд в Новочеркасск... Опять парты, целый год сиденья взаперти в закрытой школе.

В доме суетня, печется и варится, укладывается несложный школьный багаж. Кучер возится, подмазывает колеса, засыпает овес, укладывает сено, до блеска начищает бубенцы, скребет лошадей.

Вдруг приходит какая-то старуха:

- Прослышала, што барышню отправляют в Черькаскай. Думаю, сама пойдю попрошу свезти гостинец сынку моему - Савелию Ликсеичу Лиховидову. Он там в казенной палате служит, высокий чин занимает, - бабка произносит "казенной" с "е", а не через "ё". - Тут маленькая посылочка, не заважет, свези, сделай милость. Семинов нажарила двух сортов - подсолнуховых и тыквенных. Опять же, варыги теплые крючковые, толстые, шлёнского пуху. Так, милушка и скажи, что сама, старая, вывезала, сама колбала для такого сына. Он дужа высокий чин имеет, такой высокий, что не выговорю.

- Столначальник? - спрашивает барышня-подросток, сама не очень сведущая в чинах.

- Хм, начальник! - передергивает губами баба, - ништо не чин! Хвастай выше. Прошел начальников.

- Директор?

- Не, не, не так; ишо как-то называется, не упомню, дужа мудрено. Высокий чин, тебе говорю. С первыми людьми знаком.

- С Адамом и Евой? - подтрунивает девочка.

- Ды разе я знаю, моя чадушка, как их звать! - отвечает гордая мать сновника. Высший чин, самый высокий во всем Черькасском.

- Уж не сам ли Наказный Атаман?

Но и это предположение бабка с негодованием отвергает:

- Скажешь же такое: А-та-ман! Атаманьёв давно прошел.

Видя, что от старухи толка не добиться, девочка, не выходящая без классной дамы в город и поэтому не знающая Новочеркаска, спрашивает:

- На какой улице казенная палата? Как ее найти?

В ответ бабка тащит ее к окну и, указывая пальцем на виднеющийся курень, объясняет:

- Видишь дом Селивантьевых? Как дойдешь, бери на-право и иди до самых Матрениных, вишь, их крыша соломенная торчит. Ну, а от Матрениных там и казенную палату видать.

- Откуда же, бабушка, идти? От собора? От дворца?

Старуха совершенно возмущена такой непонятливостью:

- Хоть ты и ученая, а... запинается она, - иди, говорю тебе, прямо до Селивантьевых, а потом на-право...

- Бабушке, как хорошо вы знаете Новочеркасск! - удивляется девочка, сама хорошо незнающая его улиц, - Значит, бывали там?

-Иде уже мне! Дальше своих хуторов не была. Но ты, моя хорошая, и не ищи казенную палату, а лишь спроси, иде тут Савелий Ликсеич. Он с первыми людьми знаком и такой высокий чин занимает, что каждый тебе его укажет.

Приехав в город Новочеркасск, ученица позвонила по телефону в казенную палату. Откликнулся хриплый голос швейцара. На просьбу поговорить с Савелием Алексеевичем Лиховидовым, был ответ: -Я сам!..

РОЖДЕСТВО В СТАНИЦЕ.

Рождественские праздники. Сколько в них радостных треволнений, трепетных детских переживаний.

Декабрь проходит быстро в приготовлениях к Святкам, в предвкушении обильного стола, елки, гостей и развлечений. Мороз 18-20 градусов/по Цельсию/. В такие морозные дни вывешивается красный флаг: не учимся! У шапочника Требушенкова появляются новые черные и белые барашковые папахи. У Катаева грибы в бочках, маслины. Возле церкви, рядом с Большой улицей "Базарный ряд" празднично богат: битая птица, связанные парами жирные, желто-розовые гуси, утки, молочные поросята с симпатичной пипкой-пяточком; колбасы, свиные туши, сало, окорока, махотки с каймаком, твердо-холодные глыбы сливочного масла и все аппетитное с, естное. Продавцы из соседних хуторов, в валенках и теплых дубленых тулупах с огромным лохматым бараньим воротником, весело и деловито топчутся у своих возов, прибаутками зазывают покупателей, от которых и без того нет отбоя.

Наша летняя кухня превращается в склад рождественской снеди. Висят свежие, еще не копченые окорока, подвешена птица, поросенок-сосунок. Но для еды готового пока еще ничего нет. К Святкам же окорока уже копченые, дунайские сельди с перцем и лавровым листом, колбасы чайные вареные и копченые, солтисоны, халва, варенье всех сортов. Смотришь на них и "слюнки текут", но знаешь, что еще не пришла пора их кушать. Сейчас пост: картошка на постном масле, огурцы, кислая капуста, соленые арбузы, тыква, пирожки с горохом, взвар, рыба. Уха уже надоела. О, как в летней кухне соблазнительно пахнет! Так и хочется туда прошмыгнуть, но детей оттуда гонят. Ключ висит у папы в кабинете.

-Потерпите до Святков, тогда и будем кушать...

И нам покорно терпелось до положенного срока.

Каждый год отец обязательно жертвует на тюрьму мешок белой первосортной муки. Везет ее кучер Гордей на коне Ваське. Начальник тюрьмы присылает карточку с благодарностью. Арестанты на праздниках кушают хороший хлеб. Дедушке с Гордеем посылаются окорок, птица, яйца, в отрубях. Для папы покупается обычный табак фабрики Кушнарёва, выше среднего, №13.

Выйти на улицу - одно удовольствие. Там все праздничное так волнуется. В аптеке Бушмана особенно весело горят два ярко освещенные шара с подкрашенной водой. Рядом с ними новые свежие обьявления зубной пасты. В книжном магазине Бредихина тоже есть чем залюбоваться: Дед Мороз, звезды в блестящих, стеклянные шарики и колокольчики, блестящие стрелы, серебрянные и золотые ленты, разноцветные свечи "холодного света", - зажжешь: трещат, пырсают во все стороны тысячами искр, хлопущки с сюрпризами, чем толще, тем ценнее кажется их таинственное содержимое, книжки с картинками чудесной раскраски, картонажи. Все это мама покупает к хранящимся из года в год елочным украшениям. Как любо сопровождать ее

за рождественскими покупками. У Шарозова в кондитерской выставлены новые пирожные и шоколадный Дед Мороз всяких размеров. Стараешься напомнить маме, чтобы, Боже упаси, не забыла купить и выбираешь самого большого Деда Мороза.

В сочельник традиционная кутья, маслины, взвар из сушеной вишни, груш и яблок. Все в последний раз постное. Ночью взрослые уходят в церковь. Мы же, дети, с нетерпением ждем христославщиков. Они уже перебегают из двора во двор. Когда же к нам?

Но, вот, наконец, слышен их топот и голоса:

- Можно похристославить? Принимаете христославщиков?

Пелагея широко распахивает дверь, наводняя комнату холодом, выпускает группу запорошенных снегом детей, подвязанных яркими поясами. За пазухой у каждого отдувается "наславленное". Нестройным хором поют:

- Рождество Твое, Христе Бо-ожи-и наш!.

У нас радостно замирают сердца, с трепетным восторгом звучит святочное славословие. Раздаем христославщикам копеечки, орехи, конфетки. Кое-кто выступает вперед-солирует, получая за это особое.

- Ирод, Ирод, что ты сделал: сорок тысяч младенцев погубил.

Декламации часто слишком длинны. Стараюсь обежать большее число домов, христославщики торопятся все скорее "вычитать", "отславить", захлебываются волнуясь, глотают слова, коротким жестом утирают рукавом оттаявший снег. Кто поменьше, у тех выступления короче:

"Я, маленький хлопчик,
Влез на стопчик,
В дудочку играю,
Христа прославляю,
С праздником поздравляю,
Счастья желаю!".

Или:

"Я маленькая девочка, ничего не знаю;
Только знаю аз, да буки. Пожалуйста копеечку в руки".

Некоторые узнав, что тут раздают копеечки, приходят "славить" по второму, бывает и по третьему разу. Узнанный конфузливо отказывается, уверяя, что пришел впервые. Все смеются и дают пострелу копеечку в третий раз.

Приходит с молитвой священник. Вся семья чинно выстраивается в зале, подходит к кресту и Евангелию. Батюшку приглашают к торжественному, богато убранному, рождественскому столу. Но он благодарствует, отказывается-спешит.

Вдруг со двора слышится голос:

- Желаете хор?

В переднюю вваливается многочисленный церковный хор. Пение оглушает наш небольшой зал. Пока певчие поют, уже уставшая вытирать пол от посетителей, празднично нарядная Пелагея искоса оглядывает валенки в снегу поздравителей и их мокрые следы. После приветствий, басы усердно отдают честь наливкам, водке, цымлянскому вину. Мальчикам-дискантам раздаются сласти, предлагается подкрепиться жареным и вареным, а регенту вручается конверт с деньгами для хора.

После обильного обеда с пирогом с мясом, пончиками, розенцами и "кофе-здоровье", мы, дети, идем поздравлять дедушку. Отпуская нас, мама заботится:

- Христославить не ошибетесь?

Но мы затвердили на зубок и нас не собьешь. Дедушка нам рад

и раздает по рублю. От него шествуем с визитом к крестной, где тоже нас ждут. Там получаем по полтиннику. Затем направляемся к тете Душе. Так за день нахристославишь рубля три. Богач!

Просишься, чтобы отпустили на каток, обновить новые коньки системы Нурмис/не какие-нибудь девчачьи снегурочки, к которым нет никакого уважения/. Провожая, мама предупреждает:

-Смотри, не провались в прорубь и не порви полушубка.

Вечером елка, веселье, раздача подарков. На другой день другая у тети, потом у Денисовых. И так все праздники. Визиты, гости. По Большой улице гулянье на солнечной стороне, катанье купцов на рысаках, накинутах синей сеткой. С горы кладбищенской церкви другое катанье, на салазках и ледянках. Шум, крики, хохот. Ледянки, жужжа крутятся волчком, стремительно летят под гору. Лишь держись! Под горкой все санки сбиваются в кучу, опрокидываются, седоки вываливаются на бок, смеются, визжат от удовольствия. Кто поотчаянней, несется стремглав с горы на коньках. Сторонись! С размаха салазки или ледянка перелетают через улицу прямо во двор Колютиных. Зрители восторгаются и хвалят:

-Ого-го! Аж до Колютиных! Вот так молодец!

Под Новый Год жжется бумага, топится воск. Потом вареники с сюрпризами. В семье много детей. Без счастливого вареника никого нельзя оставить. Поэтому, почти каждый делается с сюрпризом. Лото с калеными орехами и копеечками. Новый календарь Сытина и Маркса. Сейчас же на нем делаются отметки именин. Всегда это помнилось, не забывалось.

В Крещенский Сочельник не ели "до звезды".

На Крещение водосвятие. Лед синий, чистый, прозрачный. На реке сооружен большой высокий крест из льда и по бокам ледяные формы: Чаша и Евангелие, расписанные красками. Мороз трескучий, крещенский.

Из церкви выходит крестный ход. Все с обнаженными головами и приподнятыми воротниками. Лишь на меня, чтобы не замерз, мама надела ненужный, колючий башлык верблюжьей шерсти, вместо шапки.

Служба, водосвятие, священники в золотых ризах, стройные ряды казаков местной команды, впереди них маленькая ветхозаветная пушка, Окружной Атаман во всех регалиях, празднично одетая толпа в новых романовских полушубках, погоны всех казачьих полков, белые лычки урядников и приказных, бабы, закутанные в яркие шали, в Донских шубках с дорогой меховой "поречиной", барышни в котиковых шапочках, почтенная благочинница в старомодной, вынутой из рундука ротонде с воротником из черной лисицы.

-Во Иорда-ане крещающесе Тебе Господи...,-поет хор.

У священника, погрузившего в воду Крест, примерзли к нему руки. Раздающееся пение сопровождается тремя пушечными выстрелами. Бах, бах, бах-полетел пепел и бумага. В небо выпускается стайка голубей. Торжественный момент охватывает мою детскую душу.

Все кинулись к проруби с кружками, чайниками набирать Святой воды. Купающихся в ледяной проруби вытаскивают из воды полотенцами, закутывают в шубы и дают пить что-то горячее.

Постепенно все расходятся. На реке остаются елочки и праздничные флаги, колыхаясь от ветра. Долгое время потом, до оттепели огромный ледяной крест стоит, напоминая о минувшем религиозном торжестве.

Мама раздает нам по пол-чашечки освященной воды. Сколько в ней необыкновенного, живительно-тайного вкуса.

Стоит еще неразобранная елка, мерцающая в темном зале. Опять визит к дедушке. Опять дается, но уже не рождественский рубль, а

мало-праздники окончились...

Снова идти в класс. Не хочется. Но, так уж полагается.

СОЛОМОНИДА.

/Из казачьего быта/

Соломонида, больше известная, как жалмерка Солонька, была круглая сирота, взятая замуж с далекого чужого хутора; необыкновенно некрасивая, курносая, с малюсенькими глубоко сидящими глазами, совершенно безбровая.

В те времена молодых казачат женили до военной службы родители, не спрашивая, по душе ли сыну невеста.

Мужу Солоньки, красивому, щеголеватому, "подбористому" казаку, скоро безобразная жена опротивела. Пожив с ней немного, он был взят в Петербург на военную службу. Отбыв там полагающийся трехлетний срок, молодой урядник не пожелал возвращаться домой к постылой жене и остался на сверхсрочную службу. Влияние столицы сказалось на нем: там он стал культурнее, еще красивее и наряднее. С Соломонидой его разделила еще большая пропасть.

Со свекорами его жена не ужилась и ушла от них.

Началась война. Молодая баба потеряла всякую надежду вернуть мужа, писем он ей никогда не присылал и вообще о ней и знать не хотел.

С мобилизацией хутор опустел, всех казаков забрали на войну. Оставался лишь один пригожий и богатый парень. На службу его не взяли, оставив в "кормяках", как единственного сына у родителей и, кроме того, на пятке у него оказался какой-то маленький дефект. В плечах косая сажень, высокий, статный черноусый красавец, как сыр в масле катался, имея поголовный успех у баб и девок.

Покорил он и обездоленное сердце Соломонида, на которую смотрел с полным пренебрежением пресыщенного успехом у женщин хуторского льва. Но настырная Соломонида была навязчива, скоро стала его любовницей и не скрывала этого. В заботах о своей наружности, она яростно мазала уродливое лицо "жировкой". Часто бегая за ней в потребительскую лавку, слышала едкие насмешки приказчиков:

-Чевои-то ты, Солонька, дуже часто ее покупаешь, должно с кашей ешь. А у него, кроме тебя есть, да какие красавицы.

Уязвленная баба нагло огрызалась на колкости. Скоро она оказалась "притчей во языцех", предметом насмешливых шуток у старых и малых. Но это не останавливало обуреваемую страстью жалмерку и у нее родился мальчик.

Всеми гонимой, презираемой роженице не было, где голову преклонить. От нее отворачивались, никто не хотел дать кров.

Весть о скандале, сопровождаемая циничными комментариями о горестном безвыходном положении бесприютной матери и некрещеном младенце, докатилась до поповского дома. Благодетельный старичек-батюшка с матушкой с прискорбием рядили да гадали, как быть... Положение деликатное: с одной стороны факт прелюбодеяния, с другой-ни в чем неповинный "плод любви" несчастной, которого надо крестить, а в восприемники никто идти не соглашается.

Пришлось богобоязненной матушке самой быть крестной матерью, а крестовым отцом взять церковного сторожа.

Обездоленная, измученная мать с благодарностью бросилась уважаемой, кроткой протопопице в ноги:

-Не оставьте, не дайте пропасть, погибаем. Возьмите к себе в

прислуги. Лопни мои глаза, больше грешить не буду.

-Сам Христос не отверг раскаявшейся блудницы.

Добросердечная матушка подобрала к себе хуторскую Магдалину.
/"Ну, куда-ж ее деть?"/.

Внимая христианским увещаниям своей благодетельницы, сбившаяся с дороги овца, проявляла все признаки желания выбиться на праведный путь: не за страх, а за совесть работала, ходила в церковь, каялась, старалась угодить своим добрым хозяевам, ласкавшим ее "разнесчастливого" ребенка.

Облегчая свою печаль, Соломонида рассказывала "как дошла до жизни такой".

-И...и...и, моя болезная матушка, сирота я с измальства и так вот и по днеси. Хотела с мужем жить по божески, да не любя я ему, нос воротит. Не полюбила я и старым его, все в моих руках для них было не так. Но смирялася я, угодить им все старалася. Мужа ждала, была честною. Первую трехлетию "терпела", а когда он служить на новый срок остался, то вторую трехлетию уж "терпеть" не смогла и, вот видите, - указывая на младенца в люльке - Ерощка вот...

Согретая добрыми старичками, подкормленная и окрепшая молодая баба, скрывая от матушки, все таки опять начала думать о присувшившем ее Евлашке. А сын его рос, хорошел, с каждым днем все похоже на отца.

При встрече, злые языки разжигали заглушенное чувство Соломониды намеками и рассказами о новых похождениях ее героя.

Потеряв голову от проснувшейся страсти и ревности, поздоровевшая, упругая, "как сбитень" женщина, будучи не в силах сдержать бурю своих чувств, не пропускала соперниц, проходящих мимо поповского дома с коромыслами к общественному колодцу:

-Ты Евлашку не трошь, он мой, не отдам! Не погляжу, всю твою личность ни в что искрошу...

Но слышавшееся в ответ:

-Вот, матушке на тебя пожалюсь, - быстро сковывало ее по рукам и ногам. Обезоруженная Солонька торопливо скрывалась в кухне.

Заметив недоброе, протопопица стала подумывать о более надежном устройстве своей опекаемой, которая еще более отбивалась от рук, получив известие с войны о смерти мужа.

К счастью Соломониды, появился претендент, вдовец с малыми детьми, с какого то очень далекого хутора. За него никто не соблазнялся выходить замуж.

Повенчавшись с ним, жалмерка Солонька стала Ивановной, хорошей хозяйкой, успокоилась и забыла сердцеда Евлашку. У нее стало много забот, хозяйство и большая семья, а раньше она говаривала:

-Сирота я с измальства, родства у мене никакой!..

Теперь, Слава Богу, все есть.

Из приведенных рассказов казачьей писательницы П.А.Соколовой, констатируем факт, что перед нами большой литературный талант.

Поразительное знание всего казачьего быта и уклада, в ее литературных произведениях, а последних очень много, а потому было бы отрадным, если бы осуществилось желание казачьей писательницы-беллетристки П.А.Соколовой, чтобы нашлись казаки, которые помогли бы ей издать большой роман из казачьей жизни: "Казаки Ермаковы".

П.А.Соколова/девичья фамилия/дочь казачьего офицера, родилась в 1897 году в станице Вешенской, Донского Войска, окончив Мариинский женский институт в Новочеркасске, вышла замуж за каза-

чьего офицера А.А.Косоножкина, имевшем высшее образование и служившем в 28-м Донском/Вешенском/казацком полку, в 1918-1920 годах. Эмигрировав за границу, чета Соколовых-Косоножкиных первоначально жили в Болгарии, в городе Видине, где А.А.Косоножкин был преподавателем физики и математики в гимназии. Далее, следовали очередные переезды: во Францию, в Париж и потом в Аргентину, где А.А.Косоножкин работал долгое время в Буэнос-Айресе, в электрической компании Филиппса.

В мае 1947 года, А.А.Косоножкин умер и вдова его казачья писательница П.А.Соколова-Косоножкина, осталась одна на чужбине, в далекой Аргентине, о чем она писала в трагической форме литературного содержания, в зарубежной казачьей печати:

...Осталась я, бедная,
В чужом краю вдова,
Без роду здесь, без племени,
Одна, одна, одна...

Что ждет меня, бездомную
Казачку - сироту,
Свою тоску бездомную
Кому я расскажу?..

Время шло, крепкая духом и широко образованная Донская казачка-писательница П.А.Соколова, оставшись вдовой не растерялась и продолжала вести борьбу за существование в Аргентине, одновременно занимаясь литературной деятельностью.

В 1950 году, она вторично вышла замуж за Донского казака-эмигранта, доктора медицины В.К.Попова/станции Нижне-Чирской/. Наступила новая эра в жизни П.А.Соколовой, уехавшей с мужем в глухую провинцию Аргентины, по месту службы.

В своем письме в Париж, в феврале 1955 года, казачьему писателю Василию Степановичу Крюкову, сообщала о своей жизни так:

"...Сию в крошечной глуши, в 90 км. от ближайшего населенного пункта, с керосиновой лампой, без радио, в чистом поле, среди множества быков, коров, баранов, едим броненосцев, диких кабанов, попугаев, глядим во все стороны, чтобы не напороться на ядовитую змею, а то и крокодилы попадаются. Страусовое яйцо одно насыщает нас. Порхают колибри, в озерах длинноногие птицы, белые перья которых Вы знаете, т. наз. эспри на дамских шляпах. Почту нам привозят лошадьми за 90 км. раз в неделю и часто многое не доходит. Сейчас разгар лета, жара страшная и засуха. Берем душ/который столь горяч, что не надо воду греть/4-5-8 раз в день и т.д."

Вот в такой обстановке, творила и создавала свои рассказы и очерки из казачьей жизни казачья писательница П.А.Соколова. Сколько нужно было проявить энергии, желания, любви, знания казачьей жизни и казаков вообще, и главное настойчивости и таланта.

Со смертью своего второго мужа д-ра В.К.Попова, П.А.Соколова переехала в один город Аргентины, где заняла кафедру преподавания французского языка в Национальном Колледже. Одновременно, П.А.Соколова владея в совершенстве несколькими языками, в том числе и испанским, стала сотрудничать в Аргентинских газетах, помещая там свои статьи и очерки из казачьей жизни, как и выступая с различными докладами на французском и испанском языках по радио.

73/ИВАН ТАПИЛИН.

В 1956 и 1959 годах, в казачьей зарубежной эмигрантской прессе, было напечатано: "Открытое письмо к казакам", где писались достопамятные для Казачьей истории и литературы, следующие многоговорящие строки, как крик наболевшей души казачьего писателя:

"...Считаю не лишним напомнить казакам-читателям, о чем я писал:

-Мною написано несколько повестей и рассказов из казачьего прошлого. Мне кажется, что наша Казачья литература бытового и исторического характера очень бедна. Меня вдохновляет на мой скромный литературный труд одно желание рассказать о прошлой жизни наших хуторских казаков, которых и считаю солью казачества. В 1946 году, в Австрии, я провел несколько бесед с молодыми казаками, попавшими в эмиграцию после Второй мировой войны и жившими в беженских лагерях. Из моих бесед с этой молодежью, я вывел заключение, что эти казачата имели смутное представление о прошлом их предков, искаженное большевистской пропагандой.

-Так ты, папаша, белогвардеец? -заявил мне один новый казак-эмигрант.

-Да, сынок, я белогвардеец, -ответил я.

-Ну, тогда ты враг народа.

Вот что внушали нашей молодежи коммунисты. Если этой казачьей молодежи не рассказать о недавнем прошлом ее дедов, то она останется при убеждении, что эти деды были враги народа.

Какая ужасающая неправда памяти наших героев, положивших жизнь свою за честь и свободу Казачьих Родимых Краев.

Я называю повести и рассказы из казачьей жизни, мною написанные. Все мои тетради содержат более 1500 страниц исписанных тетрадей.

Прошу всех казаков взять на себя инициативу, тем или иным способом, дать возможность увидеть свет моим сочинениям. Может быть будет кликнут клич на страницах казачьих печатных органов, с обращением ко всем казакам-эмигрантам помочь мне издать мои рукописи...."

И некоторые казачьи журналы поместили обращение казачьего писателя И.Е.Тапилина, на своих страницах, прося казаков-эмигрантов отозваться на воззвание.

Время шло и обращение казачьего писателя И.Е.Тапилина осталось зовом "вопиющего в пустыне", причиной чего было материальное оскудение казачьей эмиграции.

Сам И.Е.Тапилин писал по этому поводу: "Результат всему этому-голос вопиющего в пустыне. Мною, между прочим, написана повесть из казачьего прошлого: "Хутор Буерак Попов"/мой родной хутор/. Эта повесть посвящена моим дорогим хуторцам, их семейной и общественной жизни, их быту дореволюционного периода казачьей жизни.

Я простых, хуторских казаков, называю солью казачества. В защиту такого своего утверждения я и писал эту повесть.

Прежде всего, чтобы оценить общечеловеческие достоинства отдельного народа, в частности, нашего Казачьего народа, нужно знать его историю и его быт. Каким был казачий быт, на какой основе держался уклад казачьей семейной и общественной жизни, я и рассказываю в повести "Хутор Буерак Попов". Свидетели говорят, что казаков в наших родных краях остались единицы. Они истреблены коммунистической властью, а остатки их вымирают. Без слез и боли в сердце, я не могу представить себе, что нет ни моего родного

хутора, ни моих родных хуторцев. Я дал себе слово, что оставлю письменный документ о своем хуторе, что и выполнил.

Лично я убежден, что у нас только и ценного, — это наше прошлое.

Мы должны гордиться этим прошлым, брать из него примеры, указывать другим на свободную и справедливую казачью жизнь, почему мы так горячо отстаиваем идеи казачества.

Совершенно невозможно определять характер современной нашей эмигрантской жизни. Что в ней осталось прежнего казачьего?

Почитание наших праздников, служение панихид и молебнов, устройство трапез и проч.

Все это подобно наркотическим средствам, которыми мы стараемся поддержать угасающий в нас Казачий Дух.

Никакие наши сборы, совещания, политические дискуссии, ни на шаг не приблизят нас к единодушию и моральному объединению.

Нас может объединить и вразумить наше прошлое. Казаки патриоты, глубоко чтущие свое прошлое, должны, по мере своих сил и способностей, передать нашему поколению свои письменные труды, которые останутся памятниками нашего красочного, духовно богатого и героического прошлого.

Ставится конкретный вопрос: как собрать и сохранить труды наших писателей, поэтов и журналистов, чтобы:

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду,
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...

Обращаюсь ко всем казакам с просьбой:

Или изыскать средства для издания моих скромных литературных трудов/за которые, надеюсь, не придется краснеть издателям/, или указать такое место, где бы мои труды сохранились, как документы ушедшего навеки казачьего быта.

Буду ждать решение казачьего майдана и хотелось бы услышать: в добрый час!

Казак станицы Усть-Медведицкой, Всевеликого Войска Донского
И.Е. Тапилин.

Ответа редакций прессы казачьей эмиграции не последовало на воззвание казачьего писателя И.Е. Тапилина.

А через два с лишним года, после последнего своего обращения к казакам, 8 мая 1961 года, в городской больнице г. Зальцбурга, Австрия, скончался от последствий операции простаты/предстательная железа/, казачий писатель И.Е. Тапилин, казак станицы Усть-Медведицкой, хутора Буерак-Попова, ВВДонского, в возрасте 75 лет.

На лицо-страшная трагедия казачьей эмигрантской жизни, и как следствие, быть может, невознаградимая ничем потеря и утрата всех драгоценных литературных трудов казачьего писателя И.Е. Тапилина, в большей своей части нигде не напечатанных в казачьей эмигрантской печати.

Казачий писатель И.Е. Тапилин родился в хуторе Буерак Поповом, станицы Усть-Медведицкой, Донского Войска, в 1886 году. Его отец был простой казак-хлебороб, давший ему приличное образование, он окончил прогимназию и Учительскую семинарию в Новочеркасске.

Став народным учителем, И.Е. Тапилин учительствовал в станичных школах своего родного Усть-Медведицкого Округа, отбыв пред-

варительно действительную военную службу. В Первую мировую войну И.Е. Тапилин служил все время в 56-м Донском казачьем полку на Кавказском фронте/1914-1917 г.г./.

В период войны Донских казаков против русских коммунистов в 1917-1920 годах, И.Е. Тапилин служил в полках Донской Казачьей Армии, с которой ушел за границу в эмиграцию. Находясь на чужбине, И.Е. Тапилин жил трудовой жизнью обыкновенного казака-эмигранта, отдавая весь свободный досуг литературному труду.

В лице казачьего писателя И.Е. Тапилина, Казачья литература имеет весьма способного и даровитого литератора, многочисленные произведения которого были напечатаны в различных казачьих эмигрантских журналах.

Настоящим представляем образец литературного творчества И. Е. Тапилина:

ЛЕКАРИ, ЗНАХАРИ И ВОРОЖЕЙ.

В былое время в хуторах и глухих станицах, всегда можно было встретить доморожденных лекарей, знахарей и ворожей. Кто их учил лечить, гадать, предсказывать, как они постигли свое искусство, часто оставалось тайной.

В то время медицинская помощь населению хуторов была ничтожной. К врачам хуторской народ обращался в исключительных случаях, а большей частью лечился у своих хуторских лекарей.

К тому же станица находилась далеко. Да и к докторам простой народ относился с недоверием, верил разным нелепым слухам, что, мол, они травят людей, режут...

Иногда в хутор приезжал станичный фельдшер прививать детям оспу. Почти всегда тогда бабы поднимали бунт.

-Зарежут дитя, да и только, - говорили они и старались не вести детей на прививку.

Только хуторской Атаман мог приказать:

-Ведите детей, а то я вам побунтую!

-Тебе, вить, прививали? - говорит он казачке, - а то была бы рябая, как Дунька Сенюткина.

На Буерак Поповом хуторе было несколько лекарок. Самая старая из них была бабка Софья. Она часто в своей "медицинской практике" давала своим пациентам такие советы:

-Зажги лампаду, прочти три раза "Отче" и выйди из хаты задом наперед, тогда болезнь останется в хате, а ты от нее уйдешь... А иде у тебя болит Алена? - спрашивала она другую больную...

-Да вот тут, бабушка, - показывает Алена, - колотья мне замучили...

Бабка Софья что-то шептала, водила пальцем около больного места, потом приказывала до "третьих кочетов" набрать чистой воды в роднике, что за хутором и пить эту воду по утрам.

-Да гляди, перекрестись, када будешь пить воду, а то не пойдет на пользу.

Алена развязывала платочек, брала из нее калабашку с запеченным яйцом и давала ее лекарке, как плату за совет.

А бабка Тарасьевна, маленькая, живая старушенка/прозванная на хуторе "настойка"/, лечила наговорными водами и травяными настоячками.

-Я, вот, три дня на поля не хожу, живот режет, - жаловался Тарасьевне больной казак.

-На вот этот настой, выпей кружку натощак, а как выпьешь, плюнь три раза через левое плечо, - приказывала она...

-Ну и лекарство дала мне Тарасьевна, чуть не издох, все киш-

ки вывернуло, —жаловался больной своим.

—Да она тебе дуропьяну дала, —решили дома.

Большой известностью пользовалась не только на своем хуторе, но и по другим хуторам, лекарка "новая казачка". Ее свекор, Охраменков, был принят в казаки из крестьян. Их двор называли "новые казаки". Мавра Охраменкова лет сорок тому назад вышла замуж за сына старика Охраменкова, Ермолая. Она была "хохлушка" Чистяковской слободы, поэтому на хуторе не знали, как она росла и у кого научилась лечить и ворожить. По внешности она отличалась от хуторских баб. Смуглое лицо с острыми черными глазами, горбатым носом, тонкими губами и немного широкими скулами, показывало в ней какой-то азиатский тип. Живя уже много лет на хуторе, она как то мало общалась с остальными хуторскими бабами. Они ее недолюбливали и называли "не нашего поля ягодой" или просто "хохлушкой". В шестьдесят лет Мавра выглядела бодрой и здоровой. Она не была изнурена ни тяжелой работой, ни детьми, которых у нее было двое сыновей. С давних лет занималась врачебной практикой и тем помогала в хозяйстве. Своих пациентов она, как бы, гипнотизировала, внушая им веру в ее чудодейственные способы лечения. Нередко около двора "новых казаков" стояли подводы с дальних хуторов. Мавра лечила наговорной водой, настоями трав, ставила банки, пускала кровь и т.д.

—А как тебе звать? —спрашивала она приехавшую к ней бабу с хутора Ярского.

—Варвара Куликова, —отвечала та.

—Ну, Варвара, говори, что у тебе болит и на каком месте? —сверля пациентку глазами, допрашивала лекарка.

Варвара, как "на духу", рассказывала, что когда она была жалмеркой, то "зачижилела" и выкинула дите.

—Теперь я хочу родить и уж третий год идет, как пришел муж с полка, а дитей нету. Муж сярьчить, —жаловалась Варвара.

—Да ишо и в нутре болит, —показывая на свой живот, говорила она.

Мавра взяла стакан воды, бросила в него какие-то зерна и, поглядев, сказала:

—У тебе в нутре не там болит, как на сердце печаль лежит... Вот что я тебе посоветую: поимей дело с энтим казакком, с каким ты любовь водила в жалмерках.

—Ой, тетке Мавра, да вить это грех большой... Да и от мужа срамота. А нету ли такого лекарства, штобы дитей родить?

—От этого нет, это Бог дает, —обяснила лекарка. —А вот што у тебе в нутре болит, так будешь пить вот этот настой, —подавая бутылку с каким то желтого цвета настоем/как видно солодиком/, наказывала Мавра.

Варвара развязывала узелок платочка и давала десять копеек серебром.

—Это тебе хватит? —спросила она лекарку и тут же добавила: —Мне только маманя дала.

—Хватит на первый раз, —соглашалась лекарка, — А если не поленись, приезжай ишо, —приказывала она.

Старая дева Марья Петровна была мастерица гадать на картах и привораживать.

—Вот у нас летошник бычок пропал, ишшим, ишшим его и нигде не найдем, —жаловался хуторянин, —погадай, пожалуйста, Марья Петровна, на карты, ты это можешь...

Марья Петровна раскладывала карты и сообщала:

—Ваш бычек ушел на восход солнца и таперь лежит ни то под

дубом, ни то под вязом... Около него стоит человек с чермерем.

-А, может быть, это затонский пастиух? - любопытствует проситель.

-Ищите там, где показывают карты, - советует гадалка.

Хуторские девки и бабы приходили тайком к Марье Петровне погадать насчет сердечных дел.

-Погодай мне, тетка Марья, любит-ли мне Гришка?, - просит девушка Анютка.

-Ты, Анютка, блиска у няво, но есть другая, русая, какая хочет Гришку к себе повернуть. Но ты не бойсь, - рассматривая карты, говорит гадалка. - Ты успокойся с своим интересом! А ты, Анна, принеси мне десяток яиц, и я дам тебе наговоренных семечек, ты их дай Григорию, тогда он не уйдет от тебе, присушится...

Анютка с радостью бежала домой, крадя десяток яиц и отдавала их гадалке за Гришкину любовь.

Бабку Хралиху боялись на хуторе казаки охотники. Она заговаривала ружья и молоко у коров.

-Ты чаво же, Пятро, вернулся и не пошел на охоту? - спрашивала охотника жена.

-Да чаво, бабу Хралиху стрел на улице и таперь лишь зря порох потратишь, все равно ничего не убьешь.

-А ты бы назад "Отче" прочитал, - советовала жена, - говорят, дужа помогает.

Хуторским лекарям, знахарям, ворожеям никто не чинил препятствий в их практике: ни власть, ни народ. Но, однако, хуторяне не всегда верили своему "медицинскому персоналу".

-Ну, какая это молитва, што шепчет бабка Тарасьевна: на море, на океане, на острове Баяне... Разве такой молитвой вылечишь? Лишь нагресишь, - говорили некоторые больные, побывавшие у Тарасьевны.

-Да и новая казачка ня дужа помогает, - говорил чахоточный казак Макар Широков. - Сколько раз я был у нее и все ничуть не легши, а по пятаку берет.

А когда Макар умер, то на хуторе говорили:

-Много брешут наши лекарки.

Один мальчик порезал себе ногу и умер от заражения крови. Между хуторянами шел долго спор. Одни говорили:

-Если бы не обращались к Тимофею Кривому/он заговаривал кровь/, а отвезли бы пацана в больницу к докторам, они бы вылечили.

Другие приписывали его смерть наказанию Божьему.

В то время хуторской народ был физически здоровым. Эпидемические болезни были редки, а с незначительными справлялся организм человека. Свои бабки шептухи тоже как то лечили, народные средства были иногда удачными, вот и выходило, что не было большой нужды обращаться к доктору, к тому же он может "отравить или зарезать".

Такое явление в хуторской жизни нельзя было назвать абсолютным невежеством и суеверием. Нет, это была упорная самозащита народа, который был предоставлен самому себе и лишь в незначительной степени и мере пользовался помощью государства".

Со смертью казачьего писателя И.Е. Тапилина, Казачья литература понесла большую утрату, ушел большой человек в другой мир, не получив должного признания своему таланту при жизни, почему остается привести в этом случае, древний латинский стих в переводе: "Суета суета, есть всяческая суета!".

74/ВЕРА ПЕТРОВНА ЛЕНИВОВА.

Казачья поэтесса Вера Петровна Ленивова ведет свое казачье происхождение по материнской линии от старинного казачьего рода Запорожских казаков Дьяченко, переселившихся в Черноморье, на Кубань. Славным представителем этого казачьего рода является известный писатель-драматург первой половины XIX столетия Виктор Антонович Дьяченко, прадед поэтессы/стр.241-242/.

Ея родной отец был действительный статский советник, занимавший видное место в одном из царских министерств, в течение многих лет. Родители поэтессы, отец и мать погибли в ссылке от рук русских коммунистов, а двое родных братьев постигла та же участь в лагерях заключения, все от тех же русских коммунистов, в период времени, связанный со Второй мировой войной.

В.П. Ленивова родилась в 1904 году, училась в Смольном институте, окончив далее кинематографическую студию. Первым браком она была замужем за Кубанским казаком, доктором-инженером Н.Н. Ленинским, известным казачьим писателем-историком, вторым мужем является Донской казак А.К. Ленивов. В течение ряда лет, В.П. Ленивова была секретарем Казачьего Национального Центрального Комитета в Западной Германии, будучи так же Депутатом 5-го Верховного Казачьего Круга КНОДа за Рубежом.

Ниже представляем образцы прекрасных литературных дарований:

П Е С Н Я .

Ой, да, казаки, песню затяните,
Про былую славу дедов и отцов,
Про станицы вольные, хутора привольные,
Про страну родную да про Тихий Дон.

Песню спойте старую, сердцу вечно новую -
О великих подвигах героев стариков
И про Сечь казацкую, удалью богатую,
О походах дальних, славных казаков.

Затяните песню о земле родимой,
Что вскормила храбрых, стойких удальцов.
О героях наших славою покрытых,
Атаманов вольных и про их сынов!

Лейся песня звонкая о степи широкой,
Что коня кормила сочною травой
И о дружбе верной в битве закалённой,
Что друзей сковала общею судьбой.

Как Святая Дева в битве Куликовской,
Покровом небесным казаков спасла
И о беспримерной храбрости дедовской,
Что навеки славу казакам дала.

Как Азова крепость турки осаждали,
Как рубились лихо Запорожцы и Донцы,
А казачки турок щедро угощали,
Кипятком, смолою - плавил мозги...

Как Ермак Сибирью казаков прославил,
Покорил Кучума силой боевой
И царю Московии дар свой предоставил,
Обессмертив имя - славой вековой.

О привольной жизни песню затяните,
Удалых, зипунных рыцарей степей,
Казачьих историю свято сохраните,
Для потомков наших и других людей!..

КАЗАЧИЙ СКАЗ.

.. /Поэма/

Завесу прошлого приоткрывая,
Взирая на историю веков,
Сокровища архивов разрывая -
О казаках находим множество следов.

В степях Подонья и Кубани,
За много лет до наших дней -
Слагались древние сказанья,
Про славных рыцарей степей.

Далекие таинственные скифы,
Истории бессмертные сыны,
Рассеивают созданные мифы
И подтверждают преданья старины!

Историю древности подробно изучая,
В творениях Византийского царя,
Указана земля, на карте - К А З А К И Я ,
Казачьи степи нынешнего дня.

Многострадальная Казачья Земля,
Во времена переселения народов,
Тебя безжалостно топтали племена,
Как мост в пути - великих переходов.

Судьбой гонимая страна,
В период сложный собирания "Руси",
По прихоти Московского царя -
Попала ты в железные тиски.

Тебя держали прочно на цепи,
Ценили крепко сторожевого пса,
Порой швыряли обеды и мослы,
Подачки с царского стола.

Наказные к тебе суровость проявляли,
Кичились властью над мощной булавой,
Ласкали редко, чаще усмиряли,
Флаг русский реял над тобой!..

Твоими же угодами тебя дарили,
Свободу меряли - бросая на весы,
А за излишки воли, чубы брили,
Ссылая казака подальше... в Соловки!

Но, слезы женщин и детей,
Казачий дух лишь укрепляли,
Следы кровавые плетей,
Рубцами тело украшали.

Прошли года - царей не стало,
Вся власть советам перешла,
Казачий Край беда застлала,
Колхозами кишит станичная земля...

Тяжелые настали времена,
Казак работает с утра до ночи,
Желудок тощ, царит нужда
И лямку тянет со всей мочи.

Но, злодеяньям нет конца,
Московские владыки сговорились,
Казачьи корни вырвать навсегда
И геноцидом зверским разразились.

И не забуду никогда,
Родителей на ссылку провожала,
На Крайнем Севере - беднягу казака
От голода едва живого, повстречала.

Тот скорбный лик в душе ношу,
Как символ лютого террора,
К борьбе Свободный Мир зову,
Покончить с царством произвола.

Глядя бесстрашно на ужасы войны,
Когда в Совдепию германские войска вступили,
И стар и мал, построившись в ряды,
Сполох Казачий в станицах об, явили.

Закончилась война и немцев разгромили,
Расправа с пленными - победы знак!
Врагов коммуны англичане подавили
И жертвой злодеяний, снова - ТЫ, КАЗАК...

Несчастных втиснув в эшелоны,
Как зачумлённых на "родину" везли,
Предательством напившись джентельмены,
Победный дар "великому" несли.

Доколе будет Мир глядеть,
Как Молох кровью жажду утоляет,
Когда спасеньем служит только смерть,
От страдных мук - народы избавляет!..

1 7 9 3 Г О Д .

Нагрянула гроза над Тихим Доном,
Ненястья тучи свет заволокли,
Мглой беспросветной, мрачным тоном,
Зловещие предчувствия негадэнно пришли.

Указ царицы о переселении казаков,
В станицах встретил решительный отпор,
Волнение охватило жен, детей и стариков,
Бурливо зашумел казачий спор.

Станицам невозможно было соглашаться,
Каприз монарший насильно выполнять,
Донцем с Родимым Краем расставаться,
Насиженный курень на произвол судьбы бросать.

Как растревоженный пчелиный улей,
Жужжанием грозным загудел великий Дон
И казаки решили шашкой, пулей,
От посягательств чуждых защищать свой дом.

Заполыхал мятеж зарей кровавой,
Казацъему негодование не было конца,
Задумали они тряхнуть былою славой,
И в памяти мелькнула тень Булавина.

Восставшие открыто заявили,
Что о переселении и слышать не хотят,
Свою мол землю кровью заслужили
И кровью же родную защитят.

Екатерина в ярый гнев пришла,
Познав сопротивление казаков указу
И как наследница политики Петра,
Решила в корне подавить заразу.

Грозой военной полчища пришли,
Сломив геройское восстание казаков,
Каратели кровавую расправу принесли,
Усеяв землю трупами Донских сынов.

От алой крови реки побурели,
Слезами горькими степь залилась,
Сожженных куреней лишь остовы чернели,
Беда ужасная над Доном сотряслась.

Стервятники над трупами кружились,
Нещадно рвали окровавленные тела,
Горя жестокостью каратели трудились,
Стегая плетью, лица знаками клеймя.

И многих насмерть злодеи заповороли;
Других восставших на ссыдку обрekli;
Оставшихся подвергли тяжкой доле;
Навеки вольности казачьи ушли:::

Так беспощадная и лицемерная царица,
Насилие над вольным Доном совершала,
Завзятая по духу крепостница,
Свои имперские инстинкты утоляла.

Закончив на Дону кровавую расправу,
Решила милостью заглядить злодеяние
И землю принадлежавшую Донцам по праву,
Пожаловала Дону снова, как акт "благоденствия".

С тех пор прошло не мало лет
И много поколений года сменили,
Но царской соли - едкий след,
Запомнили Донцы и не забыли!

В Е С Н А .

На безоблачном небе ярко солнце сияет,
Как хмельное вино - чистый воздух пьянит,
По степи ветерок шаловливый играет,
Дуновением нежным цветы шевелит.

Клубится легкий пар в долине над рекою,
Спокойно, плавно плещет прозрачная волна,
Вдоль берега - займище покрытое водою,
Густым леском поросшая прибрежья полоса.

В зеленой чаще неугомонный птичий щебет,
Высоко в небе, ястребы, орлы - парят,
По всей степи дрожит весенний трепет,
Могильные курганы старины задумчиво стоят.

Упорно бороздили частые дожди курганы,
Бушующие вихри неслись над ними чередой,
Зимой трескучие морозы, мятели и бураны;
Бессильны были подорвать величия покой.

И каменные бабы высятся над степью,
Глазницами пустыми безучастно вдаль глядя,
Не замечая дивного кругом величолепия,
Как будто думами далеко встарь уйдя.

Конца и края нет степи широкой,
Ковром узорным стелется вокруг она,
Повеял ветерок и аромат полыни горькой,
Смешался с запахом пиона - воронца.

Поёт ликующая степь, залихватно звенит
Рай изумрудный для всякой мошки - червячка,
И суслик мордочку задрал, затейливо свистит,
Неся хвалу Творцу за счастье бытия!..

БРАТЯ ГРУЗИНОВЫ.

/Поэма/

Сквозь мглу давно минувших лет
И отошедших в вечность треволнений,
В истории оставлен неизгладимый след
О Грузиновых - для казачьих поколений!..

Евграф обласканный царем,
Служил престолу верой - правдой,
За многие заслуги бывал он награжден,
Любимцем царским, стал его отрадой.

И Петр также в гвардии служил,
Отважным слыл и скромным офицером,
Лишь по отцу да Дону он тужил,
Другим являлся доблестным примером.

В столице жизнь кипела шумно,
Весельем тешился беспечный люд,
Пороки и беспутство процветали бурно,
Хмельные головы наполнены причуд.

Царь Павел самодурным нравом отличался,
Как деспот слабоумный управлял страной,
Военной муштрой усердно забавлялся,
Довлел над всем тяжелой пятой.

Интриги при дворе цвели махровым цветом
И были низкой завистью наполнены сердца,
Вельможи не гнушались ложью и наветом,
Подобострастной лестью влияли на царя.

А братьям Грузиновым, рожденным на Дону,
Воспитанным на правде, вольности и чести,
Претило подхалимство приближенных ко двору,
Где трон обвит был пошлой лестью.

Враги Евграфа лютой завистью горя,
Задумали невинных братьев погубить,
Удар направив на мнительность царя,
Сумели подозрение у Павла возбудить.

И царь на хитрости клеветов согласился,
Сослал Грузиновых в Черкасск, на Дон,
Надзор строжайший за ними утвердился,
Под наблюдение взят был отчий дом.

Тревожно было на Дону в ту пору,
Дух вольности указом Павла истреблялся,
Старался Атаман Орлов в угоду трону,
Пресечь попытки все, чтоб Дон не взбунтовался.

Что-жь дома братьев Грузиновых ожидало?
Беспомощный отец, параличем разбитый,
Печаль, нужда, гнетущая опала,
Родимый дом для всех друзей закрытый.

Но Грузиновы были ненавистны злым врагам,
Над ними следствие поспешно учинили,
Сбирая пошлые сплетушки по углам
И гнусные улики, чтоб братьев осудили.

Отвергнутый Евграф, покинутый судьбою,
На размышления глубокие пустился,
Затравленный, оплеванный жестокостью людской,
Прозрев Евграф и ум его внезапно прояснился!..

Подолгу у раскрытого окна Евграф стоял,
Как зачарованный глядел в долину Дона,
Он размышлял о суете земной, умом не постигал,
Стремлений жадных к власти царствующего дома.

Он думал, что каждый честный человек,
Рожден для счастья, воли и любви,
И что казак имеет долг прожить свой век,
Для блага Дона и для родной семьи.

И вспомнил о недавнем Атамане вольном,
Который Дону независимость и славу дал,
О "Герцоге Донском" Степане славном,
За что Ефремов жестоко пострадал.

Припомнил также Пугачева - Донского казака,
Тряхнувшего Россией дерзновенною рукой,
Желавшего покончить с угнетением навсегда
И заплатившего за это буйной головой.

Как "вражья баба Катерина" указ издала,
Сечь Запорожскую с лица земли снести,
А вольных казаков по "царски" обласкала,
Обратив удалых Запорожцев в "крипаки".

Восстанием мощным и кровавым ответил Дон,
Когда императрица властно приказала,
Переселить на Линию Кубани-Донцов, детей и жен,
И как восставших казаков Россия покарала.

Так метрополия вооруженною рукой,
Суверенитет над автономным Доном утверждала,
По царскому обычаю - военною грозой,
Казачью вольность с корнем вырывала.

Припомнилось Евграфу, что Павел сдуру учинил,
Героя Платова в сепаратизме обвинив,
Матвея в Петропавловскую крепость заточил,
Где доблестный казак едва остался жив.

Тем временем Петра на ссылку осудили,
Но прежде беспощадно били батогами,
И вырвав ноздри, лоб и щеки заклеямили,
В Сибирь полуживого погнали с кандалами.

Злодеи расправу учинив с Петром,
С ожесточением взялись за брата,
И заковав Евграфа в кандалы перед судом,
В темницу заключили за крепкие ворота.

Двух генералов Павел в Черкасск послал,
С приказом быстрее следствие закончить,
Чтоб суд Грузинова жестоко наказал
И с независимостью Дона навсегда покончить.

Над Грузиновым суд поспешно состоялся,
Комиссия суда ряд обвинений пред, явила,
Не чувствуя вины, Евграф заносчиво держался,
Все отрицал и гордость в нем бурлила.

Он заявил: присяги вечной не давали казаки,
А потому и не обязаны служить престолу,
Что казаки - не крепостные мужики
И не подвластны русскому террору.

Подсказанный заранее приговор суда гласил:
Евграфа Грузинова чинов и почестей лишить,
За сепаратизм и что словами монарха поносил,
Кнутами наказать, виновного нещадно бить.

Настало утро, на востоке небо зазелело,
На майдане эшафот воздвигнут был,
Со страхом население на него глядело,
Беду предвидя, в ужасе народ застыл.

Внезапно вздрогнула толпа...оцепенела,
На место лобное Евграф взошел, за ним конвой,
Осанка гордая, лицо белее снега,
Титан сраженный подлостью людской.

И палачи к Евграфу подступили,
Тело исхулавшее на плаху положив,
Кнуты взяв в руки, к казни приступили,
Кромсая тело, кровью эшафот залил.

Затихло всё, лишь слышен свист кнута,
Без счета били хлесткие удары,
Невинной кровью орошенные уста,
Шептали скорбно: "Господь, помилуй казака!..."

Не стало Грузинова, отмутился казак,
Вдруг замешательство случилось большое,
Взошли на эшафот столичные гонцы,
Прочли указ царя: "Помиловать героя?"

От Канцелярии Войсковой было сообщение:
"Изверг Грузинов наказанный кнутом,
Лишился жизни вскоре после избиения,
Казнь произведена в Черкасске, городе Донском".

Гласит предание старины - порой,
На кладбище Черкасском, в ночной тиши,
Где упокоен Грузинов казак лихой,
Разносятся глухие стоны по степи.

В густых деревьях, вороны, сычи - гнездятся,
Во мраке мерцают и блуждают огоньки,
И запоздалые прохожие стремятся,
Подальше кладбище стороной обойти.

Что на майдане, на месте лобном,
В балахонах белых и высоких колпаках,
Глубокой ночью - с видом скорбным,
Шагают призраки со свечками в руках.

Порыве ветра песнь унылую доносят,
Звучат напевы замогильною тоской,
Будто мученики жалостливо просят,
Помянуть их души молитвою Святой!

.....

Вам, мученикам, братья Грузиновы,
На дальние, забытые могилы Ваши,
Взамен гирлянды из живых цветов,
Привет печальный - моих стихов...

Б У Р Я .

По небосклону тучи мчатся,
Бушующего моря каскады яростной воды,
Неисчислимой чередой стремятся,
Разбить о скалы пенистые гребни.

Свирепый ветер рвет и мечет,
Пригоршнями швыряет брызги волн,
Багряный месяц слабо светит,
Прикрывшись тучами и страхом полн.

По небу молния сверкнула,
Прорезав покрывало тьмы
В морской пучине снова утонула,
Под грохот грома, шум воды.

И ливнем разразилось небо,
Смешалось все, кругом вода,
Густая, темная завеса,
Ночною мглой заволокла.

Гуляет буря на просторе,
Своим могуществом полна,
Сметая всё, что на дороге,
Стихийно властвует одна!..

Л У Н А .

Улыбка томная сияющей луны,
На темном небе появилась,
И даль бездонная небес
Холодным светом озарилась!..

Бесцветно звезды замигали -
Небесный разорвав покров;
Спустилась ночь, закрылись дали,
Мир погрузился в царство снов.

Столетиями луну поэты воспевали,
Бетховен дивную сонату сотворил,
Луну в амуры посвящали,
Весь свет луну боготворил.

Но, вот случилось чудо века -
Горя отвагой неземной,
Три величайших человека
Знакомство завели с луной!

Заветная мечта доступной стала,
Иллюзия веков в реальность перешла,
Луна престиж свой потеряла
И с трона неприступности сошла.

И после первого свиданья,
Любовным пылом распалась,
Луна под властью ожидания -
Мечтает встретиться опять.

Земля полна воспоминаний,
Желаниями горит, покою нету...
Научных начинившись знаний,
В мечтах уж покоряет новую планету.

С лица луны чадру сорвали,
Взамен чадры - земное знамя,
Народы бурно прославляли
Победу человеческого знания!

Не долго ждать, настанет время,
Земные жители пресытившись судьбой,
Устав от вечных войн, раздора, озлобления,
Помчатся на луну несметною толпой.

Года за годами уходят,
Бег времени нет сил остановить,
Людские тени в мире бродят,
Земную жизнь нельзя продлить!..

Примечание редакции:

Редакция глубоко сожалеет о том, что данные о Казачьей поэтессе Вере Петровна Лениновой были получены редакцией в то время, как отдел о казачьих поэтах был напечатан и печатался уже отдел о казачьих прозаиках, то потому редакция вынуждена была поместить все о Казачьей поэтессе В.П. Лениновой, после отдела казачьих прозаиков.

СОДЕРЖАНИЕ:

1/От автора.....	5	
2/Биография автора.....	5-	11
3/Предисловие.....	12-	22

Отдел 1.

Кавказцы поэты.

1/Н.В.Альникин.....	23-	26
2/В.В.Белогорцев.....	27-	31
3/М.В.Волкова.....	32-	39
4/Н.Н.Воробьев.....	40-	43
5/М.И.Гаврилов.....	44-	48
6/А.А.Головатый.....	49-	52
7/Ю.Ф.Гончаров.....	53-	58
8/П.Н.Донсков.....	59-	63
9/Н.Н.Евсеев.....	63-	68
10/Таисия Баженова.....	69-	72
11/Валентина Зимина.....	73-	76
12/И.Я.Золотарев.....	77-	78
13/Вадим Измайлов.....	78-	85
14/К.Н.Калачев.....	86-	88
15/П.Н.Калмыков.....	89-	90
16/В.и Н.Каргальские.....	91-	93
17/А.Б.Карпов.....	94-	95
18/Николай Келин.....	95-	97
19/И.Л.Коваленко.....	97-	105
20/И.А.Корыбут-Вишневецкий.....	106-	109
21/Людмила Костина.....	110-	114
22/П.Ф.Крюков.....	114-	118
23/Б.А.Кундрюцков.....	119-	128
24/Всеволод Александрович Ленивов.....	129-	130
25/А.А.Леонов.....	131-	134
26/М.П.Минаев.....	135-	138
27/И.М.Назаров.....	139-	143
28/Г.Н.Нестеров.....	143	
29/Константин Образцов.....	144	
30/А.Е.Пивень.....	145-	152
31/К.К.Поляков.....	153-	155
32/П.С.Поляков.....	156-	163
33/С.Савицкий.....	164-	169
34/И.И.Сагацкий.....	169-	173
35/Любовь Самсонова.....	173-	179
36/Вячеслав Седов.....	180-	186
37/Михаил Сумный.....	187-	190
38/И.И.Томаревский.....	191-	195
39/А.В.Туроверов.....	196-	197
40/Н.Н.Туроверов.....	198-	203
41/Георгий Холмов.....	204	
42/А.И.Филиппов.....	204-	205
43/П.Юшкин-Котлубанский.....	205-	210
44/С.И.Чепурной.....	211-	219
45/Н.Ф.Щербина.....	220-	224
46/А.П.Шефранов.....	224	

ОТДЕЛ 2.
Кавказцы беллетристы драматурги
и литературные критики.

47/М. В. Авдеев.....	225-227
48/П. М. Аврамов.....	227-230
49/Я. П. Богеевский.....	230-232
50/М. И. Герасимов.....	233
51/М. И. Греков.....	233-234
52/В. А. Гиляровский.....	235-237
53/С. И. Гусев-Оренбургский.....	238-240
54/В. А. Дьяченко.....	241-242
55/И. И. Железнов.....	243-252
56/А. И. Косоротов.....	253-254
57/Е. Н. Котельников.....	255-260
58/П. Н. Краснов.....	261-273
60/И. И. Краснов.....	273-274
61/Платон Н. Краснов.....	274-276
62/В. С. Крюков.....	276-277
63/Ф. Д. Крюков.....	278-291
64/Н. В. Кукольник.....	291-293
65/Р. П. Кумов.....	294-303
66/Я. Г. Кухаренко.....	303-313
67/Н. Н. Пенинский.....	314-322
68/А. П. Попов.....	322-323
69/А. С. Попов.....	323-325
70/Я. И. Ребров.....	326-327
71/И. А. Родионов.....	328-329
72/П. А. Соколова.....	330-336
73/И. Е. Тапилин.....	337-341
74/В. П. Ленизова.....	342-351

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

<u>Страница:</u>	<u>Строчка:</u>	<u>Напечатано:</u>	<u>Следует:</u>
18	4	сверху . бещуешь,	бушуешь,
42	18	снизу . игрщех	игрищех
47	9	сверху . стеноб,	стеной,
86	11	снизу . по седелый.	поседелый.
116	11	сверху . Ии.	Их
129	19	сверху . гордах	городах
129	11	снизу . Тяж.	Тираж
162	21	сверху . осподь	Господь
165	6	снизу . козацікі	козацькі
165	1	снизу . Великолний	Великодний
173	9	сверху эгацкий,	И.И.Сагацкий,
177	7	снизу . Коушила,	Крушила,
188	13	сверху . ихаила умного	Михаила Сумного
191	11	сверху . -ремесленнуё	-ремесленную
198	14	снизу . ожаренность	одаренность
213	23	сверху . годми	годами
214	15	сверху . азачьей	Казачьей
222	12	сверху . писвть	писать
229	14	сверху . олна",	Волна",
229	20	сверху . Попаганды,	Пропаганды,
244	19	снизу . нинастоящего	ни настоящего
251	17	сверху . маиериалы	материалы
265	6	снизу . обрптить	обратить
321	1	снизу . 1950	1965
327	6	снизу . /Их	/Из
349	6	сверху . исхулавшее	исхудавшее
349	17	снизу . Порыве	Порывы

МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ВОЛКОВА

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГАВРИЛОВ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
АЛЬНИКИН

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
БЕЛОГОРЦЕВ

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ НАЗАРОВ.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ
КУНДРЮЦКОВ.

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ КРЮКОВ

ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА
И.А.ВИШНЕВЕЦКИЙ

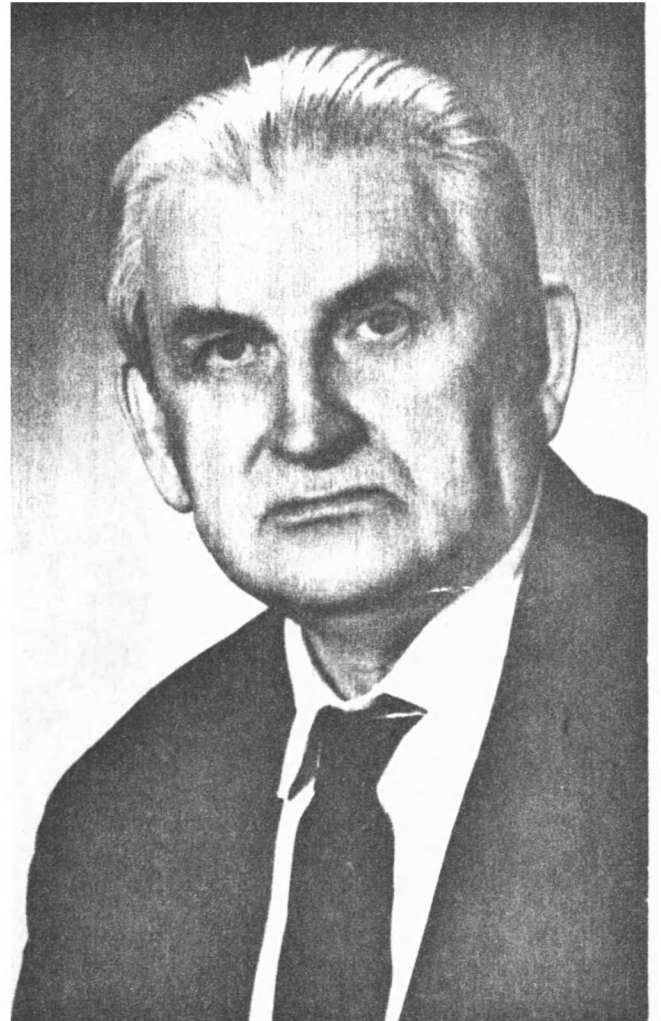
ИВАН ЛЬВОВИЧ КОВАЛЕНКО

ТАИСИЯ БАЖЕНОВА

Антон Андреевич
Головатый

Николай Николаевич
Евсеев

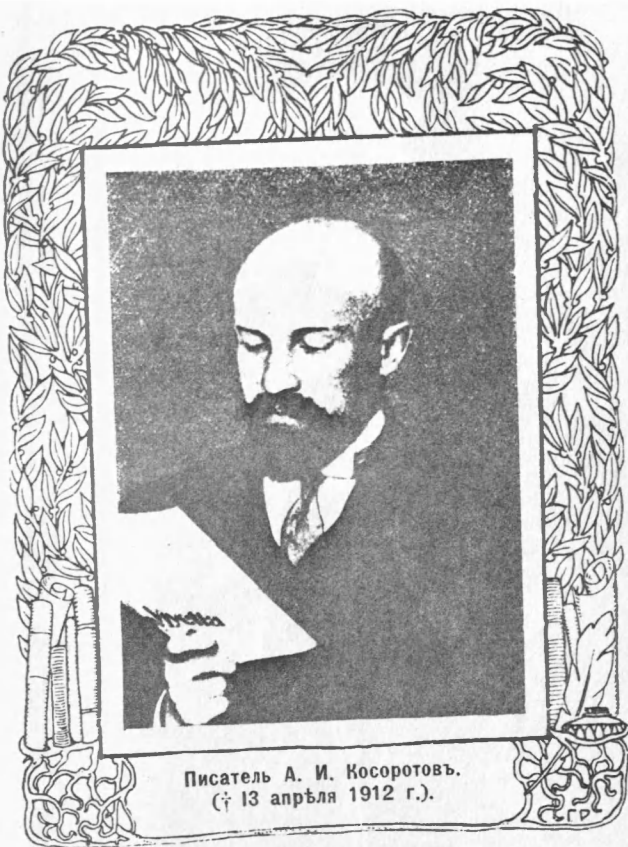
ВЕРА ПЕТРОВНА
ЛЕНИНОВА.

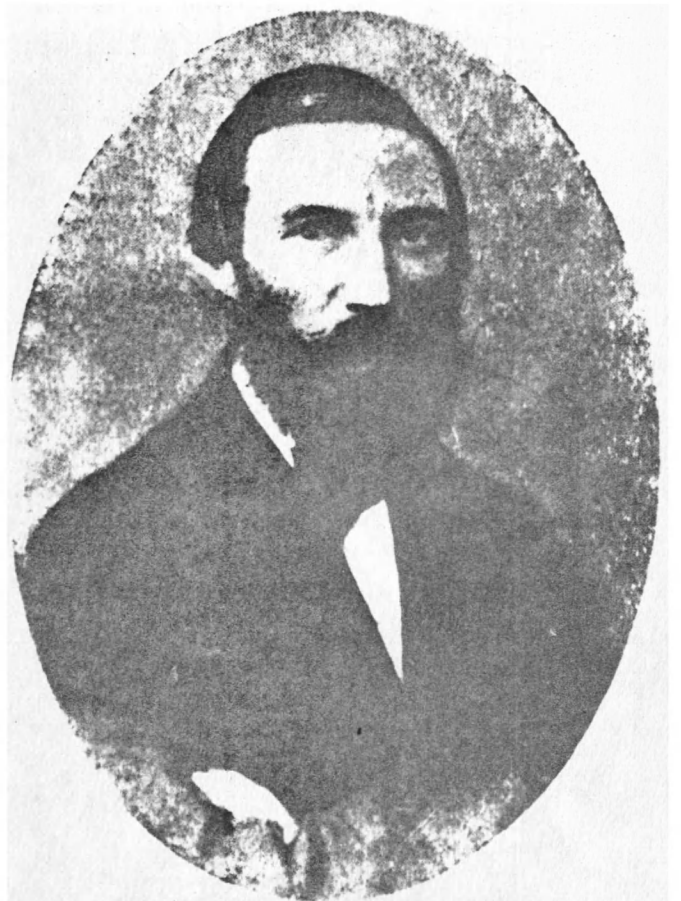
П . М . А В Р А М О В .

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
КРАСНОВ

Писатель А. И. Косоротовъ.
(† 13 апрѣля 1912 г.).

М. В. Авдеев.

СЕРГІЙ САВИЦЬКИЙ

Павел Сергеевич
ПОЛЯКОВ

ВЯЧЕСЛАВ СЕДОВ.

ИОСИФ ИГНАТЬЕВИЧ ЖЕЛЕЗНОВ

